

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ИДЕЙНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В
РАННЕЙ
ВИЗАНТИИ

В монографии анализируются труды византийских историков IV — VII вв. Главное внимание автор сосредоточивает на социально-политических основах мировоззрения писателей, прослеживая эволюцию их взглядов — философских, религиозных, этических. Книга основана на многочисленных латинских и греческих источниках, широко привлекается новейшая научная литература.

ВВЕДЕНИЕ

Первые столетия истории Византии были периодом, когда не только рушился старый рабовладельческий строй и пробивались ростки новых феодальных отношений. В это время также происходил мучительный и противоречивый процесс ломки старой рабовладельческой идеологии и рождения новой культуры будущего феодального общества.

Мучительным он был потому, что новая идеология рождалась в жестокой идейно-политической борьбе с идеями античного мира. Противоречивым — потому, что и уходящая античная цивилизация, и возникающая феодальная культура имели свои как положительные, так и отрицательные черты.

Ранневизантийский период, совпавший с началом этого процесса, охватывал три с половиной столетия: с IV до середины VII в.

В эту эпоху Византия выступает как прямая наследница Римской империи и претендует на положение мировой державы. Эти претензии во многом имели реальные основания. Экономическая жизнеспособность Византии, раскинувшей свои владения на трех континентах — в Европе, Азии и Африке, помогла ей не только отбить натиск варваров и сохранить самостоятельность, но и перейти в наступление против варварского мира.

В то время как на Западе Римская империя лежала в развалинах, Византия сумела, пусть временно, все же одержать победы над варварами.

Своеобразие общественного развития проявилось еще в ранний период. Оно сказалось в замедленном изживании рабовладения, в наличии сильного централизованного государства, в сохранении крупных городов и античной культуры.

Византия той эпохи поражала чужеземцев богатством и красотой своих городов. Особенно славились роскошью дворцов и храмов, блеском изысканной культуры Антиохия и Эдесса в Сирии, Александрия в Египте, Тир и Бейрут в Финикии, Никея, Эфес, Никомидия в Малой Азии, Фессалоника на Балканах. Центром античной философии и образованности оставались до VI в. Афины. Но первым среди этих городов был Новый Рим на берегах Босфора—столица империи Константинополь. Он жил напряженной политической и духовной жизнью, именно здесь кипели споры между православными и еретиками, разворачивалась полная драматизма борьба димов и цирковых партий, шло соперничество претендентов на императорский престол. Именно здесь создавались лучшие произведения искусства, писались знаменитые литературные и исторические сочинения, произносились речи прославленных ритором, читались стихи талантливых поэтов. Поистине это был город-Левиафан, господствующий над всей империей. По своему могуществу, великолепию и величию общественных зданий, элегантности культуры Константинополь с успехом мог соперничать с древним Римом.

В области государственного устройства в Византии были особенно устойчивыми традиции поздней Римской империи. Наивысшего расцвета государственная централизация достигла в ранней Византии. В то время Византия признавалась верховной повелительницей всей цивилизованной ойкумены. Идея всемирной монархии с центром в Константинополе жила не только в самой Византийской империи, но и имела распространение в варварских королевствах Запада.

Их правители, пусть номинально, все же признавали верховную власть константинопольского василевса.

В социальной структуре византийского общества изучаемой эпохи видное место принадлежало еще старой рабовладельческой аристократии, группировавшейся вокруг сената, и куриалам городов. И хотя сенаторская знать в эти столетия постепенно теряет свое бывшее экономическое и политическое преобладание, а курии приходят в упадок, они все еще оказывают значительное влияние на государственные дела и духовную жизнь империи. Однако динамика общественного развития Византии связана с возрастанием социально-политической роли в государстве высшего духовенства, столичной чиновной знати, крупных землевладельцев в провинциях.

В ранний период Византийская империя по уровню развития культуры далеко обгоняла многие государства Европы и Азии. В отличие от Западной Европы, где в результате варварских завоеваний наблюдался временный упадок культуры и образованности, Византия и тогда оставалась последним оплотом греко-римской цивилизации.

Как византийская государственность устояла под натиском варваров, так и византийская культура во многом сумела противостоять волне варварских влияний.

Становление византийской культуры происходило в противоречивых условиях, характерных для социально-политической и идейной жизни ранней Византии. Это было время складывания идеологии византийского общества, оформления всей системы христианского мирозерцания, утверждавшегося в острой идейной борьбе с религиозно-философскими, этическими и эстетическими воззрениями античного мира.

В первые столетия своей истории Византия была ареной ожесточенной идейно-политической борьбы. Сложные перипетии этой борьбы, а главное—ее социальные аспекты, — еще слабо изучены в византийствоведческой литературе. Разработка этой трудной проблемы во всей ее полноте и многообразии потребует еще значительных усилий ученых.

В данной книге мы ставим весьма скромную задачу: проследить, как отражалась идейно-политическая борьба в исторических сочинениях того времени. На первом этапе исследования мы ограничиваемся трудами византийских историков светского направления. Признавая в полной мере необходимость и важность анализа всех других направлений в истории византийской литературы и историографии: сочинений церковных историков и хронистов, риторических и поэтических произведений, эпистолографии, агиографии и т. п., мы считаем это направление одним из важнейших в историографии того времени, и в первую очередь потому, что оно полно, ярко и зачастую талантливо отразило свою эпоху. Научные интересы автора данной книги уже много лет связаны с исследованием именно светского течения в византийской историографии IV—середины VII в.

Мы не ставим задачей дать в книге всеобъемлющую характеристику всех произведений светских историков IV—середины VII в. Мы выделяем из них главные, отмеченные печатью ума и таланта, подобно тому, как в цепи гор человека всегда влекут вершины.

Автор приносит свою благодарность сотрудникам сектора истории Византии Института всеобщей истории АН СССР Л. Б. Миловой, Р. А. Наследовой, К. А. Осиповой, З. Г. Самодуровой, А. А. Чекаловой, Е. А. Юдиной за их помощь и поддержку в создании этой книги.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН —
ПОСЛЕДНИЙ РИМСКИЙ И ПЕРВЫЙ
РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК

Судьба исторического произведения одного из самых выдающихся историков IV в. Аммиана Марцеллина была переменчивой и противоречивой. При жизни, как кажется, авторское самодлюбие Аммиана было удовлетворено, и он испытал радость признания его «Истории» в кругах образованного языческого общества Рима. Посмертная же судьба сочинения Аммиана отмечена многими превратностями. В средние века оно надолго оказалось забыто. Да это и не мудрено: языческий характер труда, римский патриотизм, восхваление преданного церковниками проклятию языческого императора Юлиана Отступника — все это не могло imponировать средневековому читателю.

Второе рождение «Истории» Аммиана Марцеллина произошло в эпоху Ренессанса. Гуманисты не только вновь открыли сочинение Аммиана, но и по достоинству оценили его. Однако увлечение Аммианом было сравнительно недолгим. В последующие столетия интерес к нему ослабел — Аммиана затмили великие историки античности, и он долго оставался в тени прославленных предшественников — Тита Ливия, Тацита, Полибия, Диона Кассия. И хотя в XVII в. началось научное изучение исторического труда Аммиана, ученые относились к нему с некоторым пренебрежением.

В эпоху, когда, преклоняясь перед античными писателями, исследователи ценили подчас больше чистоту речи и изысканность стиля, чем правдивость и простоту изложения, Аммиан, естественно, не привлекал должного внимания. Тем, кто в повествовании историка выше ставил искусство (*ars*), а не дело (*res*), Аммиан казался довольно бледным и непривлекательным. Долгое время считали, что он всего лишь дурно подражает античным образцам. Объяснялось это тяжеловесным стилем и порою довольно грубым (*durus et asper*) языком историка, написавшего свое произведение на неродной для него латыни. Изучение Аммиана во многом затруднялось и ввиду плохой рукописной традиции его сочинения.

Интерес к историческому труду Аммиана возродился в 20-е годы XX в. Большая заслуга в этом принадлежит прежде всего

немецкому ученому В. Энслину¹, а позднее английскому исследователю Е. А. Томпсону². Они помогли раз и навсегда покончить с предвзятым отношением к Аммиану Марцеллину и доказали, что он занимает выдающееся место среди историков позднеримского времени. Если прежде большинство исследователей видело в «Истории» Аммиана лишь пеструю мозаику из произведений античных авторов и пыталось как бы разложить ее на составные части, то эти ученые полностью реабилитировали Аммиана, показав, что он вполне самобытный и оригинальный автор, а его труд является целостным и правдивым памятником эпохи. Другие исследователи открыли в Аммиане не только умного и объективного историка, но и крупного писателя, обладавшего незаурядным даром художественного отображения действительности. Это дало право немецкому ученому Э. Штейну заявить, что Аммиан — самый великий литературный талант между Тацитом и Данте³.

Но поистине необычайное внимание к труду Аммиана наблюдается в самое последнее время во многих странах мира, и прежде всего в ФРГ, Франции, Италии, Англии, США⁴. Велик интерес к Аммиану и в социалистических странах, особенно в ГДР, Чехословакии и Советском Союзе. За последние годы появилась огромная литература, в которой переоценивается труд этого историка, переосмысливается его мировоззрение, уточняется его подлинное место среди других писателей поздней Римской империи. Во многом все это объясняется общим повышением научного интереса к сложному и напряженному периоду падения античного мира и рождения средневекового общества. Прежнее пристрастие к классической античности, которую воспринимали как прекрасную и гармоничную, сменилось усиленным вниманием к переходным, дисгармоничным, бурным эпохам. В истории культуры это сказывается в любовании суровой архаикой или в увлечении психологизмом и напряженностью эллинистического искусства, в истории — в возрастании интереса к полным драматизма событиям позднеримского времени.

¹ *W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Leipzig, 1923.*

² *E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947. Ср. J. W. Maskail. The Last Great Roman Historian. — «Classical Studies», IX, 1924, p. 159—187.*

³ *E. Stein. Geschichte des spätromischen Reiches, I. Bd. Wien, 1928, p. 33.*

⁴ *А. П. Каждан. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе. — ВДИ, 1972, № 1, стр. 223—232; S. Jannaccone. Ammiano Marcellino, Profilo storico-critico. Napoli, 1961; A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammianus. Bonn, 1965; K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg, 1968; H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Roman Empire. Princeton, 1967; J. Fontaine. Ammien Marcelin, historien romantique. — «Bulletin de l'Association G. Budé. Lettres d'Humanité», 28, 1969.*

В процессе переоценки самого Аммиана наблюдается коренная ломка старых представлений: налицо переход от равнодушия или даже третирования к полному признанию и восхвалению⁵. Современных исследователей в Аммиане привлекает суровая простота, правдивость и прямота суждений. Все большее признание в науке получает достоверность Аммиана, обусловленная его знанием не только литературной традиции, но в первую очередь реальной жизни. На первый план выдвигаются беспристрастие историка, его религиозная терпимость, жизненный опыт, умноженный на широкую образованность, высокая оценка им самим образования и науки. Из нравственных качеств историка особенно импонирует ученым его ненависть к несправедливости и любовь к правде, его бесстрашие в критике пороков современного ему разлагающегося римского общества. Ныне все большее число сторонников завоевывает мнение, что Аммиан Марцеллин для своей эпохи — явление исключительное и не имеющее себе равных.

Жизненный путь писателя и его исторический труд

Аммиан Марцеллин родился в столице Сирии — Антиохии. На всю жизнь он сохранил нежную привязанность к родному городу, веселому и шумному, раскинувшему свои великолепные дворцы и парки по берегам Оронта. Недаром писатель с восхищением называет Антиохию «изящным венцом Востока»⁶.

В бытность Аммиана в Антиохии она была цветущим городом, резиденцией императоров, центром многоликой культуры, сочетавшей греко-римские и восточные черты. Навсегда запомнил писатель особую духовную атмосферу сирийской столицы, где, по его словам, «столь сильны были прельщения страстей»⁷. Ученые споры софистов смеялись здесь мистическими мистериями в честь возлюбленного Венеры Адониса⁸, а строгие богослужения христиан — буйными ристаниями на ипподроме, где царил смелый, остроумный, а порою грозный антиохийский плебс, осыпавший ядовитыми насмешками всемогущих императоров⁹.

⁵ Обзоры литературы об Аммиане: *G. B. Pighi. Studia Ammiana. Milano, 1935; idem. Nuovi studi Ammiani. Milano, 1936; G. di Spigno. Limiti e pregi della storiografia di Ammiano Marcellino. — «Atti dell'Accademia Nazion. dei Lincei. Rendiconti scienz., moral., stor. e filolog.», V, 1950, p. 387 sq.; idem. Aspetti e problemi della storia degli studi Ammiani. — «Helikon», 3, 1969, p. 524—534.*

⁶ *Ammiani Marcellini rerum gestarum. v. I. Berolini, 1910; v. II. Berolini, 1915 (далее — *Amm. Marc. Hist.*)*, 22, 9.14.

⁷ *Ibid.*, 22, 10.1.

⁸ *Ibid.*, 22, 9.14—15.

⁹ *Ibid.*, 22, 11.3.

Сирийский грек, Аммиан бережно хранил не только любовь к родному городу, но и к греческой культуре. Он принадлежал к кругам языческой греческой интеллигенции Востока. Отец Аммиана не блистал среди первых сановников Антиохии, но все же семья была уважаемой и достаточно состоятельной, чтобы воспитать сына в лучших традициях античной образованности. Благородное происхождение Аммиана подтверждается фактом его зачисления еще юношей в императорскую гвардию в офицерском чине *protectores domestici*, а этой привилегией, как известно, пользовались лишь выходцы из знатных семей¹⁰. Да и сам писатель, вспоминая о невзгодах своей военной жизни, в частности о бегстве в 359 г. из захваченной персами Амиды, подчеркивал, что он, как свободнорожденный и благородный человек, не привык переносить лишения наравне с простыми солдатами¹¹.

Военную карьеру Аммиан начал в 353 г., когда император Констанций II (337—361) прикомандировал его к свите магистра конницы Востока Урзицина. В то время Аммиану, по-видимому, было около 20 лет, ибо, по его словам, он являлся одним из самых молодых офицеров из окружения прославленного полководца. Таким образом, можно установить дату рождения историка: скорее всего, он родился около 333 г.¹²

Аммиан Марцеллин прожил долгую и яркую жизнь, полную радостей и печалей, успехов и неудач. Как по внешней канве событий, так и по внутренней эмоциональной окрашенности она распадается как бы на два больших периода. Первый — период активной деятельности, насыщенной борьбой и опасностями. Это — жизнь воина римской армии. Вторая половина жизненного пути — период созерцательный, творческий. Он беден внешними событиями, но богат напряженной работой ума и сердца, нравственным совершенствованием, размышлениями над судьбами Римского государства и народа. Это — жизнь писателя, ученого-историка. Первый период хронологически совпадает с молодостью Аммиана, второй — с его зрелыми годами. Оба периода, хоть и с различной степенью полноты, нашли отражение в историческом сочинении Марцеллина.

Историк довольно много и охотно рассказывает о военных годах. В то время судьба молодого офицера римской армии была теснейшим образом связана с двумя знаменитыми в ту пору полководцами — магистром конницы Востока Урзицином и императором Юлианом. Недаром среди положительных героев, наделенных всеми древнеримскими добродетелями, первое место

¹⁰ *Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte. Bd. 1. Einführung von W. Seyfarth. Berlin, 1968 (далее — *W. Seyfarth*. Einführung), S. 16; самое детальное рассмотрение биографии Аммиана Марцеллина содержится в книге: *J. Gimazane*. Ammien Marcelline. Sa vie et oeuvre. Toulouse, 1889.

¹¹ *Amm. Marc.*, Hist., 19, 8.6.

¹² *Ibid.*, 16, 10, 21.

в труде Аммиана занимает Юлиан, а второе отводится Урзицину¹³.

Урзицин, земляк Аммиана, владевший домом в Антиохии, благоволил к своему подчиненному и доверял ему ответственные поручения. За это молодой офицер платил ему безусловной преданностью и сохранял верность патрону, несмотря на неожиданные и драматические повороты судьбы полководца. Писатель воздал Урзицину дань уважения и восхищения, изобразив его как великого мужа, храброго воина и опытного полководца, который всю жизнь служил своим оружием Римскому государству¹⁴. Но и этот стойкий духом человек отнюдь не был лишен слабостей, о чем Аммиан не счел возможным умолчать.

В 353 г. штаб-квартира магистра конницы находилась в Месопотамии, в Нисибисе; в 354 г., когда началась борьба за власть между императором Констанцием и его родственником, возможным претендентом на престол Цезарем Галлом, Урзицин был отозван из Нисибиса в Антиохию. Здесь при нем мы встречаем Аммиана¹⁵. Вопреки своей воле Урзицин должен был принять участие в процессах об оскорблении величества, возбужденных против многих граждан. При всем преклонении перед Урзицином наш историк признает, что в этих событиях почтенный полководец играл жалкую и двусмысленную роль: желая сохранить верность императору, он доносил о злодеяниях Галла, трепеща перед узурпатором Галлом, он служил ширмой, прикрывавшей его произвол¹⁶. В свите Урзицина Аммиан пережил события, связанные с падением и казнью Цезаря Галла, и описал их как лицо хорошо осведомленное, находившееся в гуще политической борьбы¹⁷.

Малодушное поведение не спасло Урзицина от ядовитого жала клеветы придворных льстецов. После казни Галла они внушили подозрительному и пугливому Констанцию, что популярный на Востоке полководец хочет посягнуть на верховную власть¹⁸. Клеветы императора, особенно евнухи, твердили, что Восток забыл Констанция и помнит Урзицина¹⁹. Почувствовав в лице Урзицина опасного соперника, император отныне ведет с ним двойную игру. Втайне готовя его гибель, он в трудные для империи моменты использует авторитет сподвижника императора Константина для выполнения самых опасных поручений.

---

¹³ Об Урзицине см. *E. Frézouls. La mission du magister equitum Ursicin en Gaule (355—357) d'après Ammien Marcellin.*— «Hommages à A. Gré nier». Berhem—Bruxelles, 1962, p. 673—688.

¹⁴ *Amm. Marc.*, Hist., 14, 9. 1.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibid.*, 14, 9. 1—7.

¹⁷ *Ibid.*, 14, 11.1—34.

¹⁸ *Ibid.*, 14, 11.2—3.

¹⁹ *Ibid.*, 14, 11.2—5.

Так, отозвав его с Востока с целью предания суду в Медиолан ²⁰, где в то время находилась императорская резиденция, он вскоре отправляет Урзицина на Рейн, в римскую колонию Агриппину (Кёльн), для подавления грозного восстания узурпатора франка Сильвана ²¹.

Когда Урзицин, прикинувшись другом мятежников и подкупив солдат Сильвана, вероломно убивает вождя восстания, завистливый император не спешит награждать победителя, а поручает ему еще более тяжелую миссию. Он должен остаться в Галлии и помогать вновь назначенному туда наместником молодому, неопытному Цезарю Юлиану в изнурительных войнах с опустошавшими эту провинцию варварскими племенами франков и алеманнов ²².

В этих трудных походах магистра конницы всюду сопровождает преданный Аммиан. Рассказ историка о подавлении восстания Сильвана чрезвычайно жив и занимателен. Он ведется от первого лица, автор выступает здесь не только как очевидец, но как активный участник всего происходящего. Как близкий помощник командующего Аммиан участвует в тайных совещаниях у своего патрона и в выработке плана захвата вождя мятежников ²³. После убийства Сильвана и умиротворения оставших Аммиан рассчитывает на императорские награды, и обделенный вместе с полководцем, не скрывает недовольства ²⁴.

Не менее красочен и полон жизненных деталей его рассказ о войнах Юлиана в Галлии. Именно здесь состоялось первое знакомство нашего историка с будущим императором Юлианом — одним из самых выдающихся людей того времени. Эта встреча оставила глубокий след в душе писателя. Воздействие религиозно-философских и политических воззрений Юлиана, обаяние его незаурядной личности постоянно ощущается в ходе повествования Аммиана. Состоялось ли личное знакомство между прославленным полководцем и его панегиристом, сказать трудно. Если бы оно состоялось, думается, Аммиан не преминул бы о нем упомянуть. Скорее всего, трудно преодолеваемая грань сословных различий отделяла Цезаря, а затем императора от офицера его армии. Тем не менее именно деяния этого «идеального» правителя находятся в центре повествования в первой части труда Аммиана и составляют, бесспорно, его лучшие страницы. С восхищением повествует автор о победе Цезаря Юлиана в 357 г. в битве при Аргенторате (Страсбург), где он в полной мере проявил свое полководческое дарование и наголову разбил варваров ²⁵. Высокой похвалы Аммиана заслуживает и экономическая

²⁰ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 11.5.

²¹ *Ibid.*, 15, 5.20.

²² *Ibid.*, 15; 5.15—37.

²³ *Ibid.*, 15, 5.24—34.

²⁴ *Ibid.*, 15, 5, 36.

²⁵ *Ibid.*, 16, 12.1—68.

политика Юлиана в Галлии, где Цезарь снизил подати с населения и ограничил произвол местных властей ²⁶.

Летом 357 г. новая опасность угрожает границам империи, на этот раз с Востока, со стороны Персидской державы. Констанций II отдает приказ Урзицину покинуть Италию ²⁷ и срочно прибыть в Сирмию (в Паннонии), где в то время находилась императорская ставка. Из Сирмии магистр конницы и его свита отправляются на Восток для подготовки войны против персидского шаха Шапура II (310—379) ²⁸.

Между тем враги Урзицина из придворной клики продолжали, как «ядовитые ехидны», плести интриги и убедили недоверчивого императора заменить его на посту магистра конницы бездарным и малодушным Себастианом. Об этом сопернике своего патрона Аммиан говорит с нескрываемым презрением и насмешкой: новый командующий был чванлив, бездеятелен, труслив: «он едва ли без страха способен был перенести веселый шум пирушки, не говоря уже о шуме битвы» ²⁹. Ничего не подозревавший Урзицин был внезапно отозван из Самосаты (в Месопотамии) в Италию. Известие об отзывании популярного полководца вызвало, по сообщению Аммиана, серьезные волнения в восточных провинциях ³⁰. Урзицин немедленно двинулся в Италию. Доехав только до реки Гебра во Фракии, он получил новый приказ от императора — возвратиться в Месопотамию и вести войну с персами, но уже без полномочий верховного командующего, переданных Себастиану. Половинчатое решение императора, вызванное тяжелой ситуацией на Востоке, таило в себе, как утверждает Аммиан, коварный замысел: если персы будут изгнаны из пределов империи, все лавры достанутся новому магистру конницы, если же римские войска будут разбиты, вину за поражение можно будет свалить на Урзицина ³¹.

После этой «бестолковой гоньбы», потеряв много времени, пишет с раздражением Аммиан, возвратились мы назад в Месопотамию, в Нисибис, где деятельно начали готовиться к обороне против персов ³².

Дальнейший рассказ о войне империи с Шапуром II настолько красочен и увлекателен, что дает право В. Зейфарту срав-

²⁶ Ibid., 17, 3.1—6.

²⁷ Ibid., 15, 10.21. При отъезде из Италии, как пишет Аммиан, «старшие из моих товарищей получили повышение и были назначены на офицерские места в армии; а нам, младшим, было приказано следовать за Урзицином для исполнения служебных поручений, какие он на нас возложит».

²⁸ Ibid., 16, 10, 21. См.: G. Pugliese Carratelli. La Persia dei Sasanidi nella storiografia romana da Ammiano a Procopio.— «Atti del Congresso internazionale sul tema: La Persia nel Medioevo». Roma, 1971, p. 579—663.

²⁹ *Amm. Marc., Hist.*, 18, 6.7. ср. 18, 5.5.

³⁰ Ibid., 18, 6.1—3.

³¹ Ibid., 18, 6.6.

³² Ibid., 18, 6.7—8.

нить его со сказками «Тысячи и одной ночи»³³. Авантюренность рассказа Аммиана, впрочем, объясняется не его отступлениями от истины, а скорее реальным драматизмом событий. К чести писателя, в его повествовании не заметно хвастовства и приукрашивания личных заслуг; более того, он с подкупающей откровенностью рассказывает о страхе, какого он натерпелся, чуть не попав в плен к врагам³⁴. Тяжелая обстановка, сложившаяся на восточной границе, заставила Урзицина отправиться в Амиду (Малая Армения), находившуюся недалеко от переправы через Тигр. Отсюда Аммиан по приказанию Урзицина был послан римским эмиссаром во владения персов. Ему было поручено уточнить силы врага, готовившегося к вторжению в империю. При помощи сатрапа одной из областей, тайного союзника Рима, Аммиан получил возможность с вершины высокой горы лично наблюдать за переправой несметной армии персов и их сателлитов — хионитов и албанов³⁵.

Миссия Аммиана была дерзким и крайне опасным предприятием. Молодой офицер достойно справился с поручением и вовремя предупредил римское командование о надвигающейся опасности. Это помогло сельскому населению Месопотамии укрыться в городах, а римской армии сжечь хлеб и траву, чтобы лишить врага провианта и фуража³⁶.

Вскоре Аммиан пережил еще более страшные испытания. По дороге из Амиды в Самосату отряд Урзицина, где находился и наш историк, попал в ловушку и был разбит врагом. Урзицин с горсткой солдат ускакал в Самосату, а Аммиан, помогая своему раненому другу Вериниану, отбилсЯ от командира и принужден был искать убежища в Амиде³⁷. Злосчастная случайность, заставившая Аммиана пережить осаду и взятие Амиды персами в 359 г., послужила на пользу его историческому труду. Полная трагизма картина осады Амиды, написанная пером очевидца, наряду с персидским походом Юлиана бесспорно принадлежит к самым сильным, эмоционально насыщенным и правдивым страницам «Истории».

Такие сцены, как битва над убитым сыном царя хионитов, страшное горе его отца, а также сцена похорон прекрасного юноши по обряду варваров достигают поистине эпической силы³⁸. Впечатляющи и жизненны фигуры персидского шаха, варварских царей, их свиты и воинов, которых автор наблюдал на близком расстоянии со стен осажденного города³⁹. Примечательна активная роль, которую играл сам Аммиан в ру-

³³ *W. Seyfarth. Einführung, S. 19.*

³⁴ *Ann. Marc., Hist., 18, 6.10—13.*

³⁵ *Ibid., 18, 6.20—23.*

³⁶ *Ibid., 18, 7.1—4.*

³⁷ *Ibid., 18, 8.7—14.*

³⁸ *Ibid., 19, 1.10—11.*

³⁹ *Ibid., 19, 2.1—3.*

ководстве обороной Амиды. Деятельное участие в защите города характеризует Аммиана как храброго воина и опытного военачальника.

Между тем все попытки Урзицина помочь осажденной Амиде терпели неудачу из-за бездеятельности Себастиана. «Он [Урзицин], — пишет историк, — был похож на льва, утравившего своей громадной величиной и дикой силой, который не отважился вызволить из опасности своих попавших в сети детенышей, потому что у него вырвали когти и зубы»⁴⁰. Бедствия осажденных были невыносимы, в городе начались голод и чума, и силы его защитников таяли⁴¹.

Пережив все ужасы осады, Аммиан после захвата Амиды персами с великим трудом, ежечасно рискуя попасть в руки врага, бежал с двумя другими воинами из города. Во время бегства ему пришлось особенно трудно, ибо он изнемогал от непривычной изнурительной ходьбы⁴². Беглецам удалось прибыть в Мелитицу, в Малой Армении, и присоединиться к отряду Урзицина, а затем вместе с ним благополучно возвратиться в Антиохию⁴³.

Падение Амиды роковым образом отразилось на судьбе Урзицина. В 360 г. его вызвали в Константинополь к императору, где ему пришлось держать ответ за сдачу города, хотя основным виновником был Себастиан. Оклеветанный и оскорбленный Урзицин по приказу императора ушел в отставку⁴⁴.

Отставка Урзицина ознаменовала начало конца военной карьеры его приближенного Аммиана. Он не последовал за своим патроном в Константинополь, а остался в Антиохии. В дальнейшем сообщения биографического характера становятся в труде Аммиана все более лапидарными. Мы узнаем только, что, когда император Юлиан в 363 г. начал поход против персов, наш историк принял участие в этом походе. В каком чине он служил в армии Юлиана, не совсем ясно. Очевидно только одно — Аммиан не принадлежал к ближайшему окружению императора. Тем не менее рассказ Аммиана о походе Юлиана на Ктесифон по своей достоверности и обилию сведений не имеет себе равного в исторической литературе. Поражает и художественная сила изображения похода: повествование о битвах и осадах сменяется зримыми, срисованными с натуры картинами природы, описание образа жизни и мужественного поведения императора перемежается изображением походного быта солдат и их настроений. Всюду ощущается неподдельная искренность и взволнованность автора. Эмоциональный накал достигает своей кульминации в суровой и полной драматизма сцене смерти Юлиана, которая, на наш

⁴⁰ Ibid., 19, 3.3.

⁴¹ Ibid., 19, 4.1—8; 5.1—7; 6.1—13; 7.1—8; 8.1—4.

⁴² Ibid., 19, 8—6.

⁴³ Ibid., 19, 8—12.

⁴⁴ Ibid., 20, 2.5.

взгляд, является вершиной творчества Марцеллина. Потом наступает как бы спад. О разгроме римской армии и позорном отступлении Иовиана автор сообщает скороговоркой, нехотя, что явно отражает мучительные переживания человека, познавшего всю горечь поражения. Аммиан искренне любил императора Юлиана, гордился его победами, и немудрено поэтому, что гибель Юлиана не только означала окончательный крах военной карьеры Марцеллина, но и явилась для него большим личным горем.

После смерти любимого полководца Аммиан возвращается в Антиохию и живет там как частное лицо⁴⁵. Мы мало знаем о том, как протекала его жизнь на родине. Известно только, что он стал свидетелем жестоких политических процессов, обрушившихся на антиохийскую знать и куриалов в 370—371 гг.⁴⁶ Он оставался в родном городе еще в 378 г., когда император Валент вел войну с готами.

В эти годы Аммиан много путешествует. Обостренная любознательность и жажда новых знаний влекли его во многие города и области империи. Он совершил увлекательное путешествие в Египет и позднее с блеском описал его природу, людей, предания и памятники старины⁴⁷. Любовь к античной культуре, всегда жившая в его душе, определила тягу историка к Греции. Известно, что в 366 г. он посетил Метону, в южной части Мессении, Афины и другие города Эллады⁴⁸.

Во время своих путешествий Аммиан, видимо, уже начал собирать всевозможные сведения, которые послужили затем материалом для его исторического сочинения. Так, он специально поехал во Фракию и осмотрел поле битвы при Адрианополе, где готы и восставшие местные жители разгромили в 378 г. войска Валента (364—378)⁴⁹. Здесь он видел кости павших воинов, тела которых были расклеваны птицами. Подражая Вергилию, он с грустью пишет о белеющих костями полях Фракии⁵⁰.

На этом обрываются сведения о первом периоде жизни Аммиана. Он сам как бы опускает занавес над поздними годами своей жизни. Известно только, что он покидает Восток и навсегда переселяется в Рим. Начинается новый этап, на этот раз связанный с Западом.

Оценивая первый период, мы можем прийти к заключению, что это были, пожалуй, самые тревожные, но во многом и самые счастливые дни его жизни. Они наполнены опасными походами, воинскими трудами, увлекательными приключениями, яркими переживаниями. Как воин римской армии Аммиан прошел труд-

⁴⁵ *Amm. Marc.*, Hist., 25, 10.1.

⁴⁶ *Ibid.*, 29, 1.24; 29, 2.4, 15.

⁴⁷ *Ibid.*, 17, 4.6; 22, 15.1—32; 22, 16.17.

⁴⁸ *Ibid.*, 26, 10.19.

⁴⁹ *Ibid.*, 31, 7.16.

⁵⁰ *W. Seyfarth.* Einführung, S. 20.

ный боевой путь от берегов Рейна до долин Тигра и Евфрата. Эти годы молодости в магическом кристалле его воспоминаний позднее окутались романтической дымкой. Но именно они принесли будущему историку не только военный опыт, но и знание жизни, знакомство с политическими коллизиями своего времени. Именно тогда сложились политические симпатии и антипатии автора: его любовь к Юлиану и Урзицину, ненависть к Констанцию и его клике.

Одновременно это был период формирования личности писателя. В ту пору закалился его характер, определились этические воззрения, сложились нравственные устои: его прямота, правдивость, бесстрашие, чистосердечность, верность долгу и друзьям. Иными словами, во многом был заложен фундамент того, что впоследствии станет отличительной чертой духовного облика Аммиана как писателя, найдет воплощение в его труде.

Римский период жизни Аммиана весьма скупо освещен в его сочинении. Историк с неохотой и очень редко говорит о своем пребывании в Риме. Лишь отдельные туманные намеки, вскользь приведенные факты, дают понять, что в «вечном городе» писателя ожидали не только литературные успехи, но и горькие унижения⁵¹.

Мы не знаем ни того, по каким причинам Аммиан перебрался на Запад, ни даже того, когда точно это произошло. Скорее всего, переезд в Рим состоялся где-то на рубеже 80-х годов IV в. Во всяком случае, во время голода 383 г. Аммиан жил в Риме и по приказу властей вместе с другими иностранцами был изгнан из древней столицы империи. Он желчно, с большим раздражением пишет в «Истории» о пережитой им несправедливости. Он считает позором, что из Рима изгнали немногих представителей знания и науки и в то же время оставили там мимических актрис, танцовщиц, музыкантов и их прислужников⁵².

Чужеземец, даже высоко образованный и благородного происхождения, чувствовал себя весьма неуютно в высшем римском обществе. Чванливая, развращенная, пренебрегающая науками, разбогатевшая знать Рима не только не ценила ученых иностранцев, как в древние времена⁵³, а наоборот, с полным пренебрежением третировала их.

Горький личный опыт писателя зримо присутствует в жизненно правдивой сцене взаимоотношений просвещенного инозем-

⁵¹ Ibid., S. 21—23.

⁵² *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.19. Можно предположить, что отъезд Аммиана из Антиохии на Запад связан прежде всего с ухудшением его положения в родном городе. Не исключено, что Аммиан в какой-то мере сам пострадал во время процессов об оскорблении величества, которые проводились в Антиохии при императоре Валенте. Во всяком случае, он был свидетелем таких процессов и сетовал на конфискацию имущества у многих знатных граждан Антиохии. Не постигла ли его подобная судьба? (*Amm. Marc., Hist.*, 29, 12.1—22).

⁵³ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.21.

ца и зазнавшегося вельможи: «А теперь, если ты, как чужеземец благородного происхождения, явишься для утреннего приветствия к какому-нибудь богатому, а потому и зазнавшемуся человеку, то он примет тебя в первый раз с распростертыми объятиями, станет расспрашивать о том и сем, заставит тебя лгать ему. И ты удивишься, что человек такого высокого положения, которого ты никогда раньше не видел, оказывает тебе, человеку скромного состояния, столь изысканное внимание, что, пожалуй, и пожалеешь, что ради такой чести за десять лет раньше не прибыл в Рим». Но если чужестранец придет к вельможе на другой день, то его заставят долго ждать и не узнают. «Если ты, будучи, наконец, признан и принят в число друзей дома, будешь три года неизменно исполнять обязанность утреннего приветствия, а затем столько же времени окажешься в отсутствии и вернешься опять к прежним отношениям, тебя не спросят, где ты был и куда, несчастный, уезжал, и понапрасну будешь ты унижаться весь свой век, заискивая перед высокомерной дубиной»⁵⁴.

Самодовольная и погрязшая в пустых развлечениях римская знать обделяет чужезмцев при ежегодной раздаче денег и гнушается приглашать их на свои пиры. И даже если вельможа решится пригласить на пир иностранца, то и тогда человеку образованному и мыслящему, но в его глазах скучному и бесполезному он с радостью предпочтет циркового актера, игрока в кости или чернокнижника⁵⁵. «Вместо философа, — сетует Аммиан, — приглашают певца, и вместо ритора — шута»⁵⁶.

Если сказанное отражает реальное положение в римском обществе самого Аммиана, то надо полагать, что он в полной мере познал, сколь горек хлеб чужбины. Он был образован, но не богат, если нуждался в денежных раздачах знати; он был благородного происхождения, но не имел прочной защиты, если искал покровительства римских меценатов.

Главное утешение Аммиан находит в научных занятиях. Постоянные искания и литературное творчество заполняют годы, проведенные писателем в Риме. Для Аммиана это было время интенсивного накопления и расширения знаний. Если большую часть своей жизни Аммиан провел в греко-сирийской культурной среде, впитав сызмальства лучшие достижения греческой образованности, то теперь ему пришлось осваивать латинскую куль-

⁵⁴ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.13. Если допустить гипотезу, что в этом отрывке речь идет о самом Аммиане, то можно датировать его приезд в Рим 379—380 гг.; через три года, в 383 г., он был изгнан, а еще через три года вновь вернулся в «вечный город».

⁵⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.14—15. «Номенклаторы же, — продолжает историк, — обыкновенно продают эти и подобные приглашения и, взяв деньги, позволяют участвовать в раздачах и пирах проходивцам без рода-племени, пуская их со стороны» (*ibid.*, 14, 6.15); лишь в одном случае знатные римляне ухаживают за иностранцем: если он бездетен и они рассчитывают поживиться его наследством (*ibid.*, 16, 6.22).

⁵⁶ *Ibid.*, 14, 6.18.

туру, и прежде всего латинский язык. Даже если допустить, что и раньше он в какой-то мере владел латынью, то все же приходится восхищаться трудолюбием и одаренностью Аммиана. Ведь он настолько освоил латинский язык, что смог написать на нем свой исторический труд. И пусть латынь Аммиана порою груба и неуклюжа, а его стиль уступает изысканным образцам творений античных авторов, все же его историческое произведение, хотя и написанное на перодном для автора языке, захватывает силой выразительности, величием образов, подкупающей цельностью идейной и художественной позиции автора.

Старания Аммиана в конце концов были вознаграждены, и его историческое сочинение получило признание еще при жизни писателя. Об этом мы узнаем из письма к Аммиану знаменитого антиохийского ратора, современника и друга нашего историка — Ливания⁵⁷. В письме Ливаний рассказывает о том, как Аммиан читал для римской знати какую-то часть своей «Истории». Это произошло в 391 г. в кружке образованной сенаторской аристократии Рима, связанной с оппозиционными языческими кругами, во главе которого стояли знатные фамилии сенаторов Симмахов и Никомачов⁵⁸. Произведение Аммиана имело большой успех, и, поздравляя земляка с победой, Ливаний пишет: «Я счастлив, что ты обрел Рим, а Рим обрел тебя: я слышал, что Рим высоко оценил твой труд, вознаградил твои хлопоты... Это честь не только для тебя, но и для нас, кто об этом слышит»⁵⁹.

Успех книги Аммиана в кружке высшей языческой аристократии Рима объясняется тем, что общая идейная и политическая направленность исторического сочинения импонировала этой части римской сенаторской знати. Воспевание Рима и древнеримских добродетелей, идеализация языческого императора Юлиана и его деятельности, критика тех государей, против которых фрондировала языческая оппозиция, — все это не могло оставить равнодушными последних представителей старых римских аристократических родов⁶⁰. Однако сам Аммиан не был принят в высшее общество Рима, и как мы видели, отдельные вельможи обходились с ним весьма бесцеремонно⁶¹. Как сложилась дальнейшая судьба писателя, мы не знаем. Умер Аммиан где-то на рубеже V в., так, видимо, и не завершив свой исторический труд.

Таковы скудные сведения о римском периоде жизни Аммиана. Для него это были годы ухода от активной деятельности в мир творчества, время осмысления пройденного пути, и не только своего собственного, но и исторического пути Римского государ-

⁵⁷ G. Sievers. Das Leben des Libanius. Berlin. 1886.

⁵⁸ W. Seyfarth. Einführung, S. 21—23.

⁵⁹ Libanii Opera. Rec. R. Foerster. v. XI. Lipsiae, 1922, ep. 983, p. 115.

⁶⁰ W. Seyfarth. Einführung, S. 22.

⁶¹ Al. Cameron. The Roman Friends of Ammianus.— «Journal of Roman Studies», 54, 1964, p. 15—28.

ства и народа. Эти годы наполнены поисками и размышлениями. Он много думал о современности, чтобы понять прошлое, и о прошлом, чтобы постичь настоящее. В Риме Аммиан вел жизнь ученого, мыслителя, столь отличную от его прежней жизни солдата. В этот период окончательно сложилась та социально-политическая и нравственная позиция писателя, которая так явственно проявляется в его труде.

Завершая свое произведение, Аммиан в краткой и необычайно емкой формуле как бы подвел итог всей жизни. Он заявил, что написал сочинение, как «бывший солдат и грек» (*miles quondam et graecus*)⁶². В этой самохарактеристике писателя — ключ к пониманию его жизни и творчества. Первая часть формулы — «бывший солдат» — вмещает в себя военные годы и воинский опыт Аммиана. Аммиан не без гордости называет себя старым солдатом, ветераном римской армии. Он вкладывает в термин *miles* не только профессиональный смысл, но и совокупность нравственных представлений о римском воине, таких, как храбрость, стойкость, дисциплинированность, верность командирам⁶³. Второй части формулы — термину «грек» — дается также самое широкое толкование. Думается, что и здесь автор подчеркивает не только и не столько этническую принадлежность, сколько духовные корни своего творчества, уходящие в толщу греческой культуры и образованности, связанные с особенностями характера и психического склада греческого народа. И если в первой части самохарактеристики Аммиана содержится апелляция к снисходительности будущего читателя, стремление оправдать грубый «солдатский» стиль сочинения, то вторая ее часть подчеркивает неразрывную связь писателя с греческой исторической и литературной традицией⁶⁴. Более того, в ней отразилась двойственность личной судьбы историка. Аммиан — грек по рождению, воспитанию, образованию и духовному складу — писал свой исторический труд в Риме и для римлян. Переселившись в Италию, он проникся глубоким восхищением к «вечному городу», к величию его прошлого, красоте его памятников, блеску его древней культуры. И он воспел его как единственный во вселенной⁶⁵. Однако добровольный изгнанник все же чувствовал себя чужеземцем в огромном, порою неприветливом к нему городе. Познав горечь надменного пренебрежения знати и сладость похвал в адрес его творения, Аммиан до конца дней в глазах римлян и в своих собственных оставался все же греком.

Исторический труд Аммиана Марцеллина известен в науке под названием «*Res gestae*» — «Деяния», или «История». Он

⁶² *Amm. Marc., Hist.*, 31, 16.9.

⁶³ *H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian...*, p. 310—311.

⁶⁴ *J. Vogt. Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit. Mainz, 1963.*

⁶⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.3—6; 15, 10.13—17.

неоднократно издавался и в последнее время переводился на различные языки, что свидетельствует о его возрастающей популярности⁶⁶. Это произведение было задумано автором как продолжение знаменитого исторического сочинения Тацита и охватывало значительный промежуток времени от правления императора Нервы до конца IV в.⁶⁷

До наших дней, однако, сохранилось лишь 18 книг (кн. 14—31), посвященных событиям 353—378 гг. Первые 13 книг, охватывающие период с 96 до 352 г., утеряны⁶⁸.

Рукописная традиция сочинения Аммиана, как уже говорилось, бедна. «История» была открыта в Ватиканской библиотеке в середине XV в. знаменитым итальянским гуманистом Поджо Браччолини. Этот манускрипт, именуемый Фульдским, лег в основу всех изданий, а другие рукописи Аммиана оказались лишь его списками⁶⁹. Дополнением к Фульдской рукописи может служить, как ныне установлено, только Херсфельдский манускрипт IX в., содержащийся в так называемых Марбургских фрагментах⁷⁰. Он был открыт в XVI в. чешским гуманистом Сигизмундом Гелением (Грубым из Елены).

⁶⁶ Критическое издание Ч. Кларка было перепечатано в 1963 г. Тогда же впервые увидело свет выходявшее ранее издание Дж. Рольфа (*Ammianus Marcellinus*, by J. C. Rolfe. London, 1935). Из новых изданий следует указать издание А. Селема с итальянским переводом (*Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt, a cura di A. Selem. Torino, 1965*), Э. Галлетье и Ж. Фонтена с переводом на французский язык (*Ammien Marcellin. Histoire, éd. par E. Galletier avec la collaboration de J. Fontaine, t. I, libri XIV—XVI. Paris, 1968*) и новейшее издание В. Зейфарта с немецким переводом (*Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte, ed. von W. Seyfarth, Bd. 1—4, libri XIV—XXXI. Berlin, 1968—1971*).

⁶⁷ *Ann. Marc.*, Hist., 31, 9.16.

⁶⁸ *H. Michael. Die verlorenen Bücher des Ammianus Marcellinus. Breslau, 1830; L. Seep. Die verlorenen Bücher des Ammianus. — «Rheinisches Museum», 43, 1888.*

⁶⁹ Так, В. Зейфарт установил, что ватиканский манускрипт (Vat. Lat. 2959), переписанный в Риме в 1445 г., — не что иное, как список рукописи Фульдского монастыря (*W. Seyfarth. Der Codex Fuldensis und der Codex E des Ammianus Marcellinus. Berlin, 1962, S. 60; ср. P. Frassinetti. In margine ad Ammiano Marcellino. — «Atheneum», 44, 1966, p. 302*). Об изучении текста Аммиана см.: *E. L. B. Meurig-Davis. Notes sur le texte d'Ammien Marcellin. — «Revue des études latines», 28, 1950, p. 88—93; J. Češka. Di honore Juliani apud Ammianum Marcellinum, XV, 8, 10 prope spe-ra-o. — «Charisteria F. Novotny». Praha, 1962, p. 155—159.*

⁷⁰ Херсфельдский манускрипт IX в. был использован гуманистом Сигизмундом Гелением в его базельском издании «Истории» Аммиана 1533 г. Затем рукопись была утрачена, и лишь в 1875 г. обнаружили 6 ее листов в Марбургских фрагментах. В оценке этих фрагментов ученые разошлись. Ч. Кларк полагал, что Фульдская и Херсфельдская рукописи имеют общий архетип, Р. Робинсон доказал, что именно Херсфельдская рукопись послужила источником для Фульдской (*R. P. Robinson. The Herfeldensis and the Fuldensis of Ammianus Marcellinus. — «The University of Missouri Studies. A Quarterly of Research», 11, 1936, p. 118—140; H. Nissen. Ammiani Marcellini fragmenta marburgensia. Berlin, 1876. О рукописной традиции Аммиана и различных поправках к тексту «Истории» см.: *H. van**

Отдельные части обширного труда Аммиана, по-видимому, создавались в различное время⁷¹, но точная их датировка весьма затруднительна и породила оживленную дискуссию в науке. Предполагают, что текст сочинения, включающий XXV кн., был закончен Аммианом в 392 г.⁷², а все дошедшее до нас произведение написано между 394—395 гг.⁷³

Характерной особенностью труда Аммиана является то, что он создавался под двойным воздействием как греческой, так и латинской историко-культурной и литературной традиций. Для того времени Аммиан был своего рода энциклопедистом. Его двуязычие способствовало этому. Основой разносторонних знаний писателя оставалась греческая культура, на которую наслонялась римская образованность.

Выходец из такого центра древней культуры, как Антиохия, Аммиан с юных лет впитал культурные традиции эллинского, точнее — восточноримского мира в широком понимании этого слова. Аммиан превосходно знал греческую философию и литературу: он часто и охотно ссылается на Платона и Аристотеля, Демокрита и Гераклита, Эпикура и неоплатоников; он знает и любит Гомера и Демосфена, а из греческих историков использует Геродота и Полибия⁷⁴. В его труде прослеживается не только влияние Тацита, но и «Римской истории» Диона Кассия, написанной на греческом языке. Воздействие греческой цивилизации особенно отчетливо проявляется в естественнонаучных экскурсах Аммиана, которые, как он сам отмечает, почти целиком по-

---

Lercy. Ad Ammianum Marcellinum XXX, 9, 3. Notule de critique textuelle — «L'antiquité classique», 35, 1966, p. 210—212; L. Kerau, J. Ulmann. Sprachliche Beobachtungen zu einigen Ammian-Stellen.—«Klio», 48, 1967, S. 227—235; H. Gärtner. Zu Ammianus Marcellinus.—«Herмес», 97, 1969, S. 362—371. В новейших изданиях «Истории» Аммиана Марцеллина тщательно учитываются дополнения Херсфельдского манускрипта.

⁷¹ Это обстоятельство породило даже маловероятную гипотезу о том, что Аммиан якобы написал две различные книги (*H. T. Rowell. The First Mention of Rome in Ammianus' Extant Books and the Nature of the History.—«Mélanges J. Carcopino».* Paris, 1966, p. 839 f.).

⁷² *R. Syme. Ammianus and the Historia Augusta.* London, 1968; *A. Momigliano. Ammiano Marcellino e la Historia Augusta.—«Atti della Accademia delle Scienze di Torino. Classe di scienz., moral., stor. e filol.»*, 103, 1969.

⁷³ В известном смысле путеводной нитью для датировки последней части книги Аммиана может послужить справедливое соображение о том, что общая политическая направленность повествования автора не допускает написания этой части в период кратковременного правления языческого императора Евгения (май 392 г.—сентябрь 394 г.). Исходя из этого некоторые ученые датируют создание труда Аммиана временем после 394 г. (*E. A. Thompson. The Historical Work...*, p. 117; *W. Seyfarth. Einführung*, S. 26). В. Хартке относит окончание труда Аммиана к периоду между 392 и январем 395 г. (*W. Hartke. Römische Kinderkaiser.* Berlin, 1951, S. 65—68; ср. *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 148; *O. J. Maenchen-Helfen. The Date of Ammianus Marcellinus' Last Book.—«American Journal of Philology», 76, 1955, p. 384—399.*

⁷⁴ *Amm. Marc., Hist.*, 24, 2.16.

строены на достижениях греческих ученых — математиков, врачей, астрономов, и в первую очередь Птолемея⁷⁵. Он приводит в своей «Истории» греческие надписи, в том числе и стихотворные⁷⁶. Достоин удивления, однако, то, что Аммиан, воспитанный в духе греческой цивилизации, переехав на Запад и попав в новую для него культурную среду, смог влиться в эту среду и проникнуться ее традициями. Аммиан глубоко изучил многих римских авторов, влияние которых на его творчество неоспоримо⁷⁷.

Аммиан искренне восхищается блеском красноречия и силой ума Цицерона, могучим поэтическим талантом Вергилия, остроумием Плавта и Апулея. С уважением он относится к философии Лукреция Кара и Марка Аврелия, хотя предпочтение отдает все же Платону и Аристотелю. Но особенно заметно влияние на Аммиана римской исторической традиции: своими учителями он считает Тацита, Тита Ливия и Саллюстия. Не чуждается он историка военного искусства Вегеция и других римских авторов⁷⁸. Историко-философская концепция Аммиана, как мы увидим ниже, находится в прямой генетической связи со всей системой миросозерцания, созданной не только в греческом, но и в римском мире.

Однако Аммиан отнюдь не был банальным копиистом своих великих предшественников, как греческих, так и латинских авторов. В тех частях сочинения Аммиана, которые сохранились до наших дней, он предстает перед нами не как компилятор, а как мыслящий историк, глубоко озабоченный судьбами Римского государства, стремящийся, изучив труды предшественников, доб-

---

⁷⁵ *Ibid.*, 20, 3.11—12; 20, 6.1—7; 22, 9.5—7; 25, 2.5; 26, 1.13—14; 30, 4.3.

⁷⁶ *Ibid.*, 14, 11.16; 31, 1.1. Несомненно, есть большая доля истины в утверждениях тех ученых, которые полагают, что Аммиан был тесно связан не только — а быть может, и не столько — с римской, но и с греческой историко-культурной и литературной традицией. См. *K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 7 ff.; *H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian...*, p. 32 f.; *S. E. Barnard. A Historiographical Study of Ammianus Marcellinus.* — «Dissertation Abstracts», 27, 1967, p. 2511. A; *Ch. P. Th. Naudé. Ammianus Marcellinus in die lig van antieke geskiedskrywing.* Leiden, 1966.

⁷⁷ *B. C. Соколов. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии.* — ВДИ, 1959, № 4, стр. 43—62; *J. W. Maskell. The Last Great Roman Historian; F. Wehrli. Die Geschichtsschreibung im Lichte der antiken Theorie.* — «Eumusia», Festgabe für E. Howald. Erlenbach—Zürich, 1947, S. 55 ff.; *M. L. W. Laistner. The Greater Roman Historians.* — «Sather Classical Lectures», 21, 1947, p. 141 sq.; *H. Tränkle. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber.* — «Antike und Abendland», 1962, 11, S. 26—28.

⁷⁸ *H. Wirs. Ammianus Beziehungen zu seinen Vorbildern: Cicero, Sallustius, Livius, Tacitus.* — «Philologus», 36, 1877, S. 627—636; *L. Dautremet. Ammianus Marcellin, étude d'histoire littéraire.* Lille, 1889; *P. de Longe. Ammianus und Vegetius.* — «Studia latina P. J. Enk oblata». Leiden, 1955, p. 99—106; *H. Tränkle. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber.* S. 26 f.

росовестно осветить события своего времени⁷⁹. В утраченных частях «Истории», описывавших отдаленную эпоху, автор, наверное, в большей степени опирался на письменную традицию⁸⁰.

Примечательно, что можно установить наличие общих источников для Аммиана и таких ранневизантийских историков, близких по времени к Марцеллину и писавших на греческом языке, как Зосим и Евнапий⁸¹. Использование Аммианом письменных источников особенно ощущается в его экскурсах географического характера⁸². Привлекает Аммиан и некоторые документы, почерпнутые из государственных архивов⁸³. Не исключено, что он в какой-то степени заимствовал материалы и из «Жизнеописания Августов» («Historiae Augustae»), а также из бревиария Феста. Благожелательно упоминает Аммиан и римского историка Аврелия Виктора⁸⁴. Однако подлинной основой исторического повествования Аммиана служили его собственные жизненные наблюдения и рассказы очевидцев. Это ясно видно из слов самого историка: «Насколько я мог дознаться истины, я изложил в последовательности событий как то, что довелось мне видеть как современнику, так и то, о чем можно было узнать у непосредственных свидетелей путем тщательного опроса»⁸⁵.

⁷⁹ Античные источники Аммиана достаточно хорошо изучены в науке. В историографии первых десятилетий XX в. особо подчеркивалась зависимость Аммиана от античной традиции: *O. Seek. Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus.* — «Hermes», 41, 1906; *W. Klein. Studien zu Ammianus Marcellinus.* Leipzig, 1914; *A. Klotz. Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Perserfeldzug.* — «Rheinisches Museum», 71, 1916.

⁸⁰ *H. Finke. Ammianus Marcellinus und seine Quelle zur Geschichte der römischen Republik.* Heidelberg, 1904; *W. Sontheimer. Der Excurs über Gallien bei Ammianus Marcellinus* (XV, 9, 12). — «Klio», 20, 1926, S. 19—53; *M. Büdinger. Ammianus Marcellinus und die Eigenart seines Geschichtswerkes.* — «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften». Wien, Phil.-hist. Klasse, 44, 5, 1899, S. 28 f.

⁸¹ Некоторые авторы выдвигают гипотезу о существовании общего источника для трудов Аммиана и Зосима (*M. F. A. Brok. Der perzische expedition van keizer Julianus volgens Ammianus Marcellinus.* Groningen, 1959, p. 17; *A. F. Norman: Magnus in Ammianus, Eunapius and Zosimus: New Evidence.* — «Classical Quarterly», N.S., 7, 1957, p. 129—133. Другие находят общий источник не только для Аммиана и Зосима, но и для Аммиана и Евнапия. Кроме указанной работы А. Нормана, см.: *W. R. Chalmers. Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian Expedition.* — «Classical Quarterly», N.S., 10, 1960, p. 157—159. Против этого выступил А. Кэмерон. *Al. Cameron. An Alleged Fragment of Eunapius.* — «Classical Quarterly», N.S., 13, 1963, p. 232—236.

⁸² *I. Gualandri. Fonti geografiche di Ammiano Marcellino XXII, 8.* — «La parola del passato», 23, 1968, № 120, p. 199—211.

⁸³ Например, он приводит выдержки из протоколов судебных заседаний.

⁸⁴ *Amm. Marc., Hist., 21, 10.6; W. Seifarth. Einführung,* S. 29—33.

⁸⁵ *Amm. Marc., Hist., 15, 1.1.* Об использовании Аммианом устной традиции см.: *E. A. Thompson. The Historical Work...*, p. 20—41; *A. Selem. L'assedio di Aquileia del 361 in Ammiano Marcellino.* — «Atti dell'Accademia di scienze, lettere e arti di Udine», ser. 7a, t. 5, 1963—1965; *Ch. P. T. Naudé. Battles and sieges in Ammianus Marcellinus.* — «Acta classica», I, 1958, p. 92—105.

Личный опыт и наличие устной традиции придают не только живость, но и достоверность повествованию Аммиана. Большинство известных «Истории» выдерживает проверку данными других источников⁸⁶. Даже самые суровые критики, а их у Аммиана было немало, принуждены признать достоверность фактов, приведенных в его труде. Хотя, естественно, социально-политические взгляды автора, его общая историко-философская концепция, а порою его художественная манера могли привести и действительно приводили к особой, не совпадающей со взглядами других авторов интерпретации исторических событий.

Итак, на наш взгляд, Аммиан Марцеллин в своем историческом произведении, во многом продолжая греческие культурные традиции, сочетал их с латинской образованностью, систему философско-религиозных воззрений греков соединял с этическими и литературно-эстетическими представлениями римских писателей. И этот синтез двух культур, греческой и римской, бесспорно, наложил отпечаток как на само историческое сочинение, так и на мировоззрение его автора.

Мировоззрение и философские взгляды

Аммиан был приверженцем античного мирозерцания. Он очень высоко ставил античную философию и достаточно хорошо знал труды философов различных школ и направлений. Так, восхищаясь учением Платона и неоплатоников, он упоминает Аристотеля и Эпикура, а также философов-материалистов — Гераклита Эфесского и Демокрита⁸⁷. Знаком он и с атомистикой Лукреция Кара⁸⁸ и с похвалой отзывается о занятиях натурфилософией и естественными науками⁸⁹. Он зачитывается не только речами, но и философскими произведениями Цицерона.

Колыбель научной мысли и античной образованности для Аммиана — восточные области империи. Александрию он считал чуть ли не единственным центром, где процветали науки, в то время как в западной части империи и философия, и естественно-

⁸⁶ Много сделал для доказательства достоверности Аммиана Л. Дилльман (*L. Dillman. Ammian Marcellin et les pays de l'Euphrate et du Tigre. — «Syria», 38, 1961, p. 125—138*), который опровергал гиперкритику Т. Моммзена (*Th. Mommsen. Ammians Geographica. — «Hermes», 1881, Bd. XVI, S. 602—635*; ср. *V. Gardthausen. Die geographischen Quellen Ammians. Lehrbücher für Philologie, Suppl. VI. S. 509—553; P. de Longe. Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus, Bd. I—IV. Groningen, 1935—1953; W. Seyfarth. Einführung, S. 35—38.*)

⁸⁷ *З. В. Удальцова. Мировоззрение Аммиана Марцеллина. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 40 сл.*

⁸⁸ *Amm. Marc., Hist., 26, 1. 1; W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung..., S. 66—76.*

⁸⁹ *Amm. Marc., Hist., 28, 4. 34.*

научные знания пришли в упадок. Именно в непреходящей мудрости Египта, по Аммиану, черпали идеи великие мудрецы и законодатели древности: Пифагор, Анаксагор, Солон. Оттуда же воспринял свое учение и Иисус, который для Аммиана являлся одним из «учителей мудрости», основателем новой религии⁹⁰. В Александрии «есть еще дух жизни в учителях наук, циркуль геометра вскрывает там различные тайны, не смолкла у них и музыка, не иссякла гармония, поддерживают, хотя и немногие, наблюдения мирового движения и течения небесных светил, немало есть ученых, занимающихся числами..., развита медицина»⁹¹.

Но самое большое, поистине решающее влияние на формирование философских взглядов Аммиана оказал неоплатонизм, и прежде всего учение Плотина. Всю жизнь Аммиан оставался язычником, как его любимый герой Юлиан и как его друг антиохийский ритор Ливаний. Как и у них, у Аммиана наивная вера во множество языческих богов уже сменилась монотеистическими представлениями о едином высшем верховном божестве, управляющем миром⁹². Религиозные представления нашего историка стоят на более высокой ступени, чем примитивное язычество древнеримского времени: они обновлены и изменены под воздействием греческой философии, и в первую очередь неоплатонизма. Старый мир языческих богов для Аммиана, как и для большинства людей его времени, был уже мертв — ему были чужды всяческие проявления грубого языческого антропоморфизма. Зато с особой силой его влекла мистическая философия неоплатоников. Мир представлялся ему эманацией небесного божества — *deus, numen celestae*, а человеческие души — эманацией мирового разума. Он полагал, в согласии с мистическим учением Плотина, что «солнце — мировой разум, по определению физиков, источает из себя наши души, как искры, и когда оно сильнее их воспламенит, то делает их способными познавать будущее»⁹³. Верховное божество для Аммиана — единая высшая сила, которая правит вселенной и судьбами всех народов и отдельных людей⁹⁴. Но деятельность этой высшей силы проявляется не непосредственно, а через посредство гениев-хра-

⁹⁰ *Amm. Marc., Hist., 22, 16, 19—22.* Аммиан Марцеллин упоминает многих ученых и философов, как-то: Аристарха, Геродиана, учителя Плотина Аммония Саккаса, Дидима Халкентера и др. (*ibid.*, 22, 16.16). Эти факты противоречат тезису В. С. Соколова о том, что Аммиан Марцеллин будто бы с равнодушием относился к философским учениям и, несмотря на греческое образование, слабо разбирался в современной ему философии (В. С. Соколов. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии, стр. 49).

⁹¹ *Amm. Marc., Hist., 22, 16.17—18.*

⁹² *W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung...*, S. 50—54; *J. Fontaine. Ammien Marcellin, historien romantique...*, p. 5—6.

⁹³ *Amm. Marc., Hist., 21, 1.11.*

⁹⁴ *Ibid.*, 21, 14.2—3; 21, 14.5.

нителей, которые защищают людей от бед и предостерегают от опасностей. Учение о гениях-хранителях Аммиан заимствовал у неоплатоников.

Вслед за Плотинем Аммиан утверждает, что гении-хранители помогают людям и открывают им высшее знание, если люди чисты и свободны от скверны, которая исходит от человеческой плоти⁹⁵. Праведные и доблестные люди, вроде Юлиана, пользуются особым покровительством божества, которое через гениев-хранителей призывает их к свершению великих дел⁹⁶. Благодаря внушениям своих гениев, по его мнению, возвысились и достигли славы такие великие люди, как Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, Сципион Старший, Марий и Октавиан Август, Аполлоний Тианский и сам Плотин. В поэмах божественного Гомера не сами герои общались с богами, а их гении⁹⁷. В видимом образе гениев-хранители являются лишь немногим, наделенным особыми добродетелями людям⁹⁸.

Аммиан, подобно неоплатоникам, верил в безграничное превосходство духа над плотью, в бессмертие души. Вместе с императором Юлианом он считал, что смерть — это благословенный дар богов, великая радость перехода в иную жизнь. Глубокую убежденность в подлинности этого учения Юлиан, по словам Аммиана, доказал своей смертью: он принял ее стоически, как истинный философ, ибо верил в то, что бессмертный дух бесконечно выше бренного тела, а всякое отделение лучшего элемента от худшего должно порождать радость, а не скорбь⁹⁹.

Помимо неоплатонизма, на Аммиана, возможно, оказали влияние и другие мистические учения того времени, в том числе и мистическое учение герметистов, связанное с культом бога Меркурия. Эта философско-религиозная доктрина зародилась в Египте и отождествляла древнеегипетского бога Тота с Меркурием Трисмегистом¹⁰⁰. Аммиан был знаком с герметизмом — во всяком случае, он рассказывает, как Юлиан, будучи Цезарем, втайне поклонялся богу Меркурию, культ которого он воспринимал мистически: для него Меркурий являлся движущим началом мира, приводящим в действие человеческий разум¹⁰¹. Но были ли сам Аммиан последователем этого культа, установить невозможно¹⁰².

Примечательны естественнонаучные и философские представления Аммиана о вселенной, пространстве и времени. Они не были объединены в единую стройную систему, не отличались

⁹⁵ *Ibid.*, 21, 14.5. Аммиан ссылается здесь на Плотина.

⁹⁶ *G. Ricciotti. L'imperatore Giuliano l'Apostato. Milano. 1956, p. 39—53.*

⁹⁷ *Amm. Marc., Hist.*, 21, 14.5.

⁹⁸ *Ibid.*, 21, 14.3.

⁹⁹ *Ibid.*, 25, 3.15.

¹⁰⁰ *W. Scott. Hermetica. Vol. 1—4. Oxford, 1924—1936.*

¹⁰¹ *Amm. Marc., Hist.*, 16, 5.5.

¹⁰² *W. Seyfarth. Einführung, S. 38.*

оригинальностью и целиком заимствованы у греческих ученых. В них явственно присутствуют понятия вечности всего сущего — элементов (стихий), тел (материи), духовного начала¹⁰³. Аммиан признает, что во вселенной царит вечный, установленный от века порядок. По отношению к вселенной небесные тела, в том числе и земля, являются лишь ничтожными точками. Перемещение звезд в пространстве или их кажущаяся неподвижность — только результат восприятия человека, наблюдающего их с земли. Эти зачатки научных знаний о бесконечности пространства и времени сочетаются у Аммиана с наивным убеждением в том, что сама земля как бы висит во вселенной «под действием некоего внутреннего духа»¹⁰⁴.

Разумеется, мировоззрение Аммиана насквозь идеалистично: понятие о бесконечности вселенной теснейшим образом слито с его верой в предвечность и бесконечность верховного божества, проявляющего себя в действиях судьбы, рока. Представления о судьбе и провидении занимают чрезвычайно большое место в мировоззрении Аммиана, и в этом отношении он близок к античным авторам. Судьба (*fortuna, fatum, fors*) выражает, по мнению Аммиана, волю единого, невидимого, непознаваемого и всемогущего божества.

Можно, однако, выявить два различных понимания судьбы у Аммиана¹⁰⁵. В одном случае судьба — фортуна — изменчивое и слепое счастье, управляющее обстоятельствами и действиями людей. Она предстает у Аммиана в реальном образе древнеримской богини Фортуны с ее крылатым колесом: она вечно чередует счастливые и несчастливые события, то дарует мир, то разжигает гибельную войну¹⁰⁶. Мгновенно лишает она человека счастья и бросает в пучину бедствий: вчерашний счастливец сегодня — пленник и раб. «Тут же гнали как дикого зверя, — пишет Аммиан о нашествии готов, — свободнорожденного человека, который незадолго перед тем был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту, в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках»¹⁰⁷. Фортуна действует как всеобъемлющая, необъяснимая и непознаваемая сила. «...Никогда еще никакое человеческое могущество не могло спасти от того, что предрешено неизбежным роком» (*fatalis ordo*)¹⁰⁸. Изменчивость судьбы, по

¹⁰³ *Amm. Marc., Hist.*, 21, 1.8.

¹⁰⁴ *Ibid.*, 20, 3.12.

¹⁰⁵ *K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 99 f; *A. Selem. Il senso del tragico in Ammiano.* — «Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Clas. di lett., stor. et filos.», 34, 1965, p. 404—414.

¹⁰⁶ *Amm. Marc., Hist.*, 31, 1.1.

¹⁰⁷ *Ibid.*, 31, 8.8.

¹⁰⁸ *Ibid.*, 23, 5.5.

Аммиану, безгранична, капризы ее непостижимы. Человек, на которого рок налагает свою руку, тупеет и теряет ясность мысли¹⁰⁹. Голос судьбы неверен, и смертным чаще всего не дано его постигнуть, ибо исход дела может быть совершенно иным, чем его представляют себе люди¹¹⁰.

Истинные веления рока неизвестны людям, и поэтому при виде злодеяний, царящих в мире, в их сердца порою закрадывается сомнение в извечной справедливости. Примеры непостоянства судьбы у Аммиана многочисленны и необычайно выразительны, зачастую они характеризуют социально-политические симпатии и антипатии автора. Так, именно по велению слепого рока Евн, безвестный раб из эргастула, стал предводителем восстания рабов. «А сколько знатных людей, — сокрушается Аммиан, — по воле судьбы обнимали ноги Вириата и Спартака»¹¹¹. Фортуне подвластно все, она разворачивает цепь событий в различных частях земли¹¹². Она усмиряет гордость зазнавшихся людей, забывших о том, что «самый счастливый человек от одного поворота колеса Фортуны может стать раньше вечера самым несчастным»¹¹³. Но Фортуна порою становится доброй и милостивой: «благодетельная властительница людских судеб» Фортуна может положить конец человеческим бедствиям, бунтам, волнениям¹¹⁴.

Второе представление о судьбе у Аммиана — это понимание ее как всемогущего, справедливого и карающего провидения. В этом случае она предстает в облике древнегреческой богини Адрастии-Немесиды. Адрастия-Немесиды, — дочь Справедливости, взирающая, по Аммиану, из таинственной вечности на дела людей, — воздаст им за зло и за добро. Она — грозная мстительница, от суда которой не может уйти ни один смертный. Царица всех причин, вершительница всех дел, она перемешивает жребии людей в урне судьбы. Нерасторжимыми узами необходимости опутывает она человеческую гордыню, возвышает и низвергает людей, то подавляет и топчет их высокомерие, то достойных из самых низов возносит к счастливой жизни¹¹⁵. Она внушает людям вести себя скромнее, а ослушавшихся низвергает как бы с высокого утеса в пропасть¹¹⁶. За презрение к велениям судьбы человек бывает наказан¹¹⁷. Крылья — символ ее быстроты, руль,

¹⁰⁹ *Amm. Marc.*, Hist., 14, 11.12.

¹¹⁰ *Ibid.*, 23, 5.8; *W. Seyfarth*. Ammianus Marcellinus und das Fatum. — «Klio», 43—45, 1965, S. 291—306; *C. P. T. Naudé*. Fortuna in Ammianus Marcellinus. — «Acta classica», 7, 1964, S. 70—88.

¹¹¹ *Amm. Marc.*, Hist., 14, 11.33.

¹¹² *Ibid.*, 22, 1.1; 26, 3.1.

¹¹³ *Ibid.*, 26, 8.13.

¹¹⁴ *Ibid.*, 15, 5, 12; ср. 14, 1.1.

¹¹⁵ *Ibid.*, 14, 11.25—31.

¹¹⁶ *Ibid.*, 22, 3.12.

¹¹⁷ *Ibid.*, 25, 2.3—7.

который она держит в руках, — знак ее власти над миром, колесо под ее ногами — доказательство изменчивости человеческой жизни¹¹⁸. Адрастия порою рисуется Аммианом как грозная, неумолимая сила: ее воле не могут противиться самые могучие владыки. «Сколько голов, перед которыми трепетали народы, пало под позорным топором палача!»¹¹⁹, — восклицает историк.

Единственным прибежищем человека, столь незащищенного от ударов судьбы, служит теплящаяся в его душе вера в конечную разумность действий Адрастии. Ведь «высшая правда божьего суда» проявляет свою волю как на жертвах, так и на их палачах¹²⁰.

И хотя Аммиан признает всеисилие рока, его представления о судьбе в конечном счете достаточно оптимистичны. Жизнь людей наполнена примерами мудрых решений Адрастии. Она посылает людям спасение и дарует достойным победу в бою¹²¹. Она предупреждает людей о грозящих опасностях¹²². Даже бедствия, посылаемые ею, зачастую бывают лишь справедливым возмездием за дурные дела людей. Так, в наказание за жестокости императора Валента началась война с готами, и Адрастия — «недремлющее око Справедливости, судья и вечный мститель за человеческие деяния» — зажгла по всей стране факел Беллоны, ибо «никакое преступление не остается безнаказанным»¹²³. Изменчивое счастье нередко покровительствует выдающимся и достойным людям. И хотя порою трусы и негодяи, по капризу судьбы, побеждали достойнейших из людей¹²⁴, но это отнюдь не означает, что победа зла — есть правило, а торжество добра — лишь редкое исключение.

В историческом сочинении Аммиана мы находим попытку — правда, еще робкую — разрешить извечный и мучительный для античного мира вопрос о силе судьбы и свободе воли человека. И к чести Аммиана он ищет и находит оптимистический выход из, казалось бы, безнадежного тупика. Он признает за человеком свободу выбора. Человек волен выбрать свой жизненный путь, хотя конечный результат его деятельности еще неизвестен. Человек должен следовать по пути доблести и добродетели, не смотря на то, что «польза и успех наших планов не всегда совпадают, поскольку конец наших начинаний находится во власти богов»¹²⁵. Иными словами, судьба, по мнению Аммиана, не лишает человека свободы выбора, воли, инициативы, права на успех.

¹¹⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 11.25.

¹¹⁹ *Ibid.*, 14, 11.33. «Один попадает в тюрьму, — продолжает писатель, — другой облачается властью, о которой он и не мечтал, третий низвергается с высоты своего сана».

¹²⁰ *Ibid.*, 14, 11.24.

¹²¹ *Ibid.*, *31, 15.7.

¹²² *Ibid.*, 18, 4.1.

¹²³ *Ibid.*, 29, 2.20.

¹²⁴ *Ibid.*, 21, 16.14; *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 103—105.

¹²⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 25, 3.17.

Вместе с тем большое место в жизни человека Аммиан отводит случайности. Как старый солдат, прошедший трудный воинский путь, он не раз убеждался в том, что значит случай в человеческой жизни. Поэтому немудрено, что глубокая искренняя вера во всеислие судьбы, фатума сочетается у него с признанием важной роли случая в истории человечества ¹²⁶.

Судьба для Аммиана двулика: чаще всего она действует как необъяснимая и непознаваемая сила, но иногда ее воля проявляется разумно, поддается познанию и предвидению людей.

Веления судьбы, по Аммиану, открываются людям через предзнаменования, предсказания, путем различных гаданий и прорицаний. Вера в предсказания и в добрые и худые предзнаменования характерна для мировоззрения Аммиана — и в этом смысле он мало отличается от большинства современников. Проникнутый предрассудками своего времени, Аммиан верит в возможность предсказания будущего, во власть Фемиды, открывающей веления рока. Но как почитатель античной образованности, он пытается дать философское толкование различных гаданий: бог вдохновляет предсказания; авгурии и ауспicii исходят не от птиц, не знающих будущего (ведь этого не станет утверждать и самый ограниченный человек), а это бог направляет полет птиц. «Благое божество или за заслуги людей, или за сочувствие к ним, открывает таким способом им будущее». В согласии с мистическим учением неоплатоников Аммиан полагает, что дух человеческий способен познать грядущее ¹²⁷.

Аммиан пытается защитить истинность предсказаний гадалей от нападок невежд. Он призывает на помощь Цицерона и опирается на его слова: «знамения будущего даются нам богами. Если кто ошибся в них, то причина погрешности не в богах, а в человеческом толковании»¹²⁸. Аммиан искренне верит в чудесные видения, вещие сны, в реальность привидений, во множество различных, порою нелепых предзнаменований ¹²⁹. Историк убежден, что человек обязан верить в предсказания и, во избежание гнева всеисливого рока, следовать их предначертаниям¹³⁰. Пренебречь знамениями и гаданиями он может только ради защиты государства ¹³¹.

¹²⁶ W. Seyfarth. *Ammianus Marcellinus und das Fatum*, S. 291—306; *idem.* *Einführung*, S. 39. В. Зейфарт подчеркивает, что для Аммиана Марцеллина идея судьбы, фатума имеет большее значение, чем для анонимных авторов *Historiae Augustae*.

¹²⁷ *Amm. Marc.*, *Hist.*, 21, 1.1.

¹²⁸ *Ibid.*, 21, 1.14; W. Seyfarth. *Zeugnisse für Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus*. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Iena, Sonderheft», 1964, S. 103 f.; *idem.* *Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus*. — «Klio», 46, 1965, S. 373—383.

¹²⁹ *Amm. Marc.*, *Hist.*, 19, 12. 19; 20, 11.32; 21, 1.9—12; 21, 14.2—5; 22, 2.6; 23, 5.3; 24, 2.21; 25, 10.12.

¹³⁰ *Ibid.*, 25, 2.3—7. Ошибкой Юлиана, стоявшей ему жизни, было то, что он пренебрег дурными предзнаменованиями и начал поход против персов.

¹³¹ *Ibid.*, 23, 1.7.

Сознавая ограниченность человеческого познания и возможность ошибки при толковании двусмысленных предсказаний оракулов, Аммиан все же верит в могущество человеческого разума, в необходимость развития науки и искусства. «И грамматик иной раз выразится неправильно, и музыкант возьмет иной раз фальшивую ноту, и врач ошибается в лекарстве, но это не мешает существовать грамматике, музыке, медицине»¹³².

Искренний и страстный поклонник науки, мучительно переживающий пренебрежение ею со стороны правителей государства и знатных невежд, Аммиан с горечью оплакивает упадок античной науки в его время. В городах империи, за исключением Александрии, наука и философия преданы забвению. Знать в Риме, по его словам, ничего не читает, кроме Ювенала и Мариа Максима — писателей, способных лишь пересказать занимательные истории и придворные сплетни. Знатные люди «боятся науки, как яда»¹³³, хотя им-то как раз особенно необходимо иметь обширные знания. В назидание невежественным вельможам историк приводит рассказ о Сократе, который перед самой своей смертью хотел выучить неизвестные ему стихи поэта Стесихора, чтобы уйти из жизни, получив новые знания¹³⁴. Вместо занятий науками знать и народ Рима предаются безумным увлечениям конными ристаниями, вместо философов и риторов огромной популярностью в «вечном городе» пользуются мимы, шуты, продажные танцовщицы. В среде аристократии изучение наук уступает место забавам позорной праздности, «библиотеки же заперты навек, как гробницы»¹³⁵.

Страстное негодование нашего историка вызывают гонения императора Валента, во время которых сжигали ценнейшие рукописи и книги античных авторов, как якобы запрещенную литературу языческого характера, захваченную в домах осужденных язычников. На самом же деле эти книги были безобидного в политическом отношении содержания и включали главным образом литературные произведения античных писателей или юридические трактаты¹³⁶. По всей империи пылали костры, где жгли языческие книги, во время обысков агенты правительства подсовывали невинным жертвам какие-либо фальшивые амулеты, обвиняли в чародействе и казнили многих. «По всему Востоку из страха подобных бедствий каждый предавал огню свою библиотеку»¹³⁷.

Не все, однако, в поведении современных ему философов импонирует Аммиану: он осуждает их за излишнее упорство в отстаивании своих мнений в вопросах, в которых они недоста-

¹³² *Amm. Marc., Hist.*, 21, 1.13.

¹³³ *Ibid.*, 28, 4.14.

¹³⁴ *Ibid.*, 28, 4.15.

¹³⁵ *Ibid.*, 14, 6.18; 21, 16.18; 22, 3.11—13; 27, 30.14.

¹³⁶ *Ibid.*, 29, 1.41.

¹³⁷ *Ibid.*, 29, 2.4.

точно осведомлены¹³⁸. Он обвиняет их в тщеславии и склонности к самовосхвалению. Опираясь на авторитет Цицерона, Аммиан с горькой иронией говорит, что философы на словах проповедуют скромность и презрение к славе, на деле же зачастую подписывают свое имя под теми произведениями, где сами призывают к отказу от прославления¹³⁹. Но историк прощает эти слабости мудрецам за их щедрость в отдаче людям своих духовных богатств.

Итак, для мировоззрения Аммиана характерно смешение научных знаний и стереотипов, почерпнутых из античной, преимущественно греческой, образованности, с живыми, порою наивными представлениями той эпохи. Сын своего века, он искренен и чистосердечен в заблуждениях и суевериях. В нем сочетается книжная ученость любознательного, склонного к отвлеченному мышлению грека с прямоотой и цельностью восприятия мира простого римского солдата. Философские размышления о вселенной и мироздании чередуются у него с рассказами о предсказаниях гаруспиков и чернокнижников, а вера в бессмертие души и силу рока — с прямодушным преклонением перед властью случая. Аммиан не создает какой-либо цельной и оригинальной концепции о сущности бытия, вселенной и месте в ней человека. Он порою повторяет чужие мысли, но его воззрения ясны и оптимистичны, и это — привлекательная черта мировоззрения нашего историка.

Историческая концепция

Историческая концепция Аммиана, его представления о движущих силах и ходе мировой истории, естественно, теснейшим образом связаны со всем его мировоззрением, порождены всей системой его социально-политических взглядов.

В основе исторической концепции Аммиана лежат как идеи, почерпнутые из греко-римской историографии, так и воззрения, основанные на личном жизненном опыте автора. По Аммиану, одной из важнейших движущих сил истории является судьба, рок. Идея эта возникла у него из потребности объяснить непонятные для человеческого разума явления истории вмешательством высших, сверхъестественных сил. В тех случаях, когда историк неспособен постичь и рационально осмыслить причины внезапных поворотов исторических событий, познать закономерности возвышения и упадка государств, народов, правителей, он обращается к помощи потусторонних, стоящих вне и над человеком сил. В этом отношении историческая концепция Аммиана восходит корнями к историко-философским теориям античных писателей. Примечательно, что ему чуждо свойственное некото-

¹³⁸ Ibid., 28, 5.11.

¹³⁹ Ibid., 22, 6.4.

рым другим писателям Поздней Римской империи противопоставление судьбы, рока и эпохи, времени как причине бедствий народов и государств¹⁴⁰.

В ходе мировой истории Аммиан оставляет место и деятельности людей. Но динамичным фактором истории, по Аммиану, являются не действия масс, классов, социальных групп, а воля и деятельность отдельных исторических личностей. В римской истории, которой посвящен труд Аммиана, — это прежде всего деяния императоров, полководцев, вождей. Римские императоры находятся под особым покровительством верховного божества, им помогают гений Римского государства¹⁴¹ и счастье римского мира (*Fortuna orbis Romani*)¹⁴². Но и императоры подвластны судьбе, и пренебрежение с их стороны велениями рока чревато большими бедствиями для римской державы¹⁴³.

Видное место в исторической концепции Аммиана занимает теория «цикличности», повторяемости типичных событий в историческом процессе. Для Аммиана история — своего рода арсенал исторических типов. Особое, частное является случайным в круговороте мировых событий, носит подчиненный характер. Общее, типичное, повторяющееся в исторических событиях — вот главное, существенное в истории.

«Действия как дурные, так и хорошие, — пишет историк, — повсюду остаются такими же, хотя и различаются по силе»¹⁴⁴. «Люди, не сведущие в истории древних времен, — размышляет Аммиан по поводу нашествия готов, — говорят, будто на государство никогда не опускался такой беспросветный мрак бедствий; но они ошибаются, пораженные ужасом недавно пережитых несчастьев. Если проследить давние века или даже и более к нам близкие, то окажется, что такие же и столь же печальные потрясения случались не один раз»¹⁴⁵.

Аммиан украшает свой труд целой вереницей примеров из античной истории, подтверждающих эту мысль. Он никогда не упускает случая подыскать в древности какую-либо аналогию к описываемым им событиям, характерам, людям. Эта манера писателя, вытекающая из его исторической концепции, дала право немецкому историку Фогту прийти к выводу, что квинтэссенцией историко-философских воззрений Аммиана является тезис: «Все уже было однажды»¹⁴⁶.

¹⁴⁰ A. Demandt. *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 112.

¹⁴¹ *Amm. Marc.*, Hist., 20, 5.10; 21, 14.1, 3—5.

¹⁴² *Ibid.*, 25, 2.3.

¹⁴³ К. Розен подчеркивает античное понимание судьбы у Аммиана и неприятие им христианского учения о божественном предопределении (*K. Rosen. Studien und Darstellungskunst...*, S. 200, 206).

¹⁴⁴ *Amm. Marc.*, Hist., 29, 2.24.

¹⁴⁵ *Ibid.*, 31, 5.11.

¹⁴⁶ J. Vogt. *Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit...*, S. 819; cp. E. A. Thompson. *The Historical Method of Ammianus Marcellinus.* — «*Hermathena*», 59, 1942, p. 44—46.

Аммиану вместе с тем чужда идея телеологического поступательного развития мира, проповедуемая новой христианской религией. Более того, он как бы внутренне полемизирует с христианской концепцией прогрессивного, обусловленного волей божьей, «восхождения человечества к спасению». Этой христианской идее Аммиан противопоставляет античное представление о вечном круговороте всего сущего. В его труде всегда присутствует ощущение повторяемости, закономерности типических событий. Развитие идет не поступательно, а скорее повторяющимися циклами.

Ему присуще понимание причинности явлений и их неразрывной связи, хотя он еще не сумел подняться до представления о цельном единстве мира, пространства и времени, истории человечества.

Идее «цикличности», пронизывающей теорию Аммиана, соответствует и композиционное построение его труда. Историк широко применяет принцип параллелизма. Как и Тацит, он обращается к свободной форме анналов. Место и время действия постоянно меняются в зависимости от логики повествования. Хронологическая последовательность нарушается в соответствии с темой. Автор как бы сам распоряжается временем, подчиняя его своей воле. Такая композиция произведения Аммиана опять-таки противостоит рождавшейся христианской хронографии, в которой исторический процесс раскрывался в строгой хронологической последовательности, обусловленной идеей телеологического поступательного хода истории.

Вместе с тем в исторической концепции Аммиана известное место отводится и так называемой теории возрастов. Но если идея «цикличности» — органическая составная часть мировоззрения автора, то теория возрастов скорее некое чужеродное украшение, вплетенное в ткань повествования. Эту теорию автор излагает один только раз применительно к истории Рима, а затем как бы забывает о ней и больше к ней не возвращается. По аналогии с жизнью человека Аммиан разделяет историю Рима на четыре периода, сходных с возрастными стадиями людей: детство (*pueritia*), юность (*adulescentia*), молодость (*iuventas*) и старость (*senectus*).

Теория возрастов в римской истории восходит к Сенеке и Флору. Аммиан заимствовал ее у этих писателей с некоторыми изменениями¹⁴⁷. В детстве почти в течение 300 лет римский народ, пишет Аммиан, вел войны вокруг стен Рима; став юношей и мужем, он перешел через Альпы и морской пролив, одержал блистательные победы и завоевал многие страны и народы. Склоняясь к старости, он стал нередко одерживать победы одним своим именем и все больше переходил к спокойной жизни¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Различия в теории возрастов у Сенеки, Флора и Аммиана проследил А. Демандт (*A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 119—141).

¹⁴⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.4.

Коренное отличие интерпретации теории возрастов у Аммиана в сравнении с Сенекой и Флором состоит в том, что Аммиан придал ей более оптимистическое звучание. Это сказывается в оценке последнего периода римской истории — периода империи, совпадающего с возрастом старости. И Сенека и Флор, хотя и по-разному, все же видели в этом периоде черты упадка и по аналогии с жизнью человека усматривали в них предвестников гибели Римского государства. Аммиан же сознательно игнорирует признаки одряхления Римской империи и полагает, что Рим будет существовать вечно. Риму, утверждает историк, «суждено жить, пока будет существовать человечество»¹⁴⁹.

Идея вечности Рима (*Aeternitas Romae*) — одно из важных звеньев исторической концепции Аммиана; эта идея органически связана с социально-политическими воззрениями автора. И если теория возрастов — как бы вставной элемент его концепции, то формула вечности Рима проходит красной нитью через все историческое сочинение Аммиана¹⁵⁰.

Теория вечности Рима сложилась у Аммиана на основе римской идеологии и восходит к Цицерону, Вергилию, Веллею Патеркулу, Плинию Младшему и панегиристам. Для Римской империи, по Аммиану, нет преград ни во времени, ни в пространстве. Рим — священный и самый великий город на земле, «храм всего мира» (*templum mundi totius*)^{150a}.

Вместе с тем оптимизм Аммиана, его искренняя вера в светлое будущее Рима, отсутствие сомнений в незыблемости Римского государства и следов скорби по его былому величию коренным образом отличают историческую концепцию Аммиана от окрашенной в самые мрачные тона теории Тацита¹⁵¹.

Представления Аммиана о вечности Рима, по всей вероятности, находятся в прямой зависимости от идеологии языческой аристократии «вечного города». В IV в., когда духовная и политическая жизнь из Рима переместилась уже в провинции, среди старой сенаторской аристократии вновь возродилась и окрепла концепция «вечного Рима». Хотя дух жизни давно отлетел от этой идеи, римская знать с мучительной надеждой и необычайной настойчивостью цеплялась за эту уже мертвую реликвию¹⁵².

Идеологическое воздействие на Аммиана кругов образованной языческой аристократии «вечного города», думается, вполне реально. Ведь не случайно и идея вечности Рима, и теория возрастов в близкой к Аммиановой интерпретации встречаются в трудах

¹⁴⁹ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.3.

¹⁵⁰ *Ibid.*, 19,10.4; 26, 1.14; 27, 6.6.

^{150a} *Ibid.*, 17, 4.13.

¹⁵¹ *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 116—117; 132—134; *P. Archambault. The Ages of Man and the Ages of the World. A Study of Two Traditions.*—«*Revue des études augustinienes*», 12, 1966, p. 193—218; *H.Tränkle. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber*, S. 26.

¹⁵² *W. Seyfarth. Einführung*, S. 39.

знаменитого современника Аммиана, главы сенаторской оппозиции Симмаха ¹⁵³. Известно об оживлении концепции *Roma aeterna* в кружке Претекстата, Симмаха и Флавиана, в котором Аммиан читал свою «Историю». Идея вечности Рима нашла защитников среди других современников Аммиана: она проповедуется в трудах Евтропия, в поэмах Клавдиана, в сочинениях Рут依лия Намациана ¹⁵⁴. Отдав свою книгу на суд представителям языческой аристократии Рима и получив их одобрение, Аммиан как бы связал себя с ними духовными нитями, а это было возможно лишь при наличии идейной близости. Именно восхваление могущества Римского государства и проповедь незыблемости Рима послужили идейным фундаментом, на котором могло возникнуть одобрение сенаторами книги безвестного писателя.

Заканчивая рассмотрение историко-философской концепции Аммиана, мы можем сделать вывод, что она в достаточной мере эклектична: здесь мы находим и веру в судьбу как движущую силу истории, и идею цикличного развития, и теорию возрастов, и, наконец, идею вечности Рима. Но оптимизм Аммиана отличается его от сумрачных концепций римских историков Тацита, Саллюстия, Лактанция.

Вместе с тем его историко-философская концепция далека также и от христианских представлений о ходе всемирной истории. Для Аммиана Римская империя — не худшее из всех земных государств, как у христианских писателей, а хотя и последнее, но вечное государство на земле. Аммиану чужда христианская идея грядущей гибели «Свирипой Волчицы» — Рима, на смену которому придет «царство божье». Ему не надо «града божьего», он довольствуется земным и верит в его светлое будущее, в исцеление его пороков.

Отношение к христианству. Этические воззрения

При изучении мировоззрения Аммиана возникает весьма сложный вопрос о его отношении к христианству. Известная двойственность взглядов породила научные споры и послужила почвой для полярных суждений о религиозной принадлежности писателя.

В XVII в. Аммиана Марцеллина некоторые ученые считали

¹⁵³ *Quintus Aurelius Symmachus*. *Relationes*. — MGH, AA, VI, pars 1, 3, 9. См.: *W. E. Kaegi*. *Byzantium and Decline of Rome*. Princeton, 1968, ch. 1.

¹⁵⁴ *A. Demandt*. *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 132. См.: *H. Steinbach*. *Das Geschichtsbild Claudians*. Diss. Halle, 1936; *E. A. Thompson*. *Ammianus Marcellinus and the Romans*. — «Greece and Rome», 11, 1942, p. 130—134; *P. G. Christiansen*. *Claudian and Eternal Rome*. — «Antiquité classique», 40, p. 670—674.

христианином, и лишь с конца прошлого столетия в научной литературе укрепилось мнение, что он был язычником¹⁵⁵. Исследователи стали подчеркивать его монотеизм и связь с неоплатонизмом¹⁵⁶. В последние годы в зарубежной историографии в связи с общим процессом «христианизации» позднеантичных и ранневизантийских авторов переоцениваются религиозные взгляды Аммиана. Ряд историков пытаются отдалить Аммиана от язычества и сблизить с христианством¹⁵⁷.

Пересмотр господствующих в науке представлений о язычестве Аммиана базируется обычно лишь на терминологических изысканиях¹⁵⁸ и произвольном сомнительном толковании отдельных спорных мест его исторического сочинения¹⁵⁹.

Однако большинство исследователей творчества Аммиана идет средним путем (*media via*) при оценке его религиозных взглядов. Они отчетливо видят двойственность, а порою даже противоречивость отношения язычника Аммиана к христианству. По их мнению, Аммиан находился где-то посередине между крайними

---

¹⁵⁵ *E. Witte. Ammianus Marcellinus quid judicaverit de rebus divinis. Jena, 1891; W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung..., S. 96 f.; C. Cochrane. Christianity and Classical Culture. Oxford, 1957.*

¹⁵⁶ *W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung..., S. 50 f.; B. C. Соколов. Аммиан Марцеллин..., стр. 58 сл.; P. M. Camus. Ammien Marcellin, témoin de courants culturels et religieux à la fin IVe siècle. Paris, 1967, p. 247 sq.; C. Schneider. Geistgeschichte der christlichen Antike. München, 1970.*

¹⁵⁷ *A. Momigliano. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. — «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century». Oxford, 1963; Av. Cameron. Agathias. Oxford, 1970; H. Gärtner. Einige Überlegungen zur kaiserlichen Panegyrik und zu Ammians Charakteristik des Kaisers Julian. Wiesbaden, 1968, S. 517.*

¹⁵⁸ *Al. and Av. Cameron. Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire. — «Classical Quarterly», 14, 1964, p. 316—323.* Авторы этой работы пытаются опровергнуть один из аргументов, обычно приводимый в пользу приверженности Аммиана к языческой религии: отсутствие в его книге церковной терминологии. По их мнению, это лишь дань литературным традициям, идущим от Тацита, а не свидетельство слабого знакомства Аммиана с христианской религией и интереса к ней. Господство архаизирующих классицистических тенденций, как подчеркивают исследователи, было свойственно не только Аммиану, но и церковным историкам IV—VI вв.

¹⁵⁹ Некоторые ученые пытаются переосмыслить в конфессиональном духе отдельные места и факты из исторического произведения Аммиана. Так, в науке возник спор между Ж. Моро и В. Зейфартом о том, носил процесс некоего Фаустина конфессиональный характер или нет и чем объясняются симпатии Аммиана к пострадавшему. Ж. Моро усматривал в действиях Фаустина осмеяние христианского таинства евхаристии, В. Зейфарт же полагал, что Фаустин был обвинен в оскорблении величества (*Amm. Marc., Hist., 30, 5.12.*) и чародействе. Тем самым В. Зейфарт считал, что симпатии писателя к Фаустину не имели антихристианской подоплеку, а носили полигетический характер (*J. Moreau. Sur un passage d'Ammien Marcellin 30, 5.11—12. — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire de l'Université libre de Bruxelles», 13, 1953; W. Seyfarth. Glaube und Aberglaube..., S. 373—383; idem. Zeugnisse für Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus, S. 103 f.*)

полюсами — непримиримой философией Юлиана и столь же бескомпромиссным христианством¹⁶⁰. Ведь, осуждая пороки христиан, писатель критиковал и отдельные стороны религиозной политики Юлиана. Аммиан не примыкал ни к одной из борющихся религиозных партий и рассматривал религию как частное дело человека¹⁶¹. И по сей день, однако, немало сторонников той точки зрения, что Аммиан был просвещенным язычником, равнодушным к религиозным вопросам и терпимым ко всем религиям, в том числе к христианству¹⁶². Если же ему и приходилось иногда в какой-то степени вуалировать свою преданность языческой религии, то это он делал лишь из политических соображений, т. к. боялся вызвать неудовольствие правящего христианского императора Феодосия I, в правление которого он заканчивал свой труд¹⁶³. Отмечается своего рода диффузия античной и христианской терминологии в сочинении этого историка, как, впрочем, и в произведениях других авторов того времени¹⁶⁴.

На наш взгляд, Аммиан — прежде всего сторонник восстановления язычества как государственной религии. Он поддерживает религиозную реформу Юлиана, хотя и упрекает последнего за чрезмерное увлечение обрядовой стороной языческого культа. Он сокрушается по поводу того, что при Юлиане без

¹⁶⁰ *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 69—85. А. Демандт, как и А. Момильяно, проводит грань между религиозными воззрениями Марцеллина и императора Юлиана. В представлениях о боге, по мнению А. Демандта, Аммиан далек от религиозной концепции Юлиана: бог Аммиана, мыслимый как единое, безличное, справедливое, вечное, всемогущее божество, якобы почти идентичен с богом христиан (*ibid.*, S. 81—84); А. Момильяно, в свою очередь, подчеркивает отличие религиозных воззрений Аммиана от взглядов на религию последователей языческой веры — Симмаха Старшего, Макробия, Сервия и Доната. (*A. Momigliano. Op. cit.*, p. 98).

¹⁶¹ *S. d'Elia. Ammiano Marcellino e il cristianesimo.*— «Studi Romani», 1962, anno X, № 4, p. 372—390; *A. Selem. Considerazioni circa Ammiano ed il Cristianesimo.*— «Revista di cultura classica e medioevale», anno VI, № 3, 1964. Roma, p. 224—261.

¹⁶² *J. Stoian. A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin.*— «Latomus», 26, 1967, p. 71—81.

¹⁶³ *W. Seyfarth. Einführung*, S. 38 f.; *H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian...*, p. 35 f.

¹⁶⁴ *Al. and A. Cameron. Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire*, p. 321—322. Авторы приводят примеры диффузии христианской и античной терминологии у Аммиана: выражения типа *ut apellat Christiani* (*Amm. Marc.*, Hist., 14, 9.7) встречаются и у Аммиана, и у Малха, а сам Аммиан употребляет такие церковные термины, как *orare, ecclesia* и др. (ср. «христианский пресвитер, как они называют». — *Ibid.*, 31, 12.8). Диффузия античных и христианских терминов в этот переходный период была так сильна, что такие античные термины, встречающиеся у Аммиана, как *fatum, fortuna*, проникли даже в законодательство христианских императоров (*W. Seyfarth. Ammianus Marcellinus und das Fatum*, S. 305 f.; *C. P. T. Naudé. Fortuna in Ammianus Marcellinus* p. 70—88).

меры умножались религиозные церемонии, совершавшиеся с необычайной пышностью и требовавшие огромных расходов¹⁶⁵. Вместе с тем Аммиану не нравилось какое-либо ущемление языческого культа и притеснение язычников. Он осуждает знать Восточной Римской империи за разграбление языческих храмов¹⁶⁶.

Приверженность к языческой религии в духе неоплатонизма отбрасывала Аммиана в известной степени в лагерь противников христианства. Аммиан, однако, не был убежденным врагом и хулителем христиан, а скорее выступал в роли стороннего наблюдателя.

Бросается в глаза сугубо светский характер «Истории»¹⁶⁷. Христианская церковь находится как бы вне повествования автора. Римская империя и христианская церковь существуют для него раздельно. В произведении Аммиана чрезвычайно мало событий церковной истории. Историк очень далек от церковных споров его времени. Он не делит христиан на сторонников никейского вероисповедания, ариан, донатистов или представителей других течений внутри христианства. Не видно, чтобы Аммиан понял раскол, потрясавший в те годы христианскую церковь. Оценивая того или иного политического деятеля, писатель мало интересуется его религиозной принадлежностью. Чуждается он и церковной терминологии, заменяя церковные термины описаниями или синонимами¹⁶⁸.

Книга Аммиана отнюдь не рассчитана на читателя, исповедующего христианство. Критика Аммианом христианства открыта и нелюбезна: он выступает бесстрастным судьей, оценивающим не только пороки, но и достоинства христианской религии и церковной организации. В его труде уживается критическое отношение к христианству с уважением к этой религии и трезвой веротерпимостью.

Что же отталкивает Аммиана от христианства?

Язычнику Аммиану прежде всего глубоко антипатичны бесконечные раздоры внутри духовенства и еретические течения среди приверженной к новой религии «черни».

Аммиан рассказывает, что Юлиан однажды созвал враждующих христианских епископов и раздираемый ересями народ и объявил полную свободу веры. Он сделал это в расчете, что, «когда свобода увеличит раздоры и несогласия, нечего будет опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан к своим инакомыслящим единоверцам»¹⁶⁹.

¹⁶⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 22, 12.7.

¹⁶⁶ *Ibid.*, 22, 4.3.

¹⁶⁷ *G. B. Pighi. I discorsi nelle storia di Ammiano Marcellino. Milano, 1936.*

¹⁶⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 15, 7.7—9; 18, 10. 4; 22, 11.5; 27, 3.11.

¹⁶⁹ *Ibid.*, 22, 5.4.

Ожесточенность религиозных споров среди христиан и их фанатическая нетерпимость претили нашему историку. Его тревожила суетность и бесполезность бесконечных поездок христианских епископов на церковные соборы и синоды. Словопрения на соборах не приносили пользы, а разъезды епископов перегружали почтовый тракт и ложились немалым бременем на государственную казну¹⁷⁰. Но все это меркло перед кровавыми столкновениями, вызванными борьбой высших христианских церковных сановников за власть.

Аммиан резко критикует верхушку клира христианской церкви, в частности римских пап Урсина и Дамасия и александрийских патриархов Афанасия и Георгия. Во время борьбы за папский престол в Риме между Урсином и Дамасием, по словам историка, на улицах города было найдено много трупов. Претенденты на папский престол пускали в ход любые средства, поднимали на восстание чернь, проливали потоки крови¹⁷¹.

Не менее опустошительными и кровавыми были религиозные столкновения среди христиан в Египте — колыбели восточных ересей. Аммиан самыми мрачными красками рисует церковную политику александрийского епископа Георгия, «наделенного змеиным жалом». Георгий, сын шерстобитного мастера из Киликии, поднялся из низов и достиг при императоре Констанции власти «на погибель людям». Он разжигал в народе религиозные распри, хотел разрушить языческий храм гения в Александрии, но чернь разгромила его дом, а самого его растерзала¹⁷². Аммиан осуждает Георгия в нравственном плане: ведь призвание епископа — кротость и справедливость, а он опустился до смертоносной подлости доносчика¹⁷³. Неблагожелательно относится Аммиан и к другому александрийскому епископу — Афанасию¹⁷⁴.

В конфликте между императором Констанцием и папой Либерием, возникшем из-за отказа последнего дать согласие на низложение столпа ортодоксального христианства Афанасия Александрийского, Аммиана интересуют не учение и личность александрийского епископа, а скорее моральная сторона дела — несправедливость заочного осуждения человека без предоставления ему возможности защиты¹⁷⁵. Саму христианскую религию историк оценивает с этических позиций. Аммиан проводит резкую грань между погрязшим в стяжательстве высшим христианским духовенством и ведущим добродетельный образ жизни бедными сельскими священниками. Бичуя пороки церковных са-

¹⁷⁰ Ibid., 21, 16.18.

¹⁷¹ Ibid., 28, 3.11—14; *A. Selem. Considerazioni...*, p. 258—259.

¹⁷² *Ann. Marc.*, Hist., 22, 11.3—8.

¹⁷³ Ibid., 22, 11.5.

¹⁷⁴ Ibid., 15, 7.7.

¹⁷⁵ Ibid., 15, 7.6—10. Итальянский ученый А.Селем обращает особое внимание на враждебное отношение Аммиана к Афанасию Александрийскому (*A. Selem. Considerazioni...*, p. 257—259).

новников в Риме, Аммиан сочными, грубоватыми мазками рисует весьма реалистическую картину. Иерархи столь ожесточенно борются за папскую тиару прежде всего потому, что сан первосвященника дает возможность обогащаться за счет добровольных подношений, одеваться в великолепные одежды, разъезжать в экипажах, задавать пиры более роскошные, чем у императора¹⁷⁶.

Растрепанной роскоши и суетному тщеславию высшего христианского духовенства Аммиан противопоставляет достойную бедность и благочестивое смирение провинциальных христианских священников. «Они [духовные сановники] могли бы быть поистине блаженны, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, стали бы жить по примеру иных провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питии, облакаясь в самые простые одежды и опуская свои взоры долу, заявляют себя перед вечным богом истинными его служителями, как люди чистые и скромные»¹⁷⁷.

Для религиозных воззрений Аммиана показательны его отношения к римской аристократии. Прославляя добродетели древних языческих фамилий Рима, писатель одновременно с явным недоброжелательством говорит о знатной семье Анициев, отличавшейся христианской ортодоксальностью¹⁷⁸.

В труде Аммиана наряду с обнажением язв христианской церкви достаточно громко звучит проповедь веротерпимости в отношении христиан¹⁷⁹. Аммиан вполне толерантен: он признает нормальное одновременное сосуществование и культа Адониса в Антиохии, и древнеегипетских культов, и христианства. Лишь по отношению к иудеям он проявляет нетерпимость¹⁸⁰.

Призыв к веротерпимости у Аммиана вряд ли можно рассматривать лишь как возрождение древней римской традиции — полного равнодушия и терпимости к всевозможным религиозным культам¹⁸¹. Думается, что идея более тесного сближения язычников и христиан уже глубоко укоренилась в общественном сознании того времени, и даже среди языческой интеллигенции она завоевывала все большее число сторонников. Кроме того, не следует забывать, что труд Аммиана был написан в период правления Феодосия I, когда христианская религия вновь стала

¹⁷⁶ *Amm. Marc., Hist., 27, 3.14.*

¹⁷⁷ *Ibid., 27, 3.15.*

¹⁷⁸ *Ibid., 16, 8, 13. S. d'Elia. Ammiano Marcellino e il cristianesimo, p. 385.* Правда, Аммиан особо не подчеркивает религиозную принадлежность представителей знати. Так, он умалчивает о том, что восхваляемые им Авиан Симмах и Претекстат были язычниками, а Аниции — христианами. Но думается, что он поступает так из известной политической осторожности.

¹⁷⁹ *Amm. Marc., Hist., 21, 1.8.*

¹⁸⁰ *Ibid., 22, 5.5.*

¹⁸¹ *В. С. Соколов. Указ. соч., стр. 49.*

господствующей, и открыто высказывать резко отрицательные суждения о христианстве было политически отнюдь не без-опасно ¹⁸².

Основой религиозной политики Римского государства наш историк предлагает выдвинуть умеренность и благожелательность в отношении всех культов, в том числе и христианства. Он осуждает вмешательство императорской власти в дела церкви, восхваляет Валентиниана I за его веротерпимость. Историк призывает уважать любую религию как проявление культуры народа. Отсутствие же религиозных представлений у некоторых племен, в частности у гуннов, с его точки зрения, является признаком варварства и необразованности ¹⁸³.

Порою Аммиан выступает в известной мере защитником христиан. Так, он упрекает Юлиана за чрезмерную подозрительность, а иногда и несправедливость к ним. Однажды, когда при Юлиане неожиданно сгорел храм Аполлона Дафнийского, император заподозрил в поджоге христиан, отвергнув другую версию, согласно которой храм сгорел случайно из-за неосторожности философа Асклепиада ¹⁸⁴.

Особенно сурового порицания заслуживает Юлиан, по мнению автора, за внесение в законодательство духа религиозной нетерпимости: этот император поставил в прямую зависимость от вероисповедания занятие преподавательской деятельностью. По словам Аммиана, «жесточкой мерой и достойной вечного забвения было то, что он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского исповедания»¹⁸⁵. Любые же проявления веротерпимости в религиозной политике Юлиана приветствуются историком. Восхваляется, например, беспристрастие Юлиана, который при разборе судебных дел, хотя и спрашивал, какую религию исповедует тот или иной из тяжущихся, однако ни разу не отступил «от стези справедливости из-за религии или чего другого»¹⁸⁶.

Порицая распри между христианами, Аммиан одновременно без всякого языческого прозелитизма рассказывает о борьбе язычников против христиан. При этом он не проявляет какого-либо пристрастия к сторонникам языческой религии и даже признает мужество и стойкость христиан в этой борьбе ¹⁸⁷. Так, рассказывая о столкновениях язычников и христиан в Александрии, историк сообщает о фанатической непреклонности христиан, не

¹⁸² R. Egger. Der erste Theodosius.— Byz., 5, 1929, S. 9—32.

¹⁸³ Amm. Marc., Hist., 31, 2.11.

¹⁸⁴ Ibid., 22, 13.1—3. В другом месте Аммиан оправдывает христианского епископа, ложно обвиненного в сдаче одного города персам (Ibid., 20, 7.9).

¹⁸⁵ Ibid., 22, 10.7.

¹⁸⁶ Ibid., 22, 10.2.

¹⁸⁷ Объективность Аммиана и отсутствие сочувствия к одной из борющихся партий была отмечена А. Демадтом (A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild..., S. 69—85).

уступавшей стойкости древнехристианских мучеников. Христиане, признает он, сохраняли незапятнанной свою веру и шли на славную смерть¹⁸⁸. Мученичество в разных видах оценивается Аммианом не с религиозных, а с моральных позиций — нравственным идеалам автора импонирует то, что мученики предпочитают смерть отказу от своих убеждений.

В сочинении Аммиана встречаются иногда и уважительные высказывания о христианской религии¹⁸⁹. Так, характеризуя императора Констанция, он осуждает его религиозную политику, но в то же время говорит: «Христианскую религию, которую отличает цельность и простота, он (Констанций. — З. У.) сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого восприятия ее, он возбудил множество споров, а при дальнейшем их росте поддерживал их словопрениями. Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды, заботясь о том, чтобы наладить отправление всего культа в соответствии со своими решениями»¹⁹⁰.

Так же как при обличении пороков высшего христианского духовенства, Аммиан отдает должное скромности и простоте бедных христианских священников, так и в данном случае он нетерпимо относится к нарушению простоты и цельности христианской религии словопрениями христианских епископов и вмешательством в эти пустые споры самого императора. Первоначальная чистота и простота христианства привлекают историка, современное ему состояние христианской церкви — отталкивает его.

С чисто религиозной точки зрения Аммиан рассматривает христианство как одну из равноправных религий, а Иисуса Христа считает не богом, а мудрецом, основателем нового религиозного учения. Весьма показателен отзыв Аммиана о Христе. Указывая, что Египет был источником всяческих знаний для многих философов, Аммиан пишет: «Из этих источников черпал, не видав Египта, Иисус в возвышенном полете своих речей, он — соперник Юпитера, герой достославной мудрости»¹⁹¹.

Вместе с тем никаких следов влияния христианского вероучения без явных натяжек обнаружить в труде Аммиана, на наш взгляд, не представляется возможным.

В любой религии Аммиана прежде всего привлекают высокие нравственные нормы, чистота морали: он всегда проводит грань между искренней верой и терпимостью, с одной стороны, и фанатичным, нетерпимым к инакомыслящим суеверием — с другой.

¹⁸⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 22, 11.10.

¹⁸⁹ Однако, на наш взгляд, нет необходимости приписывать Аммиану намеки на догматические вопросы, трактуемые в христианском духе, как делают это некоторые исследователи. Так, один пассаж Аммиана неправомерно истолковывается как намек на апостола Петра (*Amm. Marc., Hist.*, 29, 2.17; *R. Pack. St. Peter in Ammianus?*— «Harvard Theological Review», 47, 1954, p. 319—321).

¹⁹⁰ *Amm. Marc., Hist.*, 21, 16. 18.

¹⁹¹ *Ibid.*, 22, 16.22.

Проявления последнего он осуждает как у язычников, так и у христиан.

В аспекте политическом, а не религиозном надо, видимо, рассматривать и отношение Аммиана к процессам против колдовства, проводимым в империи. Иногда в научной литературе сочувствие Аммиана к жертвам этих процессов рассматривалось как проявление ненависти против христиан¹⁹². В действительности Аммиан выступал не с реабилитацией магии, которая оставалась для него одним из проявлений человеческих суеверий, а в защиту невинных людей, пострадавших от императорского террора.

Итак, Аммиан Марцеллин, оставаясь язычником, отнюдь не был ревностным врагом христианства. Он даже отдавал должное христианской этике и морали, не скрывая вместе с тем пороков современной ему христианской церкви и церковной иерархии.

В заключение можно высказать гипотезу о том, что двойственное отношение Аммиана к христианству в какой-то мере объясняется отсутствием еще полной поляризации и кристаллизации религиозных воззрений в среде той части интеллигенции империи, к которой принадлежал наш писатель.

Этические воззрения Аммиана формировались также под двойным влиянием: античной философии, с одной стороны, и жизненного опыта — с другой. Выше всего писатель ставил духовные качества человека. «По определению философов, — писал он, — есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и храбрость, к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, власть, счастье и благородство»¹⁹³. Вслед за Гераклитом Эфесским Аммиан видит высшее проявление доблести в обуздании могущественными владыками своих страстей, способных привести к проявлению ненависти, гнева и ярости¹⁹⁴. Аммиана восхищает афоризм Цицерона: «Благополучие — это удача в благородных деяниях, а счастье — судьба, помогающая добрым советом»¹⁹⁵.

Аммиан постоянно преклоняется перед мужеством и бескомпромиссностью людей, защищающих свои убеждения. Трагическим гимном в честь стойкости человеческого духа звучит у него описание гибели, по воле императора Валента, прославленных языческих ученых — философов Пасифила и Симонида. Оба мужественно приняли смерть, даже под пыткой они не пожелали оклеветать невинных людей и проявили достойное удивления величие души. Свирепый судья, взбешенный твердостью духа Симонида,

¹⁹² *H. Funke. Majestäts- und Magierprozesse bei Ammianus Marcellinus. — «Jahrbuch für Antike und Christentum», 1967, 10, S. 175 f. Ср. H. J. Marreau. Ammien Marcellin et les «Innocents» de Milan. — «Recherches des sciences religieuses», 40, 1952, p. 197—190.*

¹⁹³ *Amm. Marc., Hist., 29, 2. 20. См. H. Drexler. Die moralische Geschichtsauffassung der Römer. — «Gymnasium», 61, 1954, S. 166 ff.*

¹⁹⁴ *Amm. Marc., Hist., 21, 16. 14.*

¹⁹⁵ *Ibid., 21, 16. 13.*

приказал сжечь его живым. Философ принял смерть с необычайной стойкостью: «Готовый убежать от жизни, как от свирепой владычицы, с насмешкой над внезапным крушением дел мира сего, Симоид неподвижно стоял в пламени своего костра, следуя примеру знаменитого философа Перегрин (Протея)»¹⁹⁶.

Философы-мученики изображаются Аммианом как люди не только мужественные, но беспредельно честные и строгие «ревнители добродетели». Знаменитый языческий философ Максим из Эфеса, человек с блистательным ученым именем, наставник императора Юлиана, по ложному обвинению был казнен, испытав на собственном опыте, что из всех преступлений самое тяжкое — несправедливость судьбы¹⁹⁷.

В труде Аммиана почти всегда присутствует моральная оценка лиц и событий. Историк ясно прочерчивает грань, пролегающую, по его мнению, между добрыми и дурными делами, правдой и ложью. Похвала и порицание — как бы камертон его повествования. Он никогда не остается равнодушным, холодным — отсюда и его постоянная дидактическая направленность.

Во многом Аммиан — моралист и дидактик¹⁹⁸. Свою задачу он видит в том, чтобы поучать и воспитывать современников и потомков. Историк должен учить высокой нравственности и достойному поведению в жизни и политике. Рефреном к его изложению является призыв подражать героям и осуждать негодяев, для чего он широко использует античную дидактическую традицию. Древняя история для него — неисчерпаемый арсенал поучительных примеров. Аммиан постоянно твердит о моральной ответственности человека за его дела. Особенно великий груз ответственности налагает на себя правитель, вынося смертный приговор любому человеку: «Когда приходится произнести приговор о жизни человека, который является частью мира и дополняет до целого число живых существ, следует основательно помедлить и никогда не допускать поспешности в деле, которое непоправимо»¹⁹⁹.

Не брать чужого — это еще не заслуга, морализирует автор, бескорыстие должно быть присуще всем гражданам. Образцом такого бескорыстия для него был отказ бедноты Рима брать имущество проскрибированных римлян при Марии и Цинне: «Не оказалось никого, будь то бедняк или человек самого низкого положения, кто бы захотел поживиться от общественного бедствия, хотя это и было дозволено»²⁰⁰.

Позорно убить на пиру гостя²⁰¹, отказать в пище голодному, хвастаться богатством. Развитие духовных дарований важнее

¹⁹⁶ *Amm. Marc., Hist.*, 29, 1.39.

¹⁹⁷ *Ibid.*, 29, 1.42.

¹⁹⁸ *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 11—12.

¹⁹⁹ *Amm. Marc., Hist.*, 29, 2.18. Ср. 29, 2.19.

²⁰⁰ *Ibid.*, 30, 8.9.

²⁰¹ *Ibid.*, 30, 1—23.

заботы о роскоши. Аммиан одобряет Юлиана за прославление честной бедности: «Ничуть не стыдно императору, который видит все блага в развитии духовных сил и признается в своей благородной бедности»²⁰². Постыдно придавать значение суетной мишуре, внешним аксессуарам — ведь жалкие тряпки мало значат без высшей власти²⁰³. Прощать врагам — высшая добродетель человека, особенно правителя. Простив врага, Юлиан якобы сказал: «Я решил уменьшить число врагов и увеличить число друзей»²⁰⁴. Недостойно человека и гражданина, особенно историка, разглашать чужие тайны²⁰⁵.

Высшая из всех добродетелей, по Аммиану, — справедливость, а лень — кормилица всех пороков²⁰⁶. Но особенно ненавидит Аммиан клеветников и доносчиков²⁰⁷. Придворные евнухи, уродливое порождение деспотизма, сеяли раздоры клеветой и возбуждали зависть в правителях к благородным людям. Зависть — порок, заслуживающий презрения, он был присущ Валентиниану I. По словам Аммиана, тот «имел сильную склонность унижать своих противников и устранять лучших людей; он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один выдается над другими добрыми качествами»²⁰⁸. Позорное дело не может быть оправдано тем, что другое было на него похоже и осталось безнаказанным. Вечная сила справедливости, хотя и запаздывает иной раз со своим вердиктом, но все же является неизменным судьей правых и неправых дел²⁰⁹.

Аммиан ставит человеческий разум выше, чем грубую силу. «Сколь бессильна, — пишет он, говоря о кимврах и тевтонах, — дикая военная мощь перед разумом»²¹⁰.

Историк твердо верит в облагораживающую пользу образования. «О, благодетельное образование, — восклицает он, — благоволением неба предоставленное счастливым, как часто ты перевоспитывало и дурные от природы характеры»²¹¹.

Высоко ценя в людях нравственную чистоту и правдивость, Аммиан требует и от историка честного выполнения его долга. Долг же историка перед современниками, потомками и самим собой — писать истину. Историк не может ни умалчивать о чем-либо, ни прибавлять от себя, «так как историк, сознательно

---

²⁰² *Amm. Marc., Hist., 24, 3.4—5.*

²⁰³ *Ibid., 22, 9.11.*

²⁰⁴ *Ibid., 22, 14.5.*

²⁰⁵ *Ibid., 20, 8.18.*

²⁰⁶ *Ibid., 20, 8.11. Ср. 21, 16.16.*

²⁰⁷ *Ibid., 22, 9.9.*

²⁰⁸ *Ibid., 30, 8.10.*

²⁰⁹ *Ibid., 30, 2.9.*

²¹⁰ *Ibid., 31, 5.12.*

²¹¹ *Ibid., 29, 2.18.* Историк полагает, что образование могло бы удержать императора Валента от террора.

умалчивающий о событиях, совершает, очевидно, не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не бывшее»²¹². Историк должен всегда оставаться нелицеприятным — ведь потомство, не будучи связано ни страхом, ни мерзостью лести, является обыкновенно беспристрастным судьей прошлого...»²¹³.

Историческому повествованию, утверждает Аммиан, подобает полное беспристрастие. И, видимо, он вполне искренне убежден, что честно выполнил долг историка. Он заканчивает «Историю» словами, исполненными внутреннего благородства: «Я обещал в труде своем дать истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания, прибегнув к умолчанию или лжи»²¹⁴.

Эта декларация Аммиана, при всей правдивости и искренности, оставалась, конечно, возвышенной, но призрачной иллюзией. Он, естественно, не осознавал, сколь велико было воздействие общественных условий жизни на его исторический труд. А они особенно отчетливо отразились на социально-политических взглядах историка.

Социально-политические взгляды и политическая теория

Политические взгляды Аммиана, как и его религиозные воззрения, отмечены также печатью известной двойственности и противоречивости, свойственной настроениям позднеримского общества переходной эпохи²¹⁵.

Политический идеал складывался у Аммиана под воздействием как современной социально-политической борьбы, так и учения античных философов. Аммиан — сторонник сильной, но прежде всего справедливой и милосердной монархической власти, опирающейся на мудрых помощников и чуждой личного произвола. В бурях современных ему политических столкновений историк ищет точку опоры в образе идеального императора. При этом он создает идеал правителя, отвлеченный и далекий от жизни²¹⁶.

Аммиан выступает выразителем теории провиденциалистской миссии императора в судьбах Римского государства. Именно император, наделенный *virtus* — совокупностью добродетелей,

²¹² *Amm. Marc., Hist.*, 29, 1.15.

²¹³ *Ibid.*, 31, 5.10.

²¹⁴ *Ibid.*, 31, 16.9.

²¹⁵ *A. Alföldi. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire.* Oxford, 1952; *S. Dill. Roman Society in the Last Century of the Western Empire.* New York, 1958; *J. Vogt. Der Niedergang Roms. Metamorphose der antiken Kultur.* Zürich, 1965.

²¹⁶ *J. Straub. Vom Herrscherideal in der Spätantike.* — «Forschungen zur Kirchen und Geistesgeschichte», 18, 1939, S. 22 f.; *L. Valensi. Quelques réflexions sur le pouvoir impérial d'après Ammien Marcellin.* — «Bull. Assoc. G. Budé», Suppl. 16, 1957, p. 62 sq.

является исполнителем предначертаний судьбы. Но император обязан проявлять свою *virtus* на благо подданных, и только тогда судьба будет к нему благосклонна ²¹⁷.

Счастье (*felicitas*) императора — дар высших божественных сил ²¹⁸, но даруется оно за добрые дела ²¹⁹. Императорам покровительствует Фортуна римского мира ²²⁰, добродетельным правителям является гений государства, который и сообщает волю судьбы ²²¹.

Согласно схеме исторического развития, принятой Аммианом, между императором и судьбой нет никаких других сил, классов, групп, исторических ситуаций, которые определяли бы ход истории.

В политике Аммиан — сторонник неограниченной законной власти императора. Эта консервативная идея прочно вошла в плоть и кровь старого римского солдата Аммиана. Сожалений о безвозвратно ушедшем в прошлое республиканском образе правления не чувствуется в его сочинении. Автор тоскует не о республике, а о хорошем государе и постоянно морализирует на этот счет. Умеренность, мудрость, справедливость, воинская доблесть должны украшать, по Аммиану, идеального государя. Обязанность государя — быть воином, делить с солдатами трудности походов, разумно посвящать свою жизнь защите подданных, заботиться о благе римской державы ²²². Любовь к отечеству для императора — выше любви к родным ²²³. Правителю государства необходимо избегать всего чрезмерного, как крутого утеса ²²⁴. Человечность и кротость — добрые родственницы доблестей императора ²²⁵. Долг императора — самоограничение. Милосердие, по Аммиану, — желанная пристань для гонимых ветром по разбушевавшемуся морю. Ибо цель справедливого правления, по учению философов, — польза и благо подданных ²²⁶.

Какое утешение для несчастных, твердит автор, — мягкость правителей ²²⁷. Императору подобает прощать побежденных и отказываться от мести врагам. В подтверждение этих мыслей историк обращается к авторитету великих людей прошлого: Марк Ав-

---

²¹⁷ Г. Роуэлл полагает, что старому солдату Аммиану особенно импонировали воинские доблести императоров и что он, пройдя военную службу в армии, был ярким приверженцем легитимизма и законной императорской власти (*H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian...*, p. 305—306, 310).

²¹⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 14. 10.6; 16, 12.13.

²¹⁹ *Ibid.*, 21, 16.3.

²²⁰ *Ibid.*, 25, 2.3.

²²¹ *Ibid.*, 20, 5.10; 21, 14. 1; 3—5.

²²² *Ibid.*, 27, 6.12.

²²³ *Ibid.*, 26, 4.1—3.

²²⁴ *Ibid.*, 30, 8.2.

²²⁵ *Ibid.*, 30, 8.4.

²²⁶ *Ibid.*, 30, 8.14.

²²⁷ *Ibid.*, 30, 8.6.

релий, например, сжег письмо с именами заговорщиков²²⁸, чтобы не возненавидеть их, а Цицерон писал: «Деятельно трудиться для спасения жизни другого многим послужило во славу, и никогда никому не приносило позора то, что он мало сделал для гибели другого человека»²²⁹. Тот же Цицерон, имея возможность пощадить или покарать, выискивал основание простить, а не наказать²³⁰. Добрый правитель должен ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и сильного гнева. Он обязан всегда помнить слова Цезаря, что воспоминания о жестокости — плохая опора для годов старости²³¹.

Писатель проводит четкую грань между добрым правителем и тираном. Добрый правитель наделен всей совокупностью добродетелей, тираном же он становится, когда своевольно использует власть. Для тирана, по Аммиану, характерны: зависимость от льстецов — придворных советников, жен, царедворцев, евнухов, страх за свою власть. Этот страх — определяющая психологическая причина всех недостатков и дурных поступков тирана.

Следуя античным традициям морализации, Аммиан постоянно дает не только политическую, но и нравственную оценку того или иного правителя. Примечательно при этом, что такие добродетели государя, как благочестие, защита истинной веры, ставшие в средневековой литературе каноническими, остаются у Аммиана на заднем плане²³².

У Аммиана встречается идея об ответственности правителя: ни давление обстоятельств, ни советы придворных не снимают с императора этой ответственности. Цель хорошего правления, заявляет автор, — выгода и благосостояние подданных, поддержание мира и особенно недопущение произвола, который является главным источником упадка нравов государства. Ненависть к произволу Аммиан сочетает с весьма лояльными монархическими идеями. Личность императора неприкосновенна, и защита ее — обязанность всех граждан. Закон об оскорблении величества необходим, но вредны злоупотребления им, из-за чего может казаться, что «подданными управляет произвол, а не законная власть»²³³. Аммиан всегда выступает защитником легитимного принципа государственной власти²³⁴; казнь лиц, изменивших законному государю, — справедлива, а наказание людей, выдавших узурпатора, не оправданно, их следует скорее наградить, чем казнить²³⁵. Но в императорах Аммиана привлекает дух

²²⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 21, 16.11.

²²⁹ *Ibid.*, 30, 8.7.

²³⁰ *Ibid.*, 19, 12.18.

²³¹ *Ibid.*, 29, 2.18. Ср. 21, 16.14.

²³² *K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...* S. 224.

²³³ *Amm. Marc., Hist.*, 19, 12. 17—18.

²³⁴ *R. Laquer. Das Kaisertum und die Gesellschaft des Reiches. In: «Probleme der Spätantike».* Stuttgart, 1930.

²³⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 26, 9.10.

гражданственности, он — против крайностей абсолютной власти. Так, он порицает Констанция за то, что тот себя называл «моя вечность» и «владыка всего круга земного»²³⁶.

Образ идеального правителя воплощается для Аммиана в императоре Юлиане, который жил и умер, как истинный герой и философ. На смертном одре, пишет историк, император благодарил «вечного бога» за сладостную смерть, ибо он уходил из мира не из-за тайных козней врагов, не от жестокой и продолжительной болезни, не погибал смертью осужденного на казнь, а умирал в расцвете своей славы. «В равной мере,— добавляет историк,— трус тот, кто желает смерти, когда это не подобает, и кто бежит ее, когда пришел его час»²³⁷.

В панегирике Аммиана²³⁸ Юлиан предстает как личность сильная и обаятельная, натура страстная и решительная, но вместе с тем склонная к отвлеченному мышлению и религиозной экзальтации. Юлиан — мудрец и воин в одном лице. Познав тайны философии, он даже в походах предается размышлению о смысле бытия, и только светильник бывает свидетелем его ночных занятий. Он склонен к мистическим молениям, верит гаданиям и впадает в суеверие. Но в то же время Юлиан — человек действия: он храбр в сражениях, выносив в походах, удачлив в ведении войн. Он справедлив и прост, доступен в обращении, строг без жестокости. Воины его любят, хотя и боятся. Он привлекает сердца людей щедростью и бескорыстием. Подобно Александру Македонскому, сокровища свои он находит в друзьях. Духовные устремления человека Юлиан ценит много выше плотских. По его мнению, «постыдно для мудрого искать славы с помощью своих телесных качеств, когда у него есть душа»²³⁹. Юлиан отличается целомудрием и чистотой нравов, нравственной цельностью: он живет сложной духовной жизнью, презирая плотские наслаждения. Он всегда умерен в пище, питье и сне, закален в воинских трудах и научных занятиях. Привлекательная внешность дополняет живой облик этого императора. Юлиан был среднего роста,

²³⁶ Ibid., 15, 1.3—4.

²³⁷ Ibid., 25, 3.19. Аммиан, боясь обвинения со стороны врагов Юлиана в пристрастии к этому императору, особо подчеркивает свою правдивость в описании его жизни. «Деяния Юлиана,— писал историк,— превзошли подвиги иных древних. И весь мой рассказ, чуждый всяких хитросплетенный лжи, покоящийся на незыблемых основах одной правды, перейдет, однако, почти в панегирик» (*Amm. Marc., Hist., 16, 1.2*). О деятельности Юлиана см.: *W. Ensslin, Kaiser Julians Gesetzgebungswerk und Reichsverwaltung.* — «Klio», 18, 1923, S. 104—199; *J. Bidez, La vie d'empereur Julien.* Paris, 1930; *J. Kabiersch, Untersuchungen zum Begriff der Philantropia bei dem Kaiser Julian.* — «Klassisch-philologische Studien», 21, 1960; *G. Scheda, Die Todesstunde Kaiser Julians.* — «Historia», 15, 1966, S. 380—383; *D. Conduché, Ammien Marcellin et la mort de Julien.* — «Latomus», 24, 1965, p. 369—380.

²³⁸ *Amm. Marc., Hist., 25.4.*

²³⁹ Ibid., 25, 4.7.

пропорционально сложен и отличался силой и ловкостью. Правильные черты лица, гладкие волосы и борода клином, полные огня и светящиеся тонким умом глаза — все это создавало впечатление одухотворенности и силы. Лишь большой и некрасивый рот несколько портил незаурядную внешность этого императора. Панегирик Юлиану — отнюдь не просто литературное украшение исторического сочинения. Написанный по законам панегирического жанра, он сочетает, однако, античные стереотипы с индивидуальной характеристикой императора, а деконкретизированный образ героя античных панегириков наделяется живыми человеческими чертами. Он весь пронизан неподдельной искренностью, горячей привязанностью автора к Юлиану²⁴⁰. Целью создания этого панегирика, возможно, была защита памяти Юлиана от нападков его врагов и хулителей, попытка реабилитировать его перед потомством и показать его истинную, с точки зрения автора, историческую роль²⁴¹. Панегирик Юлиану не находится в каком-либо противоречии со всем сказанным Аммианом об этом выдающемся человеке; здесь автор как бы суммирует и развивает свои мысли, изложенные ранее. Аммиан отнюдь не скрывает слабостей и недостатков своего героя: Юлиан бывал порою легкомыслен, своеволен, изменчив, падал на похвалы, поступал вопреки своим же собственным намерениям, искал популярности толпы²⁴². Образ Юлиана динамичен: он борется, побеждает, страдает и, наконец, гибнет. По Аммиану, жизнь и деятельность Юлиана как бы распадается на два этапа: Юлиан — Цезарь и Юлиан — Август. До своего воцарения Юлиан был добродетелен и справедлив, втайне сохранял верность религии отцов, относился с милосердием даже к врагам, и судьба помогала ему, вкиспослав ему победы. После же прибытия в Константинополь, став императором, он сильно изменился, перестал следовать велениям небес, начал слишком большое внимание уделять внешним сторонам культа, стал суеверен, и Фортуна отвернулась от него. Гибель Юлиана, по Аммиану, была логическим концом и неизбежным результатом этих перемен в душе самого императора²⁴³.

Наряду с образом идеального государя важное место в политической концепции Аммиана занимает прославление вечности

---

²⁴⁰ Трудно согласиться с мнением Х. Гэртнер, которая пытается доказать, что Аммианов панегирик Юлиану — не что иное, как вставка литературного характера, написанная в подражание классическим образцам императорских панегириков (*H. Gärtner. Einige Überlegungen zur kaiserlichen Panegyrik und zu Ammians Charakteristik des Kaisers Julian. Wiesbaden, 1968, S. 512—515*).

²⁴¹ *Amm. Marc., Hist., 25, 4.23—27.*

²⁴² *Ibid., 25, 4.16—21.*

²⁴³ *D. Conduché. Ammien Marcellin et la mort de Julien, p. 378 sq.; L. Lerat. Ammien Marcellin, Julien et Vesontio. — «Mélanges A. Piganiol». Paris, 1966, p. 1037—1046.*

и неизбежности Рима²⁴⁴, как немеркнувшего символа величия и стабильности Римского государства среди разбушевавшейся стихии варварских племен и народов. Аммиану глубоко чуждо христианское представление, ярко выраженное Августином, о грядущей неизбежной гибели погрязшей в грехах волчицы — Рима, который ждет неминуемая кара за грехи язычников-римлян²⁴⁵. Идея неизбежности и вечности Рима окрашена у Аммиана в консервативные тона и связана с общей идеализацией могущества Римского государства²⁴⁶.

Монархизм Аммиана тесно переплетается с римским патриотизмом и прославлением Рима, который чтут все народы, «как владыку и царя». Рим, подобно доброму, разумному и богатому отцу, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим детям²⁴⁷. Рим остается для императоров местопребыванием высшей власти (*augustissime omnium sedes*) и средоточием всех доблестей²⁴⁸. Высший долг патриотизма как для императоров, так и для всех подданных — уметь любить свое отечество, как отчий и дедовский дом. Однако идея о том, что Рим остается и поныне центром мировой державы, все же несколько потускнела у Аммиана, и на деле него книга Рим выступает скорее как идеальный, а не как реальный центр исторического процесса. При изложении хода событий сам же Аммиан чаще и больше говорит о других центрах империи. Рим у него невольно занимает не больше места, чем он занимал в то время в реальной политической жизни²⁴⁹.

Носителями истории, по Аммиану, являются императоры, и история творится там, где находятся в данный момент они: в Милане, Галлии, Константинополе, в Антиохии, в Месопотамии. Римский патриотизм, как сознает сам историк, в его время также несколько пообветшал, и идеал его находится уже в далеком прошлом. Варварские нашествия некогда были отбиты, пишет Аммиан, ибо «наши предки не знали еще заразы распущенной жизни, не ведали роскоши стола, не гонялись за постыдной наживой,

²⁴⁴ *Amm. Marc.*, Hist., 14. 6.5; 26, 1.14; 27, 6.6, *W. Gernentz*. *Laudes Romae*. Rostock, 1918; *R. Paschoud*. *Roma aeterna*. Etudes sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions.— «*Bibliotheca Helvetica Romana*», 7. Suisse, 1967.

²⁴⁵ *H. Fuchs*. *Augustin und der antike Fiedengedanke*. Berlin, 1926; *idem*. *Der geistige Widerstand gegen Rom in der antiken Welt*. Berlin, 1938; *J. Straub*. *Christliche Geschichtsapologetik in der Krise des römischen Reiches*. — «*Historia*», 1950, 4, S. 52—81; *F. G. Maier*. *Augustin und das antike Rom*. Stuttgart, 1955. См. выше стр. 37.

²⁴⁶ *H. Tränkle*. *Amnianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber...*, S. 26—28; *K. Rosen*. *Studien zur Darstellungskunst...*, S. 99 f.

²⁴⁷ *Amm. Marc.* Hist., 14, 6.6; *J. Palm*. *Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit*. Lund, 1959; *J. Straub*. *Heidnische Geschichtsapologetik in der christlichen Spätantike*. Bonn, 1963; *F. Klinger*. *Vom Geistesleben im Rom des ausgehenden Altertums*. — In: «*Römische Geisteswelt*». München, 1965, S. 528—578.

²⁴⁸ *Amm. Marc.*, Hist., 16, 10, 13.20.

²⁴⁹ *A. Demandt*. *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 118.

но все люди, как высокого, так и низкого звания, с полным единодушием шли на славную смерть за отечество, как в тихую спокойную пристань»²⁵⁰.

Для политической теории Аммиана характерно его отношение к сенату. Историк отчетливо видит, что сенат потерял былое могущество и влияние на государственные дела, хотя «всюду в чести и славе авторитетная седина сената и имя римского народа»²⁵¹. Аммиан, однако, не упускает случая сказать о необходимости для императоров уважать волю сената. Так, он осуждает за конфликт с сенатом даже самого Юлиана: когда тот поносил перед сенатом своего покровителя Констанция, сенат проявил благородство и верность прежнему императору — в сенате раздался единодушный возглас: «Просим уважать того, кто тебя возвысил»²⁵².

Из пяти императоров, правление которых пережил и описал Аммиан, искренних похвал у него заслужил лишь один Юлиан. Отвлеченный идеал государственного правления, нарисованный Аммианом, находился в таком вопиющем противоречии с действительностью, что этот контраст прекрасно осознал сам автор. И сила Аммиана Марцеллина как мыслителя и историка — не в создании позитивной модели государственной власти, а в страстном обличении существующего политического строя²⁵³.

Критика римского общества и ее социальные корни

Аммиан сам остро сознавал все трудности, стоящие перед историком, пишущим о современности. Он прямо говорит, что сначала боялся описывать ближайшие по времени события, чтобы избежать опасностей, которые нередко подстерегают правдивых повествователей, а также суда непрошенных критиков, требующих изложения мелочей, вроде того, что сказал за столом какой-нибудь император. Миссия же историка значительно важнее. Мелочи такого рода не согласуются с принципами исторического изложения, которое должно освещать лишь важнейшие события и не вдаваться в излишние подробности²⁵⁴. Однако, презрев опасность и невежественные суждения простаков, наш историк смело вступил на путь описания жизни современного ему общества.

²⁵⁰ *Amm. Marc., Hist.*, 31, 5.14.

²⁵¹ *Ibid.*, 14, 6.6. См.: *A. Alföldi. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire.*

²⁵² *Amm. Marc., Hist.*, 21, 10.7.

²⁵³ *W. Hartke. Geschichte und Politik im spätantiken Rom.—«Klio», Beiheft 45, 1940, S. 38 f.*

²⁵⁴ *Amm. Marc., Hist.*, 26, 1.1—2; *V. Pöschl. Die römische Auffassung der Geschichte.—«Gymnasium», 63, 1956, S. 190—206.*

Марцеллин достигает поистине высочайшего эмоционального накала, когда рассказывает о злодеяниях и пороках правителей империи. Его описание террора на востоке и западе Римской империи в IV в. по непримиримой ненависти и беспощадной обнаженности могут сравниться во всей римской историографии лишь с пропитанными ядом сатиры инвективами Светония и Ювенала, а в византийской — с грозными обличениями «Тайной истории» Прокопия.

Первые страшные признаки террора, по Аммиану, проявились уже в правление Цезаря Галла. Доносы и казни обрушились прежде всего на старую патрицианскую знать. «Когда основанное на законе и справедливости правление было заменено кровавым произволом, стали приходиться в запустение богатые и знатные дома»²⁵⁵. Шпионы и доносчики наводнили Антиохию, и люди «начали бояться даже стен, единственных свидетелей какой-нибудь тайны»²⁵⁶. Цезарь Галл не давал пощады ни императорским сановникам, ни городской знати, ни простым людям²⁵⁷.

Констанций, по характеристике Аммиана, — «сносный государь», однако он тоже был неумолим в вынесении смертных приговоров во время политических процессов по доносам клеветников. При нем царил не правый суд, а узаконенный разбой²⁵⁸. В его правление многих знатных лиц казнили по пустому обвинению в тайном изготовлении царских одежд из тирского пурпура²⁵⁹.

Но особенно неумолимо разоблачает Аммиан злодеяния Валента и Валентиниана I. Кровавые дела этих правителей противопоставляются мудрому царствованию Юлиана. «Достопамятные доблести императора Юлиана приняли, — пишет автор, — братья-императоры, не будучи сами ни равны ему, ни даже похожи на него»²⁶⁰. Террор при Валенте, пишет автор, был для многих знатных и известных людей хуже гибели на войне. Право и закон служили лишь маской, все судебные дела рассматривались сообразно с желанием высокомерного властителя, и вопрос о жизни и смерти подсудимых решался по его прихоти²⁶¹. Доносы и казни доставляли Валенту дикую радость²⁶².

И с политической, и с нравственной точки зрения более всего негодует Аммиан по поводу победы произвола над законностью.

²⁵⁵ *Amm. Marc., Hist., 14, 1.4.*

²⁵⁶ *Ibid., 14, 1.6—7.*

²⁵⁷ *Ibid., 14, 1; 7.1.*

²⁵⁸ *Ibid., 14, 9.2—6.*

²⁵⁹ *Ibid., 14, 9.7—9.* См.: *A. M. Tassi. Costanzo II e la difesa della maestà imperiale nell'opera di Ammiano Marcellino.* — «Critica storica», 6, 1967, p. 157—180; *C. di Spigno. Studi su Ammiano Marcellino il regno di Costanzo II.* — «Helikon», 2, 1962, p. 442—464; 3, 1963, p. 301—328.

²⁶⁰ *Amm. Marc., Hist., 26, 10.8.*

²⁶¹ *Ibid., 26, 10.10.*

²⁶² *Ibid., 26, 10.12.*

«Проявления произвола позволяют себе могущественные государи, потому что они не признают за друзьями права возражать против их дурных решений и поступков, а врагов устрашают величием своей власти. Для того, кто считает великим подвигом все, к чему склоняется его воля, нет вопроса о несправедливости»²⁶³. «Нет ничего столь дикого,— говорит Аммиан о Валенте,— как соединение свирепого характера с гордым высокомерием верховной власти»²⁶⁴.

Писатель глубоко потрясен противоречием между справедливостью как высшим законом бытия и замаранным кровью порочным, неправым судом императоров, в полном подчинении которых находится любой подданный империи.

Описывая страшный террор, воцарившийся на Востоке империи после подавления восстания Прокопия, Аммиан пишет: «Палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не разбирая ни возраста, ни сана»²⁶⁵. Неправый суд творился по всей стране и среди всех слоев общества. Валент, человек недалекий и трусливый, был развращен льстецами и истерзал государство «достойными слез убийствами»²⁶⁶. Террор усиливался корыстолюбием императора и его придворных: «Они держали открытой свою пасть и считали милосердие слабостью..., они развращали характер человека, носившего смерть на конце своего языка; как злой ураган, обрушивались они на все и спешили до основания разрушить самые богатые дома»²⁶⁷.

Судьи судили не по закону, а по воле владыки, и всех объял ужас; император же доходил до крайнего бешенства, как зверь в амфитеатре, если от него ускользнет приблизившийся к клетке человек²⁶⁸. Террор, начатый Валентом после раскрытия заговора потария Феодора, Аммиан характеризует такими словами: «На глазах у всех убивали людей, словно резали скотину»²⁶⁹.

Не менее жуткая картина произвола возникает при описании террора, проводимого Валентинианом I в Риме. Подозрительный и жестокий деспот, Валентиниан I, по наущению своих клеветников начал в Риме целую серию процессов об отравлениях. Эти процессы были направлены против старой римской аристократии. Император стал подводить под закон об оскорблении величества дела о колдовстве, обвиняя знатных людей в том, что через лиц низкого звания они обращались к колдунам. Начались истязания сенаторов, освобожденных по закону от пыток²⁷⁰. Рим стал сви-

²⁶³ *Amm. Marc., Hist., 27, 7. 9.*

²⁶⁴ *Ibid., 29, 2.12.*

²⁶⁵ *Ibid., 26, 10.9.*

²⁶⁶ *Ibid., 27, 5.8.*

²⁶⁷ *Ibid., 29, 1.19.*

²⁶⁸ *Ibid., 28, 1.27.*

²⁶⁹ *Ibid., 29, 1.40.*

²⁷⁰ *Ibid., 28, 1.10—11.*

детелем множества кровавых процессов и казней²⁷¹. Император не считался ни с полом, ни с возрастом. Было казнено много знатных римских матрон по обвинению в прелюбодеянии и безнравственности²⁷². В древней столице империи процветали доносы. У префекта претория Максимиана, главного виновника террора, «всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой подвязывали доносы»²⁷³.

Аммиан, как впоследствии и Прокопий, не жалеет самых сильных эпитетов для осуждения политики произвола ненавистных ему императоров.

В чем же причина столь откровенно обличительной направленности исторического сочинения Аммиана? В чем корни его политической оппозиционности?

Ответить на этот вопрос крайне трудно, ибо он теснейшим образом связан с выяснением социальной принадлежности и всей совокупности социально-политических воззрений Аммиана. В науке высказывались различные и зачастую противоположные суждения. Довольно широкое распространение приобрела точка зрения, согласно которой Аммиан выражал идеологию старой римской консервативно настроенной аристократии, группировавшейся в то время в Риме вокруг кружка отца и сына Симмахов и семьи Никомахов²⁷⁴.

В критике отдельных императоров, а не всего существующего строя Аммиан, по мнению приверженцев этой теории, являлся рупором языческой сенаторской оппозиции в Западной Римской империи²⁷⁵. Однако указанную теорию в последнее время подвергли сомнению, преимущественно на том основании, что в труде Аммиана нет прямых данных о его реальной близости к римской сенаторской аристократии²⁷⁶. Ученые обратили внимание и на острую критику Аммианом знати империи, что также свидетель-

---

²⁷¹ *H. Funke*. Majestäts- und Magierprozesse bei Ammianus Marcellinus... S. 167.

²⁷² *Amm. Marc.*, Hist., 28, 1.28.

²⁷³ *Ibid.*, 28, 1.26.

²⁷⁴ Одним из сторонников этой теории является В. Зейфарт, который вслед за В. Энслином обратил особое внимание на близость Аммиана к литературно-политическому кружку Симмаха и на его политические связи со сторонниками языческого императора Евгения (*W. Seyfarth*. Einführung, S. 21 f. Ср. *W. Ensslin*. Zur Geschichtsschreibung..., S. 9). В. Зейфарт стремится истолковать некоторые места у Аммиана как доказательство принадлежности его к аристократическим кругам (*W. Seyfarth*. Einführung, S. 15). Даже в статье, где он анализирует, как Аммиан понимал *fatum* и *fortuna*, В. Зейфарт выдвигает гипотезу, что это античное понятие судьбы употребляется писателем в угоду консервативным воззрениям покровительствовавшей ему римской сенаторской аристократии (*W. Seyfarth*. Ammianus Marcellinus und das *Fatum*, S. 305 f.).

²⁷⁵ *S. d'Elia*. Ammiano Marcellino..., p. 377 sq.

²⁷⁶ *Al. Cameron*. The Roman Friends of Ammianus. — «Journal of Roman Studies», 54, 1964, p. 28. Ср. *J. Heyen*. A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin. — «Latomus», 27, 1968, p. 196.

ствуется отнюдь не в пользу его идейной близости со старой римской аристократией ²⁷⁷.

Вместе с тем, на наш взгляд, историческое сочинение Аммиана все же дает известные основания для признания идейной близости социально-политических воззрений этого писателя к идеологии консервативных кругов римской сенаторской аристократии.

Как мы видели, сам историк отнюдь не принадлежал к высшим аристократическим слоям римского общества. Он был представителем, однако, той части языческой интеллигенции империи, которая находилась в оппозиции к правительству и попала в орбиту политических кругов, отражающих настроения фрондирующей против императоров сенаторской знати.

Показательно для социально-политической позиции Аммиана акцентирование внимания читателя на гонениях именно против представителей знатных, зачастую еще языческих, патрицианских родов. При Валенте, пишет он, палачи напали на самые столпы патрициата ²⁷⁸. В этом отношении Аммиан является выразителем идеологии языческой оппозиции против гонений «христианских» императоров на старую родовую языческую знать. Но, как мы видели, вероисповедные мотивы у него не играют первостепенной роли. Несравненно более важное значение имеют политические симпатии или антипатии к тому или иному правителю. Однако с правящим «христианским» императором Феодосием I наш автор принужден мириться. Более того, он отзывается с похвалой о царствующем государе, всячески прославляя его деяния и подвиги его родных ²⁷⁹.

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что Аммиан писал свое сочинение в правление Феодосия, когда беспощадная критика предшествовавших царствований отнюдь не возбранилась, а наоборот, поощрялась новым правительством. На это намекает сам историк. Признаваясь со всей откровенностью в своем первоначальном намерении предать из страха перед карой молчаливому забвению ужасы прошлых лет, он с радостью сообщает о благодетельных политических переменах, позволивших ему изменить это решение. В то время, когда он писал свое сочинение, он уже был уверен в более высоком уровне нравственности общества

---

²⁷⁷ *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 14. Р. Фрэнк усматривает в труде Аммиана отражение столкновений и идейной борьбы между гражданской и военной элитой в позднеримском обществе (*R. I. Frank. Commendabiles in Ammianus.* — «Journal of American Philology», 88, 1967, p. 316—318).

²⁷⁸ *Amm. Marc.*, Hist., 29, 2.9. См. *E. Auerbach. Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur.* Bern, 1959, S. 56—80; *A. Selim. Ammiano Marcellino ed i problemi sociali del suo tempo.* — «Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa». Clas. di lett., stor. e filos., 33, 1964, p. 147—153.

²⁷⁹ *Amm. Marc.*, Hist., 28, 3.1—9; *E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus*, p. 87—107.

и мог говорить правду о прошедших днях ²⁸⁰. Наш историк выражает удовлетворение по поводу того, что теперь «есть полная возможность высказывать свободно свое мнение...» ²⁸¹.

Труднее объяснить другое: почему Аммиан обрушивается с беспощадной критикой на высшую знать Рима? Ведь именно он оставил потомкам потрясающую картину падения нравов разбогатевшей римской аристократии. Разоблачения пороков высшей римской знати порою превращаются у Аммиана в инвективу огромного эмоционального пакала. Картина нравственного разложения римской аристократии настолько реалистична, что могла быть списана лишь непосредственно с натуры. Потрясающий контраст между безвозвратно ушедшей в прошлое величавой чистотой нравов римской аристократии и царящей в современном обществе беспредельной развращенностью глубоко печалит автора ²⁸².

В критике Аммиана отражается растленная атмосфера, царящая в высшем римском обществе, бездуховность знати, отсутствие у нее важных дел, государственных забот, высокой цели жизни. Среди знати царят такие пороки, как жажда наслаждений, тщеславие, изнеженность, хвастовство, жеманство, леность.

Знатные люди в Риме чванятся роскошными шелковыми одеждами, гордо выступают в сопровождении огромной шумной толпы рабов, охотно посещают термы и различные увеселения, больше всего интересуются блудницами и конными ристаниями, в то время как ранее по законам нравственности сенатору нельзя было даже поцеловать жену в присутствии собственной дочери ²⁸³. Ныне же сенаторы окружены толпами льстецов и лизоблюдов, играющих позорную роль паразитов древнегреческой комедии. Льстецы и болтуны целуют им колени и руки, высокопарно прославляют своих покровителей ²⁸⁴. Те же в безумном тщеславии стремятся увековечить себя статуями.

Дни и ночи знать проводит в шумных и непристойных пирах, в безумной игре в кости. В среде знати слабы дружеские связи, зато сильны страсти за игорным столом. Аристократы пренебрегают наукой и бегут от нее, как от яда. В ленивой праздности они не берут в руки книги. В замкнутом светском кругу царят условности, за которыми скрывается отсутствие интереса к людям, эгоизм сословия. Знать чуждается людей с возвышенным образом мыслей, преданных науке, ее привлекает обыденность, бездуховность.

²⁸⁰ *Ann. Marc.*, Hist., 28, 1.2.

²⁸¹ *Ibid.*, 27, 9.4.

²⁸² Западнogerманский исследователь А. Демандт усматривает причины острой критики Аммианом пороков римской знати в идейной презумпции этого историка об исторической миссии и огромной нравственной ответственности аристократии за политическое и моральное состояние общества (*A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 14 f.).

²⁸³ *Ann. Marc.*, Hist., 28, 4.8—9.

²⁸⁴ *Ibid.*, 28, 4.12.

Легкомыслие и тщеславие пришли на смену древнеримской умеренности и строгости. И общество не осознает пагубности подобных идеалов. Жадности знати нет предела, она только и думает о захвате чужого имущества. Патрицианская семья переживает глубокий упадок, любовь и верность преданы забвению, супруги всячески изощряются в вымогательстве друг у друга выгодных для них завещаний²⁸⁵. Нечестно нажитые состояния знати не приводят никого в смущение, а наоборот, вызывают зависть и стремление к подражанию²⁸⁶. Аристократы делают безумные долги и не только не платят их, но всячески преследуют своих кредиторов, то обвиняя их в отравительстве, то сажая в тюрьму за мнимый долг²⁸⁷.

Упадок нравственности среди знати проявляется также в сочетании безверия с самыми грубыми суевериями. «Многие из них, — пишет Аммиан, — отрицая существование высшего божества на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни пообедать, ни выкупаться раньше, чем из основательного рассмотрения календаря в точности не узнают, в каком созвездии находится Меркурий или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна»²⁸⁸. Фальшивые жизненные идеалы порождают поклонение лживым богам.

Аристократы жестоко обращаются со своими рабами, но никогда не забывают о том, что это их собственность, приносящая доход. «Так, если раб несколько запоздает принести горячей воды, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плети; если же он намеренно убьет человека и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же и ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, уж я его накажу»²⁸⁹. Убийственную характеристику знати Аммиан заканчивает цитатой из Цицерона: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу»²⁹⁰.

Беспощадное разоблачение Аммианом знати, показывающее всю бездну падения ее нравов, на наш взгляд, имеет вполне определенный адресат. Аммиан критикует не всю патрицианскую знать как социальную группировку, а представителей тех аристократических семей Рима, которые нанесли, как мы видели, своим презрением тяжкое оскорбление самолюбивому писателю.

Думается, прав В. Зейфарт, который подчеркивает дифферен-

²⁸⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 28, 4.26.

²⁸⁶ *Ibid.*, 22, 4.3—5; 29, 1.43; 30, 4.8.

²⁸⁷ *Ibid.*, 28, 4.25.

²⁸⁸ *Ibid.*, 28, 4.24.

²⁸⁹ *Ibid.*, 28, 4.16.

²⁹⁰ *Ibid.*, 28, 4.26.

пированный подход Аммиана к различным слоям римской знати ²⁹¹. Если небольшая группа сенаторов, принадлежавших к кружку Симмахов и отличавшихся образованностью, заслуживает глубокого уважения автора ²⁹², то большинство новой городской знати Рима, разбогатевшей и чванливой, которая хвалится размерами своих имений и нив, вызывает лишь презрение и ненависть историка ²⁹³. Таким образом, Аммиан был идейными нитями связан не со всей римской знатью, а лишь с теми ее кругами, которые находились в оппозиции к политике «христианских» императоров. Именно представителям этих кругов его историческое сочинение импонировало не только своим римским патриотизмом, консервативной приверженностью к традициям воинственного и некогда победоносного языческого Рима, но и оппозиционными настроениями в отношении деспотизма и своеволия императоров, вырвавшихся из-под влияния сената и senatorской знати.

Вторая теория, выдвинутая в науке относительно социальной принадлежности Аммиана Марцеллина, связана с представлением о нем как об идеологе средних слоев позднеримского общества. Причем некоторые ученые изображают Аммиана представителем «средних классов» в широком и довольно расплывчатом понимании этого термина ²⁹⁴, другие уточняют социальную позицию писателя и рассматривают его как идеолога средних свободных землевладельцев, близких к куриалам ²⁹⁵.

Гипотеза о том, что Марцеллин был идеологом городских куриалов средней руки, нам кажется хотя и заманчивой, но все же еще недостаточно обоснованной ²⁹⁶. Эта теория опирается

---

²⁹¹ *W. Seyfarth. Einführung, S. 22—23.*

²⁹² Аммиан осыпает похвалами сенатора Претекстата, который, по его словам, сочетал благородный образ мыслей с древнеримской суровостью (*Амм. Марс., Hist., 22, 7.6*), был честен и строг, достойно выполнял обязанности префекта Рима (*ibid., 27, 9.8—10; ср. 28, 1.24—25*). Высоко ценит Аммиан сенаторов Симмаха и Максима (*ibid., 21, 12.24*). Симмаха он считает прекрасным префектом Рима, человеком исключительной учености и высоких душевных качеств (*ibid., 27, 3.4.*).

²⁹³ *Амм. Марс., Hist., 14, 6.12—18*. Критическую оценку в труде Аммиана получают префект претория Проб (*ibid., 27, 11.1—5*) и префект Рима Лампадий (*ibid., 27, 3.5*). Аммиан указывает на раздоры среди знатных фамилий, за которыми всегда водятся грехи в связи с их необузданными страстями (*ibid., 27, 11.3*).

²⁹⁴ *E. A. Thompson. The Historical Work..., p. 127; R. L. Anderson. The Rise and Fall of Middle-Class Loyalty to the Roman Empire. A Social Study of Velleius Paterculus and Ammianus Marcellinus.— «Dissertation Abstracts», 26, 1965, p. 2701.*

²⁹⁵ *Н. Н. Розенталь, сравнивая мировоззрение Ливания и Аммиана Марцеллина, приходит к выводу, что они оба были выразителями оппозиционных языческих идей средних свободных землевладельцев, близких к декурионам (Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин).— «Труды Одесского гос. ун-та», вып. 49, ист. фак-т, т. II, 1947, стр. 89—116).*

²⁹⁶ *Н. Н. Розенталь. Указ. соч., стр. 93 сл.*

на благожелательные в отношении декурионов высказывания нашего автора. К сожалению, подобные похвалы куриалам в труде Аммиана весьма немногочисленны. Действительно, историк оплакивает упадок курий и осуждает насильственное прикрепление декурионов к куриям. Даже императора Юлиана он упрекает в излишней строгости к куриалам.

Муниципальные должности превратились в тягостную повинность для декурионов, которые откупались от них тайными подарками или бежали из курии. Куриалы, по словам историка, за долги попадали в тюрьмы, кончали жизнь самоубийством или погибали под кнутом палача ²⁹⁷. Естественно, что это порождало недовольство среди куриалов и их участие в оппозиционных движениях (восстании Прокопия и заговоре нотария Феодора). Сочувственное отношение Аммиана к куриалам его родного города Антиохии нашло свое выражение в том, что он стал на их сторону в споре с Юлианом из-за снижения цен на продукты, которое хотел провести Юлиан, заигрывая с народом Антиохии ²⁹⁸. Все это, однако, не дает права сделать окончательный вывод о том, что Аммиан отражал в своем труде идеологию куриалов, хотя оппозиционные настроения муниципальной знати могли в какой-то мере все же оказать влияние на формирование политических взглядов историка.

Немалое место в произведении Аммиана занимает критика императорских придворных и государственных чиновников. Если знать автор критикует на примере римской аристократии, то чиновничество для него дурно во всей империи. Но критика чиновничества у него отнюдь не связана с обличением всей государственной системы.

Придворные, особенно евнухи из окружения императора, — вдохновители злодеяний монархов, растлители общества, паразиты на теле государства ²⁹⁹. Впервые Константин дал открыть пасть своим приближенным, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций ³⁰⁰. Особенно ненавистны историк временщики, поднявшиеся к высотам власти подонки общества. Эти грязные выскочки, порождение деспотизма, — великая опасность для честных граждан ³⁰¹.

Нарушение закона, упадок правосудия, продажность судей — бедствие времени ³⁰². Не меньший бич для общества — алчные и невежественные адвокаты, подобно собакам вынюхивающие,

²⁹⁷ *Amm. Marc., Hist.*, 30, 5.6.10; ср. 27, 7. 6—8.

²⁹⁸ *Ibid.*, 22, 14.1—2.

²⁹⁹ *Ibid.*, 22, 4.2—5.

³⁰⁰ *Ibid.*, 15, 8.12. Ср. 14, 11.3; 25, 7.10; 30, 5.7.

³⁰¹ *Ibid.*, 26, 7.7; палача и доносчика Максимиана, человека низкого происхождения, Аммиан сравнивает со змеей, ехидной; от нее гибель гражданам империи (*ibid.*, 28, 1.33—56); столь же зловещей фигурой был нотариус Павел (*ibid.*, 19, 12.1—6). Выскочки обычно жадны и жестоки (*ibid.*, 26, 6.7—9).

³⁰² *Ibid.*, 21, 16.11; 24, 2.21; 26, 10.9—14; 30, 4.2.

где можно пожить от процесса ³⁰³. Суды вместо храмов справедливости превратились в волчьи ямы ³⁰⁴.

Глубокое возмущение писателя вызывает суетная роскошь императорского двора, зато похвалы удостоивается Юлиан, выгнавший из дворца брадобреев, поваров и другую челядь ³⁰⁵.

Римское общество и государство Аммиан критикует открыто: обычно историк прямо высказывает собственное мнение, и лишь изредка вкладывает ту или иную оценку в уста третьих лиц. Критика его носит не умозрительный, стереотипный характер, а опирается на обширный политический и жизненный опыт писателя и связана с его социально-политическими воззрениями. Идейная борьба ³⁰⁶, личные тягостные переживания, бурные социальные конфликты эпохи — все это породило столь обостренную и негативную реакцию писателя на события и явления тогдашней действительности. Однако Аммиан не ограничивается разоблачением пороков верхушки римского общества — его критика обращается и против народных масс.

Отношение к народным массам и классовой борьбе в империи

Гневно обличая высшую знать, Аммиан с не меньшим презрением относится и к народным массам ³⁰⁷. Особенно резко нападает он на люмпенпролетариев Рима, которых он не хочет отличать от трудовых ремесленников и мелких торговцев этого города. Аммиан яростно обрушивается на «праздную и ленивую римскую чернь» ³⁰⁸. «Всю жизнь — пишет он, — они проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, увеселениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и конечной целью всех их желаний» ³⁰⁹.

Толпа безумно увлекается конными ристаниями и без конца спорит о достоинствах возниц. «Безделле так въелось здесь в нравы, что лишь только забрезжит желанный день конских ристаний и не успеет еще совсем взойти солнце, как все стремглав спешат, чуть не взапуски с самими колесницами, что будут состязаться. Все в тревоге и раздоре из-за своих обетов, которые вызывают

³⁰³ Ibid., 30, 4.9—22.

³⁰⁴ Ibid., 30, 4.13.

³⁰⁵ Ibid., 22, 4.9. А. Демандт полагает, что критика Аммианом чиновничества во многом стереотипна и не выходит за пределы порицания отдельных лиц и явлений (*A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 23 f.).

³⁰⁶ Аммиан сам пережил процессы против знати и интеллигенции Антиохии в 354 г. (*Amm. Marc., Hist.*, 14, 9.1) и в 371 г. (*ibid.*, 29, 1.2; 2.4).

³⁰⁷ А. Демандт утверждает, однако, на наш взгляд, без достаточных оснований, что Аммиан более сурово обличает римскую знать, нежели римский народ (*A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 14).

³⁰⁸ *Amm. Marc., Hist.*, 28, 4.28.

³⁰⁹ Ibid., 28, 4.29.

у многих бессонные ночи»³¹⁰. Скучностью духовных запросов они соперничают со знатью, для тех и других кумиры — наездники цирка.

В соответствии с общей идеализацией нравов древнего Рима Аммиан противопоставляет разнузданность современной ему «черни» благоразумию и целомудренности древнеримского плебса. Уцелевшие потомки славных фамилий римских плебеев ныне обнищали, принуждены ходить босиком³¹¹. Современная же толпа живет, не занимаясь полезным трудом, без забот, без цели. Она зачастую играет роль клакеров на зрелищах. «А в каком-нибудь жалком театре выгоняют актеров свистом; если кто из них деньгами не купит себе расположение черни»³¹². «Хлеба и зрелищ» — по-прежнему идеал толпы.

С особым раздражением осуждает Аммиан римскую «чернь» за неленую ненависть к иностранцам. «Если театр в покое, то, следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужих, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришлого элемента»³¹³. В этих ядовитых словах ярко проявляется личная неприязнь «чужака» Аммиана к коренному населению «вечного города», кичащемуся своим происхождением. Нет сомнения, что это тягостное чувство было порождено горькой судьбой чужеземца, вынужденного жить среди недружелюбного ему народа.

А сколько ненависти и презрения обнаруживается, когда Аммиан начинает говорить о тех или иных сторонах быта римского плебса. «Ощущая запах съедобного, — пишет Аммиан, — среди пронзительных криков женщин, с первыми петухами, как павианы, что пищат от голода, бегут люди со всех ног, едва касаясь земли, к трактирам и грызут себе пальцы, пока остывают блюда...»³¹⁴.

И хотя сам писатель, как мы знаем, не входил в состав высшего общества Рима, римский народ он описывает с поистине аристократическим презрением. Аммиан глубоко ненавидел выходцев из народа, поднявшихся по воле деспотов по социальной лестнице и ставших клеветами императора. Произвол создает условия для вертикальной динамики, которая пагубно отражается на состоянии римского общества и государства³¹⁵.

Естественно, Аммиан осуждает народные волнения, в том числе многочисленные бунты римского плебса³¹⁶. Из-за нехватки продовольствия в Риме постоянно вспыхивают волнения. Аммиан

³¹⁰ *Amm. Marc., Hist., 28, 4.30.*

³¹¹ *Ibid., 28, 4.27—28.*

³¹² *Ibid., 28, 4.32.*

³¹³ *Ibidem.*

³¹⁴ *Ibid., 28, 4.34.*

³¹⁵ *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild..., S. 46 f.*

³¹⁶ *H. P. Kohns. Versorgungskrisen und Hungerrevolten im spätantiken Rom.— «Antiquitas», I, 6, 1961, S. 123 f., 233 f.*

сурово осуждает «зверства» черни во время этих восстаний³¹⁷. Не менее суров историк и к народным массам других городов как Востока, так и Запада, особенно Константинополя, Антиохии³¹⁸ и Александрии. Он постоянно подчеркивает свирепость «черни» в Александрии, склонность ее к восстаниям³¹⁹. Египтяне хвалятся рубцами на теле, полученными от палачей за неуплату налогов. По словам Аммиана, нет столь страшных пыток, которые могли бы выманить у «закоренелого разбойника этой страны против воли настоящее его имя»³²⁰. Аммиан всегда со страхом и неприязнью говорит об участии народных масс в солдатских бунтах³²¹, в восстании Прокопия³²² и других движениях.

О рабах Аммиан обычно упоминает лишь мельком. Для него рабство — обычное бытовое явление, недостойное особого внимания. Историк сообщает о работорговле³²³, об отпуске рабов на волю³²⁴, об использовании рабов господами в преступных целях³²⁵. Он в известной степени отражает новые веяния в отношении к рабам, проявившиеся в IV в. Так, Аммиан осуждает персов за присвоение права жизни и смерти над рабами и людьми низкого происхождения³²⁶. Иными словами, по мнению автора, господин не может распоряжаться жизнью и смертью раба.

Точно так же историк подчеркивает, что в его время привлечение рабов к суду в качестве свидетелей против господ запрещалось законом. Аммиан обличает одного негодного судью, который «при зловещем звяканье цепей мучил пытками и доводил до смерти рабов, истомленных продолжительным заключением, требуя от них показаний против их господина, хотя милосердные законы запрещали делать это в следствиях о прелюбодеяниях»³²⁷. Естественно, конечно, что участие рабов в восстаниях варваров, в частности в восстании вестготов на Дунае в 70-х годах IV в., вызывает тревогу у нашего историка³²⁸.

В труде Аммиана воссоздается картина острейшей классовой борьбы, охватившей в IV в. как Восточную, так и Западную империю. Восточные провинции были буквально наводнены отрядами разбойников — латронов. В 50—70-х годах IV в. в Малой Азии и Сирии латроны нападали «на богатые дома, виллы и города»³²⁹.

³¹⁷ *Amm. Marc., Hist.*, 26, 3.6—10; 27, 3.11—13; ср. 14, 6.1.

³¹⁸ *Ibid.*, 14, 7.5—6.

³¹⁹ *Ibid.*, 22, 11.4—8; 27, 3.10—14.

³²⁰ *Ibid.*, 22, 16.23.

³²¹ *Ibid.*, 21, 11.2—3.

³²² *Ibid.*, 26, 6.18; 7.1.

³²³ *Ibid.*, 29, 4.4 Галатские кушцы повсеместно продавали готов в рабство, не делая при этом сословных различий (*ibid.*, 22, 7.8).

³²⁴ *Ibid.*, 22, 7.2.

³²⁵ *Ibid.*, 26, 3. 4. Один сенатор в Риме отдал своего раба в обучение специалисту по колдовству. Этот сенатор таскал за собой по Риму толпы рабов.

³²⁶ *Ibid.*, 23, 6.80.

³²⁷ *Ibid.*, 28, 1.55.

³²⁸ *Ibid.*, 31, 6.5.

³²⁹ *Ibid.*, 28, 2.11.

В 50-х годах IV в. в Исаврии действия латронов расцениваются автором как «настоящая война», грозящая бедами всему государству. Опасность усугублялась тем, что латроны не встречали никакого сопротивления³³⁰, более того, они пользовались поддержкой населения в Ликаонии, Памфилии и других областях. Они осаждали города, нападали даже на такой крупный центр, как Селевкия³³¹. В войне участвовало несколько тысяч латронов, и солдаты тоже иногда им сочувствовали. Латроны грабили корабли, парализовали судоходство у берегов Малой Азии. Движение было подавлено в конце 60-х годов IV в. Беспokoйство вызывали и действия «разбойников» в Галлии³³².

К движению латронов, как и к другим народным движениям, Аммиан относится с откровенной классово-ненавистью, называя восставших «остервеневшей от голода и отчаяния толпой»³³³.

Для социально-политических взглядов историка очень показательна его отношение к известному восстанию Прокопия, потрясшему Восточную Римскую империю в 365—366 гг. Первоначально политические цели, которые ставил Прокопий, — свержение ненавистного режима Валента и защита интересов горожан, в первую очередь куриалов, — в какой-то мере импонировали Аммиану. Но превращение заговора в широкое народное движение оттолкнуло от восстания знать и зажиточных горожан и совершенно изменило позицию Аммиана.

Вражду и злобу автора вызывает то, что Прокопий в какой-то степени опирался на народные массы Константинополя, на простых солдат и варваров-готов. Народ Константинополя сперва не выказал Прокопию сочувствия. Но затем он поддержал его, будучи недоволен грабительской политикой правительства Валента. Прокопия криками приветствовала чернь, в курии столицы сенаторы разбежались и осталось одно простонародье³³⁴.

Аммиан глубоко возмущен тем, что узурпатор назначал на высшие государственные посты выходцев из низов и казнил представителей знати. Среди сторонников Прокопия, по словам историка, были поставщики кухонных припасов, придворные служители, продажные солдаты. Знать же бежала из столицы. Во время беспорядков выдвинулись люди, по определению Марцеллина, принадлежащие к подонкам общества, а представители высшей знати утрачивали свое привилегированное положение, подвергались ссылке и даже смертной казни³³⁵.

Крайне не по душе Аммиану и то, что Прокопий проводил конфискацию имущества знати: историк хулит узурпатора за «по-

³³⁰ *Amm. Marc., Hist.*, 14, 2.1—5; 8—20; 19, 13.1.

³³¹ *Ibid.*, 19, 2.20.

³³² *Ibid.*, 28, 2.10—14.

³³³ *Ibid.*, 14, 2.14.

³³⁴ *Ibid.*, 26, 6.17.

³³⁵ *Ibid.*, 26, 7.1.

святельство на чужое добро»³³⁶. Не менее раздражает Аммиана и то, что при Прокопии варвары получили доступ к высоким государственным должностям³³⁷. Ему не нравится, что Прокопий был связан с готами, оказавшими ему военную помощь³³⁸. Аммиан упрекает Прокопия в заигрывании с солдатами и варварами, в недооценке услуг богатых горожан. Вину за поражение историк возлагает тоже на Прокопия, который не сумел использовать выгодную для него обстановку, когда «восточные провинции жаждали переворота, возмущенные строгим режимом, который там существовал». Из-за своей нерешительности и медлительности «он терял время и сам затупил себя, как притупляется острый кинжал»³³⁹. Немудрено, что вскоре Прокопий пал жертвой измены, был предан собственными сторонниками и казнен.

Разгром восстания Прокопия, по мнению Аммиана, — правое дело, но победа Валента постыдна, ибо за ней последовал террор и «она предала многих невиновных в руки мучителей»³⁴⁰. Особенно Аммиан осуждает Валента за проскрипции против знатных лиц, ложно обвиненных в участии в восстании Прокопия³⁴¹. Самого же Прокопия он считает мятежником и узурпатором. Он подчеркивает, что выдавшие Прокопия приближенные сделали благое дело: они предали не законного императора, а мятежника и нарушителя общественного спокойствия, их надо было, по мнению Аммиана, не казнить, как сделал Валент, а наградить³⁴². В целом Аммиан оценивает восстание Прокопия как грозный мятеж, причинивший неисчислимые бедствия Римскому государству.

Поистине уникальные сведения сообщает Аммиан о другом крупнейшем движении его времени — о восстании вестготов на Дунае в 70-х годах IV в. Это действительно выдающееся по своей полноте и достоверности сообщение современника, хорошо осведомленного о всех событиях, связанных с этим восстанием, поставившим Восточную Римскую империю на грань катастрофы. Ни один другой автор не оставил нам столь живого и правдивого рассказа о битве при Адрианополе и гибели императора Валента.

События конца 70-х годов IV в. предстают у Аммиана как мощный натиск варварских племен на Восточную Римскую империю. И что самое важное, Аммиан неопровержимо доказывает, что действия варваров встретили одобрение и поддержку народных масс внутри государства.

В 375 г., по данным Марцеллина, начался новый этап борьбы готов против империи: теснимый гуннами «весь готский народ

³³⁶ Ibid., 26, 8.13—14.

³³⁷ Ibid., 26, 7.4.

³³⁸ Ibid., 26, 10.3.

³³⁹ Ibid., 26, 8.14.

³⁴⁰ Ibid., 26, 9.13.

³⁴¹ Ibid., 26, 9.13—14.

³⁴² Ibid., 26, 9.10.

неудержимо наводнял Фракию»³⁴³. Аммиан очень правдиво, в согласии с другими источниками (Зосим, Иордан) вскрывает причины восстания вестготов. При этом он отнюдь не щадит военачальников и чиновников империи, а считает, что именно их притеснения, спекуляция, продажа готов в рабство вызвали голод среди варваров и послужили толчком к восстанию³⁴⁴.

Чрезвычайно важно указание Аммиана, что восстание вестготов поддержали колонны, рабы, горнорабочие Фракии и Македонии³⁴⁵. Восстание переросло в широкое народное движение, а затем слилось с общим наступлением различных варварских племен³⁴⁶.

Описание Адрианопольской битвы у Аммиана — яркие страницы его труда, автор поднимается здесь до высот настоящего художника, живописуя с исключительной выразительностью страшные сцены сражения. «Со всех сторон, — пишет он, — слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовствовавшая с необычайной свирепостью, издавала воинственный клич на гибель римлян... Битва разгоралась, как пожар... Все кругом покрылось черной кровью, и куда ни обращался взор, громоздились груды убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела...»³⁴⁷

В этой битве сочувствие автора, конечно, всецело на стороне римлян. Аммиан — римский патриот, и хотя он не любит Валента, Адрианопольский разгром для него — национальное бедствие, поражение, наносящее страшный удар Римскому государству, римской национальной гордости.

В повествовании Аммиана главное внимание уделяется внешнеполитическим событиям, внутренняя социально-экономическая история IV в. отражена в его труде гораздо более скупо. Однако его известия о разорении провинций, народных восстаниях, варваризации войска, разложении знати, неустойчивости императорской власти и постоянной борьбе за престол дают ясное представление о кризисе рабовладельческого строя, охватившем в IV в. как Западную, так и Восточную римскую империю³⁴⁸.

Для изучения же классовой борьбы в империи — движения багаудов и латронов, восстания Прокопия и особенно восстания вестготов на Дунае — труд Аммиана является лучшим источником из всех ныне существующих памятников той эпохи.

Вместе с тем Аммиан ясно видит внутренний упадок Рима,

³⁴³ *Amm. Marc., Hist.*, 30, 8.2.

³⁴⁴ *Ibid.*, 31, 4.11; 5.11.

³⁴⁵ *Ibid.*, 31, 6.4—7.

³⁴⁶ *Ibid.*, 31, 11.1.

³⁴⁷ *Ibid.*, 31, 13.4—6.

³⁴⁸ В. Д. Даронова. Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина. — «Ученые записки Пермского гос. ун-та», т. XX, вып. 4, 1981. Исторические науки, стр. 71—101.

хотя и не понимает его истинных причин ³⁴⁹. Для него причина ослабления государства таится прежде всего в деспотизме государей и своекорыстном поведении чиновной бюрократии, забывшей общие интересы ради личных. «Великолепный блеск Рима терпит ущерб от преступного легкомыслия немногих» ³⁵⁰, — пишет Аммиан.

Идейно-политический кризис, охвативший империю в IV в., находит отражение в критике Аммианом почти всех социальных слоев современного ему общества, сверху донизу: ни императоры, ни знать, ни гражданские и военные чиновники, ни, особенно, римский плебс — никто и ничто не ускользает от желчных разоблачительных инвектив историка. Социальные корни обличительных тенденций Аммиана, видимо, надо искать в глубоком недовольстве той части позднеримской языческой интеллигенции, которая была оттеснена от господствующего положения в сфере образования и культуры и тяжело ощущала на себе последствия всеобщего кризиса IV в.

В его произведении чувствуется не аристократизм крови, а аристократизм духа. Аммиан всегда показывает превосходство образованного и мыслящего ученого над бездуховной новой римской знатью, придворными льстецами, продажными чиновниками. Но и о маленьких людях из народа он тоже говорит недоброжелательно, оставаясь в кругу сословных предрассудков.

Вместе с тем при описании процессов об оскорблении величества Аммиан смело становится на сторону преследуемых, к палачам он исполнен ненависти и называет их не иначе, как ненасытными кровопийцами. Правда, нередко он впадает в морализаторский тон и нравственные оценки у него вытесняют подчас конкретные сведения; автор в большей степени апеллирует к чувству, чем к разуму. Но при всей сословно-классовой ограниченности мировоззрения Аммиан — первый после Тацита позднеримский историк, который дал столь целостную картину кризиса современного ему общества. Критика разных слоев населения империи проходит красной нитью через все повествование историка и придает ему внутреннюю цельность и единство ³⁵¹.

При всем том, однако, его критика отнюдь не носит пессимистического характера. Если грозные обличения Рима в трудах церковных историков, например Августина, рождают ощущение приближающейся катастрофы, то у Аммиана мы найдем и негодование, и надежду.

³⁴⁹ W. Rühl. Der Untergang Roms im abendländischen Denken. Leipzig, 1930; E. Werner. Der Untergang Roms. Studien zum Dekadenproblem in der antiken Geistesgeschichte. Stuttgart, 1939; W. Richter. Römische Zeitgeschichte und innere Emigration. — «Gymnasium», 68, 1961, S. 186—345.

³⁵⁰ Amm. Marc., Hist., 14, 6.7; O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1920.

³⁵¹ A. Dierandt. Zeitkritik und Geschichtsbild..., S. 14 f.

Империя, по мнению Аммиана, испытывает лишь период временных неудач, а вовсе не зашла в тупик. Позитивный идеал писателя лежит не только в далеком героическом прошлом Рима, но и в возрождении гражданского духа императоров, всех классов Римского государства, в первую очередь сенаторской аристократии и высших чинов армии, которые должны взять на себя ответственность за ход государственных дел и стать мудрыми помощниками императорской власти. Он верит в возможность нравственного совершенствования правителей империи. Идеальный император для него — не пустой безжизненный символ, а реальный государь, живым воплощением которого был Юлиан.

Аммиан — не грозный судья своего века и своего государства, а скорее искренне переживающий его беды сын отечества³⁵². Он не сторонний наблюдатель, а участник событий. Он обличает пороки, чтобы исправить их. Историк искренне и глубоко верит в незыблемость Римской империи. Он видит не только ее великое прошлое, позорное настоящее, но и светлое будущее.

Оценка Римской империи и варваров

В борьбе двух миров, римского и варварского, все симпатии Аммиана Марцеллина, как позднее Прокопия, Агафия и Симокатты, на стороне великого, гордого и, по его мнению, вечного Рима³⁵³.

Для Аммиана характерно постоянное противопоставление римского общества, в прошлом мудро организованного под властью единого императора, раздробленным, вечно враждующим между собой, не знающим законов варварским племенам³⁵⁴. Вместе с тем Аммиан хорошо понимает, сколь велика варварская опасность для империи: как ни один другой из писателей того времени, он отдает себе отчет в широком фронтальном наступлении варваров на Рим. И даже успешные походы Юлиана за Рейн — не более, как активная оборона от варваров. Никто другой не показал с такой убедительностью поистине грандиозный размах борьбы Рима и варваров. При этом, с точки зрения Аммиана, для римлян в борьбе с дикими, свирепыми и коварными варварами хороши все средства: и подкуп, и обман, и натравливание одних варваров на других. В борьбе за спасение своей культуры от

³⁵² Высокую оценку историческому сочинению Аммиана и нравственным качествам историка дает И. Н. Голенищев-Кутузов. (*И. Н. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, стр. 52—54.*)

³⁵³ *В. Д. Геронова. Аммиан Марцеллин о варварах.* — «Ученые записки Пермского гос. ун-та», № 143, 1966, Исторические науки, стр. 65—69; «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 27 сл.

³⁵⁴ *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 23—44; *H. Tränkle. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber...*, S. 26—28.

напора презренных варваров Рим, по мнению Аммиана, всегда прав³⁵⁵.

Нагряск же варваров изображается историком как разрушительный ураган, всеобщее бедствие для населения империи. Набеги варваров всегда носят грабительский и опустошительный характер, и борьба с ними — патриотический долг каждого римлянина.

Аммиан глубоко и искренне огорчен упадком бывшего военного могущества Римского государства. Варвары, теснившие империю, вызывают у него смешанные чувства отвращения, недоверия и опасения. Германские племена — франки, алеманны, готы — вероломны, жестоки, им ни в чем нельзя верить, даже союзника они убьют или выдадут за деньги³⁵⁶; они двуличны³⁵⁷, дики и свирепы³⁵⁸. Всюду, где появляются варвары, они несут бедствия для населения: пожары, угон людей в плен, опустошения и убийства³⁵⁹. Особой ненависти заслуживают, по его мнению, дикие кочевые народы — гуны, аланы, сарацины³⁶⁰. Но даже персы, которых он считает могущественным и цивилизованным народом, рисуются историком в самом мрачном свете. Этот смелый и привычный к трудам народ, по его словам, мог бы покори́ть мир, но он ослаблен междоусобными и внешними войнами. Персы, хотя и великолепные воины, — свирепы, велеречивы, несносны, заносчивы в счастье и несчастье, жестоки, снимают с живых людей кожу, коварны, дурно обращаются со слугами и рабами, имеют суровые законы³⁶¹.

Египтяне же, по Аммиану, — ябедники, любители тяжб и кляуз³⁶²; исавры — разбойники, спускающиеся с гор, чтобы гра-

³⁵⁵ Беспощадность римлян в отношении варваров Аммианом оправдывается (*Amm. Marc., Hist.*, 19, 11.13—16; 27, 10.31).

³⁵⁶ *Ibid.*, 15, 5.16.

³⁵⁷ *Ibid.*, 21, 3.5; 22, 7.8.

³⁵⁸ *Ibid.*, 26, 4.5; 26, 5.5—12; 27, 8.6.

³⁵⁹ *Amm. Marc., Hist.*, 27, 8.5—7; варвары грабят Северную Африку (*ibid.*, 27, 10.30—31); Тайфалы, по Аммиану, поганое племя, погрязшее в пороках (*ibid.*, 31, 9.5); не лучше и другие германские племена (*ibid.*, 31, 10.1—5); нападения квадов и сарматов опустошительны (*ibid.*, 29, 6.6—8). В научной литературе обычно подчеркивается недоброжелательное отношение Аммиана к германским народам (*M. W. Laistner. The Greater Roman Historians...*, p. 158). С этим мнением не соглашается А. Демандт, который не проводит особого различия в отношении Аммиана к германцам и другим варварам и отрицает германофобство писателя (*A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 31 f.).

³⁶⁰ См. экскурс о гунах (*Amm. Marc., Hist.*, 31, 2.1—11); об аланах (*ibid.*, 31, 2.13—25). Гуны, по Аммиану, неведомый народ, поднявшийся с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, который рушит и сокрушает все, что подается навстречу (*ibid.*, 31, 3.8). Эскурс о сарацинах см. *ibid.*, 14, 4.1—7. Ср. *M. Schuster. Die Hunnenbeschreibung bei Ammianus, Sidonius und Jordanis.* — «Wiener Studien», Bd. 58, 1940, S. 119 ff.

³⁶¹ *Amm. Marc., Hist.*, 23, 6. 75—84; ср. 21, 13.4.

³⁶² *Ibid.*, 22, 6.1—5.

бить население ³⁶³. Надо, однако, сказать, что этнографические и географические экскурсы о различных странах и народах (Египет, Персия, Малая Азия, Галлия, Фракия и Македония и др.), приводимые в труде Аммиана, отличаются широтой сведений, написаны как по личным наблюдениям, так и на основании ценных источников и отражают уровень науки его времени.

Варвары на римской службе подозрительны Аммиану, их назначение на высокие посты, позорное возвышение варварской челяди — большая ошибка правителей ³⁶⁴.

Описание войн и военного дела занимает видное место в историческом труде бывшего солдата Аммиана. Данные по военной истории Римской империи IV в., собранные в его сочинении, заслуживают безусловного доверия ³⁶⁵. В историко-философском аспекте Аммиан понимает войну как извечное противоборство справедливости и насилия. Справедливость для него всегда и во всем безоговорочно олицетворяет Рим, насилие — его враги ³⁶⁶.

Аммиану очень хочется верить — и он верит — в непобедимость Римского государства, в уважение к нему соседних народов ³⁶⁷, но вместе с тем он с горечью должен признать отступление Рима перед внешними врагами — Персидской державой и варварами. Из его сочинения невольно напрашивается вывод, что в IV в. Рим от завоевания варварами спасла не столько собственная сила, сколько разобщенность его врагов. Когда же варварские племена действовали согласованно, да еще объединялись с восставшими народными массами внутри империи, как это было во время восстания вестготов на Дунае, тогда Рим терпел тяжкие поражения.

Этим поражениям во многом способствовало начавшееся разложение армии. Аммиан с грустью говорит об упадке дисциплины в римских войсках. Вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки, не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати. Солдаты позволяли себе наглость и грабежи в отношении сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие ³⁶⁸. Офицеры на войне обогащались,

³⁶³ *Amm. Marc., Hist., 14, 2.1—20; 19, 13.1—2.*

³⁶⁴ *Ibid., 21, 12.25.*

³⁶⁵ *E. von Nicher. Das römische Heer und seine Generale nach Ammianus Marcellinus. — «Hermes», 63, 1928, S. 430 f; В. И. Холмогоров. Римская стратегия в IV в. у Аммиана Марцеллина. — ВДИ, 1939, № 3, стр. 87—97. Г. Роуэлл считает, что сведения, касающиеся армии и военного искусства, в книге Аммиана весьма ценны, что в военных делах он был профессионально компетентен (*H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian...*, p. 313 sq.).*

³⁶⁶ Эти идеи Аммиана восходят к Гесиоду и Вергилию (*A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 25—26; правда, Аммиан признает вину римской администрации и военачальников в восстании готов на Дунае (*Amm. Marc., Hist., 31, 4.9—11*)).

³⁶⁷ *Amm. Marc., Hist., 14, 6.6.*

³⁶⁸ *Ibid., 22, 4.6—7.*

вели праздную жизнь. Аммиан осуждает Валентиниана I за то, что он без меры возвысил командиров, а карал только простых солдат. Офицеры, пользуясь безнаказанностью, стали творить невероятные преступления и, возомнив о себе, думали, что судьба всех без различия зависит от их кивка ³⁶⁹. Поражения римского оружия Аммиан объясняет изнеженностью и продажностью, которые начали проникать в римскую армию. Наиболее резкой критике писатель подвергает распущенность солдат, их пьянство, жадность, разгул ³⁷⁰. Впадая в морализаторский тон, он призывает к возрождению в армии строгих спартанских нравов ³⁷¹.

Особенно волнуют и тревожат историка учащающиеся бунты солдат в римской армии: иные воины жаждут политических переворотов ³⁷². В мирное время солдат всегда склонен к мятежам ³⁷³.

Боль и разочарование звучат в словах писателя каждый раз, когда он рассказывает о бегстве римских солдат с поля боя и всяких проявлениях их трусости ³⁷⁴. Его огорчают раздоры между легионами из-за чинов и наград, которые приводят к тяжким поражениям ³⁷⁵.

Аристократизм Аммиана проявляется в его осуждении факта выбора императора простыми солдатами и зависимости правителей от прихоти войск ³⁷⁶. Критика пороков римской армии входит важной составной частью в общую систему социально-политических взглядов писателя, и во многом является свидетельством его объективности и проникательности ³⁷⁷.

Итак, Аммиан показывает, что опасным врагом империи в IV в. были варвары. Вместе с тем их союзники, угнетенные народные массы — свободные земледельцы, колоны, рабы, горнорабочие — играли активную роль в борьбе с Римским государством. В раскрытии, быть может независимо от воли автора, активной роли масс в истории Римской империи — огромная заслуга Аммиана Марцеллина. Это достоинство выдвигает его труд на одно из первых мест среди источников по истории Западной и Восточной Римской империи в IV в.

---

³⁶⁹ Ibid., 27, 9.4, ср. 22, 4.8.

³⁷⁰ Ibid., 21, 11.15.

³⁷¹ Ibid., 22, 4.6, ср. сцену разгула солдат (ibid., 22, 12.6). Аммиан пишет, что разбойники в Исаврии усилились из-за распущенности солдат (ibid., 27, 9.6); о корыстолюбии солдат см. ibid., 24, 3.3—8; об их трусости — ibid., 25, 1.7.

³⁷² Ibid., 21, 5.9; об участии солдат в мятеже Прокопия см. ibid., 26, 6.13—15.

³⁷³ Ibid., 14, 7.9; о бунтах солдат см. ibid., 14, 10.4; 15, 5. 23; 17, 9.3—7; 26, 7.15—16; 28, 6.4, 12.

³⁷⁴ Ibid., 18, 8.2; 27, 1.5; 31, 9.3.

³⁷⁵ Ibid., 29, 6.13.

³⁷⁶ Ibid., 26, 2.3; 8; 26, 4.3; 27, 6.1—3.

³⁷⁷ О критике Аммианом пороков римской армии см.: A. Demandt. *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, S. 28—44.

«История» Аммиана как литературный памятник

Судьба «Истории» Аммиана как литературного памятника схожа с ее судьбой как исторического источника. Долгое время литературные достоинства произведения этого писателя не признавались в науке, на нем лежало клеймо эпигона античных авторов³⁷⁸.

Лишь последние годы принесли Аммиану-писателю окончательное признание. В нем разглядели большого художника со своим видением мира, оригинальными художественными приемами и средствами образительности³⁷⁹. Ныне не обсуждается литературная ценность «Истории». Спорят не о том, был ли Аммиан не только историком, но и писателем, а о том, кто в нем берет верх — увлекающийся художник или трезвый историк³⁸⁰. Иными словами, встает вопрос: не приносит ли Аммиан в жертву красоте и поэтичности изображения историческую истину? Думается, на этот вопрос следует ответить отрицательно.

В мучившем античных писателей извечном противоборстве красоты (*καλλος*) и истины (*ἀλήθεια*) у Аммиана побеждала истина. Научное и художническое кредо Аммиана состояло в том, что внешняя красота, образительность, занимательность должны отступить на задний план перед правдивостью рассказа. Недаром он высмеивает историков многословных, увлекающихся мелочами, вычурностью слога и пустым украшательством. Вместе с тем он сам достаточно трезво оценивает недостатки своего стиля. Будущим продолжателям его труда он советует «дать своей речи более высокий полет»³⁸¹.

Для Аммиана, как кажется, форма никогда не доминировала над содержанием. Художник-писатель в труде Аммиана никогда не заслоняет правдивого историка.

---

³⁷⁸ H. Wirz. Ammianus Beziehungen zu seinen Vorbildern: Cicero, Sallustius, Livius, Tacitus; L. Dautremet. Ammianus Marcellin, étude d'histoire littéraire; P. de Longe. Ammianus und Vegetius, S. 99—106; Ch. P. T. Naudé. Ammianus Marcellinus in die lig van antieke geskiedskrywing.

³⁷⁹ J. Vogt. Ammianus Marcellinus..., S. 194 f., K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst..., S. 1—6, 233—245; L. W. Bonfante. Emperor, God and Man in the IV-th Century. Julian the Apostate and Ammianus Marcellinus.— «Parola del Passato», 19, 1964, p. 401 sq.

³⁸⁰ K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst..., S. 232 f. К. Розен полагает, что в труде Аммиана больше правды искусства, чем правды истории, образ трагического героя порою заслоняет реальность (ibid., S. 173). Аммиан, по оценке К. Розена, в большей степени писатель, художник, нежели историк (ibid., S. 245). В известной мере подобного же мнения придерживается и Л. У. Бонфанте (L. W. Bonfante. Emperor, God and Man..., p. 425 f.). Иную точку зрения высказывают А. Демандт, для которого Аммиан больше историк, чем писатель (A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild..., S. 95 f.), и Г. Роуэлл, который, хотя и не отказывает Аммиану в писательском даровании, все же выдвигает на первый план правдивость его как историка (H. T. Rowell. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian..., p. 312—313).

³⁸¹ Amm. Marc., Hist., 31, 16.9.

Композиция труда Аммиана, при отсутствии единства места и времени действия, отличается внутренней цельностью. Исторические события разыгрываются как бы на движущейся сцене — место действия все время переносится с Востока на Запад. Чаще всего оно находится там, где живут и борются герои Аммиана — императоры и полководцы³⁸². Время действия также постоянно меняется. Хронологическая последовательность повествования нарушается как бы наплывами воспоминаний, вставными новеллами, античными реминисценциями, философскими размышлениями, естественнонаучными экскурсами. Но все это, на первый взгляд, несколько беспорядочное изложение объединено строгим единством темы, внутренней логикой событий. И если у Тацита историческая арена ограничена Римом, то у Аммиана она охватывает всю империю. В кульминационных местах книги (персидский поход Юлиана, войны Валента с готами) Аммиан обращается к композиционному прищипу античной трагедии. Рассказ начинается с разворачивания темы, затем автор переходит к нагнетанию дурных обстоятельств и предзнаменований, далее следует развитие сюжета и появление надежды на спасение, и, наконец, все завершается катастрофой, связанной с гибелью императора³⁸³.

Художественные приемы Аммиана разнообразны и умело чередуются автором. Здесь мы находим: контрастирование и панегирик, драматизацию событий и эпическую стилизацию, героический пафос и гротеск. Особенно по душе писателю контрастное изображение характеров героев. Добро и зло воплощаются в положительных и отрицательных героях, причем контрастность достигается не только внешней характеристикой, но и проникновением в психологию действующих лиц. Ярким примером этого являются образы Юлиана, носителя добра, и Констанция, вершителя зла. Не чужд Аммиану и панегирик, вводимый им в повествование под несомненным влиянием античных панегириков и биографий³⁸⁴.

Автор явно тяготеет к драматизации событий. Его сочинение изобилует страшными сценами и потрясающими по своему драматизму картинами. Особенно нагнетает он ужасы при описании сражений: на поле битвы льются потоки крови, раздаются предсмертные стоны, лежат груды распростертых тел³⁸⁵. Для усиления впечатления Аммиан, например, рисует мертвого воина с рассеченной головой, который и после смерти продолжал стоять на ногах, словно столб, зажатый в толпе солдат, сгрудившихся

---

³⁸² *K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 180 f.

³⁸³ *Amm. Marc., Hist.*, 24, 1—8; 25, 1—3; 31, 1—16.

³⁸⁴ Яркий пример панегирика — рассказ о начале правления Юлиана (*Amm. Marc., Hist.*, 16, 5,1—16).

³⁸⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 16, 12,42—57 — битва при Аргенторате; *ibid.*, 31, 13,1—7 — битва при Адрианополе.

у ворот Амиды ³⁸⁶. Не менее ошеломляющее зрелище представляло поле боя во время битвы при Аргенторате. Многие варвары гибли в реке и, «пняясь варварской кровью, изменившая свой естественный цвет река сама должна была дивиться своему необычайному разливу» ³⁸⁷. Настроение ужаса, предчувствие беды, создается иногда у Аммиана зловещим пейзажем. Так, луна, кроваво блиставшая на небе, усиливала страх узурпатора Прокопия перед его казнью ³⁸⁸. Грозные явления природы предвещали гибель Юлиана и неудачу его похода ³⁸⁹. Не менее драматизированы сцены казней, пыток, рассказы о варварских нашествиях и стихийных бедствиях, которыми изобилует произведение Аммиана.

Вдохновляясь героикой гомеровского эпоса, Аммиан порою прибегает к эпической стилизации. Стоит прочесть его описание осады Амиды и особенно битвы над телом сына варварского царя, как невольно перед глазами возникает картина боя над павшим Патроклом ³⁹⁰. Однако у Аммиана поражает неожиданное сочетание эпической стилизации с будничными, реалистичными деталями, отражающими большой жизненный опыт писателя. Необычайно богаты, например, такими деталями сообщения автобиографического характера, когда автор рассказывает об авантюрных перипетиях своей боевой жизни ³⁹¹.

Если героический пафос звучит при описании подвигов героев, особенно Юлиана ³⁹², то к обличительному пафосу — наряду с драматизацией — Аммиан прибегает, когда речь идет о произволе императоров и страданиях жертв деспотизма. Известия о процессах об оскорблении величества в Риме и Антиохии полны патетической риторики, которая иногда затемняет фактический ход событий ³⁹³.

Патетика и пафос проявляются у Аммиана при описании торжественных массовых сцен: коронации императоров, их выходов к народу, речей к солдатам. Массовые сцены (кроме битв) в книге

³⁸⁶ *Amm. Marc., Hist.*, 18, 8.12. Подобную же страшную картину Аммиан рисует, описывая битву при Марцианополе: «...Все поле битвы покрылось телами убитых: среди них лежали полуживые, тштно цеплявшиеся за надежду сохранить жизнь, — одни — прозенные свином из пращи, другие — окованной железом стрелой; у иных были рассечены головы пополам, и две половины свешивались на оба плеча, являя ужасающее зрелище» (*ibid.*, 31, 7.14).

³⁸⁷ *Ibid.*, 16, 12.57.

³⁸⁸ *Ibid.*, 26, 9.8.

³⁸⁹ *Ibid.*, 20, 11.25. Ночь накануне рокового сражения войск Юлиана с персами была темной и зловещей, во мраке не блистало ни одной звезды (*ibid.*, 25, 1.4). Некоторые ученые полагают, что нагнетение ужасов в описании битв у Аммиана мешает точному рассказу о ходе сражения (*K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 68 f; *L. W. Bonfante. Emperor, God and Man...*, p. 402; *J. Vogt. Ammianus Marcellinus...*, S. 816 f.

³⁹⁰ *Amm. Marc., Hist.*, 19, 1.7—11.

³⁹¹ *Ibid.*, 18, 6.10—15; 18, 8.7—14; 19, 8.1—10.

³⁹² *Ibid.*, 15, 12.34—66; 24, 6. 7—17; 25, 3.3—9.

³⁹³ *Ibid.*, 14, 9.3—9; 15, 2.1—10; 15, 3.1—11; 15, 6. 1—4; 28, 1.1—57; *K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 199; *R. Frank. Symbolic Imagery in Ammianus Marcellinus.* — «Classical Bulletin», 42, 1966, p. 46 sq.

в значительной степени театрализованы. Для их воссоздания писатель привлекает наиболее зримые образные средства. Он стремится поразить воображение читателя великолепием императорского пурпура, красочностью знамен, пышностью процессий, блеском оружия, монументальностью зданий, пестротой толпы. Все это создает атмосферу особой приподнятости. Достаточно обратиться хотя бы к таким эпизодам, как торжественный въезд Констанция в Рим³⁹⁴ или провозглашение Юлиана его соправителем³⁹⁵. Но подобные сцены у него сравнительно редки.

К чести нашего историка, внешний блеск не затмевает для него внутреннего содержания. Стоит только сравнить суровую, полную драматической напряженности сцену провозглашения Августом Юлиана по воле галльских легионов и коронацию в Константинополе узурпатора Прокопия. Если в первой сцене все серьезно, значительно, полно глубокого смысла³⁹⁶, то во второй внешняя парадность, помпезность церемонии не отвечает духу события, его внутренней значимости, и это понимает и подчеркивает писатель. Он сознает, что перед зрителем происходит не настоящая коронация, а как бы театральное представление, воздаются не истинные почести императору, а их имитация. Впечатление неправдоподобия происходящего усиливается такими деталями, как блеск одежд, бледность узурпатора, грозное бряцание оружия воинов. Дрожь Прокопия и зловещая тишина во время его речи, слабые возгласы подкупленных клакеров, беспорядочные крики толпы — все это также создает ощущение неестественности, театральности происходящего³⁹⁷.

Надо признать, что Аммиан — большой мастер изображения массовых сцен. Сильное впечатление производит, например, сцена внезапного нападения варваров на Констанция во время его речи к войскам³⁹⁸, или описание бедствий народа, покидающего Нисибис, сданный персам³⁹⁹.

Масштабность писателя, его умение показывать в действии большие массы народа, его искусство создавать убедительные образы составляют, на наш взгляд, одну из самых сильных сторон его творческой манеры и отличают Аммиана от античных и других позднеримских авторов. Именно склонность к обрисовке пышных церемоний, театральности и т. п. дали некоторым ученым основание сравнить труд Аммиана с памятниками изобразительного искусства⁴⁰⁰. И, думается, правы те исследователи, которые

³⁹⁴ *Amm. Marc., Hist.*, 16, 10.4—17.

³⁹⁵ *Ibid.*, 15, 8.4—17.

³⁹⁶ *Ibid.*, 20, 4.17—18; 20, 5.1—7.

³⁹⁷ *Ibid.*, 26, 6.15—16.

³⁹⁸ *Ibid.*, 19, 11.10—12.

³⁹⁹ *Ibid.*, 25, 9.5.

⁴⁰⁰ *R. Mac Mullen. Some Pictures in Ammianus Marcellinus.*— «Art Bulletin», 46, 1964, p. 435—455.

ищут истоки этого явления во всей социальной структуре позднеримского общества ⁴⁰¹.

Палитра изобразительных средств Аммиана столь многоцветна, что в ней находится место и для гротеска. Аммиан обращается к гротеску для изображения пороков римского общества и часто в форму гротеска облакает критику современности. При этом автор широко пользуется такими средствами, как ироническая метафора, гипербола, насмешка. С какой насмешливой иронией описывает он выезд богатого вельможи, окруженного толпой рабов. Каким сарказмом проникнуто сравнение его с полководцем, а его лизоблюдов и челяди — с войском ⁴⁰². Столь же гротескно рисует Аммиан римскую чернь, отыскивая крайне обидные и унижительные для нее метафоры ⁴⁰³. Некоторые сцены из жизни римского общества по силе разоблачительной иронии восходят к Ювеналу, Петронию и Марциалу ⁴⁰⁴. Не менее остры характеристики четырех типов адвокатов, внушающих писателю одинаково глубокое отвращение ⁴⁰⁵.

Иногда гротеск применяется автором при создании портретов отдельных действующих лиц исторической драмы. Именно так противопоставлена, например, надменная маска, которую надевал на себя Констанций, истинной сущности этого слабодушного и трусливого государя. С едкой иронией рассказывает писатель о том, что Констанций, раз и навсегда надев личину власти, изображал из себя чуть ли не статую: «Никогда не видел, чтобы он на людях прочищал нос, плевал, вертел головой» ⁴⁰⁶. На деле же он был слабохарактерным правителем, падким на лесть и наветы придворных, вечно дрожал за свою власть ⁴⁰⁷.

Примечательно, что гротеск применяется Аммианом только в тех случаях, когда можно посмеяться или саркастически улыбнуться; когда же речь идет о подлинной исторической трагедии — например, о процессах об оскорблении величества, смех умолкает и к гротеску писатель не обращается.

Большое внимание в труде Аммиана уделено императорам и другим политическим деятелям. Пожалуй, именно их портреты принесли историку наибольший успех у читателя, а позднее стали хрестоматийными ⁴⁰⁸.

Аммиан в достаточной степени умел создавать портретные ха-

⁴⁰¹ А. П. Каждан. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе. — ВДИ, 1972, № 1, стр. 230.

⁴⁰² *Amm. Marc., Hist.*, 14, 6.16—17.

⁴⁰³ *Ibid.*, 14, 6.25—26.

⁴⁰⁴ К. *Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 210—211.

⁴⁰⁵ *Amm. Marc., Hist.*, 30, 4.4—22.

⁴⁰⁶ *Ibid.*, 16, 10.10.

⁴⁰⁷ Существует гипотеза о том, что гротеск у Аммиана имеет две разновидности: при обрисовке жизни общества он окрашен юмором, при обличении же пороков императоров приближается к мрачной сатире (К. *Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 214—215).

⁴⁰⁸ *Ch. Starr. Civilisation and the Caesars. Ithaca, 1954.*

рактистические. В основе их лежал принцип обязательного освещения как достоинств, так и недостатков героя. Обе эти стороны автор строго разграничивал. Обычно портрет того или иного лица как бы равнозначен его эпитафии и дается непосредственно после его смерти. Композиционно он строится в согласии с твердо установленным каноном: рождение героя, его родители, воспитание, деятельность, характер, подвиги, смерть. Хотя такие портреты являются как бы вставными *vitae* императоров и других государственных мужей⁴⁰⁹, они связаны органически со всей характеристикой данного лица, содержащейся в книге, и подводят итог его жизни.

Аммиан в своих портретах пытается дать внутреннюю психологическую характеристику героя и воссоздать его внешний облик. При этом портрет «внутренний» превалирует над внешним. Вслед за Тацитом Аммиан делает акцент на нравственной сути человека, на его характере, склонностях, добродетелях и пороках. Это достигается путем обрисовки не только его отдельных качеств, но и поступков⁴¹⁰. О внешности героя говорится, чтобы полнее и всесторонней раскрыть его личность. Порою внешность героя находится в счастливой гармонии с его нравственным обликом (Юлиан), но иногда она представляет собой маску, цель которой скрыть истинную сущность человека (Констанций)⁴¹¹. В труде Аммиана перед читателем проходит целая галерея реалистических образов государственных людей той эпохи. Эта галерея открывается портретом Цезаря Галлы⁴¹², затем следуют императоры Констанций II⁴¹³, Юлиан⁴¹⁴, Новийан⁴¹⁵, узурпатор Прокопий⁴¹⁶, Валентиниан I⁴¹⁷ и, наконец, Валент⁴¹⁸.

Примечательно, что его характеристики не только весьма индивидуальны, но автор стремится в каждом случае выделить главную, преобладающую черту. Констанция II отличает постоянный страх потерять власть, Юлиана — справедливость и доблесть, Прокопия — сумрачность и скрытность, Валентиниа-

⁴⁰⁹ Ch. Samberger. Die «Kaiserbiographie» in der Res gestae des Ammianus Marcellinus.— «Клио», 51, 1969, S. 478—480.

⁴¹⁰ K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst..., S. 203—204; R. Mooney. Character Portrayal and Distortion in Ammianus Marcellinus. Diss. Michigan, 1955.

⁴¹¹ Думается, не права Л. У. Бонфанте, приписывая Аммиану стремление к дегуманизации человеческих образов. Согласно гипотезе этого ученого, Аммиан хотел отвлеченные понятия представить в виде символических образов: император — олицетворение высшей власти — воплощался у него поэтому в статуе (L. W. Bonfante. Emperor, God and Man..., p. 427). Эта гипотеза, на наш взгляд, недоказуема.

⁴¹² Amm. Marc., Hist., 14.11. 27—34.

⁴¹³ Ibid., 21, 16. 1—20.

⁴¹⁴ Ibid., 25, 4.1—27.

⁴¹⁵ Ibid., 25, 9.14—17.

⁴¹⁶ Ibid., 26, 9.11.

⁴¹⁷ Ibid., 30, 8.1—14; 9.1—6.

⁴¹⁸ Ibid., 31, 14.1—8.

на I — вспыльчивость и гневливость, Валента — жестокость и подозрительность. Раскрывая главные свойства личности императора, Аммиан часто ставит также важные социально-политические и этические проблемы. Его, например, интересует вопрос о влиянии власти на личность человека, психология насилия и жестокости, проблема доблести и гражданственности.

При всей нарочитой объективности характеристик Аммиана в них всегда присутствует личная оценка автора. И эта оценка носит не только нравственный⁴¹⁹, но почти всегда политический характер. Конечно, рисуя портреты императоров, Аммиан выступает как моралист. Примеры дурных и хороших правителей он использует для поучения⁴²⁰. Это бесспорно. Но не менее бесспорно и другое. Оценка государя у него всегда связана с ответом на главные вопросы: приносил ли данный правитель пользу государству, происходил ли в его правление прогресс в жизни общества, и насколько приближался он к образу идеального императора.

И пусть психологическим характеристикам Аммиана не хватает глубины проникновения во внутренний мир человека, в самые сокровенные тайники человеческой души⁴²¹, пусть некоторые его портреты явно подражательны, а суждения слишком категоричны⁴²², все же гражданская позиция писателя, смелость и нелицеприятность его оценок, жизненная правда образов — все это придает портретной галерее Аммиана непреходящую ценность.

Сам же Аммиан при каждом прочтении его труда открывается читателю новыми гранями своего незаурядного дарования⁴²³.

⁴¹⁹ На наш взгляд, К. Розен преувеличивает значение нравственных оценок Аммиана при характеристике императоров (*K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 233).

⁴²⁰ Для К. Розена Аммиан — прежде всего писатель-моралист; например, он, по его мнению, рисует не подлинную историческую, а морально-нравственную картину тирании в империи (*ibid.*, S. 245). Для Аммиана мораль якобы важнее жизни.

⁴²¹ К. Розен подчеркивает, что Аммиан субъективно хочет раскрыть психологию действия, поступка, факта, показать движения души, вызывающие эти действия, но полного раскрытия психологии человека у Аммиана все же нет (*K. Rosen. Studien zur Darstellungskunst...*, S. 203, 206).

⁴²² Для К. Розена Аммиан-моралист столь категоричен в своих этических оценках, как никто другой из римских авторов (*ibid.*, S. 228). Г. Вирт, наоборот, далек от преувеличения степени морализации у Аммиана (реп. на кн.: *A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild...* — *BZ*, 61, 1968, S. 340). По мнению же Фогта, Аммиан вообще не увлеклся дидактикой (*J. Vogt. Ammianus Marcellinus ...*, S. 810 f.).

⁴²³ О стиле и художественных приемах Аммиана см.: *L. F. Field. The Epitomes of Ammianus Marcellinus.* — «Dissertation Abstracts», 29, 1968, p. 1884; *P. de Longe. Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus*, Bd. 1—4; Groningen, 1935—1953; *G. di Spigno. Appunti per una lettura del libro XIV di Ammiano.* — «Orpheus», 7, 1960, p. 133—151; *L. Kerau, L. Ullmann. Sprachliche Beobachtungen zu einigen Ammianstellen.* — «Klio», 48, 1967, S. 227—235.

И все яснее становится, что перед нами не только умный, мыслящий и правдивый историк, но и отмеченный печатью таланта писатель.

Подведем итоги. Аммиан Марцеллин, на наш взгляд, принадлежал к той части образованной интеллигенции империи, которая по своим социально-политическим воззрениям объективно в известной степени поддерживала идеологию оппозиционных кругов старой римской сенаторской аристократии. Вместе с тем эта часть языческой интеллигенции, быть может, не порывала связей и с представителями муниципальных землевладельцев, также находившихся в оппозиции к новым тенденциям в идейном развитии общества.

В творчестве Аммиана это нашло свое выражение как в консервативной идеализации римского исторического прошлого и прославлении могущества Римского государства, так и в отстаивании античных культурных традиций и языческих религиозных представлений. Но это еще далеко не самое главное. Важнее было то, что языческая интеллигенция, недовольная деспотизмом императоров и чиновной бюрократии, вместе с тем была далека от народа, ненавидела плебейские массы и нашла поэтому в своих оппозиционных выступлениях опору именно во фрондирующей против неограниченной императорской власти и господства христианской церкви высшей знати. Столь влиятельная политическая поддержка сенаторской аристократии и дала возможность оппозиционно настроенным историкам, подобным Аммиану, открыто высказывать свои политические взгляды.

В разоблачении произвола императоров и чиновников Аммиан был далеко не одинок: эти обличительные тенденции можно проследить у Ливания, Евнания, Зосима. Еще любопытнее, что оппозиционные идеи продолжают проповедоваться в трудах более поздних византийских авторов, достигая кульминации в «Тайной истории» Прокопия.

Аммиана и Прокопия роднит как общая для них приверженность к античной цивилизации, недоверие и ненависть к варварам, так и социально-политические идеи защиты крепкой монархической власти, опирающейся на высшую аристократию, и резкое отрицательное отношение к низшим классам общества. Особенно же поражает одинаково страстный обличительный характер исторических сочинений того и другого историка.

Таким образом, Аммиан был одним из основоположников того оппозиционного направления в историографии, которое выступило против чрезмерной централизации и деспотизма императоров эпохи поздней Римской империи и ранней Византии. В этом отношении византийская историография раннего периода, особенно в лице Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты, непосредственно продолжает и развивает идеи, заложенные в труде Аммиана. Думается, нельзя провести непроходимой грани между позднеантичной и ранневизантийской историографией. Скорее

можно наметить прямую преемственность между трудами позднеримских и ранневизантийских историков.

Это, конечно, отнюдь не исключает существования глубоких различий в идейно-политической и философской направленности трудов Аммиана и Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты. С течением времени, как мы увидим ниже, явно изменяется отношение историков к христианству, становясь мало-помалу все более ортодоксальным (Феофилакт Симокатта); меняются философско-этические концепции, модифицируется отношение к варварам (Приск Панийский, Агафий). Однако не это является, на наш взгляд, решающим. Важно, что начиная с Аммиана в историографии все явственнее обособляются два основных течения: светское, опирающееся на античные традиции и оппозиционное к христианской монархии, и церковно-христианское, проводящее библейскую концепцию всемирной истории и положенное в основу средневекового летописания. Они продолжают параллельно развиваться, оказывая друг на друга огромное взаимное влияние вплоть до середины VII в.

Все сказанное позволяет считать Аммиана Марцеллина не только последним великим римским, но и первым византийским историком, зачинателем светского течения в историографии ранней Византии.

ИСТОРИКИ КРУГА АММИАНА — ЕВНАПИЙ, ОЛИМПИОДОР, ЗОСИМ

В своих идейных исканиях и социально-политических устремлениях Аммиан Марцеллин не был одинок. Среди светских историков IV—V столетий три имени стоят рядом с именем Аммиана: лидиец Евнапий, египтянин Олимпиодор и византиец Зосим. Рядом, но в то же время и гораздо ниже.

Это, возможно, связано с тем, что первым двум явно не повезло: их сочинения дошли до потомства лишь в искаженном виде, в небольших отрывках. Последний же сам навредил себе в глазах читателей крайней пристрастностью и непримиримостью суждений.

Евнапия, Олимпиодора и Зосима, роднит с Аммианом общая идейная направленность их исторических произведений: симпатии к угасающему язычеству и ярко выраженная оппозиционность по отношению к христианским императорам, приверженность к античной культуре и прославление общего для них всех кумира — императора Юлиана.

Сказанное дает основание причислить всех троих историков к кругу Аммиана, хотя талант Аммиана сверкает куда более яркими красками, чем скромное дарование его последователей.

Идейная борьба, нашедшая отражение в историческом сочинении Аммиана, не затухала и в последующее время. В нее, разумеется, была вовлечена византийская духовная элита IV—V столетий — философы, писатели, историки, риторы.

На переднем крае идейной борьбы этого периода в лагере сторонников язычества и приверженцев античной рабовладельческой цивилизации мы находим Евнапия из Сард (345—420).

Евнапий, малоазийский грек, родился около 345 г. в лидийском городе Сардах¹. В те годы Сарды еще оставались богатым и оживленным центром, где скрещивались греческие и восточные культурные влияния. Впечатления детства и юности наложили свой отпечаток на внутренний мир будущего историка — он всю жизнь сохранял особое пристрастие к мистическим восточным культам и терпимость к пестрой, многоликой языческой куль-

¹ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 259—261.

туре различных народов, населявших империю². Выходец из достаточно состоятельной семьи, Евнапий получил превосходное образование в Афинах — последнем центре языческой науки и философии. Ученик и убежденный последователь знаменитого в те годы софиста и философа-неоплатоника Прозресия, умный и способный юноша вскоре постиг тайны античной философии и риторического искусства. Наряду с занятиями философией и риторикой Евнапий увлекся естественными науками, в особенности медициной, и был не только почитателем, но и другом прославленного медика Орибасия.

Обладая знаниями в различных сферах науки, Евнапий прослыл среди своих современников ученым мужем и приобрел известность как философ и ритор. Широкие познания позволили ему заняться литературным трудом. Его перу принадлежат сочинения различных жанров — от исторической прозы до жизнеописаний философско-риторического характера³.

Наиболее значительным произведением Евнапия был его обширный исторический труд, известный под названием «Ἐπομνήματα ἱστορίας», сохранившийся, к сожалению, лишь в отрывках⁴.

Писатель задумал свое сочинение как продолжение популярной в его время «Истории» Дексиппа Афинянина. Труд Евнапия первоначально был широким историческим полотном, охватывающим долгий период — от смерти Клавдия II до 10-го года правления восточноримского императора Аркадия (от 270 до 404 г.)⁵.

По композиции, структуре и внутренней логике сочинение Евнапия еще весьма близко к произведениям античных авторов. Подобно большинству античных писателей Евнапий провозглашает тезис о том, что выявление истины всегда было, есть и будет основной задачей историка. Однако Евнапий понимает, как трудно историку быть объективным. Он ясно видит, сколько писателей, заботясь о личной безопасности, принуждены были в своих книгах писать с пристрастием об одних и с ненавистью о других. «Пишущий эту историю, — заявляет автор, — не шел такой дорогой; цель его — твердо придерживаться истины»⁶. Заботиться об истине, говорит Евнапий, дело великое, но весьма опасное. Сколько незримых опасностей подстерегает историка

² J. Opelt. Das Nationalitätenproblem bei Eunapios von Sardes. — «Wiener Studien», 3, 1969.

³ A. Momigliano. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. — «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century». Oxford, 1963.

⁴ Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 591—599; Excerpta de sententiis, ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906, p. 71—103 (далее — *Eunap.*, Excerpt.). См. C. G. Cobet. Ad Eunapii fragmenta τῆς Χρονικῆς ἱστορίας τῆς μετὰ Δεξιππου. — «Mnemosyne», 10, 1882, S. 27—41.

⁵ C. de Boor. Die νέα ἐκδοσις des Eunapios. — «Rheinisches Museum», 47, 1892, S. 321—323; E. A. Thompson. Eunapius, fr. XIV, 7. — «The Classical Review», 57, 1943, p. 60.

⁶ *Eunap.*, Excerpt., fr. 73.

на тернистом пути поиска истины! Евнапия не покидают тягостные опасения, что и он падет жертвой происков политических противников⁷.

Как и другие античные и ранневизантийские авторы, Евнапий не чужд дидактики. Долг историка, по его мнению, — поучать читателя: ведь знание событий прошлого поможет юноше сравняться в мудрости со старцем, постигнув то, чему в истории надо подражать, а чего избегать⁸.

Евнапий — сторонник прагматического освещения истории. Наиболее важным делом историка он считает изложение самой сути событий, а не простой перечень фактов в их хронологической последовательности. Исходя из этой презумпции, Евнапий отводит хронологии в историческом повествовании подчиненную роль.

По сохранившимся фрагментам, конечно, трудно составить представление о мировоззрении писателя в целом и об историко-философской концепции его труда. Фрагменты произведения Евнапия дошли ведь до нас в сильно переработанной редакции, в которой, как кажется, некий благочестивый редактор вычеркнул все наиболее гневные и непримиримые выпады языческого историка против христианства. Но даже в таком виде сочинение Евнапия проникнуто духом острейшей борьбы языческой и христианской идеологий: автор открыто превозносит язычников и хулит христиан. Эта идейная направленность придала совершенно однозначную окраску всему повествованию историка⁹.

Основная идея, которая владела писателем, — восстановление язычества и противодействие распространению христианской религии. Оселком, на котором тогда проверялись политические симпатии и антипатии того или иного писателя, было отношение к кумиру языческой оппозиции и гонителю христиан — Юлиану. Немудрено поэтому, что именно Юлиан стал главным героем исторического сочинения Евнапия. Действительно, Юлиан был той исторической фигурой, которой адресовались и непомерные похвалы его последователей и яростная хула его политических и религиозных противников. Недаром идеализированный образ Юлиана столь дорог и мил великому предшественнику Евнапия — Аммиану Марцеллину¹⁰.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid., fr. 1.

⁹ V. *Biagi*. Eunapio e il cristianesimo. — «*Teosarakhontastērīs*» θ. Βορέα». Athen, 1940, p. 179—182.

¹⁰ Некоторые ученые сближают Евнапия и Аммиана не только идейно, но и текстуально, выдвигая гипотезу, что оба эти историка, особенно в описании персидского похода Юлиана, использовали какой-то общий источник (A. F. *Logman*. Magnus in Ammianus, Eunapius and Zosimos: New Evidence. — «*Classical Quarterly*», 7, 1957, p. 129—133; W. R. *Charmers*. Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimos on Julian's Persian Expedition. — «*Classical Quarterly*», 10, 1960, p. 157—159). Другие ученые отрицают возможность генетической связи Евнапия и Марцеллина (A. *Cameron*. An Alleged Fragment of Eunapius. — «*Classical Quarterly*», 13, 1963, p. 23—236).

Панегирический характер описания правления Юлиана был ясен самим византийцам. Уже Фотий заметил, что «История» Евнапия составлена почти что для одного восхваления Юлиана¹¹.

Ревностный язычник, Евнапий рисует Юлиана, пытавшегося восстановить язычество, как самую выдающуюся фигуру своей эпохи, как крупнейшего государственного деятеля, «которому род человеческий поклонялся, как некоему богу»¹². «Юлиана, — пишет историк, — не знал я лично, ибо в его царствование был еще ребенком, но любил его, потому что видел общую к нему любовь всех людей»¹³. Прославляя Юлиана, писатель был охвачен живым и искренним чувством. Он наделил своего любимца лучшими человеческими качествами: мудростью, добродетелью, храбростью. В труде Евнапия Юлиан предстает добрым и умным правителем. От природы кроткий и снисходительный, он был доступен всем, кто искал его помощи. Его милость простиралась даже на врагов: сила рук и храбрость воина, утверждал император, полезны в бою, но зачастую врагов можно укротить не оружием, а справедливостью, соединенной с властью¹⁴. Юлиан был грозен по словам историка, лишь для дурных и преступных людей. Он быстро и справедливо творил суд и расправу над виновными, и в его правление «нельзя было уже ни обижать, ни скрываться, обидев кого-нибудь...»¹⁵. Справедливость этот император ставил превыше всего и считал источником всех добродетелей. Любовь и преданность солдат сопутствовали Юлиану в его ратных походах. После гибели Юлиана солдаты его легионов с горестью поняли, что другого начальника они найдут, но равного ему им не найти никогда. Многим, рассказывает Евнапий, Юлиан казался божеством, принявшим человеческий образ. Величием духа равный божеству, он преодолел все низменные, унижающие человечество слабости людской природы. «Он поднялся из бездны волн, увидел небо, узнал, что в нем прекрасно, и, сохранив еще плоть, беседовал с бесплотными»¹⁶.

В этих восторженных восхвалениях Юлиана чувствуется влияние на Евнапия (как и на Аммиана) мистических представлений неоплатонизма и восточных религиозных учений.

Для социально-политических взглядов Евнапия весьма показательным его отношение к имперской власти. Историк считает императорскую власть необходимой для общества, но она полезна лишь тогда, когда находится в достойных руках. Юлиан был для Евнапия идеалом правителя и, по словам историка, «достиг трона не потому, что искал царства, но потому, что видел,

¹¹ *Photii Opera omnia*, t. III. — PG, t. 103, col. 215.

¹² *Eunap.*, Excerpt., fr. 1.

¹³ *Ibid.*, fr. 9. См.: *E. Borries*. Die Quellen zu den Feldzügen Julians des Abtrünnigen gegen die Germanen. — «Hermes», 27, 1892, S. 170 — 209.

¹⁴ *Eunap.*, Excerpt., fr. 12.

¹⁵ *Ibid.*, fr. 18.

¹⁶ *Ibid.*, fr. 25.

что человечество испытывало нужду находиться под царской властью»¹⁷.

Императорская же власть в руках дурных правителей несет великие бедствия государству. «В природе человека,— пишет автор,— бог примешивает что-либо худое; подобно тому, как он дает морским ракам желчь и розам шипы, так во властителях сеет сластолюбие и леность, и хотя цари и могли бы устроить жизнь рода человеческого и соединить его в одно общество, но, обращаясь к тленному, они предаются удовольствиям и не ищут бессмертной славы»¹⁸.

Такими дурными правителями, несущими бедствия народам империи, с точки зрения Евнапия, были христианские императоры Валент, Феодосий I и Аркадий. Особую ненависть питает историк к предпоследнему из этих правителей. Именно Феодосий I был для него прямым антиподом великого философа на троне — Юлиана. Если Юлиан блистает всеми добродетелями, то Феодосий исполнен самых низких пороков и терзаем необузданными страстями¹⁹.

В правление Феодосия, по словам Евнапия, «наводнение бедствий было так велико, что для подданных империи казалось сокровищем, светлым днем, когда варвары одерживали победу»²⁰. Овладев великой державой, Феодосий, пишет Евнапий, «доказал справедливость мнения древних, что власть великое зло и что человек во всем может быть тверд и постоянен, но не может вынести своего счастья. Едва достиг он верховной власти, как поступил подобно молодому человеку, который, получив в наследство от отца большое богатство, накопленное бережливостью и честной жизнью, и, завладев вдруг имением, всеми средствами неистово губит то, что ему досталось»²¹.

Злодею на троне подражали льстецы и приближенные, и в его царствование, горестно замечает писатель, всеобщий разврат приобрел столь великую силу, что правители приносили населению зло худшее, чем враги²². В результате дурного правления Феодосия дела римлян пришли в полное расстройство и империи грозила гибель.

Придя к такому пессимистическому выводу, историк ищет объяснение горестных событий и находит его в провиденциалистской идее божественного предопределения, однако понимаемого как и у Аммиана в античном, а не в христианском духе²³.

Беспощадно бичует Евнапий продажность государственной власти и при регентше Пульхерии, когда «выставлялись на пуб-

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid., fr. 59.

¹⁹ Ibid., fr. 49.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ Ibid., fr. 51

личную продажу народы для желающих купить управление ими...». «Законы были не то что непрочнее и тоньше паутины, как говаривал скиф Анахарсис: они рассеивались и разносились по ветру легче праха»²⁴.

Как и у Аммиана Марцеллина, у Евнапия критика верховной власти, политики христианских императоров сочетается с враждебным отношением к низам общества, к народным массам. Так, писатель негодует на то, что при временщике Руфине возвысились лица низкого звания. Они захватывали плодоносные и богатые имения почтенных граждан. Руфин сам продавал государственных рабов и вершил по своей воле все судебные дела. «Вокруг него вилась огромная толпа льстецов; а льстецы были из тех людей, которые вчера или третьего дня выбежали из лавочки, чистили отхожие места или мыли пол. Теперь они носили красивые хламиды с золотыми застежками и имели на пальцах печати, оправленные в золото»²⁵.

Постоянно ощущая свою избранность просвещенного римлянина и рафинированного поклонника языческой культуры, Евнапий не желает верить в возрастание силы христианской религии. Он весь живет еще в языческом прошлом, милом и дорогом его сердцу.

Его религиозно-философские взгляды представляли собой эклектическое соединение неоплатонической философии с различными мистическими верованиями восточных народов. Возможно, Евнапий был посвящен в Элевсинские мистерии²⁶. Особенно ярко враждебные к христианству настроения Евнапия проявились в созданном им глубоко оппозиционном по духу жизнеописании философов-неоплатоников IV в.²⁷ Это сочинение таило в себе идейный заряд непримиримой ненависти к христианской идеологии²⁸.

Таким образом, труд Евнапия был смелым обличением пороков византийского правительства в царствование Феодосия I и его ближайших преемников. Так же как и сочинение Аммиана, он отражал политические устремления языческой интеллигенции, враждебной христианству, связанной со старой римской аристо-

²⁴ *Eunap.*, Excerpt., f. 3'.

²⁵ *Ibid.*, fr. 64.

²⁶ *F. Cumont.* Une correction au texte d'Eunape à propos de la fin des mystères d'Eleusis.— «Revue de l'instruction publique en Belgique», 31, 1888, p. 179—181.

²⁷ *Eunapit Vitae sophistarum*, rec. I. Giangrande.— *Scriptores Graeci et Latini Consilio Academiae Lynceorum*, ed. Romae, 1956; *G. Giangrande.* Coniectanea zu den Vitae Sophistarum des Eunapios.— «Eranos», 55, 1955, S. 14—27; *idem.* Vermutungen und Bemerkungen zum Text der Vitae Sophistarum des Eunapios.— «Rheinisches Museum», 99, 1956, S. 133—153; *idem.* Herodianismen bei Eunapios: ein Beitrag zur Beleuchtung der imitatio in der späteren Gräzität.— «Hermes», 84, 1956, S. 320—331.

²⁸ *G. J. M. Bartelink.* Eunape et le vocabulaire chrétien.— «Vigil. Chr.», 23, 1969.

кратией и оппозиционной к правлению христианских императоров. Стиль Евнапия несколько излишне риторичен. Но вместе с тем ему нельзя отказать в меткости характеристик, в силе беспощадного разоблачения язв современного ему общества.

* * *

Младшим современником и продолжателем Евнапия был Олимпиодор (V в.).

Родом из Фив в Египте, грек по национальности, язычник-«эллин» — по религии, Олимпиодор всю свою жизнь посвятил литературным занятиям. Он был писателем, поэтом, историком, комментатором²⁹ и пользовался большой известностью у себя на родине.

Изучив в Египте основы эллинской мудрости, он посетил Афины, где близко познакомился с философской школой и многими прославленными философами того времени. Часть жизни Олимпиодор провел в Западной Римской империи, побывав в Риме, который произвел на него, как и на Аммиана, неизгладимое впечатление роскошными дворцами патрициев, великолепными термами императоров и другими общественными зданиями.

Впечатление о «вечном городе» было столь велико, что Олимпиодору казалось, что каждый из больших домов в Риме включает средних размеров город — ипподром, форумы, храмы, фонтаны и всевозможные бани. «Дом — это город; в столице же тысячи городов», — писал удивленный путешественник³⁰.

На Западе Олимпиодор вплотную столкнулся с варварским миром, возможно, наблюдал жизнь вестготов в Италии и Южной Галлии, был близок к окружению некоторых варварских вождей.

Олимпиодор много путешествовал, несколько раз перенес нелегкие дальние морские переезды, наблюдал быт и нравы разных варварских народов. Так, в 412 г. с дипломатической миссией в составе византийского посольства он посетил гуннов, обитавших в то время, видимо, на северо-западном побережье Черного моря. Рассказ об этом посольстве — одно из самых ранних упоминаний о гуннских племенах в Европе³¹.

Кроме того, Олимпиодор совершил в 415 г. морское путешествие в Грецию.

В 421 г. он вернулся из дальних странствий на родину, чтобы создать свое историческое сочинение. Его слава сочинителя была столь велика, что достигла пределов Нубии, населенной племенами влеммиев. Эти варвары пригласили Олимпиодора посетить их страну и описать ее. Родившийся в результате этой поездки

²⁹ *L. G. Westernik. Olympiodori in Platonis Gorgiam commentaria. Leipzig, 1970.*

³⁰ *Olympiodoros. Historiae.* — «Historici graeci minores», 1. Lipsiae, 1870, р. 450—472 (далее — *Olympiod.*, Hist.), 13.

³¹ *Olympiod.*, Hist., 18.

рассказ Олимпиодора о чудесных оазисах Ливийской пустыни, о городах влеммиев и смарагдовых копях, откуда египетские фараоны черпали эти драгоценные камни, представляет одно из самых занимательных описаний древней Нубии, сохранившихся в византийской литературе ³².

Олимпиодор побывал также в новой столице Римской империи Константинополе, где, возможно, и закончил свое историческое сочинение ³³.

Труд Олимпиодора полностью не сохранился и известен лишь в эскизах патриарха Фотия.

Знаменитый книжник и эрудит патриарх Фотий (820—891), как известно, оставил потомкам огромное собрание выписок из 280 книг греческих авторов — прославленную «Библиотеку», или «Многочитие» («*Myriobiblon*). Благодаря бесценному труду Фотия для последующих поколений были сохранены в подлинном виде многие ныне безвозвратно утерянные произведения византийских историков и хронистов.

Сочинение Олимпиодора «История» («*Ἱστορική Λόγος*») состояло из 22 книг и охватывало всего лишь 18 лет истории Римской империи — с 407 по 425 г. Фотий, хотя и сильно сократил труд Олимпиодора, все же сохранил не только важнейшие исторические факты, но и взгляды и мысли автора ³⁴.

Сам Фотий довольно суров в оценке произведения Олимпиодора. Поклоннику цветистого и изысканного стиля древних авторов, Фотию претит прежде всего простонародный язык историка. «Язык у него ясный, но невыразительный и лишенный силы, причем автор склонен к избитому просторечию»³⁵, — пишет Фотий об Олимпиодоре.

Суждения Фотия о «народном» стиле Олимпиодора, видимо, в известной степени справедливы: у него уже намечается отход от несколько искусственного и подражательного стиля некоторых византийских авторов раннего времени и появляются зачатки новой, народной манеры изложения, навеянной, скорее всего, близким соприкосновением с варварским миром. Возможно, что именно этот «народный» стиль и определял основное своеобразие труда Олимпиодора ³⁶.

³² См. *E. A. Thompson*. Olympiodorus of Thebes. — «*Classical Quarterly*», 38, 1944, p. 43—53.

³³ *J. Rosenstein*. Kritische Untersuchungen über das Verhältniß zwischen Olympiodoros, Zosimos und Sozomenos. — «*Forschungen zur deutschen Geschichte*», 1, 1862, S. 166—204; *L. Jeep*. Philostorgios und Olympiodoros. — «*Jahrbücher für klassische Philologie*», Suppl. 14, 1885, S. 73—81.

³⁴ *Е. Ч. Скржинская*. «История» Олимпиодора (перевод, статья, прим. и указатели). — ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276; *Gy. Moravcsik*. Byzantinoturcica, I, S. 468—478.

³⁵ *Olympiod.*, Hist., 1.

³⁶ *Christ — Schmid — Stählin*. Geschichte der griechischen Literatur, II, 2. München, 1924, S. 1035—1036; *W. Haedicke*. Olympiodoros. — RE, XVIII, Hb. 1, 1939, S. 201—207.

Повествование Олимпиодора затрагивает главным образом Западную Римскую империю, восточной половине государства уделяется относительно мало внимания.

Читатель знакомится с событиями, происходившими в период правления Гонория (395—423): борьба за колеблющийся престол императоров, мимолетное возвышение и столь же стремительное падение многочисленных узурпаторов, самовластное вмешательство варварских вождей в дела одряхлевшей империи. Большое внимание уделяет автор взаимоотношениям Рима с гуннами³⁷. Могущественные варвары Стилихон, Аларих, Атаульф зачастую предстают как вершители судеб Западной Римской империи. В центре внимания Олимпиодора — одна из последних схваток греко-римского мира с варварским, связанная с походами Алариха в Италию. Автор воссоздает картину страха и уныния, царящего в Риме перед нашествием варваров, против которых бессильны римские войска; от них не могут спасти и древние стены города.

Проникновение варваров в самые недра некогда великой Римской империи, увиденное глазами современника, воспринимается в труде Олимпиодора как неизбежное зло.

Историк видит такие грозные для империи факты, как ослабление императорской власти, варваризация армии. Он сознает, что слабые и никчемные императоры становятся лишь игрушкой в руках варварских вождей или римских полководцев, опиравшихся на варваризированные войска. В этой негативной оценке внутреннего состояния империи и ее армии Олимпиодор близок Аммиану.

Историческое сочинение Олимпиодора вводит читателя в атмосферу напряженной борьбы «римской» и «проварварской» партий в Западной Римской империи. Политические симпатии самого автора — и в этом его отличие от Аммиана — на стороне той партии, которая проводит политику союза с молодыми варварскими королевствами и могущественными вождями варварских дружин. Эта партия, трезво оценивая силу варварских народов и растущую слабость империи, видит спасение Римского государства в использовании одних варваров в борьбе против других. В период, описанный Олимпиодором, интересы этой партии выражал сперва знаменитый полководец варвар Стилихон (ок. 365—408), а затем — варварское окружение Августы Галлы Плацидии (ум. 450), дочери императора Феодосия I, первым мужем которой был вестготский король Атаульф.

Даже в сокращенной передаче Фотия мы можем представить облик гордой и умной Галлы Плацидии, женщины с тяжелой и сложной судьбой, родственницы семи императоров, оставившей заметный след в истории Западной Римской империи. Олимпиодор

---

³⁷ *Olympiod., Hist.*, 18, 27; *J. Harmatta. The Dissolution of the Hun Empire, I. Hun Society in the Age of Attila.*—«Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 2, 1952, p. 277—305.

искренне симпатизирует Галле, преклоняется перед ее умом и сильным характером, оправдывает ее политику союза с варварскими королями³⁸. Друзья Галлы — его друзья. Как привлекателен, например, Бонифаций, правитель Африки, безмерно преданный своей государыне³⁹. В свою очередь, враги Галлы глубоко антипатичны Олимпиодору, и он изображает их суровыми, мрачными красками. Таков, портрет ее мужа Констанция III.

Весьма симпатизирует историк и Стилихону⁴⁰. Его казнь по приказу императора Гонория он расценивает как тяжкую ошибку. Причину гибели Стилихона он видит в зловещих происках сторонников «римской» партии, в частности Олимпия, которого впоследствии постигла за это преступление заслуженная кара⁴¹.

Свой труд Олимпиодор посвятил восточноримскому императору Феодосию II (408—450). Известную роль в этом сыграло покровительство Феодосия II Галле Плацидии, которой он не только дал приют в Константинополе во время ее конфликта с братом Гонорием, но и помог возвести на престол Западной Римской империи сына Галлы Плацидии — Валентиниана III (425—455). Многие факты из жизни Западной Римской империи описаны Олимпиодором как очевидно, например бракосочетание Галлы Плацидии с Атаульфом в Нарбонне, борьба «римской», проварварской и других партий в Равенне. На сообщении о воцарении Валентиниана III обрывается труд Олимпиодора, продолжению которого, возможно, помешала смерть автора.

Оставаясь в известной степени «римским патриотом» и поклонником греко-римской цивилизации, воспринимая мир сквозь призму римской миродержавности, Олимпиодор вместе с тем одним из первых византийских писателей понял, что без участия варваров империя «не в состоянии победить варварство»⁴². Он показал, что грозные враги империи заслуживают уже не только ненависть и презрение высокомерных римлян, но также признание того, что необходима их помощь, и даже уважение к их военной силе. Бесспорной заслугой Олимпиодора является то, что столкновение греко-римского и варварского миров он изобразил значительно более объективно, чем Аммиан и многие другие позднеримские и ранневизантийские авторы.

Утерянный труд Олимпиодора косвенным образом можно восстановить по сочинениям его младших современников, для которых он являлся важным источником. Он во многом послужил основой для такого своеобразного произведения византийской историографии того времени, как «Новая история» Зосима. В ней политические настроения языческой оппозиции воплощены наиболее полно и откровенно.

³⁸ *Olympiod.*, Hist., 3, 15, 20—22, 24, 26, 31, 34, 40, 46.

³⁹ *Ibid.*, 21, 40, 42.

⁴⁰ *Ibid.*, 2, 6, 9.

⁴¹ *Ibid.*, 8, 44.

⁴² *Е. Ч. Скржинская*. Указ. соч., стр. 238.

О жизни Зосима известно только то, что он сам сообщает в своем труде. Эти сведения крайне скудны. Зосим жил в Константинополе во второй половине V в. Он занимал высокие должности в финансовом управлении Византийского государства: был комитом и экс-адвокатом фиска, что указывает на его юридическое образование⁴³.

Труд Зосима, известный под названием «Новая история» (*Néa istoria*)⁴⁴, появившийся в свет уже после смерти автора, был создан в правление императора Анастасия (491—518) или чуть позже⁴⁵. В этом обширном произведении, написанном четким и ясным языком, освещается история Римского государства со времени воцарения Августа до 410 г. Однако до 270 г. повествование носит очень суммарный и компилятивный характер, лишь период с 270 по 410 г. излагается более подробно.

Источники, использованные Зосимом для освещения событий более раннего времени, известны мало. Что же касается IV—V вв., то Зосим опирался главным образом на труды Евнапия и Олимпиодора. Сам Зосим упоминает произведения многих авторов, в том числе Полибия, Сириана, письма императора Юлиана, труды Лонгина и Ливания⁴⁶. Впрочем, часть этих упоминаний, возможно, восходит к главным его источникам, в особенности к Евнапию⁴⁷.

Центральная тема «Новой истории» Зосима — упадок Римской империи. Эта проблема рассматривается им, в первую оче-

⁴³ L. Jeep. Die Lebenszeit des Zosimos. — «Rheinisches Museum», 37, 1882, S. 425—433; L. Mendelssohn. De Zosimi aetate disputatio. — «Rheinisches Museum», 42, 1887, S. 525—530; J. Leidig. Quaestiones Zosimae. Diss. München, 1900; Th. Mommsen. Zosimus. — BZ, 12, 1903, S. 533; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 577—578.

⁴⁴ Zosimi comitis et exadvocati fisci historia nova, ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887 (далее — Zosim.); Fr. Paschoud. Zosime. Histoire nouvelle. Tome I. Livres I—II; texte établi et traduit (in Collection des Universités de France). Paris, 1971.

⁴⁵ F. Ruhl. Wann schrieb Zosimos? — «Rheinisches Museum», 46, 1891, S. 146—147. По поводу времени жизни и датировки труда Зосима в науке идут споры. При расхождении в некоторых деталях новейшие исследователи полагают, что Зосим писал свой труд между 498 и 520 гг. (R. T. Ridley. Zosimus the Historian. — BZ, 65, 1972, p. 278—280; A. Cameron. The date of Zosimus New History. — «Philologus», 113, 1969, p. 106—110; W. Goffart. The historian Zosimus as a witness to his own time. — Amer. Hist. Rev., 1971, p. 412—441.

⁴⁶ R. T. Ridley. Zosimus the Historian, p. 281.

⁴⁷ A. F. Norman. Magnus in Ammianus, Eusepius and Zosimos: New Evidence. — «Classical Quarterly», 7, 1957, p. 129—133; J. Rosenstein. Kritische Untersuchungen über das Verhältniß zwischen Olympiodor, Zosimos und Sozomenos... S. 166—204; A. Kiessling. Zu Zosimus. — «Rheinisches Museum», 18, 1863, S. 135—136; R. C. Martin. De fontibus Zosimi. Diss. Berolini, 1866; T. Rühl. Zu Zosimus. — «Rheinisches Museum», 27, 1872, S. 159; F. Graeber. Eine Zosimosquelle. — BZ, 14, 1905, S. 87—159; A. Olivetti. Osservazioni sui capitoli 45—53 del libro II. di Zosimo e sulla loro probabile fonte. — «Rivista di filologia», 43, 1915, p. 321—333.

редь, с точки зрения сокращения размеров Римского государства и потери им бывшего могущества в результате захвата его территорий варварскими народами. Поэтому второй темой является борьба римского и варварского миров.

Зосим считает себя последователем Полибия: «В то время как Полибий описал, как римляне в короткое время создали империю, я намерен показать, как они в столь же короткий срок потеряли ее из-за своих преступлений»⁴⁸.

Зосим ставит перед собой задачу определить причины упадка Римской империи и трактует этот вопрос в историко-философском плане. Выдвигая идеи исторической причинности, казуальности, он по сути дела сводит последнюю к действию мистических, потусторонних сил. Ни возвышение Римской империи, ни ее падение, по Зосиму, отнюдь не зависели от самостоятельной деятельности людей. Они были предначертаны судьбой, мистическим движением звезд и выражали волю божества. Однако величие и падение народов, государств и отдельных лиц находятся в прямой зависимости от нравственности людей. Верховное божество, божественное провидение возвышает народы или низвергает в бездну в награду за их добрые дела или в наказание за дурные. Отсюда вывод Зосима: падение Римской империи — наказание богов за преступления римлян, и в первую очередь, за самую их тяжкую (с точки зрения язычника Зосима) вину — забвение эллино-римской языческой религии предков⁴⁹.

Идея судьбы (τύχη) играет в исторической и философской концепции Зосима первостепенную роль. По воле судьбы совершались все сколь-либо значительные события и истории. Судьба отдала Европу во власть римлян⁵⁰, помогла победам Проба⁵¹, но она же предопределила поражение римских войск при Адрианополе⁵², а затем вновь протянула им руку помощи⁵³, но, увы, не надолго.

Исходя из своей историко-философской концепции, Зосим делит историю Рима на два основных периода: время до императора Константина было счастливым для римлян, тогда боги покровительствовали Римскому государству и ниспосылали ему победы и процветание. Успехи римлян в этот период Зосим опять-таки объясняет не объективными историческими факторами, а волей божественного провидения. Но оно отвернулось от римлян, когда те перестали почитать языческих богов, и наступил новый период римской истории — период упадка и разрушения.

⁴⁸ *Zosim.*, I, 57.1.

⁴⁹ *Ibid.*, I, 1.2. По своей историко-философской концепции Зосим близок к Евнапию, который тоже приваивал конечную обусловленность исторических явлений волей божества (*Eunap.*, fr. 54).

⁵⁰ *Zosim.*, I, 5.1.

⁵¹ *Ibid.*, I, 67.2; 68.1.

⁵² *Ibid.*, IV, 24.1.

⁵³ *Ibid.*, IV, 25.4.

Христианский император Константин способствовал, по Зосиму, ослаблению Римского государства, прежде всего своей религиозной политикой и пренебрежением к обычаям предков. В частности, он забыл о столетних играх, которые, согласно концепции Зосима, обеспечивали Риму благосклонность и защиту языческих богов. Однако наряду с этим идеалистическим объяснением причин падения Римской империи Зосим порою пытается оценить и вполне реальные исторические факторы. Так, тот же император Константин, по его словам, ускорил ослабление Римской империи своими политическими, финансовыми и военными реформами ⁵⁴.

Упадок Римской империи еще больше усилился во время правления другого христианского императора — Феодосия I. Зосим не жалеет красок, чтобы изобразить в самом мрачном свете положение государства при этом императоре ⁵⁵. Особенно тяжелые последствия для Римской державы, естественно, с точки зрения Зосима, имела религиозная политика Феодосия ^{55a}. Наибольшие преступления против богов римляне, по Зосиму, совершили накануне вступления войск Алариха в Италию. Взятие Аларихом Рима — возмездие за дурные дела римлян ⁵⁶. Итак, нашествия варваров, восстания покоренных народов, мятежи рабов, внутренний распад государства — все эти бедствия, постигшие империю в IV— начале V в., согласно концепции Зосима, являются наказанием богов за предательство по отношению к древней языческой религии и за принятие христианства.

Зосим скорбит по поводу торжества христианства, причем его враждебное отношение к христианской религии выливается в формулу обличения дурных правителей, в первую очередь христианских императоров Константина I и Феодосия I. Этим «заблудшим» императорам противопоставляется, конечно, любимец языческой оппозиции — идеальный государь Юлиан.

В характеристике Юлиана Зосим достаточно близок к Аммиану Марцелину, хотя и уступает ему в смысле выразительности. Он слишком риторичен и выспренен, ему не хватает художественного мастерства и убедительности Аммиана ⁵⁷.

---

⁵⁴ Ibid., II, 30—34; 38. Зосим приводит примеры вознаграждения людей за верность язычеству. Он рассказывает о том, что Афины и Аттика не пострадали от землетрясения якобы благодаря защите языческих богов, помогавших им за их преданность языческой религии (*W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome...*, p. 120—124).

⁵⁵ *Zosim.*, IV, 28.1—4; 29, 1.1; 30. 1—5; 33.3—4.

^{55a} Ibid., IV, 59.2—4.

⁵⁶ Ibid., VI, 3.5—6. По Зосиму, боги начали активно стремиться к разрушению Рима еще в годы, предшествующие первой его осаде в 408 г. (ibid., V, 35.5).

⁵⁷ *H. Sudhaus. De ratione quae intercedat inter Zosimi et Ammiani de bello a Juliano imperatore cum Persis gesto relationes. Diss. Bonnæ, 1870; W. Klein. Studien zu Ammianus Marcellinus.—«Klio», 13, 1914; G. Oomen. De Zosimo Ascalonita atque Marcellino. Diss. Münster, 1926.*

Языческие верования Зосима отличались, однако, от религиозной доктрины Юлиана. Зосим, видимо, был далек от мистического синкретизма неоплатоников. Ему было ближе традиционное язычество с его пантеоном бессмертных богов и соблюдением известных обрядов. Быть может, именно этим объясняется то, что Зосим умалчивает о религиозных реформах Юлиана⁵⁸. Вместе с тем он необычайно высоко чтит Юлиана и полагает, что трагическая смерть этого императора явилась самым тяжким ударом для римлян с момента возникновения Римского государства⁵⁹.

Языческие симпатии Зосима обнаруживаются в его труде совершенно откровенно. Они находят свое выражение не только в нападках на двух наиболее влиятельных христианских императоров, но и в похвалах в адрес видных сторонников язычества: Саллюстия⁶⁰, Татиана⁶¹, Евгения⁶², Фравитты⁶³, Генерида⁶⁴ и многих других. О том же ярко свидетельствует его восхваление римского сената за верность языческой религии⁶⁵.

По своим политическим взглядам Зосим принадлежал, как и Аммиан Марцеллин, к той же прослойке римской интеллигенции, которая, как и старая языческая аристократия, относилась неодобрительно к христианским императорам. Симпатии Зосима к сенату⁶⁶ и прославление тех времен, когда тот пользовался большой властью, вряд ли могут свидетельствовать о республиканском образе мыслей. Для Зосима сенат, думается, — не реальный претендент на власть в империи, а скорее символ великого прошлого Рима, носитель его культурных традиций. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с теми учеными, которые стараются изобразить Зосима чуть ли не последним республиканцем на римской почве⁶⁷.

Наряду с прославлением великого прошлого Рима в книге Зосима звучат пессимистические ноты: былое могущество и слава уже никогда не вернуться в «вечный город». Нигде в сочинении Зосима мы не найдем намека на какую-нибудь позитивную программу языческой оппозиции: призыва к государственному перевороту, смене власти, запрещению христианства. Зосим только с горечью констатирует политические недуги Римского государства, но не дает рецепта, как их лечить.

⁵⁸ W. E. Kaegi. *Byzantium and the Decline of Rome...*, p. 132; R. T. Ridley. *Zosimus the Historian...*, p. 285.

⁵⁹ *Zosim.*, III, 32.6.

⁶⁰ *Ibid.*, III, 36.2.

⁶¹ *Ibid.*, IV, 45.1—2.

⁶² *Ibid.*, IV, 54.

⁶³ *Ibid.*, V, 21.

⁶⁴ *Ibid.*, V, 46.2—5.

⁶⁵ *Ibid.*, IV, 59.

⁶⁶ *Ibidem.*

⁶⁷ E. Condurachi. *Les idées politiques de Zosime.*—*Rivista clasica*, 13—14, 1941—1942, p. 115—127; L. Petre. *La pensée historique de Zosime.*—*Stud. clas.*, 7, 1965, p. 263—272; W. Goffart. *The historian Zosimus...*, p. 414.

Но к своим политическим и религиозным противникам он непримирим. Наиболее резким нападкам, кроме неугодных ему императоров, он подвергает придворную клику, особенно евнухов и христианский клир — как высшее духовенство, так и монашество⁶⁸. Догматическая же сторона христианского вероучения его не интересует. Вместе с тем было бы неверно видеть в «Новой истории» лишь мрачные, пессимистические стороны. Вопреки тезису о неумолимом упадке Рима Зосим все же верит в светлое будущее нового Рима — Константинополя. И хотя Константинополь при Зосиме был уже христианским центром, где публичные поклонения языческим богам строго преследовались, историк все же надеялся, что он станет не только великим, но богохранимым городом⁶⁹ и языческие боги вновь возьмут его под свою защиту. Зосим отказывается признать, что древние боги окончательно покинули землю. Подобно Аммиану он верит в вечность Римской державы, но олицетворять ее будет уже не Рим, а Константинополь⁷⁰.

В мировоззрении Зосима весьма значительное место занимают суеверия различного рода: он верит в предзнаменования, оракулы, сны. Его сочинение перестр сообщением о всевозможных предсказаниях⁷¹. Именно поэтому в науке за Зосимом закрепилась репутация суеверного историка, философия истории которого базируется на ребяческом суеверии⁷².

Что касается второй темы — темы борьбы римского и варварского миров, — то и здесь Зосим остается верен своей общей концепции: поражения римлян от варваров — кара богов за вероотступничество. Все сочинение Зосима проникнуто антиварварскими и проримскими настроениями. Варвары, по Зосиму, принесли империи неисчислимые беды, и тяжкая вина падает на тех императоров, которые опрометчиво вели себя в отношении варварских народов. Одни, например Константин, пренебрегли варварской опасностью и ослабили границы империи⁷³, другие, вроде Феодосия, безрассудно доверяли варварским народам и опирались

⁶⁸ *Zosim.*, V, 23—24.

⁶⁹ В подтверждение этого Зосим приводил предсказание оракула, предвещавшее величие и процветание Константинополя (*ibid.*, II, 37.1 — 2). Зосим надеется, что языческие боги возвратятся в Константинополь. Афина, по его убеждению, будет одним из богов, который станет охранять Новый Рим в будущем.

⁷⁰ *W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome...*, p. 135—144.

⁷¹ Вспомним хотя бы предсказание о разрушении Пальмиры (*ibid.*, I, 57—58), о Максенции и совах (*ibid.*, II, 16, 2), рассказы об оракуле, предсказавшем величие Константинополя (*ibid.*, II, 36—37), о сне Юлиана (*ibid.*, III, 9.6), дурных приметах в 378 г. (*ibid.*, IV, 18; 21) и многое другое.

⁷² *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949, p. 708; *R. Bentley. Remarks on a late discourse of free thinking, 1714, Section 42*; *R. T. Ridley. Zosimus the Historian...*, p. 285.

⁷³ *Zosim.*, II, 34.

на варваров-федератов⁷⁴. То и другое было одинаково губительно для Римского государства. Не менее пагубно для Рима было и участие варваров в гражданских войнах, потрясавших империю⁷⁵. Лишь один Юлиан проводил мудрую политику: он не доверял варварам и вел с ними активную борьбу, что и обеспечило его успехи в Галлии⁷⁶.

Несмотря на антиварварскую тенденцию, красной нитью проходящую через весь труд Зосима, у него встречаются весьма противоречивые оценки варварских вождей. Так, давно было замечено вопиющее противоречие в характеристике знаменитого варвара Стилихона. В одном месте Зосим резко критикует его⁷⁷, а в другом отзывается о нем со сдержанной похвалой⁷⁸. Скорее всего это объясняется некритическим использованием источников: в первом случае Зосим опирался на враждебного к варварам Евнапия, во втором — на дружественного к ним Олимпиодора⁷⁹. Столь же неожиданна симпатия Зосима к франкам Баудо и Арбогасту⁸⁰; дав в целом отрицательную оценку готу Гайне, писатель признает, однако, что он умер, храбро и честно сражаясь⁸¹. Даже Алариху Зосим воздает должное: он утверждает, что Аларих почитал Рим⁸² и способен был иногда вести себя, как благородный человек⁸³.

Известия Зосима о варварских племенах, особенно о готах и гуннах, имеют немалую ценность. Интересные детали он сообщает, например, о восстании Гайны⁸⁴. Легендарным же сведениям о гуннах Зосим порою пытается дать рациональное объяснение⁸⁵. Гунны нередко выступают у него в качестве союзников римлян или варварских народов⁸⁶.

Как и Аммиан, Зосим уделяет значительное внимание народным восстаниям своего времени. Сведения о поддержке народными массами варваров, вторгшихся в империю, перекликаются с данными предшественников Зосима. Особенно важно его сообщение о том, что во время осады вестготами Алариха Рима из города бежало множество рабов и присоединилось к войску варваров⁸⁷.

---

⁷⁴ *Zosim.*, IV, 30.1; 33.2—3; 40. 2,56.

⁷⁵ *Ibid.*, IV, 39.5; 45.5; V, 31.5; VI, 7.5—6.

⁷⁶ *Ibid.*, III, 3—8.

⁷⁷ *Ibid.*, V, 1—4.

⁷⁸ *Ibid.*, V, 34.

⁷⁹ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 707; *R. T. Ridley. Zosimus the Historian...*, p. 281.

⁸⁰ *Zosim.*, IV, 33.1.

⁸¹ *Ibid.*, V, 22.2.

⁸² *Ibid.*, V, 50.2.

⁸³ *Ibid.*, V, 31.1; VI, 1.1; 10.1; 12.2—3.

⁸⁴ *Ibid.*, V, 22.

⁸⁵ *Ibid.*, IV, 20.

⁸⁶ *Ibid.*, IV, 22—23; 25—26; 34; V, 26; 34; 37; 45; 50.

⁸⁷ *Ibid.*, VI, 3, 5—6.

Внимание исследователей привлекают и некоторые частные детали, проливающие дополнительный свет на историю империи V в.⁸⁸ Так, интересен и важен материал, касающийся гражданской и военной администрации Римской империи⁸⁹.

В научной литературе неоднократно отмечались в то же время фактические ошибки, встречающиеся у Зосима, и прежде всего неточности в цифрах, датах, географических названиях, титулатуре политических деятелей⁹⁰.

Противоречивость исторического труда Зосима и его тенденциозность породили столь же противоречивые оценки этого писателя в византиноведческой науке. Некоторые ученые полагают, что «Новая история» имеет ценность не сама по себе, а лишь постольку, поскольку для этого времени мы не располагаем другими источниками⁹¹. Другие оценивают Зосима более объективно и отдают ему должное в понимании и освещении кризиса, переживавшегося Римской империей в IV—V вв.⁹²

Историческое сочинение Зосима не отличалось высокими художественными достоинствами. Правда, язык его достаточно ясен и лаконичен. Но и ему порою не чужды напыщенная риторика и чрезмерный пафос, особенно когда он обличает политических противников⁹³.

«Новая история» Зосима была не особенно удачной попыткой изложить римскую историю в духе идей языческой оппозиции. Она знаменует собой последний взлет языческой исторической апологетики. Однако эта апологетика вряд ли нашла особенно много сторонников. Для этого у автора «Новой истории» явно не хватало таланта, который помог бы привлечь симпатии читателей к уже умирающему язычеству.

---

⁸⁸ *J.-R. Palanque*. L'empereur Gratien et le grand pontificat païen. A propos d'un texte de Zosime. — *Byz.*, 8, 1933, p. 41—47; *W. Ensslin*. War Kaiser Theodosius I. zweimal in Rom? — «*Hermes*», 81, 1953, S. 500—507.

⁸⁹ *R. T. Ridley*. The Fourth and Fifth Century civil and military Hierarchy in Zosimus. — *Byz.*, 40, 1970, p. 91—104.

⁹⁰ *C. Hoffler*. Kritische Bemerkungen über Zosimus und den Grad seiner Glaubwürdigkeit. — «*Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Classe*», 95, 1879, S. 21—565; *R. T. Ridley*. Zosimus the Historian..., p. 288—292.

⁹¹ *E. Stein*. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 707—708.

⁹² *R. T. Ridley*. Zosimus the Historian..., p. 293.

⁹³ *W. John*. De veterum rhetorum studiis Thucydideis. Diss. Greifswald, 1922; *M. E. Colonna*. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, I, p. 142—143.

ПРИСК ПАНИЙСКИЙ

Одним из самых талантливых писателей V в., запечатлевшим необычайно яркую по своей правдивости картину как варварского, так и римского мира в эпоху великого переселения народов, был выдающийся историк и дипломат — грек Приск Панийский. Его рассказ о византийском посольстве ко двору грозного правителя гуннов Аттилы до сего дня остается поистине уникальным источником сведений о жизни и быте этих завоевателей, угрожавших в V в. всей Европе¹.

Биография и исторический кругозор писателя. Достоверность его труда

О жизни историка сохранились очень скудные сведения. Приск родился, по всей вероятности, в первой четверти V в. Дата рождения Приска устанавливается на основании некоторых косвенных данных, содержащихся в его труде. Известно, что Приск в 448 г. выполнял важную дипломатическую миссию к гуннам. Такое ответственное поручение вряд ли могло быть возложено на неопытного юношу. Скорее всего, Приск в ту пору был уже человеком достаточно зрелого возраста, умудренным опытом дипломатической деятельности. Исходя из этого можно полагать, что Приск родился между 410 и 420 гг.² Родиной его был город Панион, от которого писатель получил, по существовавшему тогда обычаю, свое прозвище — Панийский³. Можно предполагать,

¹ *E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, p. 9—12, 49—50, 64, 71—73, 184—186; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951; Ф. Баршиш. Приск као извор за најстарију историју Јужних Словена. — ЗРВИ, XXI, кн. 1, 1952, стр. 52—63; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 479—488; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 13, 15, 53, 56, 126, 167; В. Rubin. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954. З. В. Удальцова. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского. — ВВ, т. 33, 1972, стр. 47—74.*

² *Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 480.*

³ Прозвище Приска приводит византийский лексикограф X в. Суда; *Suidae Lexicon, rec. I. Bekker. Berolini, 1854, p. 883.*

что Панион находился во Фракии, так как византийские историки — автор анонимной Пасхальной хроники, Иоанн Малала и позднее Феофан — называют Приска «фракийцем» (Πρίσκος ὁ Θραξί) ⁴.

Скорее всего, небольшой городок Панион был расположен на северном побережье Мраморного моря, недалеко от Гераклеи ⁵.

Основные вехи в жизни и деятельности Приска Панийского с трудом можно воссоздать на основании фрагментов его собственного сочинения и лапидарных упоминаний в произведениях других ранневизантийских историков — Иордана, Евагрия, Иоанна Малалы, анонимного автора Пасхальной хроники, Стефана Византийского, Иоанна Антиохийского и, наконец, Феофана ⁶.

Приск происходил из довольно состоятельной семьи, которая смогла дать будущему историку солидное философское и риторическое образование. Свидетельством глубоких и разносторонних познаний Приска, почерпнутых прежде всего из сокровищницы античной образованности, было его произведение, отличающееся изысканностью стиля образованного человека, эрудита, овладевшего знаниями своей эпохи. Недаром Суда именует его софистом, а Евагрий — ритором ⁷.

Заключив образование в Константинополе, Приск поступил на государственную службу в столице, и вскоре ему удалось завоевать расположение знатного вельможи Максимиана, занимавшего высокие посты при Феодосии II. Приск стал секретарем и ближайшим советником Максимиана. В 448 г. Максимиану была поручена крайне сложная дипломатическая миссия: он возглавил византийское посольство в Паннонию к царю гуннов Аттиле ⁸. В это опасное путешествие ко двору Аттилы вместе с Максимианом отправился и Приск, пользовавшийся неограниченным доверием патрона. В течение всего многотрудного путешествия в ставку

⁴ Chronicon Paschale, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832, p. 587—588; *Ioannis Malalae Chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831 (далее — *Malal.*), p. 359; *Theophanis Chronographia*, rec. C. de Boor, I. Lipsiae, 1883, p. 116.

⁵ Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского. — «Ученые записки второго отделения импер. Академии наук», кн. VII, вып. 1. СПб., 1861 (далее — «Сказания Приска Панийского»), стр. 4.

⁶ *Jordanis Romana et Getica*, rec. Th. Mommsen. — MGH, AA, t. V, pars I, § 121—129, 178—227, 254—258; *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*, ed. J. Bidez — L. Parmentier. London, 1898 (далее — *Evagrius. Historia Ecclesiastica*), I, 17; II, 5; V, 1, 24; *Malal.*, p. 359; *Chronicon Paschale*, p. 588; *Ioannes Antiocheus. Fragmenta*. — In: «Excerpta de insidiis», ed. C. de Boor. Berolini, 1905, p. 58—150; *Theophanis Chronographia*, p. 116.

⁷ *Suidae Lexicon*, p. 883; *Evagrius. Historia Ecclesiastica*, II, 5, 14; *F. Bücheler. Zu Priscus und Suidas*. — «Rheinisches Museum», 24, 1869, S. 137—138; *A. E. Norman. An Identification in Suidas*. — «Classical Quarterly», N. S., 3, 1953, p. 171—172. Оба эти наименования встречаются также и в рукописях фрагментов сочинения Приска (*Gy. Moravcsik. Op. cit.*, I, p. 479).

⁸ *W. Ensslin. Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priskos*. — *BNGJb*, 5, 1926, S. 1—9.

Аттилы и пребывания византийцев при дворе этого «бича божьего», как прозвали правителя гуннов народы Европы, Приск, по-видимому, вел подробный дневник, куда записывал свои наблюдения. Эти записи и легли в основу знаменитого сочинения Приска, сохранившегося, к сожалению, лишь во фрагментах⁹.

Увлечение историей и литературные занятия не отвлекли Приска от дипломатической деятельности. На этом поприще его ожидали немалые успехи. Он неоднократно и успешно выполнял секретные дипломатические поручения византийского двора.

Смена императора не помешала дальнейшей карьере Приска. Уже в царствование Маркиана (450—457), в 450 г., мы находим Приска в Риме, где он ведет тайные переговоры с юным сыном франкского короля, который должен был заключить союз с могущественным полководцем Запада Аэцием.

В то время во Франкской державе шла борьба за престол между сыновьями умершего короля, и претенденты искали могущественных союзников за пределами своей страны. По словам Приска, «поводом к войне Аттилы с франками были кончина их государя и спор между сыновьями за господство: старший решил держаться союза с Аттилою, а младший — с Аэцием. Мы видели этого последнего, когда он явился в Рим с предложениями: на лице еще не пробивался пушок; русые волосы были так длинны, что ниспадали на плечи»¹⁰.

Трудно судить по отрывочным данным, содержащимся в сочинении Приска, о цели его переговоров с франкским королевичем. Не исключено, однако, что византийская дипломатия пыталась помешать сепаратному соглашению Рима с Франкской державой. Это указывает на продолжающееся соперничество двух империй. Однако на этот раз демарш Константинополя не имел успеха, и Аэций, усыновив франкского принца и богато одарив, отослал его к императору Валентиниану III (425—455) «для заключения между ними дружбы и союза»¹¹.

В правление Маркиана византийская дипломатия активизировалась и на Востоке. В 452 г. Приск побывал в восточных провинциях империи: сперва проездом на короткое время он посетил Дамаск, а затем отправился в Египет в качестве советника

⁹ *Priscus Panites. Fragmenta.* — FHG, t. IV, p. 61—110; *Excerpta de legationibus*, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 121—155, 575—591; HGM, I. Lipsiae, 1870, p. 275—352; «Сказания Приска Панийского», стр. 1—112; В. В. Латышев. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1890, стр. 810—847; *Prisci Excerpta de legationibus. Ambasadele lui Priscus traducere de G. Popa-Lisseanu* («Fontes historiae Daco-Romanorum», VIII). București, 1946; J. Kuranz. *De Prisco Panita rerum scriptore questiones selectae*. Lublin, 1958; W. O. Schmitt. *Zur Biographie des Geschichtsschreibers Priskos bei Raffaele Mattei di Volaterra.* — «Klio», 52, 1970.

¹⁰ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 13; *Th. Mommsen. Aetius.* — «Hermes», 36, 1901, S. 516—547.

¹¹ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 13.

при сиятельном вельможе Максимине. Патрон Приска не потерял доверия нового правительства и был отправлен на Восток для урегулирования отношений империи с кочевыми арабскими и нубийскими племенами. И в этой трудной поездке верным помощником Максимина оставался Приск. В Дамаске Максимин и его советник Приск были свидетелями мирных переговоров византийского полководца гота Ардавур, сына Аспара, с послами арабских племен (сарацинов, по терминологии Приска) ¹².

Из краткого рассказа Приска остается неясной роль Максимина и самого писателя на переговорах в Дамаске. Известно лишь, что из Дамаска Максимин со свитой и Приском отбыли в Фиваиду в Египте. Там они вели успешные переговоры о мире с побежденными племенами влеммиев и нувадов (нубийцев). Максимин заключил с ними мир на сто лет; условия мирного договора были выгодны для империи: все римские военнопленные и знатные заложники возвращались на родину без выкупа; угнанные кочевниками стада должны были быть возвращены старым владельцам, а убытки возмещены. Влеммии же и нувады получили разрешение беспрепятственно проезжать по Нилу в храм Исиды для отправления древнего культа этой богини. Договор был подписан в Фильском храме и скреплен выдачей кочевниками знатных заложников (см. ниже, стр. 130).

Однако мир оказался недолговым. Вскоре, когда Максимин внезапно заболел и умер в Египте, варвары, узнав о его смерти, отбили у римлян своих заложников, разорили страну и опять начали войну против империи ¹³.

В 453 г., в год смерти Максимина, Приск едет из Фиваиды в Александрию, опять-таки выполняя какое-то правительственное поручение. Он приехал в Александрию в трудные для этого города времена и оказался в гуще народных волнений, вызванных ожесточенной борьбой монофиситов и православных. Приск не остался в стороне от происходящих событий и принял участие в борьбе, естественно, на стороне правительства ¹⁴.

После смерти Максимина Приск перешел на службу в качестве асессора (советника по юридическим делам) к влиятельному вельможе Евфимию, магистру официй при императоре Маркиане.

«Слабый разумом и силою слова Евфимий, — пишет Приск, — правил государственными делами при Маркиане и был его руководителем во многих полезных начинаниях. Он принял к себе Приска-писателя как участника в заботах правления» ¹⁵.

¹² *Ibid.*, г. 16.

¹³ *Ibid.*, г. 17. О победе римлян при Маркиане над нумидийскими племенами сообщает, кроме Приска, аноним Валезия (*Anonymus Valesii*. — MGH, AA, I, p. 302; *J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig*, 1903.

¹⁴ *Evagrus. Historia Ecclesiastica*, II, 5.

¹⁵ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 20, *Gy. Moravcsik. Op. cit.*, I, S. 480.

Евфимий по поручению императора в 456 г. вел переговоры с царем лазов Гувазом (Говазом) о заключении мира с империей. Условием прекращения военных действий в Лазике Константинополь ставил отказ лазов от древнего обычая иметь в качестве правителей двух царей. Гуваз, не получив помощи от персов, отказался от престола в пользу своего сына, и мирный договор был подписан. Не исключено, что в переговорах с лазами какое-то участие принимал и советник Евфимия Приск. Однако прямых указаний на это в источниках нет¹⁶.

Год смерти Приска Панийского точно не известен. Можно высказать лишь некоторые предположения. Поскольку его сочинение доведено до 472 г., то ясно, что историк умер после этой даты¹⁷.

Содержание исторического труда Приска восстанавливается по дошедшим до нас фрагментам и выдержкам, включенным в произведения других византийских авторов.

По словам византийского лексикографа X в. Суды, перу Приска принадлежала «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» (Ἱστορία Βυζαντιακή καὶ τὰ κατ' Ἀττήλαν ἐν βιβλίοις ὀκτώ)¹⁸.

Хронологический охват событий, описанных Приском, устанавливается по сообщениям Евагрия: Приск начинал повествование с событий 411 г., которыми завершил свое сочинение Зосим, и доводил их до 472 г.¹⁹ С 473 г. его сочинение продолжает Малх Филадельфиец.

В научной литературе проведена значительная текстологическая работа по исследованию отдельных фрагментов и по восстановлению исторического произведения Приска²⁰. К сожалению, работа еще далека от завершения, и назрела настоятельная необходимость нового критического издания этого выдающегося памятника ранней Византии.

Подавляющее большинство уцелевших фрагментов труда Приска сохранилось в знаменитом собрании эксерптов о посольствах Константина Багрянородного в рукописях XVI в.²¹ Под-

¹⁶ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 19—20. Утверждение Г. С. Дестуниса об участии Приска в переговорах с лазами («Сказания Приска Панийского» стр. 4) слишком, на наш взгляд, категорично.

¹⁷ *Gy. Moravcsik. Op. cit.*, I, S. 480.

¹⁸ *Suidae Lexicon*, p. 883, *F. Bücheler. Zu Priscus und Suidas*, S. 137—138.

¹⁹ *Evargius. Historia Ecclesiastica*, I, 17; II, 1, 5, 14, 16; V, 24; *Gy. Moravcsik. Op. cit.*, I, S. 480.

²⁰ *L. Dindorf. Ein Fragment des Priscos*.—«*Jahrbücher für classische Philologie*», 99(1869), S. 43—48; *idem. Nachtrag zu dem Fragment des Priscos*.—*Ibid.*, S. 120—124; *E. A. Thompson. Priscus of Panium, Fragment Ib.*—«*Classical Quarterly*», 39, 1945, p. 92—94; *idem. Notes on Priscus Panites*.—*Ibid.*, 41, 1947, p. 61—65.

²¹ В рукописях отрывки из труда Приска были помещены в двух различных разделах эксерптов Константина Багрянородного: в разделе 1) «О посольствах народов к римлянам» под заглавием Приску ρήτορος καὶ σοφιστοῦ

нее были обнаружены еще два важных отрывка — ныне они хранятся в Парижской Национальной библиотеке. Один из них входил в состав сборника греческих сочинений X в. по полиоркетике и, возможно, был частью утраченного собрания эксцерптов Константина Багрянородного о военном деле (Περὶ στρατηγικῶν) (Paris. Suppl. gr. 607). Другой происходил из библиотеки Ватопедского монастыря на Афоне и был обнаружен Миноидом Минойсом во время его путешествия по Востоку (Paris. Suppl. gr. 1253) ²².

Сочинение Приска, кажется, входило составной частью в ныне утраченную «Всемирную историю» Евстафия Епифанийского, о чем есть косвенные данные у Евагрия и в лексиконе Суды ²³. Существует гипотеза о том, что византийские авторы использовали не подлинный труд Приска, а его изложение у Евстафия Епифанийского или какого-то иного, не известного нам писателя ²⁴. Однако все эти предположения трудно доказать из-за отсутствия полного труда самого Евстафия Епифанийского ²⁵.

Большую помощь потомкам в воссоздании утерянного труда Приска оказал историк VI в. Иордан. Готский писатель, вероятно, имел в своих руках полное подлинное сочинение Приска и умело его использовал ²⁶. Интереснейшие известия о гуннах, которые мы находим в «Getica» Иордана, в подавляющем большинстве случаев почерпнуты из произведения Приска, причем с прямыми ссылками на этого автора ²⁷. Помимо сохранившихся фрагментов Приска, по Иордану можно восстановить такие утраченные части сочинения Приска, как подробное описание Каталаунской битвы 451 г. ²⁸, рассказ о смерти и похоронах Аттилы ²⁹. Одними и теми

ἱστορίας Βούζαντι. κῆς ἐκλογαὶ и в разделе 2) «О посольствах римлян к народам под заглавием Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας Γοτθικῆς ἐκλογαί. К. Мюллер впервые объединил в своем издании фрагменты Приска и расположил их в хронологическом порядке (FHG, IV, p. 138—142). Последующие издания воспроизводят этот порядок расположения текста фрагментов Приска. См. Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 482—483; М. Крашенинников. Новая рукопись извлечений Περὶ πέρσεων Ῥωμαίων πρὸς εὐνικοῦς. — ВВ, XXI, 1919, стр. 45—170; «Византийское обозрение», I, 1915, стр. 1—52.

²² H. Schöne. Über den Mynas-codex der Griechischen Kriegsschriftsteller, in der Pariser Nationalbibliothek. — «Rheinisches Museum», 53, 1898, S. 432—477; H. Omont. Minoide Mynas et ses missions en Orient. — «Mémoires de l'Acad. de inscriptions et belles-lettres», 40 (1916), p. 337—419.

²³ Evagrius. Historia Ecclesiastica, V, 24, Suida Lexicon, p. 883.

²⁴ Gy. Moravcsik. Op. cit., I, p. 483.

²⁵ P. Maas. Eine Handschrift der Weltgeschichte des Eustathios von Epiphania. — ВЗ, 38, 1938, p. 350.

²⁶ Гипотеза Т. Моммзена о том, что Иордан пользовался сочинением Приска не непосредственно, а через «Историю готтов» Кассиодора, на наш взгляд, недоказуема из-за отсутствия самого произведения Кассиодора. См. MGH, AA, V, I, pars. I, p. XXX—XLIV.

²⁷ Jordan. Getica, § 123, 178, 183, 222, 225.

²⁸ Ibid., § 178—215.

²⁹ Ibid., § 254—259.

же красками и даже в близких выражениях рисуют Иордан и Приск незабываемый и ставший ныне широко известным образ Аттилы³⁰, дают описание дворцов гуннского короля и его жены³¹. Близость между Приском и Иорданом неоднократно отмечалась в научной литературе³².

Отдельные отрывки из сочинения Приска встречаются в исторических произведениях и других византийских авторов — у Малалы, в Пасхальной хронике, у Стефана Византийского (он, в частности, упоминает шестую книгу «Византийской истории» Приска, содержащую, видимо, рассказ о событиях 463 г.)³³ и особенно, как мы уже говорили, у Евагрия.

Прокопий Кесарийский и Иоанн Антиохийский также не обошли своим вниманием Приска, причем первый использует его материал без упоминания имени, а второй прямо ссылается на его труд³⁴.

Выяснение источников, которыми пользовался Приск при создании своей «Византийской истории», наталкивается на большие трудности в связи с отсутствием точных данных^{34а}. Доподлинно известно немного. Главный источник Приска — бесспорно, его личные наблюдения над исторической действительностью. Историк пишет преимущественно о том, что он видел собственными глазами или о чем узнавал из заслуживающих доверия рассказов близких и друзей. Личный, порою многотрудный опыт, личные переживания, впечатления и наблюдения, почерпнутые во время дальних и подчас опасных путешествий в варварские страны — вот на чем основывается повествование автора.

В дошедших до нас фрагментах сочинения Приска мы не встречаем упоминания произведений современных или близких по времени византийских историков и хронистов. Чаще всего, рассказывая о том или ином событии, Приск употребляет личные

³⁰ *Iordan.*, *Getica*, § 182—183; *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 8.

³¹ *Iordan.*, *Getica*, § 178—179; *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 8.

³² *D. Romano*. *Due storici di Attila: il greco Prisco e il goto Iordanes*. — «*Antiquitas*», 2, 1947, p. 65—71. Большой интерес к творчеству Приска Панійского проявила советский историк Е. Ч. Скржинская, которая провела скрупулезное сравнительное изучение фрагментов труда Приска и сочинения Иордана *Getica*. См. ее комментарий к кн.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*). М., 1960, стр. 212, 216, 221, 223, 225, 263, 270, 273, 280, 304—306, 310, 314—315, 326, 327, 335, 340. Особое внимание Е. Ч. Скржинской привлекли географические, этнические и топонимические сведения, содержащиеся в сочинении Приска.

³³ *Gy. Moravcsik*. *Op. cit.*, I, S. 480—481.

³⁴ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, rec. J. Hauray, vol. I. Lipsiae, 1905, S. VII—XIX; *A. Koehler*. *De Ioannis Antiocheni aetate, fontibus, auctoritate*. *Diss. Bonnae*, 1871, S. 34—37.

^{34а} Р. Бенедикти сближает отдельные места из сочинения Приска с произведениями античных авторов, в частности Геродота (*R. Benedicty*. *Die historische Authentizität eines Berichtes des Priskos*. *Zur Frage der historiographischen Novellisierung in der frühbyzantinischen Geschichtsliteratur*. — *JÖBG*, XIII, 1964, S. 1—8).

местоимения «я» или «мы» («я узнал», «я увидел» и т. п.), что усиливает ощущение достоверности сообщаемых сведений.

В научной литературе высказана заманчивая гипотеза о том, что Приск, создавая (около 472 г.) обобщающее историческое произведение, использовал старые записи, дневники, литературные письма и речи, которые он писал в течение всей своей жизни. Косвенным подтверждением этого служит упоминание Суды о том, что перу нашего автора, кроме «Византийской истории», принадлежали ныне утраченные риторические упражнения (*Μελεταὶ ῥητορικαί*) и письма (*Ἐπιστολαί*)³⁵.

Что касается освещения Приском путешествия византийского посольства в страну гуннов, то эта гипотеза, на наш взгляд, абсолютно правомерна. Действительно, обширный фрагмент труда Приска, посвященный этому событию, очень похож (и по форме, и по содержанию) на литературно обработанные дневниковые записи автора. Не исключено также и то, что писатель мог в письмах поделиться с друзьями своими переживаниями, рассказать о ставке Аттилы и встречах с королем гуннов.

Относительно же того, какими источниками располагал Приск, когда писал те части труда, события которых падают на его юные годы, мы можем только гадать.

Фундированность изложения и достаточная осведомленность автора об этих событиях, в частности о мире в Марге в 434 г. между Византией и гуннами и о сношениях империи с ними в начале 40-х годов V в.³⁶, заставляют предположить наличие у автора каких-то документальных материалов.

Не исключено, что в тех случаях, когда личного опыта не хватало, Приск обращался к дипломатической переписке имперской канцелярии, донесениям византийских послов и другим документам императорской библиотеки, куда он, будучи дипломатом и чиновником достаточно высокого ранга, имел постоянный доступ.

Итак, для воссоздания истории империи 30-х — начала 70-х годов V в. труд Приска Панийского является единственным достоверным свидетельством очевидца и потому представляет собой источник уникальной ценности. От этого периода до нас не дошли сочинения других авторов, которых можно было бы поставить рядом с Приском. Как ни парадоксально, но одиночество Приска на историческом горизонте своего времени — это и плюс, и минус. У нас нет трудов современников Приска, с которыми можно его не только сравнивать, но и проверять достоверность рассказанного. Ученые вынуждены довольствоваться преимущественно внутренней критикой произведения Приска, а наши знания о писателе и его времени ограничены тем, что говорит он сам.

³⁵ *Suidae Lexicon*, p. 883; *Gy. Moravesik. Op. cit.*, I, S. 481.

³⁶ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 1—3.

«Византийская история и деяния Аттилы» привлекали внимание как современников, так и потомков³⁷. В чем же притягательная сила этого труда, читавшегося с интересом даже в отрывках?

Обаяние сочинения Приска, на наш взгляд, кроется прежде всего в свежести и непосредственности видения мира. Приск, и в этом его сила, — творец, а не компилятор, рассказчик, а не регистратор фактов, художник, а не копиист. Почти все, что им написано и дошло до нас, носит следы самостоятельного мышления, а не подражания великим образцам прошлого.

Приск — писатель, дипломат, государственный деятель — человек не только достаточно осведомленный о политических делах империи и ее дипломатических связях с другими народами, но и разумный судья, выносящий довольно объективный приговор историческим деятелям той эпохи и здраво оценивающий с точки зрения интересов своего государства международные события, в которых он принимал самое живое и непосредственное участие. Приску удалось написать поистине выдающееся историческое сочинение не только благодаря таланту и острой наблюдательности, но еще и потому, что его глаза не застилала пелена ложного римского патриотизма и презрения к варварам, и он смог увидеть в гуннах и славянах, в Аттиле и других варварах живых людей с их достоинствами и недостатками.

Отношение к варварам, даже к таким страшным врагам империи, как гунны, у Приска вполне терпимое; в его рассказе о жизни, быте, нравах гуннов, славян, вандалов и других племен нет высокомерия гордого римлянина к невежественным варварам.

Известия о гуннах и Аттиле

Среди дипломатических миссий Приска ни одна не может сравниться по своему значению с посещением ставки Аттилы. Именно описание грозного племени гуннов и его жестокого правителя принесло писателю неувядаемую славу.

Третья книга сочинения была, по словам Суды, целиком посвящена описанию поездки греческого посольства в ставку Аттилы³⁸. Эта часть труда Приска еще со времен Амедея Тьерри

³⁷ Научная литература о Приске довольно обширна, хотя посвящена главным образом частным вопросам, преимущественно связанным с историей гуннов. См. (*Gy. Moravcsik*. Op. cit., I, S. 487—488; *E. Doblhofer*. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955; *G. Wirth*. Attila und Byzanz. — BZ, 60, 1967, S. 41—69.

³⁸ *Suidae Lexicon*, p. 883. Кроме Приска и Иордана, ценные сведения о гуннах содержатся в трудах таких авторов, как Аммиан Марцеллин (*Amm. Marc.*, Hist., 31, 2.1—12; 3.1), Павел Орозий (*Paulus Orosius*. *Historiae adversum paganos*. Leipzig, 1889, VII, 33, 10) и др. См.: *A. E. Norman*. An Identification in Suidas, p. 171—172. А. Е. Норман доказывает, что одно упоминание Суды относится к Приску, а не к Менандру, как полагали ранее.

привлекала особое внимание исследователей, и Приск вошел в науку как историк гуннов и Аттилы³⁹, хотя интересы писателя, думается, были значительно шире.⁴⁰

Действительно, в описании державы Аттилы, грозного соперника Римского государства, Приск весьма объективен. Если готский историк Иордан видит в Аттиле прежде всего могущественного врага, несущего «опустошение мира» и гибель народам Европы⁴¹, то для Приска гунны — не только враги, но и возможные союзники в борьбе с другими варварами.

Приск рассказывает о том, как обе империи — Западная и Восточная — искали союза с всеильным правителем гуннов. Рим и Константинополь соперничали между собой в стремлении приобрести расположение гордого варвара. При дворе Аттилы Приск недаром встретил представителей западного императора Валентиниана III — Ромула, Примута и Романа, которые пытались уладить мирным путем распрю с королем гуннов. «Посольство западных римлян, — пишет Приск, — было отправлено к Аттиле для укрощения его гнева»⁴². Послы стремились удержать Аттилу от похода на Запад и направить его против врагов империи.

Константинопольское правительство и равеннский двор в равной степени хотели использовать полчища гуннов как заслон против других наступавших на обе части империи варварских племен и народов.

Восточная империя, по словам Приска, в конце 40-х годов V в. особенно настойчиво стремилась сохранить мир с гуннами, ибо ей буквально со всех сторон угрожали враги: персы начали приготовления к войне, вандалы беспокоили империю на море, исавы восставали и грабили страну, арабы совершали набеги на восточные окраины Византийской державы, а эфиопские народы

³⁹ А. Thierry. Histoire d'Attila et de ses successeurs, I—II. Paris, 1865; K. Bierbach. Die letzten Jahre Attilas. Diss. Berlin, 1906; Gy. Moravcsik. Attilas Tod in Geschichte und Sage. — «Körösi Csoma-Archivium» («Zeitschrift der Körösi Csoma-Gesellschaft»), 2, 1926, I; S. 83—116; H. Homeyer. Attila, der Hunnenkönig, von seinem Zeitgenossen dargestellt. Berlin, 1951; I. Garmatta. The Dissolution of the Hun Empire, I. Hun Society in the Age of Attila. — «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 2, 1952, p. 277—305.

⁴⁰ Например, сочинение Приска содержит интересные сведения о ранней истории и других варварских племен, заселявших Балканский полуостров. См.: G. Fenér. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI. Jahrhunderten. Pécs, 1924; Ф. Баршух. Указ. соч., стр. 52—63.

⁴¹ Е. Ч. Скржинская. Указ. соч., стр. 304—306; Jordan. Getica, § 182—184.

⁴² Priscus Panites. Fragmenta, fr. 8. По словам Приска, в посольство Валентиниана III входили довольно видные сановники: Ромул имел сан комита, Примут был правителем Норика, а Роман — командиром легиона. Конфликт возник из-за того, что Аттила предъявил права на золотую церковную утварь епископа города Сирмия, захваченного гуннами. Эта драгоценная утварь была увезена на Запад и отдана под залог ростовщику Сильвану. Теперь Аттила требовал возвращения золотых фиалов и выдачи Сильвана, в чем ему отказывал император Западной Римской империи.

объединились для борьбы с Византией. «Поэтому, — пишет Приск, — теснимые со всех сторон ромеи Аттилу ласкали, а против других народов делали приготовления, набирали воинов, назначали командиров»⁴³.

Аттила же, утверждает наш автор, и во время мира с империей постоянно отправлял на берега Босфора посольство за посольством, вымогая богатые подарки от византийского правительства под предлогом нарушения ромеями договора о выдаче гуннам перебежчиков. Гуннский король, желая одарить кого-либо из своих любимцев, посылал его послом в Константинополь, рассчитывая на вынужденную щедрость римлян⁴⁴.

Ромеи, по словам Приска, «повиновались всякому его требованию, на любое с его стороны предписание смотрели как на приказ повелителя»⁴⁵.

Но не только Западная и Восточная империи искали союза с гуннами. В 40-х — 50-х годах V в. Аттила приобрел столь великую славу могучего предводителя воинственных варваров, что к нему за помощью обращались вожди других варварских народов.

Так, король вандалов Гейзерих во время изнурительных войн с вестготами искал помощи у Атилы против таких же, как он, варваров⁴⁶. С Аттилой пытались пойти на сближение также и франки. Приск описывает борьбу двух группировок среди франкской знати: одни стояли за союз с Западной Римской империей, другие обратились за военной помощью к правителю гуннов⁴⁷.

В сложные взаимоотношения с Аттилой был вовлечен и равеннский двор. В Равенне среди придворной знати, видимо, возникла какая-то «прогуннская партия». Иначе необъясним поступок августы Гонории, дочери знаменитой Галлы Плацидии и императора Констанция, сестры царствующего императора Запада Валентиниана III. Ведь в трудную минуту жизни красавица Гонория обратилась к покровительству Атилы и сама предложила себя в жены этому отталкивавшему своей внешностью варвару. Известно, что прекрасная дочь Плацидии по воле брата была обречена на вечную девственность во имя поддержания чести императорской фамилии⁴⁸. Натура страстная и решительная, Гонория не пожелала выполнять силой навязанный ей обет и вступила в тайную связь с знатным юношей Евгением, одним из придворных

⁴³ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 6.

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ *Ibidem*.

⁴⁶ *Ibid.*, fr. 12.

⁴⁷ *Ibid.*, fr. 12—13; *Jordan.*, *Getica*, § 224.

⁴⁸ *Е. Ч. Скржинская. Указ. соч.*, стр. 310. Юста Грата Гонория родилась в Италии около 418 г.; затем вскоре была увезена своей матерью в Константинополь. В 425 г., по волепреставлению на престол ее брата Валентиниана III, она возвратилась в Италию, где он заточил ее во дворце, чтобы был выполнен обет безбрачия.

равенсского двора. Когда эта связь была раскрыта, на Гонорию обрушился гнев ее царственного брата. Честолюбивая и смелая принцесса, не желая смириться со своей судьбой, замыслила захватить престол предков при помощи гуннского владыки. В 450 г. она тайно через внука Гиацинта переслала Аттиле богатые дары и перстень, в знак своего с ним обручения. Гонория предложила правителю гуннов вступить с ней в брак, прибыть в Италию и овладеть наследством ее отца, освободив ее от тирании брата⁴⁹.

Заговор Гонории был раскрыт, и, по данным Иоанна Антиохийского, Гонория грозила суровая кара. Однако Валентиниан III, смягченный мольбами Галлы Плацидии, пощадил сестру, но жестоко наказал всех ее сообщников⁵⁰. Непокорная Гонория была спешно отправлена в Константинополь под надзор регентши Пульхерии, набожной ханжи, известной строгой нравственностью.

Иордан осуждает Гонорию за сговор с Аттилой, который дал гуннскому владыке предлог для похода в Италию. «Рассказывали, — пишет Иордан, — что эта Гонория по воле ее брата содержалась девственницей в заточении ради чести императорской фамилии; она тайно послала внука к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата, что было вовсе недостойным деянием: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства»⁵¹.

Подобного осуждения Гонории у Приска мы не встречаем. Он скорее рисует Аттилу как защитника Гонории, незаконно лишенной власти ее братом.

Приск пишет, что предложение Гонории показалось Аттиле заманчивым и он в 450 г. потребовал от Валентиниана III отдать ему в супруги Гонорию и в качестве приданого ее законное наследство — половину Западной Римской империи⁵².

Естественно, притязания Аттилы были отвергнуты Валентинианом III, и король гуннов в 451 г. двинулся походом в Италию. Несчастливая же Гонория была возвращена в Равенну, срочно для виду помолвлена с одним придворным, не игравшим сколько-нибудь видной политической роли, а на деле посажена под домашний арест в равеннском дворце, где и окончила печально свои дни⁵³.

⁴⁹ *Jordan.*, *Getica*, § 223—224; *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 12—13; *Iohan. Antioch.*, *Fragmenta*, fr. 199; *Theophan.*, *Chronographia*, p. 162.

⁵⁰ *Iohan. Antioch.*, *Fragmenta*, fr. 199.

⁵¹ *Jordan.*, *Getica*, § 224.

⁵² *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 12—13. Узнав о судьбе Гонории, Аттила отправил на Запад послов и угрожал императору, что он «отомстит за нее, если она не получит престола» (fr. 12). Он утверждал, что Гонория помолвлена с ним, — послы показывали императору перстень, присланный принцессой Аттиле. Аттила требовал, чтобы Валентиниан уступил ему «полцарства, ибо и Гонория наследовала от отца власть, отнятую у нее алчностью брата» (fr. 13).

⁵³ О том, что притязания Аттилы на руку западной принцессы Гонории послужили предлогом для нападения гуннов на Италию, единодушно го-

Рассказ о помолвке Гонории и Аттилы интересен тем, что он свидетельствует о наличии каких-то «прогуннских» настроений у той части римско-италийской знати, которая была недовольна жестоким правлением неумного и слабого Валентиниана III и надеялась укрепить Западную Римскую империю, посадив на ее престол пусть варвара, но могущественного правителя. Из рассказа Иоанна Антиохийского очевидно, что Гонория имела сторонников и действовала с помощью знатных заговорщиков, которые потом были наказаны императором.

Нет сомнения, однако, что Аттила имел при константинопольском и равеннском дворах значительно больше врагов, чем сторонников. Вероломство политики империи в отношении Аттилы совершенно ясно показано Приском. Так, Приск рассказывает, что Феодосий II, отправляя в 448 г. посольство к Аттиле с целью заключения договора о мире и дружбе, одновременно, по наущению евнуха Хрисафия, фактически санкционировал заговор с целью убийства короля гуннов⁵⁴. Приск осуждает Хрисафия (а косвенно и самого императора) за их вероломство в отношении Аттилы. Правда, при этом Приск подчеркивает, что ни глава посольства Максимиан, ни сам Приск ничего не знали об этом заговоре, в котором был замешан лишь переводчик Вигила. Он рисует заговорщиков, в первую очередь Хрисафия и Вигилу, в самых отрицательных тонах и оправдывает варвара Эдикона, который сохранил верность своему королю и предал Вигилу⁵⁵.

Весьма положительно оценивает Приск поведение самого Аттилы в столь сложных политических обстоятельствах. Аттила, по словам Приска, проявляет государственную мудрость, когда, узнав о тайном заговоре на свою жизнь, сплетенном в покоях византийского дворца коварным временщиком Хрисафием, не идет из-за этого на полный разрыв с империей, а даже заключает соглашение с Максимином.

Приск, правда, не чужд тщеславия. Так, писатель стремится убедить читателя, что именно он, Приск, своим умом и находчи-

---

воят все историки: *Jordan.*, *Getica*, § 223—224; *Priscus Panites*, *Fragmenta*, fr. 12—13; *Iohan. Antioch.*, fr. 199; *Theophan.*, *Chronographia*, p. 162. Для Аттилы Гонория превратилась в своего рода разменную монету в его торге с Западной Римской империей. Он предъявил Валентиниану III ультиматум: он требовал прислать к нему Гонорию с частью царских сокровищ — ее наследством, грозя, что иначе он начнет войну и опустошит Италию. Отказ отдать Гонорию в жены Аттиле мотивировался, по словам Приска, двумя причинами: 1) Гонория уже была замужем и по закону не могла при живом муже вступить во второй брак; 2) она не могла наследовать престол императора, ибо «верховная власть у римлян принадлежит мужскому, а не женскому полу» (*Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 12; *K. Bierbach*. *Die letzten Jahre Attilas*, S. 13 ff.).

⁵⁴ *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 7—8; см. *I. Tiççöloiu*. *Über die Nationalität und Zahl der vom Kaiser Theodosius dem Hunnenkhan Attila ausgelieferten Flüchtlinge*.— *BZ*, 24, 1924, S. 84—87.

⁵⁵ *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 7—8.

востью спас дело греков и смягчил грозного варвара. Чтобы подчеркнуть свою выдающуюся роль в переговорах с Атилой, Приск утверждает, что после раскрытия заговора Атилы вначале сильно разгневался и миссии Максимиана грозил полный провал. Лишь тактичное посредничество и дипломатическое мастерство Приска спасли положение и помогли охладить гнев Атилы и заключить мир с гуннами ⁵⁶.

Объективность Приска в изображении жизни гуннов базировалась на достаточно хорошем знакомстве автора с описываемыми событиями. Приск был умным, тонким наблюдателем, он много беседовал с послами западных государств, приехавшими одновременно с византийцами ко двору Атилы, а также с жившими среди гуннов соплеменниками и получал от них ценные сведения о варварском мире.

Совершенно уникальными по своей свежести и непосредственности являются сведения Приска о стране гуннов, об их обычаях, образе жизни, языке, о церемониях двора Атилы, об отношениях гуннов с покоренными племенами, а также различными народами Востока и Запада. Приск признает довольно высокую строительную технику гуннов, описывает роскошные дворцы Атилы и его жены Креки ⁵⁷.

Резиденция Атилы представляла собой огромное селение, в котором находился дворец короля и его приближенных. Этот дворец был самым великолепным из всех, которые имел Атила в других местах.

Дворец гуннского владыки был сооружен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, украшенной башнями. Вокруг дворца простирался огромный двор. Дворец Атилы был не только выше других построек, но и выстроен на возвышении. Почти столь же великолепен был дворец супруги короля Креки. Первый сановник Атилы Онигисий также владел богатым домом с деревянной оградой и каменной баней, построенной из привозного камня архитектором, уроженцем Сирмия, захваченным в плен гуннами.

Житель самого блестящего города империи — Константинополя, Приск, которого трудно было поразить великолепием построек и предметами роскоши, все же с некоторым удивлением говорит о внутреннем и внешнем убранстве дворцов Атилы и

⁵⁶ Ibid., fr. 8. Приску удалось подкупить богатыми подарками влиятельного приближенного Атилы Онигисия, который добился аудиенции Максимиана у Атилы (ibid., fr. 8). Роскошными подарками Приск завоевал расположение и жены Атилы Креки, и, конечно, немалую роль в милостивом решении самого Атилы сыграло также византийское золото.

⁵⁷ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8. Подробное описание ставки Атилы и его двора, вслед за Приском, дает Иордан (*Jordan., Getica*, §178 — 179). См. *Е. Ч. Скржинская*. Указ. соч., стр. 305—306; *J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches.* — «Sitzungsbericht. Bayer. Acad. der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse», N. F., 38 A. München, 1956, S. 2f.

Креки, об изобилии золотой и серебряной посуды, драгоценной утвари, богатых тканей и оружия⁵⁸.

Нашему историку понятна красота народных обычаев гуннов. Живо и поэтично описывает Приск процессию гуннских девушек, встречавших Аттилу при возвращении его в ставку.

«При въезде в селение Аттила был встречен девами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами. Под каждым из этих длинных покрывал, поддерживаемых руками стоящих по обеим сторонам женщин, было до семи или более дев; а таких рядов было очень много. Эти девы, идя впереди Атилы, пели скифские песни»⁵⁹.

Интересен и другой обычай гуннов, во многом сходный с обычаем «хлеба-соли» у славянских племен. По словам Приска, Аттилу на пути ко дворцу встречала жена Онигисия, окруженная множеством слуг, которые поднесли правителю серебряное блюдо с изысканными кушаньями и чашу вина, что считалось у скифов знаком величайшего уважения. Аттила оказал милость жене своего любимца и, не сходя с коня, отведал ее угощение⁶⁰.

С большой обстоятельностью описывает Приск торжественный пир во дворце Атилы, на который были приглашены Максимиан и Приск, послы западного императора и множество знатных гуннов, приближенные и сыновья короля Атилы. Во время пиршества строго соблюдался порядок «местничества», каждому гостю отводилось место согласно с его рангом и положением при дворе; кушанья и вина отличались изысканностью, а убранство стола — роскошью. Аттилу и пирующих развлекали гунны-певцы, воспевавшие победы Атилы; гостей тешили стихами и рассказами о былых сражениях, а шуты потешали шутками, смешивая латинскую, гуннскую и готскую речь⁶¹.

Никто из ранневизантийских писателей не оставил такого яркого, списанного с натуры, живописно правдивого портрета Атилы, как Приск. Аттила у Приска — прежде всего государственный деятель, искусно ведущий активную международную политику. Приск рассказывает о его неустанной дипломатической деятельности, об обменах посольствами с Восточной и Западной империями, с различными варварскими государствами⁶². В тонкой дипломатической игре, которую ведет Аттила, он пускает в ход угрозы и обещания: от римлян он чаще всего требует увеличения дани и выдачи перебежчиков, угрожая войной. Однако порою он проявляет государственную мудрость и осторожность и воздер-

⁵⁸ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8; *F. Vámos. Attilas Hauptlager und Hölzpaläste.* — «Seminarium Kondakovianum», 5, 1932, S. 131—148; *V. Grecu. La Curțile lui Attila.* — «Junimea Literară», 18, 1929, p. 153—163.

⁵⁹ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8.

⁶⁰ *Ibidem.*

⁶¹ *Ibidem.*

⁶² *Ibid.*, fr. 3, 4, 6—15. Конечно, акцентирование внимания на дипломатической деятельности Атилы объясняется характером эксперитов Приска.

живается от открытого разрыва с Восточной Римской империей, как это случилось с миссией Максимиана. Даже узнав о готовящемся покушении на его жизнь, он сдержал свой гнев и принял посольство от византийского императора ⁶³.

Если для Иордана Аттила прежде всего грозный завоеватель, угрожающий всему миру ⁶⁴, то для Приска король гуннов скорее не воитель, а правитель, судья, выслушивающий жалобы народа и выносящий приговор по судебным делам ⁶⁵, гостеприимный хозяин, умеющий принять иноземных послов и не ударить перед ними в грязь лицом. Владея огромными богатствами, Аттила стремился похвастаться ими перед послами других народов, но одновременно хотел показать свою воздержанность и пренебрежение к роскоши. Он был подчеркнуто умерен в одежде, пище, обиходе. «Для других варваров и для нас, — рассказывает Приск о пире во дворце Аттилы, — были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах; а перед Аттилою ничего более не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносили чаши золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий на нем меч, ни шнуры варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями и драгоценностями, как принято у других скифов» ⁶⁶. Вместе с тем он хотел поразить византийских и западных послов обходительностью, гостеприимством, блеском и весельем своих пиров.

Приск отдает должное славе и могуществу Аттилы, хотя и порицает его за чрезмерную гордость. Беседа Приска с послами Западной Римской империи отражает представление о величии Аттилы, распространенное на Западе. В глазах западных народов могущество Аттилы было порождено прежде всего необычайным его счастьем, сопутствующим королю гуннов в завоеваниях и во всех делах. «Никто из тех, кто когда-либо царствовал над Скифией, говорил Ромул (один из послов. — З. У.), или над другими странами, не совершил столько великих деяний, как Аттила, и в такое короткое время. Его владычество простирается до островов, находящихся в Океане и он заставляет платить дань не только всех скифов, но и римлян». Однако и эти огромные

⁶³ Ibid., fr. 8.

⁶⁴ *Iordan.*, *Getica*, § 182.

⁶⁵ *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 8. Приск довольно подробно описывает выход Аттилы к народу: Аттила вышел из дворца вместе со своим любимцем Онигисием, «остановился перед домом, многие просители, имевшие между собой тяжбы, подходили к нему и слушали его решения». Он возвратился потом в свой дворец, где принимал приехавших к нему варварских посланников.

⁶⁶ *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 8; *H. de Boor*. *Das Attilas Bild in der Geschichte*. Bern, 1932; *E. Stein*. *Geschichte des spätrömischen Reiches*, Bd. I. Wien, 1928, S. 434—436; *E. A. Thompson*. *Attila and the Huns...*, p. 165 sq.; *F. Altheim*. *Geschichte der Hunnen*, Bd. IV. Berlin, 1962, S. 270 f.

владения не удовлетворяют короля гуннов, он мечтает о походе против персов, о завоевании Персидской державы. При этом посол западноримского императора считал вполне вероятным завоевание Персии Аттилой, ибо «военная сила у него такая, что ни один народ не устоит против нее». Когда византийские послы «молили бога, чтобы Аттила пошел против персов и обратил на них оружие», латиняне возражали, указывая на то, что, завоевав Персию, Аттила начнет покорение Римской империи. «Я боюсь, — говорил латинянин Константиол, — что Аттила после легкого покорения Персии вернется оттуда не другом, а владыкой римлян... Считая их своими рабами, он будет давать им самые тяжкие и нестерпимые повеления». Аттила уже не будет довольствоваться данью с римлян, которую он получает в качестве полководца империи, но отвергнет это звание и станет царем римлян, «ибо он уже сказал во гневе своем, что полководцы царя — его рабы, а его полководцы равны царствующим над римлянами»⁶⁷.

Приск немного приоткрывает завесу над личной жизнью гуннского короля. На страницах его труда Аттила предстает как большой любитель женщин. Аттила имел много жен и детей и постоянно заключал новые браки с юными девушками; одно, неясное, правда, место Приска породило даже легенду о том, что Аттила женился на своей дочери Эскеме: «Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой девушке, в согласии с законом скифским»⁶⁸.

Однако главная жена Аттилы Крека пользовалась большим почетом, и уважением, имела роскошный дворец и массу челяди, сама принимала иностранных послов и устраивала для них богатые обеды. Со своими детьми Аттила был довольно суров, и они трепетали перед отцом. Так, во время пира старший сын Аттилы по обычаю сидел на краю ложа короля, но в некотором отдалении и опустив глаза из уважения к отцу⁶⁹.

Отличал и ласкал Аттила только своего младшего, любимого сына Ирну, который, по предсказанию прорицателей, должен был в будущем спасти род Аттилы⁷⁰.

Сладострастие Аттилы, по словам Иордана, использовавшего не дошедшие до нас разделы труда Приска, послужило причиной смерти правителя гуннов. «Во времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечатель-

⁶⁷ *Priscus Panites. Fragmenta, fr. 8.* О том, как современники представляли Аттилу см.: *K. Bierbach. Die letzten Jahre Attilas; H. de Boor. Das Attilas Bild in der Geschichte; H. Homeyer. Attila, der Hunnenkönig, von seinem Zeitgenossen dargestellt.* Berlin, 1951.

⁶⁸ *Priscus Panites. Fragmenta, fr. 8.* Неясно, женился Аттила на своей дочери Эскеме или дочери Эскама. См.: «Сказания Приска Панийского», стр. 45.

⁶⁹ *Priscus Panites. Fragmenta, fr. 8.*

⁷⁰ *Ibidem.*

ной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обычно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю»⁷¹.

Приск, а вслед за ним и Иордан оставили нам впечатляющий портрет гуннского правителя. Приск пишет, что Атилл держался гордо, шел важно,⁷². Он бывал иногда вспыльчив, груб, впадал в страшный гнев, но чаще всего с подчиненными был приветлив, советовался с ближайшими приближенными о всех делах, имел целый штат писцов, вел дипломатическую переписку⁷³.

Иордан вслед за Приском так описывает Атиллу: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех страх, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любителем войны, сам он был умерен на руку, очень силен здоровымислим, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения»⁷⁴.

Насколько мы можем судить, Приск был более объективен в характеристике Атиллы, чем Иордан, который постоянно в моральном плане резко отрицательно оценивает действия Атиллы. Однако в художественном отношении портретные зарисовки Приска, в том числе и Атиллы, во многом уступают портретам римских императоров у Аммиана Марцеллина. Приск в основном ограничивается внешней характеристикой героя. Он не ставит задачей глубоко проникнуть в его внутренний мир, не выделяет

⁷¹ *Jordan.*, *Getica*, § 254.

⁷² *Priscus Panites*. *Fragmenta*, fr. 8.

⁷³ *Ibidem*. Приск иногда косвенно противопоставляет обычаи римлян и гуннов. Многоженству гуннов противопоставляется упорядоченный брак у римлян. В частности, подчеркивается, что у римлян не позволено выдавать женщину замуж против ее воли (*ibid.*, fr. 10).

⁷⁴ *Jordan.*, *Getica*, § 182—183; *Е. Ч. Скржинская*. Указ. соч., стр. 306. Враждебное отношение Иордана к Атилле, пожалуй, находит объяснение в том, что гуннский король представлял опасность для варварских племен, в том числе и для готов, на стороне которых, естественно, были симпатии писателя. Все варвары, по словам Иордана, мечтали освободиться от власти Атиллы. «И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Атиллы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна» (*Jordan.*, *Getica*, § 253, *ср. К. Bierbach*. *Die letzten Jahre Attilas*).

главных черт его характера, не дает оценки его достоинств и недостатков. Превосходство Аммиана как писателя остается неоспоримым.

Характеристика общественного строя гуннов и Римской империи

Такую же объективность проявляет Приск, когда описывает общественный строй гуннов, их быт и нравы.

В отличие от Иордана, Аммиана Марцеллина, Зосима, Приск отнюдь не акцентирует внимание на жестокости гуннов и грубости их нравов. Повествуя об их образе жизни, он не видит в их поведении какой-либо особой, именно им присущей жестокости, хотя и признает крутой и непреклонный нрав их правителя. Приск рассказывает, что на войне гунны проявляли такую же жестокость, как и ромеи, но с пленными обращались более мягко, давали им свободу, оставляли жить у себя в качестве равноправных с победителями людей⁷⁵.

Совершенно спокойным тоном говорит Приск о причинах войн между гуннами и римлянами. По его мнению, гунны добываются от римлян дани, земель, выдачи варваров-перебежчиков и беглых римлян-военнопленных. Пленные ромеи, как правило, возвращаются от гуннов на родину, в империю, но порою встречаются перебежчики, уходящие из Византии к гуннам⁷⁶.

Бывают случаи, когда византийцы, попавшие в плен к гуннам, остаются у них жить навсегда. Приск рассказывает о своей встрече с богато одетым греком, который предпочел жить у гуннов, а не в империи. Незнакомец, увидев Приска на улице близ дома Онигсия, первым подошел к нему и заговорил на греческом языке. Приск крайне удивился, услышав эллинскую речь, ибо сперва принял незнакомца за варвара: он казался скифом, живущим

⁷⁵ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8; *Jordan.*, *Getica*, § 122, 127—128; *Amm. Marc.*, *Hist.*, 31, 2.2—11; *Zosim.*, IV, 20.

Иордан так описывает отталкивающую наружность гуннов и их необычайную жестокость: они наводили ужас на противников своим страшным видом, обращали их в бегство, потому что облик гуннов пугал своей чернотой, походя не на лицо, а на безобразный комок с дырами вместо глаз; свирепая наружность выдавала жестокость их духа (*Jordan.*, *Getica*, § 127). Столь же отрицательными чертами наделяет гуннов и Аммиан Марцеллин, утверждающий, что они в своей дикости превосходят всякую меру. Они безбороды, ибо младенцам изрезают щеки острым оружием для того чтобы не росла борода; они сильны и мускулисты, с толстыми шеями, вид их чудовищен и страшен, «так что их можно привяты за двуногих зверей или уподобить тем грубо обтесанным в виде человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов» (*Amm. Marc.*, *Hist.*, 31, 2.2). Вместе с тем гунны закалены, умеренны в пище, питье, одежде, необычайно выносливы (*ibid.*, 31, 2.3—8). Они храбрые воины, всю жизнь проводят в седле (*ibid.*, 31, 8—9).

⁷⁶ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 5.

в роскоши, одет был в богатое скифское платье, а голова его была острижена в кружок. Незнакомец не был похож на пленника, которого можно узнать по изодранному платью и нечесаной голове: Разговор, завязавшийся между ними, по существу является спором о преимуществах двух миров — римского и варварского ⁷⁷.

Рассказ грека о его жизни в плену у гуннов проникнут стремлением оправдать свой поступок. Уход из империи он объясняет пороками ее государственного и социального строя. Обычная история воина, попавшего в плен, завершилась на этот раз переходом в подданство к королю гуннов. Захваченный на войне варварами, грек, человек недюжинной храбрости, своими подвигами в сражениях завоевал свободу, однако не вернулся на родину, а женился на варварке, прижил детей и навсегда остался в стране гуннов. Здесь, далеко от родины, у чужеземцев-варваров он нашел если не счастье, то известное благополучие. Рассказчик рисует идиллическую картину жизни бывших пленных в стране гуннов: иноземцы у гуннов по окончании войн ведут жизнь спокойную и беззаботную, каждый пользуется тем, что у него есть, ничто его не тревожит. Живущие же под властью империи во время войн не знают безопасности, часто оказываются в плену, ромей их плохо охраняют, а они не могут сами защитить себя, так как правители-тираны не позволяют им иметь оружие. Для воинов же особенно опасно малодушие римских государей, все чаще уступающих на войне варварам.

Бедствия, претерпеваемые римлянами во время мира, еще тягостнее тех, которые они переносят во время войны. Основная причина этого — беспощадное взимание налогов и притеснения со стороны дурных правителей. Закон в империи не для всех имеет равную силу. К богатым судьба милостива, и они всегда остаются безнаказанными. Для бедных закон суров и неумолим. Чтобы выиграть справедливое дело, надо дать взятку судье и его помощникам и вести бесконечную тяжбу, требующую огромных издержек ⁷⁸.

Иными словами, грек упрекает византийское правительство в плохой обороне империи, в тягостных налогах и несправедливости судей в отношении бедных. Критика общественного строя Византийской империи, вложенная в уста грека-перебежчика, видимо, в какой-то степени выражала политические взгляды самого Приска, ибо она перекликается с другими его разоблачениями пороков византийского общества ⁷⁹.

Императорская казна, пишет Приск, была опустошена трагедиями на непристойные зрелища, безрассудную пышность двора и пустые забавы, в то время как оборона страны поставлена плохо,

⁷⁷ Ibid., fr. 8.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid., fr. 5. Cp. *Zosim.*, IV, 16, 29, 32, 41.

о военном деле правители не радеют и платят дань не только гуннам, но и другим варварам. Для внесения этой дани император принуждал всех своих подданных платить обременительные налоги, отменив льготы и для сенаторов. «У людей даже блистательного состояния побоями вымогали деньги... так, что люди издавна богатые выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло ромеев после этой войны, что многие из них уморили себя голодом или прекратили свою жизнь, надев петлю на шею»⁸⁰.

Для социально-политических взглядов Приска характерно в какой-то мере сочувствие к бедствиям именно сенаторской аристократии и высшей знати империи.

Существующий строй, однако, Приск критикует в завуалированной форме. Обличениям грека-перебежчика автор противопоставляет свою апологетическую речь в защиту общественного строя Римского государства. Идиллической картине жизни пленных у варваров противостоит не менее, а может быть, даже более приукрашенная картина величия Римской империи, где, как в идеальном государстве Платона, царят мудрые законы и всеобщая справедливость. В ответе греку-перебежчику Приск излагает свое представление о наилучшем государственном устройстве, нашедшем воплощение в Римской империи: «Устроители Римского общества были мужи мудрые и добрые. Желая оградить дела людей от превратностей случая, они определили, чтобы одни были хранителями законов, другие носили оружие, упражнялись в военном деле, готовы были всегда выступить в поход и смело начать бой... Они же установили, чтобы земледельцы содержали не только себя, но и тех, кто за них воюет, доставляя жалование войску. Другие же должны заботиться о притесняемых...»⁸¹.

Приск стремится опровергнуть обвинения грека-перебежчика против корыстных и продажных судей. Он восхваляет справедливость и предусмотрительность судей, которые, по его словам, пекутся о благе бедных и обездоленных, защищают их от обид сильных мира сего.

Плата судьям — это не взятки, а законные взносы на их содержание, благодарность за их нелегкий труд⁸². Задержка разбора судебных дел объясняется, по мнению Приска, отнюдь не злоупотреблениями судей, а их осторожностью и желанием избежать поспешных и необдуманных решений.

Особенно неправдоподобна нарисованная Приском идиллическая картина взаимоотношений рабовладельцев и рабов в империи. По словам Приска, ромеи поступают с рабами значительно снисходительнее, чем варвары: они якобы обращаются с ними как отцы или наставники со своими детьми. Они учат их зер-

⁸⁰ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 5.

⁸¹ *Ibid.*, fr. 8.

⁸² *Ibidem*.

живаться от дурных поступков и делать то, что считается честным. Господа исправляют ошибки рабов, как ошибки собственных детей. В Византийском государстве господам не позволено предавать рабов смерти, как это водится у гуннов. Рабы в империи имеют много способов получить свободу. Господа не только в течение всей своей жизни, но и перед смертью могут отпускать рабов на волю. Распоряжения умирающего относительно его собственности являются законом⁸³.

При этих словах Приска грек-перебежчик якобы заплакал и сказал: «Законы хороши, и римское общество прекрасно устроено, но правители портят и губят его, не поступая так, как поступали древние»⁸⁴.

В приведенных высказываниях Приска проявилась известная двойственность его социально-политических взглядов: с одной стороны, он видел язвы и пороки общественного строя империи и даже признавал известные преимущества быта варваров. Но, с другой стороны, оставаясь истинным ромеем, он не мог примириться с критикой существующих порядков, исходящей от перебежчика, и, естественно, защищал свое государство, впадая при этом в явную идеализацию.

Идеализуя положение рабов в империи, Приск одновременно рассказывает о том, что у гуннов имелось много рабов, находившихся на положении челяди. Рабство у гуннов носило еще патриархальный характер. У супруги Аттилы Креки в ее дворце было множество рабов и рабынь, которые ее окружали пестрой толпой. Рабыни, сидя в ее покоях, вышивали различными цветными узорами полотняные покрывала, которые гунны носят в качестве украшения поверх одежды⁸⁵.

Однако не всегда отношения господина и раба у гуннов были столь безоблачны. Сам же Приск рассказывает о том, что наиболее храбрые рабы убивали своих господ и бежали на родину, в империю. В случае поимки гунны их безжалостно распинали⁸⁶.

На обратном пути из ставки Аттилы в Константинополь византийские послы стали свидетелями жестокой расправы гуннов с рабами. На их глазах разыгралась трагическая сцена: «два человека, бывшие у скифов в неволе, были приведены со связанными назад руками за то, что убили своих господ, владевших ими по праву войны. Обоих распяли, положив голову на два бруса с перекладинами»⁸⁷.

При взятии городов гунны обычно всех жителей обращают в рабство (как это случилось, например, с жителями Сирмия).

Любопытен рассказ Приска о пленном архитекторе, жителе

---

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibid., fr. 5, 8.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibid., fr. 8.

Сирмия, захваченном в плен гуннами. Приближенный Аттилы Онигисий заставил этого пленного выстроить ему баню из камня. Архитектор надеялся получить свободу в награду за свое искусство, но был обманут и «вместо того подвергнут трудам более тяжким, чем скифская неволя. Онигисий сделал его своим банщиком. Он должен был прислуживать ему и его домашним, когда те мылись в бане»⁸⁸.

Приск осуждает варваров за то, что они берут с собой на войну своих рабов-военнопленных, и если раб проявит храбрость и захватит добычу, то добычу эту забирает себе господин в качестве выкупа за отпуск раба на свободу. Но для раба это, по мнению Приска, весьма опасно. «Что касается свободы, — говорит Приск греку-перебежчику, — которой ты пользуешься, за то благодари судьбу, не господина своего, взявшего тебя с собой на войну, где ты мог быть убитым неприятелем по своей неопытности в военном деле или подвергнуться наказанию от господина своего, если бы вздумал бежать»⁸⁹. У римлян нет такого обычая брать рабов на войну, и именно с этой точки зрения надо оценивать слова Приска, что римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары.

Известно, что гунны, не занимаясь земледелием, использовали труд рабов в первую очередь для ухода за скотом; рабы применялись для домашних работ, в качестве челяди и слуг на войне. Гунны явно стремились брать с военнопленных выкуп и отпускать на родину, а не обращать в рабов. Рабам давали возможность участвовать в войнах, приобретать добычу для выкупа. Некоторых из них после получения выкупа оставляли в качестве домоладцев знатные гунны. Так, Онигисий оставил при себе грека, собеседника Приска, и даже допускал его к своему столу⁹⁰.

Кроме того, из страны гуннов в Византийскую империю бежали варвары, впавшие в немилость у Аттилы, в том числе лица царского происхождения и представители знатных родов. Перебежчики столь решительно сопротивлялись выдаче их обратно гуннам (по требованию Аттилы), что римляне их даже принуждены были убивать⁹¹.

Таким образом, Приск Панийский, вращаясь в атмосфере византийского двора, хорошо видел недостатки общественного строя империи и имперского правительства и не скрывал их. Вместе с тем он не критиковал огульно порядки, царящие у варваров, хотя и признавал в конечном счете превосходство римского государственного устройства.

Весьма ценны сведения Приска, касающиеся социально-экономической истории гуннов.

⁸⁸ *Priscus Panites. Fragmenta, fr., 8.*

⁸⁹ *Ibidem.*

⁹⁰ *Ibidem.*

⁹¹ *Ibid., fr. 5.*

Гунны, по его словам, не занимаются земледелием, а «подобно волкам» захватывают продукты питания у подвластных им племен⁹². Большую роль в их жизни играет коневодство; лошади у них высоко ценятся, ими одаривают иноземных послов, они являются причиной соперничества и ссор; даже переговоры с византийскими послами гунны ведут, сидя в седле⁹³. Эти данные Приска вполне согласуются с известиями о гуннах других авторов — Аммиана Марцеллина, Иордана, Зосима, с археологическими изысканиями и вошли в фонд «гуннологии»⁹⁴.

В древний период своей истории, до Аттилы, гунны, по словам Иордана, со ссылкой на Приска, занимались преимущественно охотой. «Этот свиреный род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Меотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»⁹⁵.

В V в., в период тесных сношений с Римской империей, гунны, по данным Приска, ведут оживленную торговлю с византийцами: регулярно в пограничных местах, обычно на берегу Дуная, собираются ярмарки, где ведется торговля между гуннами и другими варварами, с одной стороны, и жителями империи — с другой⁹⁶.

Важность для гуннов торговли с ромеями обнаруживается в том, что в мирный договор 433 г., заключенный в Марге между гуннами и империей, был внесен особый пункт о свободе, равноправии и безопасности торговли⁹⁷. Соблюдение безопасности торговли, естественно, было необходимо обеим сторонам, тем более, что варвары иногда использовали ярмарки для вероломного нападения на римлян⁹⁸. Равноправие в торговле было постоянным требованием послов Аттилы к византийскому правительству⁹⁹.

В 448 г. посол Аттилы Эдикон, прибыв в Константинополь, в числе других требований гуннского короля к императору настаивал на том, чтобы перенести место обычных ярмарок да-

⁹² Ibid., fr. 33.

⁹³ Ibid., fr. 1.

⁹⁴ Аммиан пишет о гуннах: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или уютчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь» (*Amm. Marc., Hist., 31, 2. 10*). Ср. *Jordan., Getica*, § 123—128; *Zosim.*, IV, 20. Об общественном строе гуннов см.: Л. Н. Гумилев. Хунну. Средня́я Азия в древние времена. М., 1960; *ego же*. Древние тюрки. М., 1967; F. Altheim. *Geschichte der Hunnen*, IV. Berlin, 1962; G. Wirth. *Attila und Byzanz.* — BZ, 60, 1967, S. 40—69. *Jordan., Getica*, § 123.

⁹⁵ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 2.

⁹⁷ Ibidem: «чтобы торжища между римлянами и гуннами происходили на равных правах и без всякого опасения».

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Ibid., fr. 8.

лее в глубь империи: «Аттила требовал притом, чтобы торг в Иллирике происходил не по-прежнему на берегу Истра, но в Наиссе (Нише. — З. У.), который считал он границей скифской и римской земли..., как город, им разоренный»¹⁰⁰. Ниш, по данным Приска, находился от Истра на расстоянии пяти дней пути; таким образом, гунны требовали отодвинуть место ярмарок на довольно значительное расстояние от Дуная.

После смерти Атиллы его сыновья послали к византийскому императору Льву I (457—474) посольство для заключения мира и одним из главных условий выдвигали возобновление торгового соглашения о ярмарках на берегу Дуная. «Они желали, — пишет Приск, — по древнему обычаю съезжаться с римлянами на берегу Истра, в одном и том же месте, продавать там свои товары и взаимно получать от них те, в которых имели нужду».

Лев отказал послам, так как не желал, чтобы гунны, принесшие столько вреда его земле, участвовали в римской торговле¹⁰¹.

Широко известна любовь гуннов, как, впрочем, и других варваров, к золоту и другим драгоценностям, их неутолимая жажда получить от империи побольше денег в качестве дани или выкупа за пленных. Подобными сведениями буквально пестрит сочинение Приска.

Гунны по мере военных успехов все повышают размеры дани, которую им должны платить восточные и западные римляне. Так, по данным Приска, в 30-х годах V в. византийцы были обязаны платить гуннам (царским скифам) за сохранение мирного Маргского договора ежегодно по 700 либр золота, а ранее эта дань составляла 350 либр¹⁰². В 447 г., после поражения византийцев в сражении с гуннами в Херсонесе Фракийском, мир был заключен на еще более тяжелых для империи условиях: византийцы должны были уплатить гуннам одновременно 6 тыс. либр золота в счет жалования гуннам за прошедшее время и вносить им ежегодно определенную дань в 2100 либр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и возвратившегося в свою землю без выкупа, они обязаны были платить 12 золотых монет или выдать беглеца¹⁰³.

Завоевательная политика Атиллы, возможно, была связана не только с захватом добычи, но и с освоением покоренных территорий. В науке выдвинута гипотеза о том, что Аттила требовал от Византии выдачи беглых ромеев с целью возврата их на за-

¹⁰⁰ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 7.

¹⁰¹ *Ibidem*.

¹⁰² *Ibid.*, fr. 1.

¹⁰³ *Ibid.*, fr. 5 Римляне, пытаясь откупиться от Алариха во время осады его войсками Рима, преподнесли ему следующие дары: 5 тыс. либр золота, 30 тыс. либр серебра, 3 тыс. штук красных кож, 3 тыс. шелковых хитонов, 3 тыс. литр перца (*Zosim.*, V, 41); в 473 г. византийский император Лев I вносил ежегодно дань готам в размере 2 тыс. либр золота.

воеванные им земли, чтобы они вновь занимались земледелием и ремеслами. Выходцы из Римской империи в его глазах являлись важным фактором развития цивилизации. Тем самым Атила проявлял государственную мудрость и заботился о хозяйственном подъеме захваченных им земель. Не исключено, что все это способствовало постепенному переходу самих гуннов от кочевого хозяйства к оседлости ^{103а}.

Огромные богатства различными путями, в качестве добычи или дани, были накоплены Атилой и его приближенными. Приск, как мы знаем, рассказывает о роскоши дворцов Аттилы и Креки, а также Онигисия и других знатных гуннов. Из труда Приска очень явственно вырисовывается социальное и имущественное расслоение внутри варваров. Автор никогда не забывает отметить положение того или иного варвара, занимаемое им при дворе Аттилы.

Историк прежде всего отмечает разветвленность царского рода, большое число родственников царя, его сыновей, дядей и многих других ¹⁰⁴. Все они занимают высокое положение на иерархической лестнице при дворе гуннов, сыновья и Оварисий, дядя Аттилы (по отцу), удостоиваются чести сидеть во время пира на его ложе, сыновьям поручается управление подвластными племенами ¹⁰⁵.

Так, Атила хотел сделать своего старшего сына королем скифского народа акациров и послал его к ним вместе с Онигисием ¹⁰⁶, который, по словам Приска, был вторым лицом в державе Аттилы и после самого Аттилы имел величайшую силу среди гуннов ¹⁰⁷.

Именно этому Онигисию был отдан попавший в плен грек, собеседник Приска. Рассказ этого грека о разделе добычи у гуннов в зависимости от положения того или иного лица в обществе весьма примечателен. Этот грек прибыл по торговым делам в город Виминаций в Мисии на Истре, жепился там на богатой женщине и жил счастливо до того, как варвары захватили этот город. Его богатство стало причиной того, что при разделе добычи «он был в первую очередь отдан Онигисию, ибо взятые в плен богатые люди доставались, после Аттилы, скифским вельможам, имеющим большую власть». Все добытое затем на войне этот грек отдал своему господину-варвару, по закону скифскому, за что получил свободу ¹⁰⁸.

Высокое положение занимает и главная жена Аттилы Крека: она имеет свой двор, роскошный дворец, своего управляющего

---

^{103а} Подобную гипотезу выдвинул Герхард Вирт, основываясь на новом прочтении одного места труда Приска (*G. Wirth. Attila und Byzanz, S. 41f.*)

¹⁰⁴ *Priscus Panites. Fragmenta, fr. 8.*

¹⁰⁵ *Ibidem.*

¹⁰⁶ *Ibidem.*

¹⁰⁷ *Ibidem.*

¹⁰⁸ *Ibidem.*

хозяйством, множество слуг и рабов, охрану из варваров-воинов; она же дает обед в честь византийских послов¹⁰⁹.

Но среди царского рода гуннов встречаются и опальные лица, враждующие с Атиллой. Чаще всего они ищут убежище в империи. Так, среди беглецов, выдачи которых особенно настойчиво требовали гунны, были дети Мамы и Атакама, происшедшие из царского рода. В наказание за их бегство гунны, получив их, распяли во фракийском замке Карсе в 30-х годах V в.¹¹⁰ Позднее, в 447 г., Атила требует выдачи нескольких беглецов, происходивших из царского рода, которые переехали к ромеям, отказываясь служить Атилле¹¹¹.

После родственников царя видное место при дворе Атилы занимали его ближайшие сподвижники и советники. Одним из первых лиц при Атилле был гунн Онигисий: он выполнял важные поручения короля, участвовал во всех делах, улаживал распри с подчиненными гуннам племенами, вел дипломатические переговоры и переписку, был первым советником короля. Весьма интересно сообщение Приска о том, что Онигисий по важным государственным вопросам советовался с другими влиятельными придворными Атилы. «Несколько позднее,—пишет Приск,—он (Онигисий.— З. У.) держал совет с другими сановниками о том, что было угодно Атилле, и сочинял письма, которые надлежало отправить к василевсу»¹¹².

Приск подробно рассказывает о богатстве и влиянии Онигисия, выполнявшего при короле функции первого министра.

Высокого положения при дворе Атилы достиг и Верих, который на пиру во дворце короля гуннов занимал место более почетное, чем послы императора. Атила направил его послом в Византию, и он поехал в Константинополь вместе с Максиминном и Приском. «Это был,—пишет Приск,—человек знатный, он владел многими селениями в скифской стране и был прежде с посольством у римлян»¹¹³.

Наряду с Верихом большое влияние на государственные дела оказывали гунны Исла, Скотта, Эдикон, часто выполнявшие функции послов¹¹⁴.

Эдикон на вопрос евнуха Хрисафия, какое положение он занимает при Атилле, отвечал, что он близкий человек к королю,

¹⁰⁹ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 8.

¹¹⁰ *Ibid.*, fr. 1.

¹¹¹ *Ibid.*, fr. 5.

¹¹² *Ibid.*, fr. 8. При Онигисии были писцы и, между прочим, Рустикий, родом из Верхней Мисии, взятый в плен в одном сражении; но, поскольку он был отлично образован, его использовал Атила для составления писем.

¹¹³ *Ibidem*. Пока Верих с византийскими послами ехал по скифской земле, он оставался их другом, но, переправившись через Истр, стал их врагом, поссорившись по пустяковой причине — он отобрал коня, ранее подаренного Максимину.

¹¹⁴ *Ibid.*, fr. 1.

что ему вместе с другими могущественными скифами поручается охрана короля и что каждый из них по очереди держит при нем вооруженный караул ¹¹⁵.

Узнав о высоком положении Эдикона, одного из начальников гуннской гвардии Аттилы, Хрисафий решил подкупить его и уговорить организовать убийство короля. Хитрый евнух рисовал перед Эдиконом заманчивую картину жизни в империи, если тот убьет Аттилу и вернется в Византию, где он получит за оказанную императору услугу огромные богатства, в частности «дом, крытый золотом» ¹¹⁶. Эдикон принял это предложение, а потом рассказал о заговоре Аттиле — то ли из преданности повелителю, то ли из боязни разоблачения ¹¹⁷.

Немалую власть при дворе Аттилы имел и брат Онигисия — Скотта. Добиваясь встречи с Аттилой, который разгневался на послов императора, Приск обратился за помощью именно к Скотте, выведав, что он пользуется таким же влиянием на Аттилу, как его брат, и что король слушается его советов. Подкупив Скотту богатыми дарами, византийцы добились первой аудиенции у гуннского короля ¹¹⁸.

Честью говорить с Аттилой пользовались немногие, так как из-за страха, им внушаемого, никто из посторонних не смел с ним разговаривать.

Аттилу всегда сопровождала толпа приближенных; его шатер окружало множество шатров гуннской знати и воинов.

Вслед за гуннской знатью, которая занимала в державе Аттилы самое привилегированное положение, влиянием при гуннском короле пользовались и некоторые представители других народов, в том числе прибывшие из Западной и Восточной империй.

Первым среди них Приск называет Ореста, выходца из Паннонии, подвластной Аттиле. Этот Орест выполнял вместе с Эдиконом важную дипломатическую миссию в Константинополе, но по своему рангу он стоял ниже Эдикона, «ибо Орест был домочадец и писец Аттилы, а Эдикон, как человек, на войне знаменитый и природный гунн, далеко превышал Ореста» ¹¹⁹.

Приск упоминает также италийца Констанция, присланного Аттиле Аэцием в качестве секретаря, Рустикия, секретаря и переводчика, родом из Миссии, знавшего скифский язык ¹²⁰. Делами жены Аттилы Креки управлял некий Адамий — судя по имени, также не варвар. К Констанцию Аттила настолько благоволил, что потребовал от византийского императора выдать

¹¹⁵ Ibid., fr. 7.

¹¹⁶ Ibid., fr. 7.

¹¹⁷ Ibid., fr. 8.

¹¹⁸ Ibidem. На вопрос о его положении при дворе Скотта ответил: «Не сомневайтесь, и я наравне с братом моим могу говорить и действовать при Аттиле».

¹¹⁹ Ibidem.

¹²⁰ Ibidem.

за него какую-либо богатую и знатную римскую женщину, за что Константин обещал дать Аттиле денег из приданого будущей жены¹²¹.

Итак, в гуннском обществе в период правления Аттилы существовала высшая варварская знать, влияние которой определялось воинскими заслугами и местом в военной иерархии гуннов, близостью и родством с самим королем и его родичами, службой при дворе Аттилы. Вместе с тем знатные гунны имели в своем распоряжении целые селения, что составляло один из источников их богатств. Знать обогащалась также за счет дани, захвата и раздела добычи, выкупа, получаемого от пленных. Аттила бывал зачасую щедр к своим приближенным за счет соседей: любимцы короля посылались в империю, где их богато одаривало византийское правительство. В состав знати, формировавшей круг приближенных Аттилы, входили не только гунны, но и другие варвары, подвластные королю, однако гунны пользовались явными преимуществами^{121а}. В достаточно сильной степени ощущались кровно-родственные связи внутри варварской знати. Чужеземцы—выходцы из Византии и Западной Римской империи—исполняли при дворе Аттилы функции секретарей и писцов, пользовались известным влиянием, но им никогда полностью не доверяли.

Для Приска характерно благожелательное отношение не только к гуннам, но и к другим варварским народам. Среди подвластных гуннам племен находились и славяне. Приск прямо не называет славянами тех варваров, которых он встречал в стране гуннов, но некоторые косвенные данные позволяют предположить, что на пути византийского посольства встретились поселения славян. Широко известен рассказ Приска о гостеприимной встрече, которую оказала правительница одного из варварских племен, жена гуннского князя Бледы, византийскому посольству, направлявшемуся в ставку Аттилы. Туземцы встретили греков весьма дружелюбно, правительница устроила их на ночлег, прислала путешественникам вкусные кушанья и красивых женщин (от услуг этих женщин, они, впрочем, отказались). Приск, познакомившись ближе с образом жизни варваров, рассказал о некоторых особенностях их быта.

По словам Приска, туземцы, скорее всего славяне, показались ему и его спутникам очень симпатичными и радушными людьми¹²².

¹²¹ *Priscus Ponticus*. Fragmenta, fr. 8.

^{121а} Г. Вирт полагает, что при Аттиле в гуннском обществе стал складываться новый высший слой—*λογάδες*, состоявший из представителей служилой и родовой знати. Однако трудно согласиться с утверждением этого ученого, что в него входили с равными правами и обязанностями как сами гунны, так и представители покоренных народов, римляне и германцы (*G. Wirth*. *Attila und Byzanz*, S. 65—67).

¹²² *Priscus Ponticus*. Fragmenta, fr. 8; *H. Gelzer*. *Μέρος bei Priskos*.— *BZ*, 24, 1924, S. 313—314; «Сказание Приска Панійского», стр. 46; *J. Kuranz*.

Несколько по-иному Приск описывает те варварские племена, с которыми ему не приходилось лично общаться. Так, он говорит о грабительском характере набегов вандалов из Северной Африки на Сицилию и Южную Италию. Для отражения нападений вандалов правители Западной Римской империи неоднократно обращались за помощью в Константинополь. Но просьбы их были тщетны: они неизменно получали отказ, ибо Византия опасалась, нарушив мирный договор с вандалами, навлечь поход этих грозных варваров на свою собственную территорию¹²³.

Таковы известия Приска об общественном строе Римской империи и окружавших ее варварских народов. Думается, что эти сведения отличаются правдивостью и свидетельствуют о высокой степени объективности историка.

Социально-политические и религиозно-философские взгляды

О мировоззрении и социально-политических взглядах Приска красноречиво свидетельствует его отношение к народным движениям в империи, принимавшим зачастую в ту пору форму религиозных столкновений. Сохранилось сообщение Евагрия о том, что Приск описал народные волнения в Александрии в начале 50-х годов V в.

Согласно Евагрию, Приск прибыл в Александрию около 453 г., во время крупных народных волнений, связанных с религиозной борьбой монофиситов и православных. В этой борьбе Приск занял лояльную по отношению к правительству позицию и своими советами даже оказывал немаловажные услуги комиту Египта Флору. Приск рекомендовал Флору пойти на уступки народу: разрешить раздачу хлеба, открыть бани, возобновить зрелища, прекращенные в связи с беспорядками. Политика уступок принесла желаемый результат, и движение вскоре сошло на нет¹²⁴.

Таким образом, Приск показал себя в столь сложной ситуации как благонамеренный чиновник, осторожный политик, православный христианин, помогавший правительству в борьбе с народным движением, проходившим под монофиситскими лозунгами.

О религиозно-философских и этических воззрениях Приска мы знаем очень мало. В его сочинении мы не находим следов при-

---

Akcja dyplomatyczna Bizancjum i jego sasiadow w latach 433—468.— «Towarzystwo naukowe Katol. Univ. Lubelskiego. Roczniki humanistyczne», 12, 3, 1964; Е. Ч. Скржинская. Указ. соч., стр. 270; В. П. Петров. Письменные источники о гуннах, антах, готах в Причерноморье.— КСИА, 121, 1970, стр. 67—73.

¹²³ Priscus Panites. Fragmenta, fr. 18.

¹²⁴ Evagrius. Historia Ecclesiastica, II, 5.

верженности автора к языческой религии его предков. Вместе с тем Приск не проявляет и христианской ортодоксальности. Он скуп на сведения, касающиеся вопросов религии и церкви. Ему чужд христианский детерминизм, он не склонен объяснять ход исторических событий промыслом божьим. Политическую лояльность он сочетает с лояльностью в отношении господствующей христианской церкви. Бога Приск рассматривает как источник правосудия ¹²⁵. Вместе с другими византийцами и послами западного императора Приск молит бога о том, чтобы Аттила пошел войной на персов, а не на римлян ¹²⁶.

Историк с уважением относится к священным сосудам и подчеркивает, что «сосуды, посвященные богу, нельзя более употреблять на потребу людей» ¹²⁷. Он почитает церкви как убежища. Например, он рассказывает о том, что жители разоренного гуннами города Наисса укрывались в священных обителях ¹²⁸.

Приск не забывает упомянуть о приверженности вандалского короля Гейзериха к ереси (ариан), но одновременно подчеркивает, что вандалы исповедовали христианство (хотя и в арианской форме) ¹²⁹.

С одобрением сообщает он о том, что лазский царь Гуваз (Говаз), вызвавший гнев императора, заслужил вновь милость византийского правительства, выказав свою приверженность к христианской религии. Прибыв в Константинополь, царь лазов прельстил епископа дворца ласковыми речами и «ношением на себе христианских символов» ¹³⁰.

Приск одновременно достаточно веротерпим к различным языческим религиям и далек от проповеди насильственного обращения варваров и иных чужеземных народов в христианство. Так, рассказывая о своей поездке с миссией Максимиана в Египет, он одобряет толерантную политику главы византийского посольства в отношении египетских культов. В мирный договор, заключенный византийцами с влеммиями и нувадами, был включен пункт, согласно которому местным племенам разрешалось отправлять культ Исиды: «Чтобы на основании древнего обычая не запрещался влеммиям и нувадам проезд в храм Исиды, причем управление речным судном, на котором перевозится кумир богини, поручалось египтянам. Эти иноземцы в установленное время перевозят кумир Исиды в свой край и, расспросив его о будущем, увозят обратно на остров. Максимин рассудил за благо скрепить договор в Фильском храме» ¹³¹.

¹²⁵ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8.

¹²⁶ *Ibidem*.

¹²⁷ *Ibidem*.

¹²⁸ *Ibidem*.

¹²⁹ *Ibid.*, fr. 18.

¹³⁰ *Ibid.*, fr. 28.

¹³¹ *Ibid.*, fr. 17; о культе Исиды в Египте VI в. см.: *Procop.*, *De bello Persico*, I, 33.

У Приска не чувствуется осуждения и других языческих культов, даже враждебных христианству. Так, он спокойно повествует о том, что причиной разногласий между Византией и Ираном был вопрос об исповедании зороастрийской религии персами, живущими на территории империи¹³². Позднее, в VI в., Агафий будет отзываться о религии магов-огнепоклонников в иных, враждебных тонах¹³³.

Интересно отношение Приска к господствующей в Византии религиозно-политической доктрине о божественности императорской власти. Когда агент временщика Хрисафия, переводчик Вигила, быть может, с провокационной целью вызвать ссору с гуннами стал настаивать при знатных гуннах на тезисе о верховенстве императора-бога над Аттилой-человеком, Максимин и Приск постарались сгладить недовольство гуннов и смягчить их гнев подарками.

«За обедом во время возлияний, — рассказывает Приск, — варвары превозносили Аттилу, а мы — своего государя. Вигила заметил, что неприлично сравнивать божество с человеком, что Аттила — человек, а Феодосий — божество. Гунны слышали эти слова и понемногу разгорячились и пришли в раздражение. Мы обратили речь к другим предметам и успокоили их гнев ласковым обхождением, а после обеда Максимин задобрил Эдикона и Ореста подарками — шелковыми одеждами и драгоценными камнями»¹³⁴.

Приск вряд ли сам искренне верит в божественность императорской власти: для него обожествление вассалов римеев скорее внешний атрибут величия империи, чем философско-религиозная концепция. Историк признает только бога, а не императора источником правосудия. Кроме того, он утверждает, что в империи законы издаются равным образом для всех. Сам император повинется им¹³⁵. Вместе с тем Приск, как истинный ромей, не может признать правомерность притязаний гуннского короля на то, чтобы считать себя выше римского императора или равным ему.

Лишь иронию Приска вызывают льстивые сравнения Атtilы с божеством. Знаменателен в этом плане рассказ Приска о хитрости, пущенной в ход одним из правителей племени акациров — Курдиахом. Когда Курдиах, потерпев поражение от гуннов, был затем приглашен к Аттиле праздновать победу, он отказался прибыть к нему. «Подозревая козни, Курдиах отвечал Аттиле, что трудно человеку взирать на бога, а если человек не в силах смотреть и на солнечный круг, то можно ли без вреда для себя взглянуть на величайшего из богов?»¹³⁶.

¹³² *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 25. По словам Приска, «магов, искони обитавших в империи, римляне хотели отвлечь от отеческих обычаев и законов, и от их богопочитания; они преследовали их и не позволяли, чтобы у них горел, по их закону, так называемый неугасимый огонь».

¹³³ *Agath.*, Hist., II, 24—25.

¹³⁴ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 8.

¹³⁵ *Ibidem*.

¹³⁶ *Ibidem*.

Нашему историку отнюдь не импонируют честолюбивые попытки Аттилы доказать свое превосходство над Феодосием. После раскрытия заговора гуннский король через послов в Константинополе обличал Феодосия и стремился его унижить. Посол Аттилы Исла сказал, «что Феодосий рожден от благородного отца, что и сам Аттила знатного происхождения и, наследовав своему отцу Мундиуху, сохранил благородство во всей чистоте, а Феодосий, напротив, потерял благородство и подчинился Аттиле, ибо обязался платить ему дань. Итак, он (Феодосий.— З. У.) дурно поступает, тайными кознями, подобно низкому рабу, посягая на того, кто лучше его и кого судьба сделала его господином»¹³⁷.

Приск порицает хвастливые речи Аттилы, который горделиво заявлял, что полководцы римского императора — его рабы, а военачальники короля равны тем, кто царствует над римлянами¹³⁸.

Чтобы унижить Феодосия II и уличить его в заговоре, Аттила отправил Ореста в Константинополь, повесив ему на шею тот кошелек, в котором деньги, предназначенные на подкуп убийц, были переданы заговорщикам. Оресту было поручено явиться на прием к императору, показать эту мощну самому Феодосию и внуху Хрисафию и спросить их, узнают ли они ее¹³⁹.

В отличие от некоторых других позднеримских и ранневизантийских писателей, в частности от Аммиана, Прокопия и особенно Феофилакта Симокатты, Приск не проявляет особой склонности к суевериям.

Правда, и он отдает дань легендарным рассказам, вплетая их в свое изложение. Особенно известны два подобных рассказа, связанных с передачей бытовавших в его время легенд. Первый касается находки Аттилой священного меча бога войны Марса. Эта находка якобы предвещала укрепление могущества гуннского короля. Аттила решил, «что это знамение послал ему бог, явивший меч Марса, который у скифских царей почитается священным. Сей меч чтится ими как посвященный богу войны, и в древние времена он исчез, а теперь был случайно открыт быком»¹⁴⁰.

Текст, содержащий вторую легенду, к сожалению, не сохранился, но рассказ Приска подробно воспроизведен Иорданом.

¹³⁷ *Pricus Panites. Fragmenta, fr. 9.*

¹³⁸ *Ibid., fr. 8.*

¹³⁹ *Ibid., fr. 9.* В этот кошелек Вигила положил золото для передачи Эдикону.

¹⁴⁰ *Ibid., fr. 8.* Ср. *Jordan., Getica, § 183.* Иордан дает негативную оценку поведения Аттилы и в этом случае: «Хотя он по самой своей природе отличался самонадеянностью, она возросла в нем от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей». Со ссылкой на Приска Иордан далее приводит более полную версию находки меча Марса пастухом, который заметил, что одна телка из его стада поранила ногу, наткнувшись на меч, выкопал его из земли и принес Аттиле. «Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкой всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах».

По словам готского историка, Приск, искренне веря в истинность рассказа, сообщил о чуде, предвещавшем гибель Аттилы. Накануне смерти гуннского короля императору Маркиану явилось во сне божество и показало сломанный лук Аттилы. «Историк Приск говорит, что может подтвердить это [явление божества] истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим»¹⁴¹.

Приск приводил также полулегендарный рассказ о переходе гуннов через Меотиду, повторенный затем Иорданом и Прокопием¹⁴². В утерянной части сочинения Приска содержалось известие о суеверном ужасе, который внушал город Рим гуннам. Иордан, со ссылкой на Приска, говорит, что приближенные Аттилы убедили его отказаться от осады Рима не из-за добрых чувств к этому городу, врагами которого они были, а из-за опасения за жизнь своего короля, ибо памятна была судьба вестготского правителя Алариха, который умер вскоре после разорения Рима¹⁴³.

Мы можем только гадать, почему Приск, столь ярко описавший обычаи гуннов и других варваров, подвластных Аттиле, умолчал об их религии и религиозных обрядах. Было ли это свидетельством недостаточного внимания гуннов к религиозным обрядам, равнодушия самого Приска к вопросам религии или просто зависело от неизвестных составителей эксперптов Константина Багрянородного, которые сокращали труд Приска, — видимо, навсегда останется загадкой¹⁴⁴.

Еще труднее составить представление об этических воззрениях Приска.

Как писатель и человек он обладал, видимо, достаточно твердыми нравственными устоями. Так, ему глубоко претят коварство и вероломство, проявляемые в дипломатических делах; он искренне возмущен евреями Хрисафием (а тем самым и императором), которые тайно намеревались убить Аттилу и использовали посольство в этих недостойных целях. Не вызывает у него симпатий грек-перебежчик, хулящий свою родину и ее порядки¹⁴⁵. Верность государю он считает достоинством, а измену порицает. Он с похвалой говорит об отказе Онигисия продать свою страну

¹⁴¹ *Jordan.*, *Getica*, § 255. О гуннском золотом луке см.: *J. Harmatta. The Golden Bow of the Huns.*—«*Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*», 1, 1951, p. 107—151.

¹⁴² *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8. Ср. *Jordan.*, *Getica*, § 123—125; *Procop.*, *V. G.*, IV, 5.

¹⁴³ *Jordan.*, *Getica*, § 222.

¹⁴⁴ Остается не совсем ясным рассказ о том, что перед началом пира у Аттилы гуннские виночерпии «по обычаю своей страны, подали чашу, чтобы и мы помолились, прежде чем сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к скамьям, на которые нам следовало сесть и обедать» (*Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8).

¹⁴⁵ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8.

и короля за византийское золото¹⁴⁶. Приску импонирует мужество и достойное поведение послов империи, в частности посла к гуннам Аполлония, который прославил себя как стойкий человек: он не побоялся угроз Аттилы и не выдал ему подарков императора, пока Аттила не принял его для ведения переговоров¹⁴⁷.

Сам Приск во время переговоров с Аттилой держит себя с достоинством и проявляет даже большее мужество, чем Максимин¹⁴⁸.

Приск, в отличие от многих других авторов, особенно Аммиана, Зосима и Прокопия, достаточно благожелателен к окружающим. Даже в самых дурных людях он способен разглядеть какие-то привлекательные черты. Так, Вигила, подготовлявший тайное убийство Аттилы, человек, в изображении Приска, коварный, лживый и скрытный, способный на любое преступление ради корысти, в трудную минуту проявил незаурядные душевные свойства — высокую отеческую любовь и самопожертвование. Захватив и разоблачив заговорщика, Аттила хотел убить его сына, если не будет уплачен выкуп в 50 либр золота. «При виде сына, обреченного на смерть, Вигила, проливая слезы и рыдая, умолял Аттилу обратить на него меч и пощадить ни в чем не повинного юношу. Он тотчас признался в том, что было замышлено им, Эдикомом, евнухом и царем, и не переставал просить Аттилу убить его самого и отпустить сына». Аттила внял мольбам Вигилы и отослал его сына в империю за выкупом¹⁴⁹.

Приск отнюдь не превозносит такие «подвиги» византийских полководцев, которые связаны с коварством и жестокостью. Так, он без всякого сочувствия рассказывает о том, как в 467 г. полководцы императора Льва I победили готов, обманув и разбив их отряды по частям. Наместник полководца-гота Аспара — Хелхал, родом гунн, посеял вражду между готами и гуннами, говоря, что «даст готам земли, но не для них самих, а в пользу гуннов, что гунны, не занимаясь земледелием, будут, как волки, приходиться к готам и похищать у них пищу, что готы, находясь на положении рабов, будут работать для содержания гуннов, хотя готское племя искони состояло в непримиримой вражде с гуннами»¹⁵⁰. Лживые речи Хелхала вызвали кровавое столкновение между готами и гуннами, которым воспользовались византийцы для полного разгрома готов¹⁵¹.

---

¹⁴⁶ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 8. «Или, — продолжал он, — римляне думают просьбами склонить меня к тому, чтобы я изменил своему государю, забыл полученное у скифов воспитание, пренебрег женами и детьми своими и богатство римское поставил выше службы при Аттиле?»

¹⁴⁷ *Ibid.*, fr. 14.

¹⁴⁸ *Ibid.*, fr. 8.

¹⁴⁹ *Ibidem*.

¹⁵⁰ *Ibid.*, fr. 33.

¹⁵¹ «Скифы, — пишет Приск, — уразумев обман и коварство, собирались (в отряды. — З. У.) и вступали в рукопашный бой с римлянами. Войско Аспара успело истребить отряд, который достался ему в удел. Но другие

Приску не чужд и патриотизм; так, он оправдывает жителей Асимунта в Иллирике, когда они ради спасения своего племени дали гуннам ложные клятвы¹⁵².

Итак, по своему мировоззрению и социально-политическим взглядам Приск принадлежал к лояльно настроенным к правительству кругам византийской чиновной интеллигенции, связанной с дипломатической деятельностью. В отличие от Аммиана Марцеллина, Зосима и Прокопия, Приск воздерживался от критики существующего строя и правящей верхушки империи. Судя по всему, он мало интересовался философско-религиозными и этическими проблемами. Он был историком-прагматиком, живо и талантливо описавшим все, что видел сам. И сила этого писателя — не в его историко-философской концепции, а в том, что он создал правдивый рассказ о своем времени.

Сведения о дипломатии Византии и варваров

По сообщениям Приска, Восточная Римская империя в V в. вела дипломатические переговоры с гуннами (с Атиллой и его предшественниками и преемниками), арабскими племенами (сарацинами), нумидийскими кочевыми народами (влеммиями и нувадами), с вандалами, лазами, персами, готами. Внимание привлекают сведения Приска по истории римско-византийской и варварской дипломатии V в.: писатель четко обрисовал права и обязанности византийских послов, организацию посольств, их снаряжение и снабжение; он рассказал о практике подкупа варваров, подробно описав драгоценные дары, которые им подносились, познакомил с процедурой приема и отправки послов, с некоторыми нормами международного права. Изучение сочинения Приска помогает уяснить, как складывалась и оформлялась византийская дипломатическая система, достигшая высокого совершенства в последующее время. Убедительно показаны шпионские действия византийских агентов и агентов варваров. В частности, становится очевидным, что Атила имел тайных шпионов при константинопольском дворе, так как ему стало известным содержание секретных поручений, данных византийским императором своим послам¹⁵³.

Одной из важных особенностей дипломатической системы Византии была строгая градация ранга и титула послов в зависимости от могущества того государства, куда отправляется посольство. Приск сообщает о постоянных требованиях Атилы

полководцы бились не без опасности для себя, потому что варвары с твердостью им сопротивлялись. Уцелевшие из них прорвались сквозь ряды римлян и избежали погони» (ibidem).

¹⁵² Ibid., fr. 5.

¹⁵³ Ibid., fr. 8.

посылать к нему послов высокого ранга, знатных, имеющих консульское звание. На притязания Аттилы византийское правительство иногда отвечает отказом, ссылаясь на установившийся обычай¹⁵⁴. Но в тяжелых условиях военного нажима со стороны гуннов оно вынуждено нарушать этот обычай и отправлять к Аттиле в качестве послов знатных вельмож¹⁵⁵.

Одновременно Приск рассказывает о довольно сложной организации посольского дела и дипломатии у варваров, в частности у гуннов. При дворе Аттилы уже были разработаны ритуал приема посольств, правила поведения послов; на пирах Аттилы, как мы видели, соблюдался строгий придворный этикет. Посол каждой страны на приеме у Аттилы имел свое место, ближе или дальше от короля, в зависимости от ранга страны, его пославшей¹⁵⁶. Деятельность послов четко регламентировалась: послы должны следовать за кортежем короля, а не обгонять его; их сопровождают проводники-варвары и охраняют варварские отряды; послам запрещается разбивать шатры на месте, более возвышенном, чем то, где расположен шатер Аттилы; в стране гуннов им выдается определенное содержание, по дороге же на территории империи их кормят местные жители¹⁵⁷.

Аттила однажды прислал византийским послам к их столу речной рыбы и быка; в селениях же по пути в ставку Аттилы местные жители — может быть, славяне — отпускали, пишет Приск, «нам в пищу вместо пшеницы — просо, вместо вина так называемый у туземцев медос. Сопровождавшие нас служители получали просо и добываемое из ячменя питье, которое варвары называют *кáмос*»¹⁵⁸.

Делать остановки в пути, разбивать лагерь и селиться на более длительное время послы могут только в тех местах, где им укажут люди Аттилы. Византийские послы, в свою очередь, заботились о том, чтобы не было унижено их достоинство как

---

¹⁵⁴ Например, Приск сообщает, что Максимино поручено было устно передать Аттиле, «что он не мог требовать, чтобы к нему отправлялись послы высшего достоинства; ибо этого не бывало ни при его предках, ни при других правителях скифской земли; что миссию посла всегда выполнял какой-нибудь воин или вестник» (*Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8).

¹⁵⁵ *Ibid.*, fr. 4, 8, 11. Так, Аттила потребовал от посольства Максимиана, чтобы к нему были присланы в качестве послов обязательно консуляры — либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор. На замечание Максимиана о том, что «не следует назначать в посольство этих мужей и через то делать их царю подозрительными», Аттила ответил угрозой начать войну, если его требование не будет выполнено (*ibid.*, fr. 8). Византийское правительство впоследствии было вынуждено выполнить ультиматум Аттилы (*ibid.*, fr. 10).

¹⁵⁶ *Ibid.*, fr. 8.

¹⁵⁷ Жители Сардики доставили посольству Максимиана баранов и быков. Переправляли их через Истр варвары-перевозчики на лодках-однодеревках, приготовленных Аттилой для войны с Византией (*ibidem*).

¹⁵⁸ *Ibidem*.

послов императора. Они, например, согласились вести переговоры с гуннами, сядя верхом на лошадях, следуя варварскому обычаю, для того, чтобы не оказаться в положении, унижающем их достоинство ¹⁵⁹.

Византийские послы всегда были обязаны передавать письма и устные поручения императора лично королю, но варвары иногда, по приказу Атиллы, пытались нарушить этот обычай и выведать у послов цель их посольства. Византийцы резко протестовали против нарушения этих правил ¹⁶⁰.

При дворе Атиллы, видимо, имелась особая канцелярия для ведения дипломатической переписки: Атила располагал высокообразованными писцами, главным образом из латинян, присланных ему Аэцием. Среди писцов встречались и эллины. Переписка велась на латинском, греческом и других языках. По словам Приска, «скифы, будучи сборищем разных народов, кроме собственного варварского языка, охотно употребляют язык гуннов или готов, или же авсонский (латинский. — З. У.) в сношениях с римлянами; но нелегко найти между ними человека, знающего эллинский язык, исключая людей, уведенных в плен из Фракии или из приморской Иллирии» ¹⁶¹.

Приск сообщает, что у Атиллы имелись списки всех перебежчиков, бежавших из страны гуннов в империю. В нужную минуту секретари, по требованию Атиллы, прочитали эти списки, чтобы уличить византийцев в обмане и укрывательстве беглецов ¹⁶².

В дипломатических переговорах как гунны, так и византийцы широко пользовались услугами переводчиков — из греков, латинян и варваров. Писцы и переводчики, отлично образованные, хотя по рангу стояли, естественно, ниже посланников, но все же пользовались почетом и влиянием, особенно при дворе Атиллы ¹⁶³.

При первой же встрече с правителем страны, куда их посылали, послы обязаны были лично ему передать грамоты императора. Так, например, поступил Максимин при первой встрече с Атиллой в его шатре, еще по пути в ставку гуннского короля ¹⁶⁴.

Личность посла и всех участников посольства считалась непри-

---

¹⁵⁹ Ibid., fr. 1.

¹⁶⁰ «Мы заметили, — пишет Приск, — что не так ведется в посольствах, чтобы посланники, не переговорив с теми, к кому они посланы, и даже не повидав их, сообщали им о цели своего посольства при посредничестве других лиц; что это не безызвестно и самим скифам, которые часто отправляют посольства к императору» (ibid., fr. 8).

¹⁶¹ Ibidem.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ «Мы, — пишет Приск, — вошли в его шатер, охраняемый многочисленной толпой варваров. Атила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль от его скамьи, а Максимин, подойдя к варвару, приветствовал его. Он вручил ему царские грамоты и сказал, что царь желает здоровья ему и всем его домашним. Атила отвечал: «Пусть с римлянами будет то, что они мне желают» (ibidem).

косновенной. Атиллы, даже в страшном гневе на Вигилу в тот момент, когда тот был официальным лицом, не решился, как угрожал, посадить его на кол и отдать на съедение птицам.

Постоянным предметом переговоров между империей и Аттилой были споры из-за выдачи перебежчиков из страны гуннов в Византию и из-за уплаты дани. Переговоры сопровождались обменом подарками и взаимными угощениями. Почти всегда при этом Атиллы получал золото у византийцев.

Обмен подарками в дипломатии как Восточной и Западной империй, так и варваров играл заметную роль. Со стороны империи, как известно, это была форма подкупа опасных врагов. Приск дает представление о том, какие дары везли для гуннского правителя и его окружения византийские послы. Дары подносились в строгом соответствии с рангом и полом одариваемых, выбирались вещи, редкие у варваров и поэтому особенно ими ценимые. Византийские послы, по рассказу Приска, поднесли 6 тыс. либр золота самому Атилле, шелковые одежды и драгоценные камни его послам, серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, финики и другие сласти вдове Бледы за ее гостеприимство. Видимо, аналогичные подарки (с добавлением драгоценных ювелирных изделий) были сделаны жене Атиллы Креке, золото и богатые дары — приближенным Атиллы Онигисию, Скотте и другим¹⁶⁵.

Послы преподносили подарки от себя и от императора. Так, Приск передал Онигисию подарки от посла Максимиана и золото от императора. Послы византийского императора сами должны были быть богатыми и щедрыми и покупать ценными подарками благоволение того варварского правителя, к кому их посылали. Так, в посольство к Атилле в 449 г. был включен магистр и патрикий Ном не только из-за его высокого звания и преданности врененщику Хрисафию, но в связи с его щедростью. «Надеялись, — пишет Приск, — что он одолеет Атиллу своей щедростью: он обыкновенно не жалел денег, когда хотел достигнуть успеха в своих стремлениях»¹⁶⁶. Атиллы открыто требовал дани со знатных и богатых византийцев, прибывающих в его страну. Так, он отказался принять в 452 г. посла императора Маркиана Аполлония «за то, что тот не привез к нему дани, которая, как уверял он, была ему назначена от самых влиятельных лиц и достойных императорского сана»¹⁶⁷.

В свою очередь, Атиллы одаривал византийских послов конями и мехами, которыми украшали себя царские скифы¹⁶⁸. По его приказу, в знак уважения к Максимиану, все знатные гунны должны были послать главе византийской миссии по коню. Мак-

¹⁶⁵ *Priscus Panites. Fragmenta*, fr. 8. См. «Сказания Приска Панийского», стр. 47—48. Аналогичные дары преподнесли римляне Алариху (*Zosim.*, V, 41).

¹⁶⁶ *Ibid.*, fr. 10.

¹⁶⁷ *Ibid.*, fr. 14.

¹⁶⁸ *Ibid.*, fr. 11.

Симин, желая показать «умеренность своих желаний», принял лишь немногих коней, а остальных отослал варварам обратно. Из-за одного коня у Максимиана произошла ссора со знатым гунном Верихом, отнявшим этот подарок у византийского посла¹⁶⁹.

Аттила имел, как уже говорилось, писцов и переводчиков для приема послов из различных стран. По словам Приска, в своем дворце гуннский король регулярно принимал послов не только западных и восточных римлян, но и варварских народов¹⁷⁰.

Иногда, в случае конфликта с послами, гунны больше обычного ограничивали их свободу. Так, Аттила запретил византийцам из посольства Максимиана освобождать римского военнопленного, покупать раба-варвара, или лошадь, или другое что-либо, кроме съестных припасов, пока не будут улажены существующие между гуннами и римлянами недоразумения¹⁷¹.

Обычно посольства отправлялись от одного государя к другому в их столицы или в военный лагерь Аттилы. В особых случаях Аттила соглашался выезжать навстречу послам императора и вести с ними переговоры в условленном месте. Например, Аттила предлагал Феодосию II приехать для встречи с его послами в Сардику, но византийское правительство, опасаясь появления опасного врага в глубине своей территории (Сардика находилась на расстоянии 13 дней пути от Дуная), отказалось от предложения Аттилы¹⁷².

Посол, как лицо, облеченное высоким званием, зачастую не мог сам вести переговоры с приближенными Аттилы, а должен был это делать через своих помощников, в частности, Максимиан обращался к услугам Приска¹⁷³.

В знак особой милости Аттила в 449 г. выехал навстречу византийским послам Анатолию и Ному и после возобновления договора о мире не только щедро одарил их, но в знак уважения к ним отпустил на свободу без выкупа многих византийцев-военнопленных¹⁷⁴.

Сказанное убеждает в том, что сочинение Приска в том виде, в каком оно до нас дошло, представляет немалую ценность как источник по истории дипломатии ранней Византии и варварского мира¹⁷⁵.

---

¹⁶⁹ Ibid., fr. 8. См. выше, стр. 126, прим. 113.

¹⁷⁰ Ibidem.

¹⁷¹ Ibidem. Цель этого ограничения в данном случае состояла в том, чтобы изблечить Вигилу в хранении золота, привезенного для подкупа Эдикона и его сообщников.

¹⁷² Ibidem.

¹⁷³ Ibidem.

¹⁷⁴ Ibid., fr. 11.

¹⁷⁵ E. Doblhofer. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955; J. Kuranz. Akcija diplomatyczna Bizancjum i jego sasiadow w latach 433—468.

Литературные особенности сочинения Приска

Стиль изложения и язык Приска отличаются простотой и непосредственностью. Приску в значительно меньшей степени, чем другим византийским авторам, присущи риторика и копирование античных образцов. Античные реминисценции, буквально переполняющие труды Прокопия, Агафия, Феофилакта Симокатты, встречаются у Приска сравнительно редко. Можно отметить лишь отдельные случаи обращения писателя к античной литературе. Так, рассказывая о приеме во дворце Аттилы, Приск описывает выступления перед Аттилой и его гостями певцов, поэтов, шутов, и в том числе «шута поневоле» — горбуна маврусия Зеркона, который, чтобы добиться прощения разгневанного на него Аттилы, хотел развеселить его веселыми шутками. «Пользуясь веселием пиршества, Зеркон предстал (перед Аттилою. — З. У.) и своим видом, одеждой, голосом, смещением слов, ибо он смешивал язык латинский с гунским и готским, развеселил присутствующих и у всех, кроме Аттилы, вызвал неугасимый смех»¹⁷⁶. Последние слова взяты из знаменитой сцены пира богов в «Илиаде».

Сходна с рассказом Геродота упоминавшаяся выше легенда о мече Марса¹⁷⁷.

Влияние античной риторики особенно сказалось в речи Приска во время спора с греком-перебежчиком — речи, и по форме, и по содержанию основанной на античных образцах¹⁷⁸.

Как и многие другие ранневизантийские писатели, Приск в известной степени испытал на себе влияние великих историков античности, и прежде всего Геродота и Фукидида. Но симптоматично, что их воздействие ощущается только в тех частях сочинения Приска, где автор говорит о событиях более древних и ему мало известных, очевидцем которых он не был. Это относится, например, к рассказу о древней истории гуннов¹⁷⁹, об их походе, задолго до правления Аттилы, в Персию¹⁸⁰.

Примечательно и то, что влияние на Приска античных авторов, в частности Геродота, сказалось не только и не столько в языке и стиле его сочинения, сколько в привлечении Приском некоторых исторических аналогий, порою необходимых ему для объяснения современных событий.

Так, описание движения восточных народов с Востока на Запад напоминает рассказ Геродота о вытеснении в древности одного народа другим¹⁸¹.

¹⁷⁶ *Priscus Panites*, Fragmenta, fr. 8.

¹⁷⁷ *Ibidem*; *Gy. Moravcsik*. Op. cit., I, S. 482.

¹⁷⁸ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 8. См.: *Christ — Schmidt — Stählin*. Geschichte der griechischen Literatur, II, 1. München, 1924, S. 1036.

¹⁷⁹ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 1.

¹⁸⁰ *Ibid.*, fr. 8.

¹⁸¹ *Ibid.*, fr. 24; *Gy. Moravcsik*. Op. cit., I, S. 482; cp. *Herodot.*, IV, 13.

Приск не свободен и от некоторых архаизирующих тенденций, столь свойственных ранневизантийской литературе. Это проявилось в употреблении архаичных, заимствованных из античных авторов наименований племен и народов. Так, гуннов и подвластных им варваров Приск называет, по античной традиции, собирательным именем «скифов», иногда употребляя для господствующего племени обозначение «царские скифы»¹⁸². Латинский язык Приск по традиции называет авсонским — от древнего наименования Италии. Галлию он именует Западной Галатией, а Паннонию — Пеонией¹⁸³; подобные примеры можно было бы умножить.

Однако эти архаизирующие тенденции у Приска не затемняют главного в его труде — они как бы патина, покрывающая легким налетом мерцающую бронзу. Главное в сочинении Приска, говоря нашим языком, — то, что оно очень современно. Просто, без риторических прикрас переданы чувства и настроения автора, мысли и представления людей его времени.

Приск, бесспорно, талантлив: он в совершенстве владеет редким даром той простоты в высоком смысле этого слова, которая является зачастую лучшей мерой подлинно художественного произведения. Все увиденное и пережитое он рассказывал спокойно, искренне и безыскусно. Только там, где он не опирается на личный опыт, его рассказ делается более сухим и трафаретным.

Славу Приска как историка, как отмечалось, составил удивительно живой и образный рассказ о посольстве византийцев к Аттиле. По подкупающей правдивости описание нравов при дворе Аттилы может сравниться с лучшими страницами античной и византийской историографии. Беспримерная для византийца объективность Приска по отношению к варварам, глубокое понимание исторического значения передвижения огромных масс людей, принявшего характер так называемого великого переселения народов, знание жизни, мастерское изображение характеров, умение обобщить материал и выделить главное выдвигают труд Приска на одно из первых мест среди исторических сочинений V в. Недаром в последующее время произведение Приска используют многие византийские авторы, а современные ему западные историки далеко отстают от него, давая лишь краткие записи о тех событиях, которые он описал с таким блеском.

---

¹⁸² *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 1; «Сказания Приска Панийского», стр. 19 и 53. О влиянии на Приска античных авторов см. *R. Benedicty*. Die historische Authentizität eines Berichtes des Priskos. . . , S. 1—8.

¹⁸³ *Priscus Panites*. Fragmenta, fr. 8; ср. «Сказания Приска Панийского», стр. 49 и 53. См.: *A. Alföldi*. Antike Darstellungen zur Kenntnis der Kultur der Eurasischen Reiterhirten.— *Folia Archaeologica*, III—IV, 1941, S. 1—16.

Продолжатели Приска Малх Филадельфиец и Кандид Исавр

Продолжателями Приска Панийского были историки V в. Малх Филадельфиец и Кандид Исавр. Малх был уроженцем Филадельфии в Палестине, сирийцем по национальности и софистом по профессии. Он приобрел широкую известность как ритор и преподавал философию и ораторское искусство в Константинополе. Его перу принадлежит историческое сочинение «О событиях или делах византийских», сохранившееся тоже только в извлечениях позднейших писателей¹⁸⁴.

Труд Малха, по-видимому, охватывал всего 7 лет византийской истории (474—480) и делился на семь книг. Автор в основном занимается разоблачением пороков императора Зинона (474—475 и 476—491), которые бичуются с удивительной смелостью. Отчасти объясняется это тем, что свой труд Малх писал уже после смерти Зинона, при императоре Анастасии.

Малх обвиняет Зинона в трусости, расточительстве, честолюбии, неопытности в делах, потворстве своим любимцам. При нем пользовался влиянием Севастиан, торговавший государственным должностями. «Севастиан всем торговал, как на рынке; не позволял, чтобы при царском дворе что-нибудь делалось не за деньги... Ни одно дело при дворе не производилось без взятки»¹⁸⁵.

Не менее критически относится Малх и к предшественнику Зинона — императору Льву II (474). Особенно осуждает он Льва за корыстолюбие и ограбление подданных. «Но я не думаю, — говорит Малх, — чтобы это было счастье — похищать имение у подвластных, вечно содержать доносчиков по этим делам, в случае недостатка в других доносчиках — быть самому обвинителем, собирать золото со всех концов земли и копить его у себя, лишая города их прежнего благосостояния»¹⁸⁶.

Защита интересов горожан, быть может, свидетельствует о симпатиях Малха к муниципальной знати, с которой обычно тесно была связана интеллигенция восточных городов.

Сравнивая характеры Зинона и Льва, Малх в отдельных случаях отдает даже предпочтение Зинону, считая, что Лев был более жесток и корыстолюбив, чем его преемник¹⁸⁷.

Большое внимание в своем труде Малх уделяет народным движениям в империи при Зиноне. При этом, ненавидя правителя, он отнюдь не сочувствует и народу, который для него всегда остается лишь «взбунтовавшейся чернью».

¹⁸⁴ *Malchi fragmenta.* — НСМ, I, р. 383—424 (далее — *Malch.*); *Малх Филадельфиец.* Византийская история в 7 книгах. — В кн.: «Византийские историки...». СПб., 1860, стр. 227—277.

¹⁸⁵ *Malch.*, fr. 11.

¹⁸⁶ *Ibid.*, fr. 3.

¹⁸⁷ *Ibid.*, fr. 11.

Малх сообщает ценные сведения о ненависти жителей Константинополя к исаврам и о попытках вождя готов Теодориха использовать народное недовольство в столице для захвата этого города. Узнав об опасности, исавры готовы были пойти на совершенно безумный поступок: «Они запаслись длинными баграми, привязали к концам их лен и серу и многих подговорили сжечь весь город, если станут их выгонять»¹⁸⁸.

По своим религиозным убеждениям Малх уже не был открытым язычником, хотя, думается, все же сочувствовал язычеству. Так, он всецело оправдывает философа-неоплатоника Пампрепия, подвергнутого гонениям за приверженность к эллинским верованиям¹⁸⁹.

Правда, описывая одно восстание горожан при Зиноне, Малх с похвалой отзываясь о епископе города, который, совместно с эпархом, сумел успокоить восставших¹⁹⁰. Он осуждает узурпатора Василиска за то, что тот заставлял епископов платить деньги. «Едва он не изгнал из Константинополя епископа Акакия, но был отражен множеством так называемых монахов»¹⁹¹.

Прямых данных о приверженности Малха к христианству в сохранившихся частях его труда нет, и трудно сказать, на чем основывался Фотий, когда писал: «По вере он не стоял вне христианского общества»¹⁹². Скорее всего, Малх, как и некоторые другие византийские историки раннего периода, уже был формально христианином, но тайно сочувствовал язычеству.

Фотий высоко оценивает историческое произведение Малха. Он пишет: «Историческое изложение его превосходно. Слог его чист, непринужден, ясен, цветист; выражения он употребляет звучные и важные, вообще его труд—образец исторического сочинения»¹⁹³.

По сохранившимся фрагментам трудно вынести окончательное суждение о сочинении Малха в целом. Но все же думается, что Фотий несколько преувеличил его достоинства и, на наш взгляд, этот историк все же, видимо, уступал умом и талантом своему предшественнику Приску Павийскому¹⁹⁴.

* * *

Смутное время от Льва I (457—474) до воцарения Анастасия (491) нашло отражение в утраченном труде Кандида Исавра, отрывки из которого сохранились лишь в «Библиотеке» Фотия¹⁹⁵.

¹⁸⁸ Ibid., fr. 21.

¹⁸⁹ Ibid., fr. 22.

¹⁹⁰ Ibid., fr. 20.

¹⁹¹ Ibid., fr. 8.

¹⁹² Ibid., praef., p. 224.

¹⁹³ Ibid., praef., p. 223—224.

¹⁹⁴ Ibid., praef., p. 222.

¹⁹⁵ *Candidi fragmenta*.—HGM, I, p. 441—445; см. «Византийские историки...», стр. 473—479.

Кандид был родом исавр, по профессии — писец (нотарий), по религии — православный, служил верой и правдой династии Исавров и основной своей задачей считал прославление этой династии. Ценность труда Кандида состоит главным образом в том, что в нем приведены факты, говорящие об острейшей борьбе исавров и готов (Аспара и его сыновей), что свидетельствует об усилении варваров в Восточной Римской империи во второй половине V в. В центре повествования Кандида — царствование Зинона и борьба этого императора с разными узурпаторами.

По отзыву Фотия, произведение Кандида было написано в крайне витиеватой манере.

Труд Кандида — явно тенденциозное восхваление политической роли исавров в истории Византии V в.

Итак, в сочинениях продолжателей Приска Панийского — Малха Филадельфийца и отчасти Кандида Исавра — возрождается, хотя и с некоторыми изменениями, та линия развития поздне-римской и ранневизантийской историографии, зачинателями которой были Аммиан Марцеллин, а затем Зосим. В историческом произведении Малха вновь звучит критика малодушных и преступных императоров, продажной и жадной придворной клики. Вновь мы встречаемся с аристократическим высокомерием по отношению к народным массам, с презрением к варварам. В труде же Кандида Исавра продолжается повествование о борьбе империи и варваров, но на этот раз борьба протекает внутри самого Византийского государства. Оба сочинения носят в целом светский характер и не касаются вопросов, связанных с деятельностью церкви. В новых исторических условиях V в. языческие симпатии хотя и обнаруживаются у Малха, но уже в завуалированном виде. В целом же на исторических произведениях Малха и Кандида Исавра лежат лишь отблески идей «языческой оппозиции», которые придали такую яркую социально-политическую окраску трудам их предшественников. Эти же идеи, пережив в VI в. известную метаморфозу, вновь проявятся с особой силой в исторических трудах самого выдающегося историка ранней Византии, Прокопия Кесарийского.

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ — КРУПНЕЙШИЙ ИСТОРИК РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Наиболее выдающимся византийским историком VI в., бесспорно, является Прокопий Кесарийский. В научной литературе Прокопию повезло: без преувеличения можно сказать, что ни об одном из византийских авторов раннего периода не было столько написано, как о Прокопии¹. Был проведен детальный текстологический анализ всех произведений историка, и недавно увидел свет ряд новых критических изданий его трудов². Много раз подвергалась проверке достоверность его исторических сообщений, особенно отдельных экскурсов о различных народах и странах³.

Поистине неисчерпаема научная литература, содержащая анализ топонимических, географических, демографических и просопографических данных Прокопия. Да это и не удивительно, ибо сочинения Прокопия, особенно его трактат «О постройках» и «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», действительно являются своего рода этно-географической энциклопедией VI в.⁴ Многообразные сведения Прокопия о природе и

¹ См. *Gy. Moravcsik*. *Byzantinoturcica*, I. Berlin, 1958, S. 496—500.

² *Procopii Caesariensis Opera omnia, recognovit J. Haury, editio stereotypa correctior, addenda et corrigenda adjectis Gerhard Wirth*, vol. I—IV. Lipsiae, 1963—1964; *G. Wirth*. *Mutmassungen zum Text von Procop's Gotenkrieg*.—«*Helikon*», IV, № 1—4, 1964; V, № 2—4, 1965; *Procop. Anekdotia*, Griechisch-Deutsch. ed. O. Veh. München, 1961; *Procop. Gotenkriege*, ed. O. Veh. München, 1966; *Procop. Perserkriege*, ed. O. Veh. München, 1970; *Procop. Vandelenkriege*, ed. O. Veh. München, 1971.

³ Из новейших работ следует указать: *R. Benedicty*. *Procopios' Berichte über die Slavische Vorzeit*. Beiträge zur historiographischen Methode des Prokopios von Kaisareia.—«*Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft*», XIV, 1965, S. 51—78; *idem*. Die auf die frühslavische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie.—«*Actes du XII Congrès International d'Etudes Byzantines*», II. Beograd, 1964, S. 45—55; *P. Венедикти*. Экскурсы о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе).—ВВ, XXIV, 1964, стр. 49—57.

⁴ *J. Haury*. Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Prokopios von Caesarea. München, 1896; *G. Soyter*. *Procopius von Caesarea*.—BZ. 44, 1951; *B. Rubin*. Prokopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt der oströmischen Geschichtsschreibung.—«*Forschungen und Fortschritte*», 29, 1955; *idem*. Prokopios von Kaisarea. Stuttgart, 1954, *Literatur*, col. 3—11; *A. Amore*. Procopio di Cesarea.—«*Enciclop. Cattol.*», 10, 1953, 35.

населении, городах и торговых путях, гражданских и оборонительных сооружениях, языке, нравах и обычаях жителей как самой Византии, так и соседних с ней стран в равной мере интересовали историков и археологов, этнографов и лингвистов. При этом многие сообщения Прокопия выдержали самую строгую проверку на точность⁵.

Длительное время со страниц византиноведческой литературы не сходили споры о «Тайной истории» Прокопия. И хотя ныне подлинность этого сочинения и принадлежность его Прокопию не вызывают сомнений, однако дискуссии об общей оценке этого труда не затихают по сей день.

Не меньший интерес продолжает вызывать и мировоззрение⁶ Прокопия. Немало было сделано попыток объяснить противоречивость политической позиции автора в его официальных трудах и в «Тайной истории». Особо рассматривался вопрос о философских и религиозных взглядах Прокопия⁷. В новейшей литературе некоторые ученые отходят от общепринятой ранее точки зрения, согласно которой Прокопий был далек от христианской религии, являясь чуть ли не тайным приверженцем язычества; теперь Прокопий все более и более «христианизируется», доказывается его полная лояльность в отношении официального вероучения⁸.

К сожалению, до сих пор недостаточно освещен вопрос о социальных корнях и политической направленности мировоззрения Прокопия⁹.

Прокопий — человек и писатель

Видный политический деятель и искусный дипломат, занимавший высокие посты в византийской администрации, Прокопий был человеком, обладавшим недюжинным литературным талантом, широким для своего времени научным кругозором и большой любознательностью. Куда бы ни забрасывала его судьба, какие

⁵ В последние годы дебатруется вопрос об историографическом методе Прокопия и способе использования им античных авторов: *P. Бенедикти*. Взятие Рима Аларихом. (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского). — ВВ, XX, 1961, стр. 23—31. *R. Benedicti*. Die Milieu-Theorie bei Procop von Kaisareia. — BZ, 55, 1962, S. 4—10.

⁶ *O. Veh*. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea, I—III. Bayreuth, 1954—1953; *J. Lana*. La storiografia del basso impero, vol. 1—2. Torino, 1962—1963.

⁷ *G. Downey*. Paganism and Christianity in Procopius. — «Church History», 18, 1949, p. 89—102.

⁸ *Ar. Cameron*. The «Scepticism» of Procopius. — «Historia», 15, 1966, p. 466—482; *J. A. S. Evans*. Justinian and the Historian Procopius. — «Greece and Rome», 2nd series, 17, 1970, p. 218—223.

⁹ См. *Б. Пяченко*. О «Тайной истории» Прокопия. — ВВ, II, 1895, стр. 24—57, 340—371; III, 1896, стр. 96—117, 300—316; 460—527; IV, 1897, стр. 402—451; *З. В. Удальцова*. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». — В кн.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950, стр. 3—60.

бы отдаленные страны он ни посещал, всюду он жадно смотрел на окружающее, а главное — понимал его, беседовал с очевидцами, старался все запомнить и узнать. Пытливый ум и зоркая наблюдательность помогли Прокопию собрать ценнейший исторический материал о своей эпохе, описать многие важнейшие события, свидетелем, а зачастую и участником которых он был. Его полная тревог и дальних походов жизнь сама давала обильную пищу для исторических наблюдений и сопоставлений.

Сведения о жизни Прокопия мы черпаем как из его собственных трудов, так и из произведений других современных ему и более поздних писателей — Евагрия, Агафия Миринейского, Иоанна Епифанийского, Менаандра и Феофилакта Симокатты.

Прокопий родился в Кесарии Палестинской в конце V или в самом начале VI в. (вероятнее всего, между 490—507 гг.)¹⁰. Определить этническую принадлежность Прокопия точно невозможно — скорее всего, он был сирийским греком, выросшим в такой среде, где скрещивались греческие и восточные культурные влияния¹¹. О родителях и родственниках будущего писателя мы ничего не знаем. Во всяком случае, он происходил из знатной, достаточно состоятельной семьи и получил превосходное образование. Позднейшие писатели называют его ритором (ῥήτορ) и софистом (σοφιστής), подчеркивая тем самым, что он обладал основательными знаниями по риторике и философии. Много занимался Прокопий и юриспруденцией, высоко ценившейся в его время. Познания в юриспруденции открыли ему дорогу к придворной и дипломатической карьере. Прокопий сам рассказывает о том, как он поднимался по служебной лестнице. Еще молодым человеком в 527 г. он стал секретарем (σύμβουλος) известного полководца Велисария, а позже, во время африканского похода, получил уже звание советника по юридическим делам (πάρεδρος) своего прославленного патрона.

Прокопий был не только прекрасным знатоком греческого языка, но, по всей вероятности, владел — конечно, в разной степени — латынью, сирийским, готским, персидским, еврейским и армянским языками¹².

С юных лет жизнь Прокопия была теснейшим образом связана с судьбой его начальника и покровителя Велисария, описание деятельности которого отводится много места в трудах нашего историка. Велисарий сам начинал свою карьеру в качестве телохранителя Юстиниана, когда тот был еще военачальником при

¹⁰ Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 489.

¹¹ Ш. Диль считал Прокопия сирийцем. (Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в.... стр. VI; О. Фей справедливо отмечает спорность этого факта (O. Veh. Op. cit., I, S. 4). О жизни Прокопия см.: B. Rubin. Prokopios von Kaisareia, col. 23—27; O. Veh. Op. cit., I, S. 3—15.

¹² B. Rubin. Prokopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt der oströmischen Geschichtsschreibung.—«Forschungen und Fortschritte», 29, 1955, Heft 1, S. 20 f.

Юстине I (518—527). Уже тогда молодой офицер завоевал доверие будущего императора. В 527 г. Велисарий был назначен Юстинианом начальником гарнизона в пограничной с персами крепости Дара. Именно тогда его советником и стал Прокопий¹³. Этот пост открывал Прокопию большие возможности для знакомства с важнейшими политическими событиями и выдающимися государственными деятелями эпохи. Прокопий сам хорошо это понимал. Считая своим долгом создание правдивого повествования современной ему истории, он писал: «И за самим собой я сознаю способность более чем кто-либо другой описать эти события именно потому, что мне выпало на долю, будучи избранным в советники к полководцу Велисарию, лично присутствовать при всех тогдашних событиях»¹⁴.

В качестве советника Велисария Прокопий участвовал во всех главных походах этого военачальника, побывал во многих странах. Так, с 527 по 531 г. он сопровождал Велисария в походе против персов и испытал все превратности персидской войны. Прокопий не только участвовал в осадах и сражениях, где накопил военный опыт, но и объездил многие области Востока. Он хорошо знал Сирию и Месопотамию, побывал в районе Тавра, в Понте, Каппадокии и других местах¹⁵.

В 533 г. Прокопий отправился с Велисарием в Северную Африку и принял участие в войне против вандалов. Красочно, с яркими, запоминающимися подробностями описывает историк подготовку морской экспедиции византийской армии к берегам Вандальского королевства.

22 июня 533 г. византийский экспедиционный корпус, полководец Велисарий, его жена Антонина, а с ними и историк Прокопий отплыли из Византии на Запад. Прокопий откровенно признается, что вначале его очень страшили опасности этой войны и дальнего морского путешествия. Но вскоре он увидел сон, который счел за доброе предзнаменование: в этом сне Велисарий и его приближенные, в том числе и Прокопий, получили в дар землю, усыпанную цветами, которые они ели, и пища показалась им чрезвычайно вкусной. Суеверный, как многие люди его эпохи, Прокопий уверовал в победу и стал возлагать на поход радужные

¹³ *Procop.*, De bello Persico (далее—В. Р.), I, 12. 59. Это был довольно высокий пост, например советник узурпатора Виталиана имел сан магистра (*ibid.*, I, 13.61).

¹⁴ *Procop.*, В. Р., I, 1.3.

¹⁵ Любопытен рассказ Прокопия о том, что он своими глазами видел храмы Артемиды в Тавре, Понте и Каппадокии. Согласно легенде, Орест, сын Агамемнона, по велению оракула должен был постричь волосы и построить для исцеления от недуга храм Артемиде в местности, подобной той, где стоял храм Артемиды Таврической. Первый раз он сделал это, не получив исцеления в Комане, в Понте, на берегу Ириды; во второй же раз — в Каппадокии, в Золотой Комане. Прокопий замечает, что он сам был там и удивлялся сходству местности, и ему даже казалось, что он снова в стране тавров (*Procop.*, В. Р., I, 17.11—20)

надежды¹⁶. Прокопий всячески восхваляет Велисария за его полководческий талант, предусмотрительность и благоразумие, проявленные в ходе африканской экспедиции. Опасаясь, что во время морского перехода корабли византийцев могут сбиться с курса, Велисарий приказал паруса трех флагманских судов окрасить в красный цвет, а на корме каждого укрепить на высоких шестах фонари. Таким образом, флагман Велисария и суда его высших командиров днем и ночью были видны на значительном расстоянии, и вся эскадра следовала за ними¹⁷.

Морской переход в Сицилию длился 16 дней и был связан с немалыми трудностями: не хватало провианта, а от жары питьевая вода на кораблях испортилась. В таких сложных обстоятельствах на помощь мужу пришла Антонина, о предусмотрительности которой не забывает рассказать историк. По ее приказу в трюме корабля Велисария в песок были зарыты стеклянные сосуды с водой, и тем самым сохранена была свежая вода для полководца и его свиты¹⁸.

Византийский флот, наконец, пристал к берегам Сицилии, и командование начало готовиться к вторжению в Северную Африку. Для выяснения обстановки Велисарий послал Прокопия на разведку в Сиракузы. Это была важная и опасная миссия, которую полководец мог доверить лишь самому близкому, надежному лицу. Прокопий должен был разузнать, нет ли в Сицилии или на африканском материке засады вандалов, посланной с целью помешать высадке византийской армии, определить, к какому месту африканского побережья лучше всего пристать флоту императора и откуда выгоднее начать военные действия против вандалов. Официально же Прокопий был отправлен в Сиракузы с целью закупки продовольствия у готов для византийской армии¹⁹.

Прибыв в Сиракузы, Прокопий неожиданно встретился с земляком, другом детства, который по делам морской торговли давно жил в этом городе. Через слугу своего друга, в тот день вернувшегося из Карфагена, Прокопий узнал о том, что вандалы ничего не подозревают о нападении византийцев: отряд отборных вандалских воинов послан в Сардинию для подавления вспыхнувшего там восстания, а сам король вандалов беспечно живет в Бизакии, в четырех днях пути от побережья. Карфаген же без всякой защиты брошен на произвол судьбы. Византийцы смело могут плыть к берегам Северной Африки, не опасаясь засады, и высадиться в любом месте, куда их пригонит ветер.

Далее Прокопий рисует весьма живую сценку, как ему удалось хитростью заманить этого ценного свидетеля на корабль и увезти к Велисарию. Велисарий поверил в достоверность полу-

¹⁶ *Procop.*, De bello Vandalico (далее — В. V.), I, 12. 3—5.

¹⁷ *Ibid.*, I, 13. 1—4.

¹⁸ *Ibid.*, I, 13. 23—24.

¹⁹ *Ibid.*, I, 14. 3—5.

ченных сведений, крайне обрадовался им и очень хвалил Прокопия за успешно выполненное поручение.

Данные разведки Прокопия подтвердились, и в первых числах сентября 533 г. византийский экспедиционный корпус благополучно высадился в Северной Африке, в местечке Капут-Вада ²⁰.

После высадки в безводном месте во время постройки лагеря, по словам Прокопия, произошло «чудо»: солдаты, копая ров, натолкнулись на воду, и армия Велисария была спасена. Прокопий, разделяя радость полководца, говорил ему, что радостна не только находка воды, но и то, что это счастливое происшествие является знамением легкой победы над вандалами ²¹.

Всю африканскую кампанию Велисария Прокопий описывает необычайно талантливо, как бы на одном дыхании, сжато, точно, зримо. Он не обременяет читателя длинными речами героев и скучными дидактическими отступлениями. Действие развивается стремительно. Все трагические для вандалов и счастливые для византийцев события автор видел собственными глазами и во всем принимал посильное участие.

Как очевидец рисует Прокопий битву при Дециуме 13 сентября 533 г., провал военного плана вандалов, роковые ошибки Гелимера, который, оплакивая убитого брата, потерял вместе с ним и победу. Весьма колоритен рассказ Прокопия о вступлении византийских войск в Карфаген и о захвате дворца Гелимера, где пировал с друзьями Велисарий после победы. Прокопий сам присутствовал на пиру победителей и сообщил о нем любопытные подробности. В этом дворце накануне для Гелимера был приготовлен роскошный обед, «и мы наслаждались теми кушаньями, которые были изготовлены для него. И та же прислуга прислуживала нам и разливала вино» ²².

«Отсюда, — заключает автор, — можно было видеть силу судьбы во всем ее могуществе. Она как бы показывала, что все принадлежит ей и у человека нет ничего, что могло бы считаться его собственным достоянием» ²³.

Полна драматизма и сцена встречи войск Гелимера и его брата Зазона после поражения вандалского короля. «Думаю, — пишет Прокопий, — если бы зрителем этой встречи был даже враг, и он пожалел бы вандалов и судьбу человеческую» ²⁴. Весь рассказ о дальнейших неудачах Гелимера проникнут идеей о тщете всего земного и слабости человека перед грозными велениями рока. Рок преследует неудачливого короля вандалов и в битве при Трикамере в середине декабря 533 г., выигранной Велисарием столь же благодаря его собственному мужеству, сколь и благодаря внезапному малодушию его противника.

²⁰ *Procop.*, V. V., I, 14. 7—14.

²¹ *Ibid.*, I, 15. 35.

²² *Ibid.*, I, 21. 1—6.

²³ *Ibid.*, I, 21. 7.

²⁴ *Ibid.*, I, 25. 22—26.

Поистине потрясает картина бегства вандалов после битвы при Трикамаре и избития византийцами всего их племени²⁵. Цинично и откровенно повествует историк о грабежах и насилиях византийских солдат и неутолимой жажде добычи, овладевшей всем войском Велисария²⁶.

Романтической дымкой окутан рассказ Прокопия о бедствиях вандалского короля, бежавшего на гору Паппуа. Осажденный со всей семьей и друзьями в недоступных теснинах Паппуа, изнеженный король попросил у византийцев кифару, хлеб и губку — последние для удовлетворения тела, а кифару — для укрепления духа, ибо в сложной им песне он хотел оплакать свои бедствия²⁷. Гелимер долго стоически переносил страдания, пока не увидел муки детей, которые невыносимо страдали от голода и вырывали друг у друга выхваченную из костра, полную золы лепешку. Увидев эту сцену, Гелимер сдался в марте 534 г. на милость победителя²⁸.

Прокопия глубоко потрясло, что приведенный в Карфаген пленник все время смеялся над тщетой всего земного. Одни объясняли это безумием, другие — мудростью несчастного свергнутого владыки вандалов и пониманием им превратностей судьбы²⁹. Прокопий оправдывает Гелимера, заявляя, что он, «получив от судьбы и высшее благо, и всяческое горе, конечно, может думать, что вся жизнь человеческая не стоит ничего, кроме смеха»³⁰.

Крушение королевства вандалов произвело на Прокопия ошеломляющее впечатление. «Потомок Гейзериха в четвертом поколении, — пишет Прокопий, — и его царство, изобилующее богатством и военной силой, были уничтожены в короткое время пятью тысячами пришельцев, не пмеющих даже места, куда пристать»³¹. Удивительные события в Северной Африке породили у историка грустные размышления об изменчивости людских судеб. И в прошлом и будущем, размышляет писатель, совершалось и будет совершаться множество дел вопреки людским надеждам и ожиданиям, пока судьба людей будет оставаться такой же непрочной³².

Горькие раздумья Прокопия были порождены не только превратностями судьбы вандалов, но и тем, что злобная людская зависть коснулась и их счастливого победителя, патрона Прокопия — Велисария. Кто-то из завидовавших Велисарияку военачальников византийского войска решил оклеветать полководца перед императором, обвинив его в стремлении захватить верхов-

---

²⁵ *Procop.*, V. V., II, 3. 20—28.

²⁶ *Ibid.*, II, 4. 5—7.

²⁷ *Ibid.*, II, 6. 30—34.

²⁸ *Ibid.*, II, 7. 1—6.

²⁹ *Ibid.*, II, 7. 14—15.

³⁰ *Ibid.*, II, 7. 15.

³¹ *Ibid.*, II, 7. 20.

³² *Ibid.*, II, 7. 18.

ную власть. В столицу полетели два доноса, один из которых дошел до Юстиниана, другой же был перехвачен Велисарием. Узнав о злобной клевете завистников, Велисарий тотчас помчался в Константинополь, где ему удалось доказать василевсу свою невиновность. Эти горестные события привели Прокопия к заключению, что зависть и клевета всегда сопутствуют человеческому счастью³³.

Мысль о тщете всего земного и превратностях судьбы проходит лейтмотивом и при описании Прокопием торжественного триумфа, устроенного в Константинополе Юстинианом в честь победы над вандалами.

Со времен Тита и Траяна, по словам Прокопия, империя не знала такого великолепного триумфа, какого удостоился Велисарий. Победитель совершил торжественное шествие от своего дворца до ипподрома, ослепляя народ блеском захваченных в виде добычи сокровищ вандалов и необычайной красотой пленников. Золотые царские троны и колесницы, бесчисленные драгоценные украшения, золотые кубки, роскошные царские одежды, множество золота и серебра — все эти богатства, некогда награбленные вандалами в Риме, теперь украшали шествие триумфатора. Среди пленных была королевская семья и многие знатные вандалы. Сам несчастный король Гелимер шел за победителем, одетый в пурпурную царскую одежду. Когда процессия достигла ипподрома и Гелимер увидел восседавших на высоком троне императора и императрицу, окруженных толпой народа, он, осознав свое несчастье, по рассказу Прокопия, не заплакал, не издал стона, но непрестанно повторял слова Экклесиаста: «Суета сует и всяческая суета!» Затем с него сняли пурпурную одежду и заставили пасть ниц перед императором. Властитель империи милостиво обошелся с побежденными: Гелимеру не только была сохранена жизнь, но пожаловано богатое имение в Галатии. Не проявив стойкости в ратных делах, король вандалов сохранил ее в защите своей веры: он отказался перейти из арианства в православие и не получил из-за этого обещанный ему сан патрикия³⁴.

Мы не знаем, присутствовал ли сам Прокопий при столь красочно описанном им триумфе Велисария. Дело в том, что после отъезда главнокомандующего из Северной Африки Прокопий остался в завоеванной провинции и провел там в общей сложности целых три года — с 533 по 536 г. Не исключено, конечно, что он мог временно вернуться со своим покровителем в столицу, участвовать в его триумфе, а затем вновь отправиться в Карфаген. Но это маловероятно, так как, думается, честолюбивый писатель не преминул бы упомянуть о том, что он разделил со своим начальником столь высокие почести. Во всяком случае, мы на-

³³ *Procop.*, V. V., II, 8. 1—8.

³⁴ *Ibid.*, II, 9. 1—14.

ходим Прокопия в Карфагене на пасху 536 г., во время восстания солдат, поднятого против наместника Африки, евнуха патрикия Соломона. Это движение известно в науке по имени его вождя как первое восстание Стотзы. Заговорщики хотели убить Соломона в церкви во время пасхальной службы, но заговор был раскрыт, и Соломон укрылся в дворцовом храме. Глубокой ночью Соломон с немногими, самыми близкими людьми, в числе которых был и Прокопий, бежал морем из Карфагена в Сиракузы, где находился Велисарий, уже начавший итальянскую кампанию против готов. Соломон, а с ним и Прокопий благополучно прибыли в Сицилию и умоляли Велисария немедля вернуться в Карфаген и подавить опасный мятеж солдат³⁵. Велисарий тотчас поспешил в столицу африканской провинции и без труда одержал над повстанцами победу³⁶.

Прокопий, бесспорно, участвовал в этой экспедиции прославленного полководца.

Все события, связанные с первым восстанием Стотзы, описаны Прокопием с большим пониманием сущности социальных конфликтов и глубинных причин недовольства солдат, вызванного прежде всего острой борьбой за землю в завоеванной провинции. Ему хорошо была понятна и этническая рознь, вызываемая непрерывной борьбой между завоевателями и местными племенами маврусиев, а также продолжающиеся столкновения между православными и арианами³⁷.

Прокопий не говорит ничего о том, какую должность он занимал при Соломоне. Скорее всего, он сохранял свои функции советника и при этом наместнике Северной Африки. Однако после подавления Велисарием первого восстания Стотзы Прокопий вновь возвращается на службу к прежнему начальнику. Ясно лишь одно: когда Велисарий, узнав о мятеже солдат в оставленной им в Сицилии армии, срочно вернулся в Сиракузы, Прокопий был уже с ним³⁸ и оставался при главнокомандующем в течение всей его итальянской кампании.

Последующие события в византийской провинции Африке, однако, освещены Прокопием также с большой полнотой и достоверностью. Войны византийцев с племенами маврусиев, гибель в 544 г. Соломона в сражении с этими варварами³⁹, второе восстание Стотзы 545 г., героическая смерть вождя повстанцев в поединке с византийским офицером Иоанном во время сражения

³⁵ *Procop.*, V. V., II, 14. 37—42.

³⁶ *Ibid.*, IГ, 15. 9—47.

³⁷ З. В. Удалыцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, V, 1952, стр. 15—48; *её же*. Политика византийского правительствa в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, VI, 1953, стр. 88—112; G. Desanges. Un témoignage peu connu de Procop sur la Numidie vandale et byzantine.—Byz., 33, 1963.

³⁸ *Procop.*, V. V., II, 15. 48—49.

³⁹ *Ibid.*, II, 21. 28.

при Сикка Венерия^{39а}, бездарное правление нового византийского наместника Африки Ареобинда, павшего от руки убийц, подосланных узурпатором Гонтарисом⁴⁰, и, наконец, заслуженное возмездие, понесенное самим Гонтарисом, которого убил весной 546 г. на пиру верный Юстиниану полководец Артабан⁴¹, — весь этот сложный ход событий рассказан Прокопием четко, последовательно, со знанием дела. Это, возможно, объясняется наличием у Прокопия надежной устной информации. Ведь, прожив три года в Северной Африке, Прокопий должен был иметь широкие связи в этой провинции. В 536 г. жизнь забрасывает Прокопия в Италию и делает его свидетелем первого этапа войны византийцев с готами (536—540). Годы, проведенные историком в Италии, позволили ему собрать поистине гигантский по полноте, разнообразию и достоверности материал о жизни римско-италийского общества в период византийского завоевания Апеннинского полуострова. Не менее убедительны свидетельства Прокопия о внутреннем политическом устройстве Остготского королевства, о военной тактике, методах борьбы готов против армии Велисария, о быте, культуре, нравах этих пришельцев. Плодом вдумчивых личных наблюдений и явились три книги сочинения о войне Юстиниана с готами. Это произведение — вершина исторического творчества Прокопия⁴².

В течение первого периода войны с готами дела византийцев в Италии шли успешно. Велисарий в мае 536 г. высадился в Италии, осадил и взял Неаполь и к концу года, захватив всю Южную Италию, двинулся на Рим. В декабре 536 г. византийские войска овладели древней столицей Римской империи. Вместе с Велисарием в Рим вступил и наш историк. «Вечный город» произвел на Прокопия огромное впечатление, и он тщательно изучил не только его укрепления, но и памятники старины и произведения искусства. Однако уже в марте 537 г. Велисарий был осажден в Риме 150-тысячной армией остготского короля Витигиса. Осада длилась около года и была крайне изнурительной для населения Рима.

Высокое положение, которое занимал Прокопий при Велисарии, по-видимому, в Италии еще более упрочилось. Прокопий

---

^{39а} *Procop.*, V. V., II, 24. 11—14.

⁴⁰ *Ibid.*, II, 26. 32—33.

⁴¹ *Ibid.*, II, 28. 1—41. О событиях в Северной Африке см. *Ch. Diehl. L'Afrique byzantine*. Paris, 1896; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 318—328, 547—560.

⁴² *З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М.*, 1959; *L. Ginetti. L'Italia Gotica in Procopio di Cesarea*. Siena, 1904; *O. Körbs. Untersuchungen zur ostgotischen Geschichte*. I. Das Kriegsjahr des Prokop. Jena, 1913; *J. Haury. Die letzten Ostgoten*. — «Blätter für bayerische Gimnasialschulwesen», 51, 1915, S. 18—20; *G. Solyer. Prokop als Geschichtschreiber des Vandalen- und Gotenkrieges*. — «Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung», 2, 1939, S. 97—108.

делил со знаменитым полководцем тяготы готской войны, пережил вместе с ним все ужасы осады Рима. Страшный голод обрушился на «вечный город», и среди его населения начались волнения, опасные для византийцев⁴³. В столь критический момент Велисарий вновь, как и в начале африканской кампании, поручает Прокопию секретную, и на этот раз крайне опасную, миссию: он отправляет его из осажденного Рима в Неаполь за хлебом для голодающего города и за новыми воинскими подкреплениями. Рассказ Прокопия об этой миссии весьма колоритен и привлекает живыми деталями. Тайно, под покровом ночной темноты Прокопий с небольшим воинским отрядом выходит через ворота св. Павла из Рима и пробирается через лагерь варваров вблизи Аппиевой дороги. Отряд, охранявший Прокопия, возвращается в Рим, а он сам благополучно пробирается в Кампанию, не замеченный готами, которые по ночам не покидали своего лагеря⁴⁴.

Прибыв в Кампанию, Прокопий проявил поразительную энергию и в короткий срок собрал там для Велисария не менее 500 воинов из тамошних гарнизонов и подкреплений, прибывших из Византии. Нагрузив хлебом большое число кораблей, он готовился отплыть из Неаполя в гавань Остию, остававшуюся в руках византийцев. Вскоре из Рима в Неаполь прибыла жена Велисария Антонина и вместе с Прокопием занялась подготовкой к отплытию этого флота⁴⁵.

Находясь в Неаполе, Прокопий наблюдал активность Везувия, слышал подземные удары и гул, который в народе называли «мычанием»⁴⁶.

Прокопий и Антонина привели без потерь войска и груженные провиантом корабли в Остию. Но далее шел самый опасный участок пути. Перегрузив провиант на маленькие суденышки и прикрыв матросов досками, они на глазах врагов поднимались несколько раз по Тибру и с большим риском, но все же доставили драгоценный груз в осажденный город. Готы наблюдали за ними, но не напали, поскольку Велисарий в этот момент начал с ними переговоры о перемирии⁴⁷.

Прибывшие с Антониной и Прокопием войска тоже благополучно вошли в Рим.

В марте 538 г. остготы, отвлеченные наступлением византийской армии в Северной Италии, сняли осаду Рима. Война затем велась с переменным успехом вплоть до 540 г. За это время Прокопий объехал некоторые города и области Италии. Так, он побывал в Пицене во время рейда по тылам противника византий-

⁴³ *Procop.*, De bello Gothico (далее—В. Г.), I, 24. 1—3; II, 3.1—30. См. В. Lavagnini. Belisario in Italia. Storia di un anno (535—536). Palermo, 1948.

⁴⁴ *Ibid.*, II, 4. 1—4.

⁴⁵ *Ibid.*, II, 4. 19—20.

⁴⁶ *Ibid.*, II, 4. 21—30.

⁴⁷ *Ibid.*, II, 7. 1—12.

ского полководца Иоанна и лично наблюдал ужасы голода, от которого страдали жители этой местности ⁴⁸.

Прокопий обнаруживает прекрасную осведомленность не только в ходе военных действий. Ему хорошо известно внутреннее положение византийской армии и особенно постоянные и все обостряющиеся разногласия в среде высших командиров, которые чуть было не поставили под угрозу успехи, достигнутые Велисарием. Так, Прокопий, вероятно, сам видел стычку между Велисарием и полководцем Константином. Константин пытался ударить Велисария кинжалом в живот, но был схвачен телохранителями главнокомандующего и вскоре казнен ⁴⁹. Это был единственный недостойный поступок Велисария, пишет Прокопий, «совершенно не соответствующий его характеру. Ко всем другим он относился с большой выдержанностью и снисходительностью» ⁵⁰. Вражда между Велисарием и Константином, по мнению Прокопия, была вызвана завистью судьбы к счастью византийцев ⁵¹.

Еще большие опасности для дела византийцев в Италии таило соперничество между Велисарием и присланным из Константинополя другим полководцем — внуком Нарсесом. О вражде Нарсеса и Велисария Прокопий говорит с осторожностью, но все же симпатия историка явно на стороне его патрона ⁵².

В 540 г. Велисарий перешел к решительным военным операциям. При содействии римской знати и сторонников союза с империей в среде знатных готов Велисарию удалось захватить Равенну, оплот готов в Северной Италии, за стенами которой укрылся король Витигис. По рассказу Прокопия, решающую роль в сдаче Равенны сыграла предательская политика знатных готов, группировавшихся вокруг жены Витигиса Матасунты, внучки Теодориха, которая ненавидела своего мужа — выходца из среды рядовых готских воинов. Агенты Матасунты сожгли в Равенне хлебные склады и вызвали в осажденном городе голод ⁵³. Готская знать начала переговоры с византийским полководцем вопреки воле войска и народа. Тайно ведя переговоры с Велисарием, послы готов говорили, что «народу они скажут что-либо другое», а сами предложили Велисарию трон императора Запада в обмен на сохранение им жизни и их богатств ⁵⁴.

К чести Велисария, он не поддался соблазну стать королем Италии и не изменил своему императору. «Он, — пишет Прокопий, — глубоко ненавидел звание тирана и еще раньше был

⁴⁸ В связи с описанием голода в Пицене Прокопий рассказал удививший его случай о том, как коза вскормила своим молоком брошенного при набеге солдат ребенка (*Procop.*, В. Г., II, 17. 1—12; 20, 22—23).

⁴⁹ *Procop.*, В. Г., II, 8. 1—18.

⁵⁰ *Ibid.*, II, 8.18.

⁵¹ *Ibid.*, II, 8.1.

⁵² *Ibid.*, II, 18. 1—29; 19.2—3.9.

⁵³ *Ibid.*, II, 28. 25—27.

⁵⁴ *Ibid.*, II, 29.18—19.

связан с императором самыми страшными клятвами»⁵⁵. Велисарий, однако, прикинулся, что согласен принять предложение готов, и без боя овладел Равенной⁵⁶. Тень подозрения в измене отчизне все же легла на прославленного полководца, и император, узнав об этих событиях, так в душе и не простил Велисария⁵⁷.

В 540 г., после пятилетней войны, Италия, казалось, была окончательно завоевана. Витигиса пленником отправили в Константинополь, а сокровища Теодориха были захвачены византийцами. В «Тайной истории» Прокопий утверждает, что Велисарий и Антонина сильно поживились во время завоевания Африки и Италии, присвоив изрядную толику сокровищ вандалов и готов⁵⁸. В «Истории войны с готами» он, естественно, об этом умалчивает.

Юстиниан торжествовал победу, хвастливо прибавив к своим титулам «африканский» и «вандалский» еще и титул «готский». Победитель готов был срочно вызван в столицу, куда вслед за ним отправился и Прокопий⁵⁹. На этот раз Велисария ожидал отнюдь не пышный триумф, а довольно холодный прием со стороны заподозрившего его в измене императора.

Зиму 540/41 г. Велисарий, а с ним, естественно, и Прокопий, проводят в Константинополе⁶⁰. Весной же 541 г. лучшего полководца империи срочно отправили на Восток, где Византия терпела тяжкие поражения от персов. В 540 г. шах Хосров, подстрекаемый готами, внезапно нарушил «вечный мир» с Византией и стремительно напав на Сирию, захватил ее столицу — славившуюся богатством и культурой Антиохию. Позднее Прокопий с огромным мастерством и художественной силой опишет в «Истории войн с персами» это поистине трагическое событие⁶¹.

Вслед за Велисарием весной 541 г. на Восток едет и Прокопий. Именно тогда, видимо, он собрал необычайный по богатству и красочности материал, который затем использовал. Велисарию хотя и удалось несколько исправить тяжелое положение византийских войск на Востоке, однако во второй персидской войне он не стяжал лавров⁶².

Прокопий, видимо, по каким-то делам возвратился с Востока

---

⁵⁵ *Ibid.*, II, 29.20.

⁵⁶ *Ibid.*, II, 29. 21—41. Победитель милостиво обошелся с побежденными, готской знати сохранил имущество, а воинов зачислил в свою армию.

⁵⁷ Прокопий утверждает, что Велисарий был вновь оклеветан перед императором ненавидевшими его командирами византийского войска, обвинившими его в попытке захвата тиранической власти в Италии (*Procop.*, V. G., II, 30.1).

⁵⁸ *Procop.*, *Historia arcana* (далее—Н. а.), IV, 32—34.

⁵⁹ *Procop.*, V. G., II, 30.2.

⁶⁰ *Procop.*, V. P., II, 14.8.

⁶¹ *Ibid.*, II, 8. 1—10.

⁶² *Ibid.*, II, 8—14. См. *G. Downey. The Persian Campaign in Syria in A. D. 540.*—«*Speculum*», 28, 1953, p. 340—348.

в столицу. Он сообщает, что весну 542 г. провел в Константинополе, где пережил страшное бедствие — чуму, которая свирепствовала в Византии четыре месяца. Картина чумы в Константинополе, созданная Прокопием, потрясает. Жуткие подробности гибели в муках тысяч людей перемежаются у автора с суеверными рассуждениями о явлениях умирающим демонов и о сверхъестественных причинах моровой язвы⁶³. Прокопий восхваляет императора за мужественное решение взять на себя заботу о погребении мертвых⁶⁴. Он отказывается объяснить появление чумы какими-то естественными причинами и приписывает ее воле божьей⁶⁵. Сам император Юстиниан не избежал общей участи, тяжело заболел и спасся лишь чудом⁶⁶.

543—545 гг. Прокопий, по всей вероятности, провел в Константинополе. Быть может, именно в то время он впервые начал заниматься литературным трудом. Однако вскоре он должен был вернуться к активной деятельности.

Новая большая опасность угрожала Византии, на этот раз с Запада, где в 541 г. во главе восставших остготов встал храбрый полководец и одаренный политик — Тотила. Одержав над византийскими войсками блестящие победы, он в короткий срок вернул почти все владения в Италии. Плачевная перспектива потерять всю Италию заставила Юстиниана, несмотря на неудачи в войне с персами, срочно отправить в 544 г. на Запад Велисария⁶⁷. Через некоторое время вдогонку за Велисарием поехал второй раз в Италию и Прокопий, который вновь был там в 546 г.

Вторая экспедиция Велисария в Италию не принесла ни знаменитому полководцу, ни византийскому оружию никакого успеха⁶⁸. Воинское счастье изменило Велисариему, ибо он встретил поистине достойного противника. Дальновидная социально-экономическая политика Тотилы привлекла на его сторону широкие массы населения Италии⁶⁹, а его полководческий талант помог нанести Велисариему серьезное поражение. Во время упорной борьбы за Рим великий город переходил в 546—547 гг. из рук в руки и подвергся небывалому опустошению⁷⁰. По словам Прокопия, в это время «варвары стали бесспорно владыками всего Запада»⁷¹. Удрученный неудачами Велисарий в 548 г., не одержав ни одной сколько-нибудь значительной победы, возвращается в Византию. Прокопий подводит плачевный итог деятельности Велисария в ходе второй экспедиции в Италию: «За пять лет он нигде не

⁶³ *Procop.*, V. P., II, 22.1—39; 23.1—20.

⁶⁴ *Ibid.*, II, 23.5—6.

⁶⁵ *Ibid.*, II, 22.2.

⁶⁶ *Ibid.*, II, 23.20.

⁶⁷ *Ibid.*, III, 9.23.

⁶⁸ *Ibid.*, III, 10.1—5.

⁶⁹ *З. В. Удальцова*. Византия и Италия в VI в., стр. 343—353.

⁷⁰ *Procop.*, V. G., III, 20.4—16.

⁷¹ *Ibid.*, III, 33.1.

стоял твердой ногой на земле Италии и не прошел по ней сухим путем, но все это время скрывался бегством, постоянно переплывая от одного приморского укрепления к другому вдоль берега. И поэтому враги могли без всякого опасения поработить Рим и другие города»⁷².

Вторичное пребывание в Италии, видимо, принесло немало испытаний и самому историку, но вместе с тем чрезвычайно обогатило его жизненный опыт. Ведь в «Готской войне» Прокопий проявляет особую зоркость, оценивая расстановку классовых сил в Италии и причины неудач византийской армии. К этим причинам он относит: грабительскую политику византийцев в завоеванной провинции, помощь угнетенных масс Италии Тотиле, разложение имперской армии, к этому времени уже сильно варваризированной, постоянные раздоры между ее командирами и скудость средств, которыми располагал Велисарий⁷³.

Завершающий этап готской войны, ознаменованный сперва блестящими победами Тотилы, перешедшим в наступление против империи, а затем его поражением от войск Нарсеса в 552 г. (при Тагине), освещен Прокопием с такой же полнотой и объективностью, как и предшествующие события⁷⁴. Однако сам Прокопий уже не был очевидцем последних лет этой войны. Вместе с Велисарием он вернулся в столицу и всерьез занялся созданием исторического труда.

Сведения о последних годах жизни Прокопия очень скудны. Отход покровителя Прокопия Велисария от активной военной и политической деятельности, естественно, сказался и на положении при дворе Прокопия. Потеряв такую могущественную поддержку, он должен был пробивать себе дорогу сам, своим литературным трудом.

Трудно сказать, когда именно в тревогах военной и суеде придворной жизни, среди политических интриг и борьбы за карьеру в душе советника Велисария окрепло желание описать виденное, сохранить пережитое в памяти потомков. Скорее всего, уже в военные годы, в перерывах между сражениями и дипломатическими переговорами, в походных палатках и на бивуаках в далеких странах Прокопий вел дневник, куда записывал свои впечатления, беседы с очевидцами, характеристики выдающихся деятелей и полководцев, с которыми встречался.

Он интересовался всем: природой и диковинными животными стран, куда забрасывала его судьба, бытом и культурой народов, встречающихся на его пути, преданиями и легендами, рассказываемыми при свете походных костров. Но особенно интересовали его тайные пружины политических драм, разыгрывавшихся в различных областях империи, секреты дипломатических перегово-

⁷² Ibid., III, 35.1

⁷³ З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», стр. 31—42.

⁷⁴ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 321—438.

воров и интриги константинопольского двора. Доверие и высокое покровительство Велисария открывали ему доступ ко многим скрытым от посторонних глаз документам. Не менее сведущ он был и в военных делах, хотя сам, видимо, не имел вкуса к военным подвигам. Отдавая дань уважения древности, Прокопий всем своим существом тяготел к современности и хотел именно современные события донести во всей полноте до будущих поколений.

К осуществлению своего замысла Прокопий приступил, видимо, между 543 и 545 гг., когда начал писать «Историю войн Юстиниана». В 550 г. историческое сочинение Прокопия в его первой редакции уже увидело свет ⁷⁵.

Оно принесло Прокопию признание читателей и одобрение двора. Однако слава не могла заглушить в душе Прокопия глубокой неудовлетворенности. Он остро ощущал лживость официальной концепции, проводимой в этом труде. Он знал, сколько раз приходилось ему кривить душой, скрывая или искажая истинные причины событий, приукрашивая деятельность сильных мира сего, и в первую очередь самого Юстиниана и его полководца Велисария. Все более зрело решение написать такое сочинение, где бы можно было все тайное сделать явным. Плодом этих глубоких раздумий, борения острых политических и личных страстей явилась «Тайная история» — произведение поистине единственное в своем роде в византийской историографии ⁷⁶. Написанная в том же 550 г. ⁷⁷, «Тайная история» как бы собрала в единый, туго сплетенный клубок все наблюдения автора, весь его трудный жизненный опыт, с предельной откровенностью обнажила его политические настроения, его жизненное кредо.

Но затем политик опять взял верх над писателем, и Прокопий через 10 лет после «Тайной истории» создал последний труд — трактат «О постройках» ⁷⁸, прославляющий в неумеренно хвалебных тонах строительную деятельность Юстиниана.

Своим панегириком Прокопий, видимо, настолько угодил деспотическому и тщеславному правителю, что, возможно, именно за этот трактат был назначен на высокий пост префекта города, получил титул *illustris* ⁷⁹, и позднейшие писатели называют его патриkiem ⁸⁰.

События последних лет жизни и дата смерти Прокопия до сих пор остаются неизвестными.

⁷⁵ *O. Veh. Op. cit.*, S. 28f.

⁷⁶ *B. Rubin. Prokopios von Kaisareia...*, col. 252—297.

⁷⁷ *O. Veh. Op. cit.*, S. 24 f.

⁷⁸ *Procopii Caesariensis. Opera omnia...*, vol. IV. De Aedificiis.

⁷⁹ Так назван Прокопий в словаре Суды: *Suidae Lexicon*, p. 888.

⁸⁰ В поздней эфипской редакции Хроники Иоанна Никиуского (VII в.) Прокопий назван патриkiem и сановником высокого ранга. Однако состояние текста этой хроники ненадежно и может вызвать сомнение. Вместе с тем данные Иоанна Никиуского находят поддержку в известиях о Прокопии в словаре Суды (*O. Veh. Op. cit.*, I, S. 3—4).

Апология и разоблачение правления Юстиниана

Как жизнь, так и творчество Прокопия отмечены глубоко трагической двойственностью. В знаменитом историке уживались как бы два человека, находящиеся в постоянном противоречии друг с другом.

Один — несколько суховатый и холодный, замкнутый чиновник, быстро продвигающийся по служебной лестнице. Это дипломат, обладающий трезвым умом, большой сдержанностью и скрытностью, душа которого закрыта наглухо для всего внешнего мира. Он бесспорно карьерист, который для достижения высоких постов пытается использовать свой талант, зная, как мечтает Юстиниан о придворном историке, воспевающем его деяния. Карабкаясь к вершинам власти, Прокопий как опору использует собственные официальные исторические труды. Всю эрудицию и жизненный опыт он отдает на службу императору, иногда даже пресмыкаясь перед ним и его любимцами. Он не боялся чрезмерностью похвал оттолкнуть упоенного властью императора, и его расчет оказался правильным, ибо, приписав в плоском панегирике всю строительную деятельность в империи исключительно Юстиниану, Прокопий добился его милостей.

Трактат «О постройках» Прокопия — произведение своеобразное и, бесспорно, имеющее огромную познавательную ценность. Информативная нагрузка этого сочинения колоссальна. В яркой, доходчивой, образной форме в трактате дается описание не только грандиозного гражданского и военного строительства Юстиниана, но и обрисовывается природа многих областей империи — Месопотамии, Сирии, Малой Азии, Балкан, Северной Африки. Особенно интересны описания природы и краткие экскурсии по этнографии и истории Армении, Грузии, Сванетии, Причерноморья, Крыма и готских поселений в Крыму. Этнографический, топографический и топонимический материал, собранный в трактате, поражает разнообразием и в целом достоверен. Заслуживают глубокого изучения и данные трактата о строительной технике, архитектуре и изобразительном искусстве Византии эпохи Юстиниана. Великолепное описание Прокопием храма св. Софии в Константинополе ныне стало классическим⁸¹.

Вместе с тем, если сравнить трактат «О постройках» с другими сочинениями Прокопия, и особенно, конечно, с «Тайной историей», то поражает абсолютно противоположная оценка различных аспектов деятельности Юстиниана. В трактате «О постройках» Юстиниан рисуется как добрый гений империи, тво-

⁸¹ *Av. Cameron. Procopius and the Church of S. Sophia.*—HThR, 58, 1965, p. 161 ff.

рец всех великих дел. Он великодушен, милостив, заботится о благе подданных. Его главная цель — охранять империю и спасти ее от нападений врагов.

Льстивый царедворец пишет, что Юстиниан, превзойдя подвиги древних, покорил целые государства, изгнал варваров, выстроил бесчисленное количество городов, пресек ереси и утвердил православие, упорядочил законы. Его милость была столь велика, что он прощал вину тем, кто злоумышлял против него, а бедняков, нуждающихся в средствах существования, сделал богатыми, так что «в империи воцарилась радость жизни»⁸².

В каком вопиющем противоречии находится этот панегирик со злобными разоблачениями того же императора в «Тайной истории» Прокопия! В этом труде Юстиниан предстает как неумолимый тиран, злобный демон Византийского государства, разрушитель империи. Он постоянно губит несметное число подданных и с невиданной алчностью грабит их. «Никогда не мог он насытиться и почувствовать пресыщение от грабежа богатств или от избиения людей»⁸³. «Предав смерти без всякого основания десятки тысяч, от тотчас начинал злоумышлять против большего еще числа»⁸⁴.

В «Тайной истории» Прокопий утверждает, что природа собрала от всех людей самые низкие качества и соединила их в душе этого человека⁸⁵. Юстиниан был лжив, скрытен, двуличен, нарушал самые страшные клятвы, отказывался от своих обещаний; друзьям он был неверен, неумолим к врагам, всегда жаждал крови и денег, любил ссоры и всякие перемены; на зло он был очень податлив, к добру его нельзя было склонить никакими советами⁸⁶.

В трактате «О постройках» Юстиниан, наоборот, милосерден, прощает вину врагам; он, говоря словами Гомера, «милостив к нам, как отец»; даже те, кто злокозненно строил против него заговоры, вплоть до покушения на убийство, не только остались живы и спокойно владеют своим достоянием, хотя и были изобличены в преступлениях, но даже стоят во главе византийских войск и сохраняют консульское звание⁸⁷.

В «Тайной истории» Юстиниан, думая лишь о том, как напоить землю человеческой кровью и награть возможно больше денег, жестоко избивает своих подданных, устраивает гонения против еретиков-монтанистов, саббатриан, ариан, манихеев, самаритян, язычников-эллинов⁸⁸.

В трактате «О постройках» Юстиниан благочестив, защищает

⁸² *Procop.*, De aed., I, 1, 6—10.

⁸³ *Procop.*, Н. а., XI, 3.

⁸⁴ *Ibid.*, XI, 4.

⁸⁵ *Ibid.*, VIII, 27.

⁸⁶ *Ibid.*, VIII, 24—26.

⁸⁷ *Procop.*, De aed., I, 1, 15—16.

⁸⁸ *Procop.*, Н. а., XI, 13—32.

правую веру; он посланец бога на земле, бог всегда и во всем ему покровительствует. Великие деяния Юстиниана, в том числе его великолепные постройки, трудно описать и постичь человеческим разумом, они осуществимы только при помощи бога⁸⁹.

Величайшей заслугой Юстиниана Прокопий считает церковное строительство, с описания которого он и начинает свой трактат. Перед читателем проходят длинной вереницей постронные или реставрированные Юстинианом христианские церкви Константинополя, среди которых особенно выделяются вновь возведенные после разрушения (во время восстания Ника) св. София⁹⁰, храм Ирины, Петра и Павла, Сергия и Вакха, 12 апостолов и многие другие⁹¹. Не забывает сказать Прокопий и о постройке храмов в других городах и областях империи.

Второе место после строительства храмов в трактате «О постройках» занимает сооружение Юстинианом множества оборонительных укреплений и других построек военного характера. Историк начинает свой рассказ с создания крепостей на восточной границе империи, против персов⁹². Затем он переходит к освещению строительства оборонительных укреплений в Армении, в стране цанов, на побережье Евксинского Понта и в Крыму⁹³. Четвертая книга трактата «О постройках» Прокопия целиком посвящена описанию оборонительных укреплений против гуннов и славян на Балканах, в Подунавье, в Македонии и Фракии⁹⁴.

Примечательно заявление историка о том, что Юстиниан строил здесь многочисленные крепости с целью охраны жителей от

⁸⁹ *Procop.*, De aed., I, 2. 17; 4.1; 4.24. Императору во всех делах помогает бог.— *Ibid.*, V, 3. 10; 6. 19.

⁹⁰ *Av. Cameron.* Procopius and the Church of St. Sophia, p. 161 f.

⁹¹ *G. Downey.* Procopius de Aedificiis, I, 4.1—8.—«*Classical Philology*», 43, 1948, p. 44—45. Автор признает достоверными сведения Прокопия о том, что церкви Петра и Павла и Сергия и Вакха в эпоху Юстиниана были соединены между собой.

⁹² Он говорит о строительстве крепости Дары (*Procop.*, De aed., II, 1—24; 2.1—20; 3.1—26), Амиды (*ibid.*, III, 1.27), укреплений в Месопотамии и Сирии, Финикии и Ливане; о восстановлении разрушенной персами Антиохии (*ibid.*, II, 10.2—25).

⁹³ *Procop.*, De aed., III, 7.13—17 и др.

⁹⁴ Постройка крепостей на берегах Истра, крепости Бедериана (Юстиниана Прима) (*Procop.*, De aed., IV, 1, 17), в Иллирике, Эпире, Элладе. Особый интерес вызывают данные Прокопия о военном строительстве в Элладе и на Истме (на Коринфском перешейке): Юстиниан укреплял отдельные города, обносил их стенами, боясь вторжения варваров в глубь страны (*ibid.*, IV, 2.11—27), он создавал крепости в Фессалии, на Эвбее, во Фракии и Македонии. См.: *J. G. Russu.* Die Ortsnamen der Balkanhalbinsel in «De aedificiis». — «*Revue de linguistique*», 8, 1969. Cp. *V. Besevliev.* Zur Topographie der Balkanhalbinsel in Procop's Werk «De aedificiis». — «*Philologus*», III, 1967; *idem.* Tavernen als Kastellnamen bei Procop.— «*Linguistique Balkanique*», 13, 1967; *idem.* Die lateinische Herkunft der Kastellverzeichnisse bei Procop.— «*Hommages à M. Renardt*». Bruxelles, 1969; *idem.* Zur Deutung der Kastellnamen in Procop's Werk «Die aedificiis». Amsterdam, 1970.

набегов гуннов: «И вот тут император Юстиниан воспользовался случаем показать свое великодушие и доброту своего сердца. Несчастье для пострадавших от набегов варваров он превращал в счастливую судьбу»⁹⁵.

Покончив с рассказом о строительстве оборонительных сооружений в Европе, писатель возвращается в Малую Азию⁹⁶, затем движется на юг в Палестину, Иерусалим, Аравию, на Синай⁹⁷. Последняя, шестая книга трактата «О постройках» переносит читателя в Северную Африку⁹⁸.

Против кого же возводились Юстинианом эти многочисленные оборонительные сооружения? Прокопий четко и недвусмысленно дает ответ на этот вопрос. Они строились прежде всего против варварских народов. Основная цель военного строительства Юстиниана — защита страны от опустошительных набегов варваров.

Этот основной тезис Прокопия, проходящий красной нитью через весь его трактат «О постройках», однако коренным образом противоречит высказываниям самого же Прокопия в «Тайной истории», где он решительно осуждает Юстиниана за политику уступок варварам. Вместо защиты страны от их нападений император расточительно тратил огромные средства на подкуп варварских королей. Прокопий негодует на то, что Юстиниан якобы не думал об охране государства, не боролся против варваров, а откупался от их вторжений баснословными суммами денег. «Тем из гуннов, — пишет Прокопий, — с кем ему приходилось постоянно сталкиваться, он выплачивал очень крупные суммы из средств государства, и с этого времени ромейские земли стали подвергаться частым вторжениям варваров. Вкусив от ромейских богатств, они уже не хотели отказаться от той дороги, которая вела их сюда»⁹⁹. Награбленные Юстинианом у населения деньги, подобно вечно текущей реке, утекали к варварам¹⁰⁰.

Иными словами, в трактате «О постройках» Юстиниан охраняет империю от варваров, а в «Тайной истории» — помогает им, ук-

⁹⁵ *Procop.*, De aed., IV, 3.23—24.

⁹⁶ В Малой Азии Юстиниан построил храм Иоанна в Эфесе (*ibid.*, V, 1.4—6), реставрировал стены, дороги, мосты, постройки многих городов, в том числе Никеи, Никомидии (в Вифинии), Кесарии Каппадокийской, городов Киликии — Тарса и др.

⁹⁷ *Ibid.*, V, 6.1—26; V, 8.4—10.

⁹⁸ Интересны описания строительства в Александрии, сооружения канала на Ниле, укреплений в Пентаполисе, Ливии, восстановления стен Карфагена, разрушенных вандалами, постройки крепостей в Византии, Нумидии, крепости Септа (Сеута) в Гадесе. См. *I. Kavar. Procopius and Kinda.*—BZ, 53, 1960.

⁹⁹ *Procop.*, H. a., VIII, 5—6; ср. XIX, 6. «Всех варваров при всяком удобном случае он одарял крупными суммами денег — восточных и западных, живущих на севере и юге, вплоть до обитающих в Британии...» (*ibid.*, XIX, 13).

¹⁰⁰ *Ibid.*, XIX, 10.

репляет их могущество богатыми подачками, разжигает их ненасытную алчность и тем самым фактически ослабляет государство ромеев.

Столь же противоречивы и другие утверждения Прокопия. Так, в трактате «О постройках» Юстиниан строит по всей империи множество новых городов и восстанавливает старые, обветшавшие, разрушенные врагами; он постоянно заботится о ремонте и строительстве дорог, каналов, мостов, о благоустройстве городских центров и постройке общественных зданий¹⁰¹.

В «Тайной истории» тот же император предстает как разрушитель городов и притеснитель их жителей. Лютый враг человечества, Юстиниан, по словам Прокопия, лишал людей самого необходимого — воды и хлеба. «Из двух вещей, — пишет он, — которые остались для питания и питья людям, дошедшим до крайней нужды и нищеты, а именно вода и хлеб, даже в этом император причинил им вред, как я рассказывал, сделав так, что воды у них недоставало, а хлеб стал гораздо дороже»¹⁰². Юстиниан якобы не только не восстанавливал, но разрушал водопроводы¹⁰³, а хлеб по его приказу, в целях наживы фиска, выпекался дурного качества и был полон золы¹⁰⁴.

В противоположность этому в трактате «О постройках» сказано, что первой заботой Юстиниана при основании новых городов и реставрации старых было снабжение их водой и хлебом. По всей империи строились акведуки, реставрировались водопроводы, в том числе прославленный водопровод Карфагена, разрушенный вандалами¹⁰⁵, сооружались цистерны для хранения воды, подобные изумительным цистернам в Константинополе, созданным при этом правителе¹⁰⁶. При постройке крепостей немедленно рыли колодцы, проводили каналы, строили бани¹⁰⁷. Большое внимание правительство уделяло мелиорации. Не меньше заботился император Юстиниан и о доставке хлеба из Египта в столицу и о хлебном снабжении других городов империи. Так, по словам Прокопия, он построил прекрасные склады для хлеба на острове Тенедосе, чтобы облегчить его доставку в Константинополь¹⁰⁸. Юстиниан обнес крепостной стеной местечко Фиалу в Египте, где складывали хлеб, собранный в виде подати с этой житницы империи, чтобы спасти его от восставшего народа. Прокопий по этому поводу пишет следующее: «Так как случалось, что народ, неоднократно поднимая мятежи, погибал вместе с

¹⁰¹ *Procop.*, De aed., I, 5.2—13; 6.1—4; 11.1—19; II, 7.1—17; 8, 16—25.

¹⁰² *Procop.*, H. a., XXVI, 25.

¹⁰³ *Ibid.*, XXVI, 23—24.

¹⁰⁴ *Ibid.*, XXII, 14—20, XXVI, 22.

¹⁰⁵ *Procop.*, De aed., VI, 5.1—12; ср. II, 10.22; VI, 4. 11; VI, 7.11—16.

¹⁰⁶ *Ibid.*, I, 11.10—15.

¹⁰⁷ *Ibid.*, II, 2.10—19; V, 3.7—10; 16—19.

¹⁰⁸ *Ibid.*, V, 1.14—16.

хлебом, то император Юстиниан, окружив это место крепостной стеной, тем положил конец злоумышлениям на этот хлеб»¹⁰⁹.

Прокопий в «Тайной истории» настойчиво и с раздражением упрекает Юстиниана в том, что он бросал массу денег на пустое и бесполезное морское строительство. «Он счел нужным, — заявляет автор, — бросить большие средства на морское строительство, желая подчинить себе вечный прибой волн. Он наложил у берега огромные глыбы камня, споря со стремительным течением, идущим с Понта, и как бы от избытка богатств желая вступить в состязание с силой моря»¹¹⁰.

В трактате «О постройках» автор восхищается строительной деятельностью Юстиниана по укреплению морского берега около Константинополя и по созданию дамб и других сооружений для защиты гавани от разрушительного действия морских волн¹¹¹.

В «Тайной истории» Прокопий сурово порицает Юстиниана за жестокие преследования еретиков и язычников. Он рассказывает ужасающие подробности этих гонений, когда еретики отказывались принять православие и их избивали военные отряды или они сами накладывали на себя руки. Например, монتانиты во Фригии, запершись в храмах, подожгли самих себя и в порыве безумия погибли в пламени¹¹².

В трактате «О постройках» он воздает хвалу Юстиниану за благочестивую политику обращения в истинную веру еретиков: самаритян, язычников, поклонников восточных религий и эллинских богов. Так, историк с похвалой рассказывает о том, что Юстиниан, насильственно обращая в христианство, энергично строил храмы в местах распространения еретических учений и в областях, где христианство еще только приобретало первых адептов. Наталкиваясь на упорное сопротивление христианизации со стороны еретиков и язычников, правительство Юстиниана было принуждено окружать храмы стенами и защищать гарнизонами. Так, Юстиниан окружил стеной христианский храм на горе Гаризин, вблизи города Неаполя в Палестине, подвергавшийся нападениям самаритян. Юстиниан сделал этот храм совершенно неприступным¹¹³. Затем он реставрировал в этом же районе пять христианских храмов, сожженных самаритянами¹¹⁴. Не менее любопытны известия Прокопия об искоренении Юстинианом идолопоклонства и многобожия в Египте, где были храмы Аммону и Александру Македонскому и жители приносили им жертвы¹¹⁵.

Император, утверждает Прокопий, заботился не столько о

---

¹⁰⁹ *Procop.*, De aed., VI, 1.4.

¹¹⁰ *Procop.*, H. a., VIII, 7—8.

¹¹¹ *Procop.*, De aed., I, 11.18—20.

¹¹² *Procop.*, H. a., XI, 23.

¹¹³ *Procop.*, De aed., V, 7.1—16.

¹¹⁴ *Ibid.*, V, 7.17.

¹¹⁵ *Ibid.*, VI, 2.14—17.

безопасности своих подданных, сколько о спасении их душ и научил их «истинной вере» и «благочестию», заставив отказаться от позорных отеческих обычаев¹¹⁶. Подобную же политику проводил Юстиниан и в Северной Африке, всюду искореняя туземные верования и распространяя христианство¹¹⁷.

Оборонительные укрепления строились Юстинианом не только на границах государства, но и во внутренних областях империи. У Прокопия есть прямые указания на то, что это строительство проводилось с охранительной целью, для защиты от не прекращавшихся в то время в империи восстаний народных масс¹¹⁸. В трактате «О постройках» есть важное свидетельство о том, что правительство Юстиниана заботилось о защите богатых пригородных имений константинопольской знати. Юстиниан с особой тщательностью укрепляет так называемые «Длинные стены», создав новую систему их охраны, чтобы обеспечить безопасность византийской знати, роскошные имения которой находились в предместьях столицы и защищались «Длинными стенами»¹¹⁹.

Памятником Юстиниану, который будет жить в веках, утверждал Прокопий, являются великолепные дворцы и общественные здания в Константинополе. Их строительство должно было свидетельствовать о блеске и величии Византийской империи и красоте ее столицы¹²⁰. Особым великолепием, по Прокопию, отличалась Халка — парадный вход в императорский дворец. Она была украшена восхитительными мозаиками, изображавшими триумф Юстиниана над вандалами и готами. В центре картины находились во всем блеске парадных одежд Юстиниан и Феодора, перед ними стоял полководец Велисарий и его воины-победители: они сложили к ногам императора невиданную добычу и привели пленниками вандалского и готского королей — на лицах Юстиниана, Феодоры и окружавших их сенаторов сияла радость по поводу праздника победы¹²¹.

Грандиозная строительная деятельность, как утверждает Прокопий, проводилась исключительно по воле самодержца и не только благодаря его щедрости и большим денежным затратам, но и благодаря величию духа¹²² и прозорливости василевса¹²³.

Несколько иную картину мы встречаем в основном историческом сочинении Прокопия — «Истории войн Юстиниана». Это обширное, чрезвычайно насыщенное богатым историческим материалом произведение состояло из восьми книг. Автор избрал

¹¹⁶ Ibid., IV, 9.4 6; 9—13.

¹¹⁷ Ibid., VI, 3.10.

¹¹⁸ З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», стр. 57—59.

¹¹⁹ Procop., De aed., IV, 9.4—6; 9—13.

¹²⁰ Ibid., I, 10.2—10.

¹²¹ Ibid., I, 10.11—20.

¹²² Ibid., I, 1—67.

¹²³ Ibid., III, 1.3.

не хронологический, а географический, скорее даже локально-тематический принцип изложения хода событий. Содержание, как пишет сам Прокопий, распределено по книгам в соответствии со странами, где приходилось вести ромеям военные действия¹²⁴. Первые две книги посвящены войнам Юстиниана с персами, и действие разворачивается на Востоке; следующие две книги переносили читателя на Запад, в Северную Африку, и освещали войну с вандалами; затем три книги отводились войне с готами в Италии, и завершался исторический труд Прокопия восьмой книгой, где географический принцип нарушался и давалась, по словам самого писателя, «пестрая», всеобщая история¹²⁵.

Общий тон повествования в «Истории войн Юстиниана», в отличие как от трактата «О постройках», так и от «Тайной истории», — сдержанный, официальный, без излишней лести в адрес самодержцев, но и без открытых выпадов против них. Героем «Истории войн» является не Юстиниан, а Велисарий, личных симпатий к которому автор не может скрыть. Юстиниану и Феодоре Прокопий не расточает каких-либо чрезмерных похвал, не осыпает их лестиными восхвалениями.

В «Истории войн Юстиниана» Прокопий всячески подчеркивает свою политическую лояльность. Но внимательное изучение сочинения показывает, что здесь сквозь завесу официального повествования уже пробивается пока еще робкая, но все же критика существующего строя. Подспудно, приглушенно начинает звучать голос второго человека, который живет в Прокопии. Прокопий позволяет себе, хоть и в завуалированной форме, отметить недостатки правления Юстиниана. Однако, чтобы обезопасить себя от доносов правительственных агентов, он перемежает похвалу Юстиниану и его полководцу Велисарию с отдельными оппозиционными замечаниями, которые в целях маскировки вкладывает в уста явных внешних врагов императора¹²⁶.

Иногда писатель отваживается даже на прямую критику в адрес императора. Так, он весьма иронически отзывается об увлечении Юстиниана на склоне лет богословием и бесплодными догматическими спорами: император, говорит он, забывая о государственных делах, до поздней ночи толкует с «допотопными

---

¹²⁴ *Procop.*, В. G., IV, 1.1.

¹²⁵ *Ibid.*, IV, 1.2.

¹²⁶ Примеров замаскированной критики в «Истории войн» довольно много. Наиболее яркий из них — жалобы армянских послов на Юстиниана в речи, обращенной к персидскому шаху Хосрову I (*Procop.*, В. P., II, 3; ср. I, 2; В. G., IV, 15.13—18). Прокопий осуждает Юстиниана за промахи в ведении войны в Италии (*Procop.*, В. G., III, 32. 10). Порой Прокопий не скрывает сочувствия к врагам императора. Так, он всячески оправдывает Ипатия, одного из руководителей сенаторской оппозиции во время восстания Ника (*Procop.*, В. P., I, 24.17—58); рассказывая о заговоре Артабана, Арсака и Германа, он проявляет симпатии к Герману и особенно к Марцеллу (*Procop.*, В. G., III, 31—32).

старцами из духовенства», пересматривая с необычайным рвением книги христианского вероучения¹²⁷.

В этом же историческом сочинении Прокопий рассказывает о смерти императрицы Феодоры в 548 г. без каких-либо бурных проявлений скорби и верноподданнических чувств¹²⁸.

Итак, в «Истории войн Юстиниана» осторожный карьерист и политик еще берет верх над критически мыслящим ученым, который таится в Прокопии, рядом с придворным льстецом.

Мы не знаем точно, когда и по каким причинам возникло в душе Прокопия желание создать «Тайную историю», когда мыслитель писатель взяв верх над осторожным политиком. Литература о «Тайной истории» Прокопия весьма обширна и порою весьма противоречива. Одни исследователи высоко оценивают это произведение¹²⁹, другие относятся к нему достаточно скептически¹³⁰.

В предисловии к этому необычному произведению Прокопий сам объясняет задачи труда и причины его создания в глубокой тайне¹³¹. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла. Написать обличительный труд историка побудило желание, чтобы тираны будущих времен опасались отмщения за свои преступления, имея перед глазами Юстиниана и Феодору, которые понесли возмездие за позорные поступки и развратный образ жизни¹³². Для тех же, кто в будущем испытает насилие

¹²⁷ *Procop.*, V. G., III, 32.9—10.

¹²⁸ *Ibid.*, III, 30, 4. Об отношении Прокопия к Юстиниану см. *J. A. S. Evans*. Justinian and the Historian Procopius.

¹²⁹ *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897; *V. Grecu*. Bemerkungen zu Prokops Schriften.—*Académie Roumaine. Bulletin de la section historique*, 28, 1947, p. 233—240; *J. A. S. Evans*. The Dates of the Anecdota and the «De aedificiis» of Procopius.—*Classical Philology*, 44, 1969, p. 29—30; *H. Mihaescu*. Procopius din Caesarea. Istoria secreta. Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1972, p. 5—14.

¹³⁰ *H. B. Dewing*. The Secret History of Procopius of Caesarea.—*Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1931, p. XL—XLII; *P. Bonfante*. Il movente della Storia arcana di Procopio.—*Rendiconti della Accademia dei Lincei. Classe di scienze, morali, storiche e filologiche*, 8, 1932, p. 381—385. О. Фей считает, что «Тайная история» оставляет впечатление недоработанности и, по-видимому, как и трактат «О постройках» (*G. Downey*. The Composition of Procopius «De aedificiis».—*Transactions of the American Philological Association*, 1947, p. 171 f.), осталась неоконченной (*O. Veh*. *Op. cit.*, II, S. 33).

¹³¹ Прокопий говорит, что он не мог писать правдивую историю, пока были еще живы вершители описанных им дел. «Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный, я неизбежно должен был погибнуть самой жалкою смертью, ибо в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных» (*Procop.*, Н. а., I, 2).

¹³² Противоположность политических взглядов Прокопия и оценки царствования Юстиниана и Феодоры в его официальных трудах и в «Тайной

тиранов, будет утешением сознание того, что не они одни подвергались подобным бедствиям ¹³³.

Сколь ни возвышенна цель писателя, надо признать, однако, что средства ее достижения довольно сомнительны. Ведь Прокопий в своих официальных трудах восхваляет существующий режим, а в «Тайной истории» обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывая не только действительные преступления, но и приписывая им порою столь немислимые пороки, которые могут быть лишь плодом неудержимой фантазии, питаемой глубокой ненавистью ¹³⁴.

Справедливо отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле, а скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами ¹³⁵. В непримиримой злобе к Юстиниану Прокопий теряет рассудительность, забывает о необходимости для историка строгой проверки фактов. Он неразборчиво собирает все, что может скомпрометировать Юстиниана и Феодору. «Тайная история» полна самых нелепых, подчас несправедливых нападок на Юстиниана, который изображается неким демоном, явившимся на погибель жителям империи ¹³⁶. Чего стоит, например, рассказ Прокопия о том, что демон-Юстиниан бродит по ночам без головы по покоям императорского дворца, пугая ночную стражу ¹³⁷. В нападках на Юсти-

---

истории» была настолько разительной, что породила недоверие к подлинности этого сочинения и принадлежности одному и тому же автору. Рукопись «Тайной истории», как известно, была открыта в 1623 г. Алеманном в ватиканской библиотеке, и вокруг этого сочинения разгорелся горячий спор; легисты, поклонники Юстиниана, сочли ее фальшивкой, созданной в Ватикане с целью опорочить великого государя, курьезисты, отстаивали ее подлинность. Труды крупных ученых прошлого века на основании глубокой внутренней критики всех сочинений Прокопия была доказана принадлежность «Тайной истории» этому писателю (*F. Dahn*. Procopius von Cäsarea. Ein Beitrag zur Historiographie der Völkerwanderung und das sinkende Römertums. Berlin, 1865; *Б. Панченко*. О «Тайной истории» Прокопия. — ВВ, II — IV, 1895 — 1897; *Ж. Хаури*. Procopiana. Programme. Augsburg, 1891; *idem*. Procopiana. II. Teil. Progr. München, 1893; *idem*. Über Procophandschriften. — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse», I, 1895, S. 129 — 176.

¹³³ См. *Ж. Хаури*. Zu Procop's Geheimgeschichte. — BZ, 34, 1934, S. 10 — 14.

¹³⁴ *N. Jorga*. Médaillons d'histoire byzantine. I. Procop. — Byz., 2, 1925, p. 237 — 244; *H. Hunger*. Kaiser Justinian I. (527 — 565). — «Anzeiger der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse», 102, 1970, S. 339 — 356.

¹³⁵ *Ш. Диль*. Указ. соч., стр. XI.

¹³⁶ *Procop.*, Н. а., XII, 14; XVIII, 1.

¹³⁷ *Ibid.*, XII, 18 — 28. Западногерманский историк Б. Рубин считает, что изображение Юстиниана у Прокопия в «Тайной истории» как князя демонов навеяно раннехристианскими представлениями об антихристе и монашеской демонологией. Юстинианин-демон — это раннехристианский антихрист. Использование в политических целях понятия демона-антихриста, по мнению Б. Рубина, было пропагандистским приемом христиан, который заимствовал у них Прокопий, но использовал его против «христианейшего» императора Юстиниана (*B. Rubin*. Der Fürst

ниана Прокопий теряет чувство меры. Его легковерию нет границ, если дело касается злобных рассказов об Юстиниане и Феодоре.

В «Тайной истории» Прокопий приписывает Юстиниану все пороки, терзавшие империю, все дурные деяния с такой же горячностью, какой в трактате «О постройках» провозглашает его источником всех полезных начинаний в государстве.

Он с радостью и злорадством смакует самые грязные сплетни, рассказываемые на улицах и базарах Константинополя о правящей чете¹³⁸ или о Велисарии и его жене Антонине¹³⁹.

Даже хорошие поступки Юстиниана в «Тайной истории» истолковываются в дурном свете. Рассказ Прокопия при этом эмоционален и гиперболичен, в то время как в «Истории войн Юстиниана» его повествование течет спокойно, внешне бесстрастно и холодновато, порою даже сухо.

Но вместе с тем именно эта страстность Прокопия помогла ему, хотя бы в тайном труде, разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления. «Тайная история» Прокопия вскрывает растленные нравы византийского двора VI в. с не меньшей силой, чем жизнеописание 12 цезарей Светония разоблачало порядки в Римской империи.

Именно благодаря оппозиционным настроениям Прокопия, политической тенденциозности «Тайной истории» мы располагаем единственными в своем роде сведениями о тяжелом положении народных масс при Юстиниане. Историк с радостью обнажает

---

der Dämonen. Ein Beitrag zur Interpretation von Prokops Anekdoten.— BZ, 44, 1951, S. 469—481; *idem.* Prokopios von Kaisareia, col. 59—60; ср. *O. Veh.* Op. cit., II, S. 23. Фей соглашается с Рубиным и подчеркивает, что понятие демона-антихриста пришло с Востока, из Персии, затем было воспринято Платоном, иудаизмом и христианством. См. *K. Gantar.* Kaiser Justinian als kopflöser Dämon.— BZ, 54, 1961; *idem.* Kaiser Justinian «jenem Herbster gleich».— «Museum Helveticum», 19, 1962 (De aed., I, 2.10); *idem.* Der betrogene Justinian.— BZ, 56, 1963; *idem.* Procop. «Schaustellung der Tapferkeit»,— «Živa Antika», 11, 1962, № 2.

¹³⁸ О Юстиниане (*Procop.*, Н. а., VI, 19—27; VII, 11—33; XIII, 1—33), о Феодоре (*ibid.*, X, 1—22; XV, 1—39; XVI, 1—28). Фей полагает, что «Тайная история» была направлена прежде всего против Феодоры и порождена долго накапливаемой Прокопом злобой против императрицы. После смерти Феодоры, когда воспоминания о ней стали бледнеть, Прокопий с еще большей ненавистью обрушивается на Юстиниана (*O. Veh.* Op. cit., II, S. 33).

¹³⁹ *Procop.*, Н. а., I, 11—42; II, 1—37; III, 1—31; IV, 13—45; V, 1—27. В последнее время в научной литературе делаются попытки реабилитировать Антонию. Польская византистка Г. Эверт-Каппесова приходит к выводу, что уничтожающие суждения Прокопия об Антонине в «Тайной истории» несправедливы. Антонина, хотя и не была верной женой Велисария, всегда оставалась его верным другом и союзником и действовала скорее в его интересах, чем в интересах Феодоры. Она любила деньги, была склонна к шуткам, даже груба, но эти пороки были широко распространены в византийском обществе той эпохи (*H. Evert-Kappesowa.* Antonine et Bélisaire.— «Byzantinische Beiträge». Berlin, 1964, S. 55—71).

язвы, разъедающие византийское общество, пороки администрации¹⁴⁰, безмерную тяжесть налогов¹⁴¹ — словом, все, что скрывалось в его официальных трудах и в сочинениях его товарищей по перу.

В «Тайной истории» Прокопий показывает скрытые пружины многих злодеяний Юстиниана и Феодоры: не жалея черных красок, он рисует политическую атмосферу императорского двора, где борьба за власть, низкая клевета и интриги зачастую были двигателями важных политических событий¹⁴². Картина разложения дополняется обрисовкой недовольства различных слоев общества, интересы которых ущемлялись правительством¹⁴³. Это, в свою очередь, проливает дополнительный свет на характер и причины многих сложных социальных и религиозных движений в империи¹⁴⁴. В этом особая ценность «Тайной истории» как исторического источника, хотя нельзя забывать, что она крайне тенденциозна и требует строжайшей проверки¹⁴⁵.

Ученые давно спорят о том, в чем причина оппозиционных настроений Прокопия, породивших «Тайную историю». Уже опровергнуты чисто субъективистские оценки Прокопия, сводящие его оппозиционность к личным качествам писателя, хотя, конечно, совершенно игнорировать внутренние, психологические причины раздвоенности Прокопия также нельзя¹⁴⁶. Уже были намечены

---

¹⁴⁰ *Procop.*, Н. а., XX, 1—4, 7—14; XXI, 1—12; XXIV, 1—12; XXIV, 1—7; о продажности суда см.: *Procop.*, Н. а., VII, 31—32; XIII, 20; XIV, 6—22; XV, 21—22.

¹⁴¹ Прокопий рассказывает о таких тяжелых поборах, как принудительная скупка хлеба — синона (*Procop.*, Н. а., XXII, 14—22; XXIII, 11—14), диаграфэ (*ibid.*, XXIII, 9), аэрикоп (*ibid.*, XXI, 2—4); эпиболэ (*ibid.*, XXIII, 9) и др. Система монополий (*ibid.*, XX, 5—6; XXV, 13; XXVI, 19), увеличение таможенных сборов (*ibid.*, XXV, 5—7), порча монеты (*ibid.*, XXV, 11—13), злоупотребления сборщиков податей (*ibid.*, XXV, 20—21) вели к росту цен, особенно на хлеб (*ibid.*, XXV, 10), и к обнищанию народных масс.

¹⁴² *Procop.*, Н. а., XV, 1—39; XVI, 1—28; XVII, 1—45.

¹⁴³ О притеснении торгово-ремесленных кругов см.: *Procop.*, Н. а., XXV, 1—26; о несправедливости Юстиниана з отношении воинов — *ibid.*, XXIV, 1—31; о преследовании интеллигенции — *ibid.*, XXVI, 1—7.

¹⁴⁴ О движении димов см.: *Procop.*, Н. а., VII, 1—41; XVIII, 32—35; XXIX, 27—38. О гонениях против еретиков и народных восстаниях на этой почве см. *ibid.*, XI, 13—32.

¹⁴⁵ Достоверность Прокопия в науке подвергалась сомнению по трем причинам: из-за языковой его зависимости от античных авторов; из-за наличия неточных сведений и пропусков, которые были порою сознательным искажением действительности; из-за противоречий между «Тайной историей» и трактатом «О постройках». Некоторые считают, что отношение Прокопия к Юстиниану никогда не было восторженным. То, что он написал столь противоречивые произведения, говорит об особенностях его характера, а не подвергает сомнению его достоверность (*G. Soyter. Die Glaubwürdigkeit des Geschichtsschreibers Procopios von Kaisareia.*—BZ, 44, 1961, S. 561—545).

¹⁴⁶ *G. A. Williamson. Procopius. The Secret History.* West Drayton, 1966.

пути определения социально-политической направленности трудов Прокопия, отмечалось, что его враждебность к Юстиниану отражала настроения старой senatorской аристократии, идеологом которой он являлся¹⁴⁷.

Но, думается, следует сделать еще шаг для решения этой проблемы: надо рассмотреть мировоззрение Прокопия в целом, проанализировать его социально-политические, философские, этические, религиозные взгляды и представления.

Социально-политические воззрения

Причиной оппозиционных настроений Прокопия, естественно, были не только личные, нравственные качества, не только личная ненависть к правительству, проистекающая, быть может, от каких-то обид, причиненных ему при дворе. Эта оппозиционность имела более глубокие корни. Его раздвоенность была порождена самой жизнью, сложнейшей идейно-политической борьбой внутри господствующего класса империи VI в.

Для мировоззрения Прокопия характерно, что он нападает на правительство Юстиниана справа, с позиций консервативных кругов старой senatorской аристократии. Оппозиционность Прокопия лишена черт демократизма, свободолюбия, стремления критиковать правительство с точки зрения интересов широких социальных слоев населения. Это была оппозиционность узкого круга недовольных аристократов и высших государственных чиновников, фрондирующих против неугодного им императора. Но фрондирующая группировка знати стремилась изобразить себя защитником интересов всего общества и всех подданных империи, угнетаемых Юстинианом.

В своей историко-политической концепции всемирной истории Прокопий — непримиримый противник каких-либо социальных переворотов и защитник всякой законной монархической власти. Он фрондирует именно против данного «дурного» правительства, против тирании Юстиниана, а не против императорской власти вообще. Он выдвигает определенные требования к «мудрому правителю» государства, восхваляя предшественников «выскачок» Юстина и Юстиниана, законных правителей империи: Феодосия — за справедливость и воинские доблести¹⁴⁸, Аркадия — за то, что он советовался с «разными людьми, обыкновенно заседающими в советах царских»¹⁴⁹, и, наконец, Анастасия — за бережливость, предусмотрительность, снятие недоимок¹⁵⁰.

¹⁴⁷ В. А. Панченко. О «Тайной истории» Прокопия; З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», стр. 14—16.

¹⁴⁸ *Procop.*, V. P., I, 2.1—3.

¹⁴⁹ *Ibid.*, I, 2.6.

¹⁵⁰ *Procop.*, N. a., XIX, 5—7; XVIII, 7.

От идеального правителя Прокопий требует благоразумной умеренности. Государь обязан не слушать доносчиков, не позволять себе по своему произволу незаконно убивать подданных и конфисковать их имущество¹⁵¹.

Истинный василевс, по Прокопию, должен защищать в рамках законности свободу и безопасность отдельного человека, быть добрым и великодушным, облегчать налоги¹⁵², делать пожертвования беднякам¹⁵³. Особенно солдаты, которые несут защиту империи, должны находить помощь и поддержку у императора¹⁵⁴. Этот идеальный образ правителя резко контрастировал с портретом реального императора Юстиниана, отнюдь не следовавшего подобным советам историка.

В недовольстве правлением Юстиниана немалую роль играли династические интересы той части аристократии, которая хотела вновь посадить на престол наследников законной династии Анастасия. Прокопий явно на стороне этих заговорщиков. Это проявляется в описании восстания Ника. Если восстание народа («бунт черни») вызывает страх и ненависть историка, то династические планы знатных участников восстания — сенаторов, наоборот, встречают сочувствие Прокопия. Он всячески стремится обелить племянника Анастасия, Ипатия, отделив его от восставшего народа, подчеркнуть, что он был невинной жертвой Юстиниана. Прокопий поддерживает маловероятную версию, что Ипатий якобы сам не стремился занять императорский престол, а был насильно коронован восставшим народом¹⁵⁵. Прокопий в «Тайной истории» не скрывает своих симпатий к подвергшимся гонениям сенаторам, участвовавшим в восстании Ника. Он осуждает Юстиниана и Феодору за конфискацию имущества знатных заговорщиков. В этом рассказе можно даже уловить намек на личную близость Прокопия к сенаторским кругам, подвергшимся репрессиям. Заключая рассказ о преследовании сенаторов, Прокопий пишет: «Поэтому в моих глазах и глазах многих наших (διὰ δὴ ἐμοῦ καὶ τοῖς πολλοῖς ἡμῶν) они (Юстиниан и Феодора. — З.У.) казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны»¹⁵⁶.

Кроме того, Прокопий резко нападал на борьбу цирковых партий венетов и прасинов, особенно на бесчинства стасиотов партии венетов, пользующейся покровительством Юстиниана. В своей вражде, пишет о стасиотах историк, они забывают законы божеские и человеческие, совершают неслыханные преступления против бога, закона и государства. Борьбу цирковых партий

¹⁵¹ *Procop.*, В. V., I, 3.7.

¹⁵² *Procop.*, Н. а., XXIII, 1.

¹⁵³ *Ibid.*, XXVI, 41.

¹⁵⁴ *Ibid.*, XXIV, 1—32 (об обидах Юстиниана, чинимых воинам).

¹⁵⁵ *Procop.*, В. P., I, 17—25; 31; 42—58.

¹⁵⁶ *Procop.*, Н. а., XII, 14.

Прокопий называет некоей душевной болезнью, охватившей людей¹⁵⁷. Однако Прокопий хвалит поведение умеренной части партии венецов во время восстания Ника. Сенатор Ориген и вожди венецов были против наступательной тактики в восстании и, испугавшись народного движения, фактически предали восставшую «червь»¹⁵⁸. Благодаря такому поведению, с точки зрения Прокопия, они в крайних обстоятельствах «оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей»¹⁵⁹.

Краеугольным камнем идеального государства Прокопий считает соблюдение законов и повиновение властям. Для идеального царства необходима крепкая, устойчивая, законная власть и особенно опасна тирания. При Юстиниане же «ни закон, ни установления не имели силы и не оставались неприкосновенными, везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен тирании, и притом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день»¹⁶⁰. Сильный и мудрый правитель, опирающийся на лучших людей государства, советуемый с сенатом и соблюдающий законы, — вот идеал Прокопия.

Прокопий — по существу консерватор, оплакивающий упадок старых «добрых» порядков Римской империи. Он со страстью нападает на действительные и мнимые «новшества» Юстиниана¹⁶¹. Особый гнев Прокопия и его единомышленников вызывает, конечно, притеснение Юстинианом сенаторов. Для Прокопия сенаторское сословие — избранная, «величайшая» часть Римской империи¹⁶². Он неоднократно с величайшим уважением говорит о консулах и консулате¹⁶³.

¹⁵⁷ *Procop.*, V. P., I, 24. 1—58.

¹⁵⁸ *Ibid.*, I, 24. 24; 26 sq.

¹⁵⁹ *Procop.*, N. a., VIII, 3.

¹⁶⁰ *Ibid.*, VII, 34. Прокопий признает существовавшие в его время разграничения понятий «василевс» и «тиран». Василевс — это законный правитель, избранный сенатом, войском и народом; тиран — тот, кто покусился на власть законного правителя. Несмотря на свою личную антипатию, Прокопий все же признает Юстиниана законным правителем, в отличие, например, от Виталиана, который был тираном (*Procop.*, V. P., I, 8.3.).

¹⁶¹ «Охранять то, что было установлено, он, Юстиниан, не считал нужным, — пишет Прокопий, — вечно он хотел делать по-новому; одним словом, он был величайшим разрушителем всего того, что прежде было хорошо устроено» (*Procop.*, N. a., VI, 21). В правление Юстиниана, по словам Прокопия, «в делах было большое расстройство; не оставалось и следа от прежних привычных установлений» (*ibid.*, XIV, 1). Прокопий осуждает Юстиниана за уничтожение старых государственных должностей и введение новых, за изменение законов и реформу армии. Он подчеркивает, что все это делалось не в силу необходимости, не для пользы дела, «но для того, чтобы все было по-новому и носило его имя» (*ibid.*, XI, 1). Историк превозносит знатного вельможу за то, что тот выступал против всяких новшеств в законах и установлениях государства (*Procop.*, V. P., I, 11.10—13).

¹⁶² *Procop.*, N. a., XI, 17.

¹⁶³ *Procop.*, V. P., I, 25, 40; V. G., III, 32.14; 35.10; IV, 21.2.

Немудрено, что историк искренне возмущается возвышением выходцев из низов вроде Иоанна Каппадокийского¹⁶⁴, Петра Барсими и многих других¹⁶⁵. Прокопий с негодованием говорит о низком происхождении Юстина, Юстиниана и особенно Феодоры¹⁶⁶.

Особо выделяет он в обществе лиц сенаторского сословия и никогда не забывает провести грань между даже наиболее состоятельными гражданами, но не принадлежащими к сенаторскому сословию, и сенаторами¹⁶⁷. Он негодует на царственную чету за унижение сенаторов, особенно за их ограбление и ограничения сенаторского землевладения¹⁶⁸.

Прокопий подчеркивает при этом, что звание патрикия несовместимо с понятием бедности, поэтому разорение особенно тяжело и оскорбительно для лиц столь высокого звания¹⁶⁹.

Историк оплакивает несчастную судьбу знатных и добродетельных людей, ставших жертвами мстительной злобы Феодоры¹⁷⁰. Он с сочувствием к жертвам рассказывает, что Феодора насильно выдавала знатных девушек сенаторского сословия за нищих и ничего не стоящих людей с целью унижить сенаторское звание¹⁷¹. С горечью и даже с некоторой иронией говорит Прокопий об упадке былого величия римского сената. Ныне он не обладал уже никакой реальной властью, и «часто случалось, что то, что было постановлено сенатом и затем поступало на утверждение императора, в конце концов получало у него совершенно обратное решение»¹⁷². Сенат собирался лишь для видимости и покорно выполнял волю императора и императрицы.

«Сенат сидел, как какая-нибудь картинка, лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни вы-

---

¹⁶⁴ *Procop.*, V. P., I, 24. 12—13; 25.3—10.

¹⁶⁵ *Procop.*, H. a., XIII, 14.

¹⁶⁶ *Ibid.*, VI, 1—17; XX.

¹⁶⁷ *Ibid.*, XI, 40—41.

¹⁶⁸ Он сообщает об ограблении Юстинианом сенатора Зинова, внука западного императора Анфимия (*ibid.*, XII, 1—4); об ограблении при помощи подложных завещаний сенаторов Татиана, Демосфена и Гилары (*ibid.*, XII, 5), Дионисия из Либана, Иоанна из Эдессы и др. (*ibid.*, XII, 6—7); о конфискации имущества сенаторской знати (*ibid.*, XII, 11—14; XXVI, 3.16; XXIX, 20). Фей, признавая, что политические симпатии Прокопия были на стороне сенаторского сословия, однако делает из этого малоубедительный вывод о том, что Прокопий якобы был защитником идеального монарха феодального типа, который мог бы обеспечить знати экономическое преобладание и высокое место на императорской служебной лестнице (*O. Veh. Op. cit.*, I, S. 14).

¹⁶⁹ *Procop.*, H. a., XV, 25—35.

¹⁷⁰ *Ibid.*, XV, 20—35; XVI, 15—28; XVII, 1—3. Например, Феодора наказала позорной казнью друга Велисария Феодосия, «хотя он носил звание сенатора». Брошенный в темное подземелье, где его привязали к стойлу, и испытывая невыносимые мучения, он сошел с ума и затем умер (*ibid.*, III, 9—11).

¹⁷¹ *Ibid.*, XVII, 7—13.

¹⁷² *Ibid.*, XIV, 7.

ступить с достойным предложением; его собирали только для вида, для выполнения древнего закона, так как никому из созданных сюда не полагалось вообще даже голоса подавать, а постановление выносилось императором и его супругой»¹⁷³.

Возмущаясь тем, что император Юстиниан женился на бывшей актрисе и куртизанке, Прокопий признает, что «никто из сенаторов, видя такой позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому; все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству»¹⁷⁴.

Прокопий осуждает рабское пресмыкательство сенаторов и других сановников перед Юстинианом и особенно перед Феодорой, хотя и сам, видимо, грешил этим. «Способность суждения, — пишет он, — даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, насмерть перепуганных: пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении»¹⁷⁵.

Картина раболепия высшей знати в приемной Феодоры поистине потрясает. Если Юстиниан был доступен, то, чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимающих важные должности в государстве, требовалось много времени и труда. Под страхом смерти все вельможи обязаны были простаивать в рабском ожидании долгие часы и дни в узком и душном коридоре, ведущем в покои императрицы. Они поднимались на цыпочки и вытягивали шеи, чтобы выходящие из внутренних покоев Феодоры евнухи могли их заметить. К владычице приглашались лишь немногие, после долгих дней ожидания, и, входя к ней с великим страхом, они удалялись как можно скорее, только отдав ей земной поклон и коснувшись краями губ подошвы ее ног. Права говорить с ней или просить ее о чем-либо, если она сама не приказывала, им не предоставлялось.

«Таким образом, — завершает свой рассказ Прокопий, — вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов»¹⁷⁶.

Прокопий резко выступает против тирании — конечно, такой, которая задевает интересы знати. Так, в знаменитом предисловии к «Тайной истории» он пишет: «Ведь большинство властителей — люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков»¹⁷⁷. Сознавая, что тиранический режим Юстиниана привел к упадку былых доблестей римской аристократии, не способной свергнуть

¹⁷³ Ibid., XIV, 6.

¹⁷⁴ Ibid., X, 6.

¹⁷⁵ Ibid., VII, 32.

¹⁷⁶ Ibid., XV, 16.

¹⁷⁷ Ibid., I, 7.

тирана, Прокопий ищет идеал политического устройства в далеком прошлом¹⁷⁸.

Он особо подчеркивает, что честных граждан Юстиниан считал людьми старого уклада, не призывая их на государственную службу. Они были у него всегда в немилости¹⁷⁹.

Прокопий не верит в существование политических разногласий между Юстинианом и Феодорой и считает, что они всегда действовали заодно, стремясь расколоть своих противников. «И вот всегда, — пишет Прокопий, — при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, внешне изображая разногласия, они могли разобщать подданных и тем самым свою тиранию делать наиболее прочной»¹⁸⁰.

Консерватизм Прокопия тесно переплетается со своеобразным римским патриотизмом. Ему близка и понятна идея великого и вечного Рима, высказанная еще Полибием и так ярко выраженная в труде Аммиана Марцеллина. Однако у Прокопия эта концепция уже трансформируется в идею величия не города Рима, а Римской империи. Современный мир мыслится Прокопием как Римская империя и варварская периферия. Византийское государство он называет Римской империей¹⁸¹, а Юстиниана — римским императором¹⁸².

Вместе с тем Прокопий с большим интересом относится к городу Риму¹⁸³, но культ Рима в его трудах не получил развития. Он не стал, как Аммиан Марцеллин, гражданином города Рима. Столицей же империи и воплощением ее величия для Прокопия уже был новый Рим — Константинополь.

Он всегда мыслит себя прежде всего гражданином мировой Римской державы. Все человечество византийский историк делит на римлян (ромеев) — носителей высокой древней культуры и государственности — и варваров.

По социальным симпатиям и образу жизни Прокопий — утонченный аристократ, поклонник античной культуры, восхваляющий добродетели знати и презирающий народ, грубую, левоверную и кровожадную чернь. Наряду со знатью в своем повествовании Прокопий иногда упоминает и о народных массах — солдатах, моряках, крестьянах, ремесленниках. Од-

¹⁷⁸ Прокопий оплакивает упадок древних римских учреждений и законов. Римские полководцы на Западе Бонифаций и Аэций для него — последние римляне, отличавшиеся величием духа и воплотившие в себе все добродетели прежних римлян (*Procop.*, B. V., I, 3.14—15; 28—30). Историк упрекает Юстиниана за то, что он не обладал ничем, свойственным древнему званию императора, и по языку, внешнему виду и образу жизни уподоблялся варварам (*Procop.*, H. a., XVI, 2).

¹⁷⁹ *Procop.*, H. a., XIII, 25.

¹⁸⁰ *Ibid.*, X, 23.

¹⁸¹ *Procop.*, B. P., II, 5.1; B. V., I, 3.29.

¹⁸² *Procop.*, B. P., I, 1.1.

¹⁸³ *Procop.*, B. V., I, 2.14; II, 9.2.; B. G., IV, 22.7; *O. Veh. Op. cit.*, I, S. 17—22.

нако в глубине души он мало думает о них, и даже когда сетует о несчастной доле бедняков и нищих, которых Юстиниан лишил государственных раздач, то и тогда он говорит об этом не из сочувствия к страждущим, а в порицание ненавистному государю ¹⁸⁴.

Прокопий отмечает изменчивость настроений масс: народ «не может ни переносить настоящего положения, ни предвидеть будущее, но легкомысленно берется за невыполнимое и умеет только по своей неосмотрительности гибнуть»¹⁸⁵. Историк указывает на легковерие толпы, которая, как обычно бывало, желала быть зрителем происшествий, сопряженных с опасностью для других ¹⁸⁶. Говоря об изменчивости настроений толпы, Прокопий подчеркивает ее преклонение перед сильной властью. После провозглашения Феодоры императрицей «народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей»¹⁸⁷.

Вместе с тем Прокопий иногда говорит о народе с симпатией. Так, во время осады Антиохии персами «народ антиохийский, беззаботный, шуточный и дерзкий на слова, собираясь на стенах, ругал Хосрова и подшучивал над ним с громким смехом»¹⁸⁸. Во время последовавшего затем штурма Антиохии многие юноши из народа мужественно защищали родной город и проявили даже больше доблести, чем византийские воины ¹⁸⁹. При этом перед лицом общей опасности были даже забыты распри цирковых партий. «Многие молодые люди из народа, — пишет Прокопий, — которые прежде на конских ристаниях всегда находились в раздоре, спустившись со стен, не предавались бегству, а оставались на месте и храбро сражались» ¹⁹⁰. За это Хосров жестоко с ними расправился. Римские же воины обратились в бегство, давя народ, и Антиохия была сдана персам. Прокопий признает, что во время осады войсками Хосрова Эдессы против персов сражались не только римские воины, но и поселяне из окрестных деревень и горожане из народа. Некоторые из поселян проявляли в бою чудеса храбрости ¹⁹¹. Участие масс способствовало победе над персами.

Но если Прокопий, высокомерно относясь к народу, все же иногда воздает ему должное, то в отношении рабов историк остается истинным рабовладельцем, полностью отказывая им в каких-либо достоинствах и приписывая им самые низкие пороки: рабы лживы, коварны, им нельзя доверять, и они ненавидят своих

---

¹⁸⁴ *Procop.*, Н. а., XXVI, 18—44.

¹⁸⁵ *Procop.*, В. Г., II, 3.24—25.

¹⁸⁶ *Procop.*, В. V., I, 10.6.

¹⁸⁷ *Procop.*, Н. а., X, 8.

¹⁸⁸ *Procop.*, В. P., II, 8.6.

¹⁸⁹ *Ibid.*, II, 8.11—12.

¹⁹⁰ *Ibid.*, II, 8. 17; 17—19; 26—28; 34.

¹⁹¹ *Ibid.*, II, 27.23.

господ, совершенно невозможно принимать во внимание их показания против хозяев¹⁹².

Мировоззрение Прокопия, как и его политические взгляды, ярко отражает кризисную, переходную эпоху.

В его трудах звучат пессимизм, разочарованность, неверие в будущее, что весьма свойственно уходящим с исторической арены общественным классам. Вряд ли можно найти в византийской историографии другое столь же мрачное произведение, как «Тайная история». Для Прокопия эпоха, в которую он живет, — «печальные времена»¹⁹³, когда «и в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось с неба, и жизнь у всех стала безрадостной»¹⁹⁴.

Прокопий рисует мрачными красками жизнь современного ему общества: «Сидя у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастьях, о чудовищных размерах этого небывалого горя»¹⁹⁵.

Итак, мы можем прийти к выводу, что Прокопий во многом являлся идейным рупором сенатской аристократии Византии. Правительство Юстиниана искало и находило себе социальную опору в крупном церковном землевладении и части торгово-ремесленной знати. Сенаторская аристократия Константинополя в период самодержавного правления Юстиниана в значительной степени потеряла политическое влияние, была оттеснена от высших государственных должностей, лишилась многих земельных владений и потому составила оппозицию внутри господствующего класса. Политические настроения этой оппозиции и нашли отражение в сочинениях Прокопия, особенно в его «Тайной истории».

Философские и религиозные взгляды

По своим философско-этическим взглядам Прокопий во многом являлся эклектиком.

Как и его младший современник и продолжатель — Агафий, Прокопий некоторые философские концепции заимствовал у античных философов. Большое влияние на формирование его воззрений, видимо, оказала скептическая школа философии. Отсюда почерпнул он идеи о непознаваемости мира и природы вещей, отсюда его крайне пессимистическое мнение о сущности человеческих страстей и характеров. Он глубоко убежден, что нет предела испор-

¹⁹² *Procop.*, Н. а., I, 21—27; XI, 35.

¹⁹³ *Ibid.*, XXIII, 13.

¹⁹⁴ *Ibid.*, XXVI, 10.

¹⁹⁵ *Ibid.*, XXVI, 11; З. В. Удальцова. Мировоззрение Прокопия Кесарийского.— ВВ, 31, 1971, стр. 8—22.

ченности человеческой природы¹⁹⁶. Его труды изобилуют сентенциями о дурных чертах человеческих характеров. Он подчеркивает, например, что зависть свойственна человеку, «а с завистью нигде не уживается справедливость»¹⁹⁷. Людям присущи непостоянство, склонность к измене. «Так, люди вместе с обстоятельствами меняют и мнения, составленные ими прежде»¹⁹⁸.

Однако иногда у Прокопия проскальзывают задушевные, теплые ноты. Самые высокие чувства человека, рассуждает Прокопий, — любовь к детям и почитание умерших¹⁹⁹. Чувство самоуважения — это спутник подвигов, величайший побудитель всех людей к доблести. Стыдно человеку, замечает историк, имеющему разум, быть хуже, чем он есть на самом деле, и в глазах людей считаться недостойным его собственной природной отваги²⁰⁰.

Нет радости от победы, размышляет Прокопий, добытой кровью²⁰¹. Занятие философией, по его мнению, несовместимо с убийствами, войнами²⁰².

Одной из основных философских идей, проходящих красной нитью через все произведения Прокопия, является идея изменчивости и непрочности всего земного. В человеческих делах нет ничего постоянного и нет ничего невозможного²⁰³. Человек должен в жизни ловить случай. Когда минет благоприятный случай, он уже никогда не вернется. Лучше, предупредив несчастье, оказаться в безопасности, чем, упустив счастливый случай, испытать от врагов позор²⁰⁴.

Сами люди в связи с переменой судьбы и обстоятельств меняют свои прежние мнения²⁰⁵. Судьба же изменчива, и каждый день любит менять свой ход²⁰⁶.

Счастье случайно и кратковременно и дается людям отнюдь не за их заслуги и добродетели; часто оно дарит своими мило-

---

¹⁹⁶ *Procop.*, Н. а., XXI, 22—26. Прокопий рассказывает, что Юстиниан ставил во главе правления людей негодных, «первых по подлости», а их преемники были еще подлее, проявляя еще большую нравственную испорченность, что свидетельствует о том, что нет предела низости человеческой природы.

¹⁹⁷ *Procop.*, В. Р., II, 2.15.

¹⁹⁸ *Procop.*, В. V., I, 5.50.

¹⁹⁹ Прокопий в подтверждение этого приводит рассказ о бедном рыбаке, который пожертвовал жизнью, отняв у чудовища невиданной красоты жемчужину, с тем чтобы шах после его смерти вознаграждал его детей (*Procop.*, В. Р., I, 4.14—17). Самое чистое чувство благородной души проявляется в отношении к умершему (*ibid.*, I, 4.26).

²⁰⁰ *Procop.*, В., V, II, 1.16—17.

²⁰¹ *Procop.*, В. Р., II, 9.4.

²⁰² *Procop.*, В. G., I, 6.10.

²⁰³ *Procop.*, В. V., I, 22.10.

²⁰⁴ *Procop.*, В. Р., II, 2.11. Случай на войне играет особенно большую роль. Те, кто упускает счастливый случай, обычно навлекают на себя возмездие божества (*Procop.*, В. V., I, 1.24); ср. II, 4.14—25.

²⁰⁵ *Procop.*, В. V., I, 5.10.

²⁰⁶ *Ibid.*, II, 3.16.

стями людей недостойных²⁰⁷. Зато оно всегда изменчиво и непостоянно. «Я думаю, — пишет Прокопий, — недалеко от истины древнее мнение, что бог не дает людям чистого счастья иначе, как смешав его с несчастьем. К благополучию всегда приковано злополучие, к удовольствиям — горечь, не позволяющая никогда насладиться полным благоденствием». Оттого и смеемся мы не без слез, заключает свои рассуждения автор²⁰⁸.

В мировоззрении Прокопия некоторые черты античного мирозерцания сочетаются с элементами христианской идеологии. Античное понимание судьбы²⁰⁹ (τύχη) сопряжено у Прокопия с верой в божественный промысел, который управляет людьми²¹⁰.

Прокопий с некоторой иронией говорит о философах, пытающихся объяснить и понять все явления окружающего мира, постичь причины изменчивости человеческих судеб. «Может быть, люди с дерзновенным умом, — пишет он, — могут найти причины всему тому, что небо посылает на землю; так и делают те, которые способны высокопарно объяснять причины непостижимого и составлять сверхъестественные системы о природе, хотя знают сами, что в словах их нет ничего здорового; между тем для них довольно, если им удастся кого-нибудь убедить обманом. Что касается описываемого здесь бедствия (чумы. — З. У.), то нет возможности ни сказать, ни придумать другой причины, кроме воли божьей»²¹¹. В этих словах Прокопия звучат с большой силой идеи непознаваемости мира, непостижимости сущего, слабости человеческого разума перед тайнами природы, которые могут быть объяснены только произволом божества. Здесь можно усмотреть некоторые элементы агностицизма.

Иногда Прокопий все изменения в делах человеческих приписывает велению судьбы. Так, возведением на императорский престол Феодоры судьба как бы хотела показать свое могущество.

²⁰⁷ *Procop.*, В. Р., II, 9.13.

²⁰⁸ *Ibid.*, II, 9.1.

²⁰⁹ *Procop.*, Н. а., X, 9—10; В. Р., II, 9.13; 17.

²¹⁰ *Procop.*, Н. а., IV, 44—45; В. Р., II, 22.2. В современной зарубежной историографии распространено мнение, что понятие «судьба»

(τύχη) у Прокопия близко к понятию бог (θεός) и употребляется скорее в христианском, чем в античном смысле. (*O. Veh. Op. cit.*, I, S. 24—25; *B. Rubin. Prokopios von Kaisareia*, col. 56). По Рубину,

τύχη у Прокопия охватывает представление о случае, счастье, провидении и не противостоит понятию θεός. Τύχη как движущая сила жизни человека и человеческой истории у Прокопия не обладает мифическо-антропоморфными чертами, но вместе с тем τύχη не исчерпывается и только христианскими элементами. Восходя к индо-германской первобытности, через греческую религию это понятие перешло в позднеантичный синкретизм. Оно также испытало влияние доисламского и германского мира (*B. Rubin. Prokopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt des oströmischen Geschichtsschreibung*, S. 20—25).

²¹¹ *Procop.*, В. Р., II, 22. 1—2. Злая судьба поражает мысли тех, кто подпал под ее власть (*Procop.*, В. Р., II, 1.18).

«Она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами»²¹³. Судьба внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту и без всякого к тому основания, тогда все препятствия рушатся и все уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. «Но пусть обо всем этом говорят, что хотят и пусть оно будет так, как угодно богу»,— завершает свои размышления автор²¹³. Вместе с тем, признавая могущество судьбы, Прокопий не призывает человека к полной покорности ей, не обрекает его на пассивную бездеятельность. Он считает, что «никакие старания не могут быстро исправить бедствий, происходящих по воле судьбы, но рассудок легко может исправить зло, причина которого — сам человек»²¹⁴.

В мировоззрении Прокопия античная идея судьбы, рока причудливо переплетена с христианской верой в божественное предопределение, в то, что все совершается по воле единого божества.

Так, Прокопий пишет: в течение всех прошлых веков многое происходило вопреки всяких надежд и ожиданий, и всегда и в будущем это будет случаться, пока судьба неизменно правит людьми²¹⁵. Причем провидение иногда достойных разит, а дурных милует²¹⁶. Однако помощь божья всегда бывает с теми, кто выступает за правое дело²¹⁷.

Но в других случаях Прокопий неожиданно иронизирует над самим понятием судьбы и заменяет его «божьем соизволением». «Таким образом выходит,— пишет Прокопий,— что все человеческие дела управляются не планами людей, но божьим соизволением; это то, что люди привыкли называть судьбой, не зная, почему события, которые совершаются на их глазах, пошли этим путем, а не иным. Всему тому, что является непонятным, любят давать имя судьбы. Но пусть каждый о подобных вещах судит по своему усмотрению, как ему угодно»²¹⁸.

²¹³ *Procop.*, Н. а., X, 9.

²¹³ *Ibid.*, X, 10.

²¹⁴ *Procop.*, В. Р., I, 14.22.

²¹⁵ *Procop.*, В. В., II, 7.18. Говоря о быстром и легком завоевании Северной Африки Велисарием, Прокопий приписывает это воле судьбы (*ibid.*, II, 7.20—21); крепость Петра в Лазике попала в руки персов по той же причине (*Procop.*, В. Р., II, 17.16). Антиохийцам в 540 г. суждено было, по словам Прокопия, погибнуть от персидского войска. «Ведь судьба,— пишет историк,— пожелав возвысить кого-то, всегда в надлежащее время выполняет свое решение, потому что никто не может противиться могуществу ее велений» (*Procop.*, В. Р., II, 9.13). При этом она иногда цокровительствует недостойным (*ibidem*).

²¹⁶ Так, чума по воле провидения поражала лучших людей и пощадил много дурных (*Procop.*, В. Р., II, 23.16).

²¹⁷ *Procop.*, В. В., I, 49.6.

²¹⁸ *Procop.*, В. Р., II, 10.5. Геллмер по воле божьей потерял разум и проиграл сражение (*Procop.*, В. В., I, 49.25). Рок и судьба преследуют вандалов (*ibid.*, I, 25. 11--13).

Скептицизм, неверие в силы человека, всецело подчиненного божеству; судьбе, неверие в прочность человеческого счастья — вот идеи, часто встречающиеся в трудах Прокопия. «Я не могу постигнуть, — замечает он, — почему богу угодно поднимать на такую ступень высоты одного человека или один город, потом низвергать его и обращать в прах без всякой причины, нам видимой»²¹⁹.

Затем, как бы спохватившись, что подобный скептицизм противоречит христианской религии, Прокопий заявляет: «Но этим я не хочу сказать, — это было бы нечестиво, — будто не все совершается по его (бога. — *З. У.*) высшему усмотрению»²²⁰.

Отношение историка к христианству довольно противоречиво. Он совершенно чужд христианской ортодоксальности. И хотя Прокопий, естественно, не мог выступать открыто против христианства, особенно в своих официальных трудах, он тем не менее не скрывает сочувствия к аристократам-язычникам, гонимым за их религиозные убеждения²²¹. Политик в Прокопии всегда берет верх над христианином. Так, ставя превыше всего интересы старой сенаторской аристократии, он выступает в защиту светского землевладения в его борьбе с церковным. Его крайне раздражает покровительство Юстиниана высшему духовенству, он негодует против расширения владений церкви в ущерб сенаторской знати²²².

Прокопий осуждает Юстиниана за его благочестие. «В вере христианской, — пишет Прокопий, — он (Юстиниан. — *З. У.*) считал себя твердым, но и это, как и все у него, служило на погибель его подданных. Церковнослужителям он позволял с полной безнаказанностью совершать насилия над ближними, и если они грабили соседей, он неизменно выражал им сочувствие и оказывал поддержку, думая, что этим проявляет свое почтение к богу»²²³. Прокопий осуждает церковнослужителей за то, что они не мешали провозглашению Феодоры императрицей и беспрекословно готовы были признать ее владычицей²²⁴.

Чаще всего Прокопий довольно индифферентен к вопросам веры. Он подчеркнуто не вмешивается в религиозную борьбу своего времени и, в отличие от церковных — как византийских, так и латинских — авторов VI в., очень мало говорит о религиозных спорах монофиситов, ариан, православных, о борьбе по вопросу о трех главах и о других религиозных разногласиях, волновавших его современников. Более того, он, как уже упоминалось, осуждает Юстиниана за увлечение в конце жизни богословскими спорами в ущерб государственным делам²²⁵. Чрезвычайно показательно,

²¹⁹ *Procop.*, В. Р., II, 10.4

²²⁰ *Ibid.*, II, 10.5.

²²¹ *Procop.*, Н. а., XIII, 4.

²²² *Ibid.*, X, 8.

²²³ *Ibid.*, XIII, 4.

²²⁴ *Ibid.*, X, 8.

²²⁵ *Procop.*, В. Г., III, 32.9.

что в своей ненависти к Юстиниану он доходит до того, что резко осуждает его за преследования еретиков, хотя, с точки зрения ортодоксального христианина, это должно было, наоборот, заслужить одобрение. Так, он пишет: «Стремясь к тому, чтобы заставить всех исповедовать одинаковым образом христианскую веру, он, не обращая внимания ни на что, губил людей инаковерующих, делая это под видом благочестия. Он считал, что не является убийством, если гибли от его руки и умирали люди, бывшие не одного с ним исповедания»²²⁶. Вместе с тем Прокопий отмечает колебания в религиозной политике Юстиниана, подчеркивая, что, «когда он был владыкой римляни, не было по отношению к богу ни крепкой веры, ни исповедания...»²²⁷. Прокопий, конечно, не оправдывает еретиков и считает их учение заблуждением. «Во всей Римской империи,— говорит он,— было много превратных учений, которые обычно называются ересями: учение монтанистов, саббатнан и многие другие, в которых обычно заблуждаются мысли человеческие»²²⁸. Но вместе с тем он резко осуждает Юстиниана за преследование и истребление приверженцев еретических сект²²⁹. Кроме того, Прокопий считает, что гонение против богатого арианского духовенства привело к потере работы и обнищанию ремесленников-православных, трудившихся в мастерских арианских храмов²³⁰.

Такое равнодушие к церковно-догматическим спорам и вопросам христианской религии было, видимо, вообще довольно распространенным явлением среди сенаторской аристократии, к которой близко стоял Прокопий. Ведь именно в ее среде были еще сильны античные традиции, античное миропонимание, преклонение перед древней цивилизацией. Недаром именно в кругах рабочей аристократии дольше всего жило язычество, так жестоко преследуемое Юстинианом.

Однако отнюдь нельзя утверждать, что сам Прокопий — не христианин, а чуть ли не тайный язычник²³¹. Для подобных выводов нет никаких оснований. Прокопий верит в бога, в промысел божий²³², однако эта вера не носит характера ортодоксального благочестия, а окрашена в тона умеренной «официальной» религиозности. Христианское вероучение Прокопий излагает очень кратко, в соответствии с постановлениями Халкидонского собо-

²²⁶ *Procop.*, Н. а., XIII, 7.

²²⁷ *Ibid.*, XIII, 23.

²²⁸ *Ibid.*, XI, 14.

²²⁹ *Ibid.*, XI, 15—29.

²³⁰ *Ibid.*, XI, 16—20.

²³¹ Фей, например, считает, что Прокопий, хотя и упоминает старых языческих богов, сохраняет к ним лишь антикварный интерес (*O. Veh.* Op. cit., II, S. 16).

²³² *Procop.*, В. Р., II, 10,4—5. Хосров выступил не против Юстиниана, а против единого бога, которому поклоняются христиане (*ibid.*, II, 26,2). Однако представления Прокопия о боге довольно расплывчаты и, по-видимому, испытали влияние неоплатонизма (*O. Veh.* Op. cit., I, S. 21—22).

ра²³³. Он упоминает о христианских таинствах²³⁴, праздниках²³⁵, христианских персонажах Нового завета. Историк признает добродетельный образ жизни монашества и говорит о монахах как о «самых воздержанных христианах»²³⁶.

Прокопий восхваляет подвижническую жизнь некоего блаженного Якова, жившего в Сирии, близ Амиды, и творившего различные чудеса²³⁷. Вообще Прокопий довольно суеверен и повторяет в своих трудах многие рассказы и легенды о различных чудесах, ходившие в народе.

Вера в сверхъестественные силы²³⁸, в предзнаменования²³⁹, сны²⁴⁰, гадания²⁴¹ является также характерной чертой мировоззрения Прокопия, как, впрочем, и почти всех других византийских авторов той поры.

Вместе с тем Прокопий критически относится к оракулам — он называет их фантазерами и их решения находит абсурдными²⁴². Явно отрицательно он относится к мантике и гаданию по звездам²⁴³. Большое место в его мировоззрении, однако, занимают так называемые *prodigia* — предзнаменования, связанные с явления-

---

²³³ *Procop.*, De aed., V, 7.3; В. Р., II, 12.22.

²³⁴ *Procop.*, Н. а., I, 16; В. V., II, 26.25.

²³⁵ *Procop.*, В. Р., I, 18, 15; В. V., II, 14.2.

²³⁶ *Procop.*, В. Р., I, 7.22.

²³⁷ *Ibid.*, I, 7.5—11. Со всей серьезностью Прокопий говорит, что, когда воины-эфталты напали на Якова и хотели поразить его стрелами, их руки внезапно были парализованы по воле праведника.

²³⁸ *Ibid.*, II, 13.22—23; Дару спас от персов некий сверхчеловек. Прокопий подозревает, что Юстиниан и Феодора — демоны (*Procop.*, Н. а., XII, 14—23; XVIII, 36).

²³⁹ Прокопий приводит предсказание, что «мир (*mundus*) погибнет с потомством», которое якобы сбылось, когда погибли полководец Мунд и его сын (*Procop.*, В. Р., I, 6.7). Затмение солнца, по мнению Прокопия, предвещало войну и моровую язву (*Procop.*, В. V., II, 14.4—6). Взятие Антиохии персами предвещало то, что знамена византийских воинов повернулись сами к Востоку. Это чудо, по словам историка, явил жителям Антиохии бог (*Procop.*, В. Р., II, 10.1—3). Накануне битвы при Трикамаре в Северной Африке в лагере византийцев засветились острия копий; такое же чудо вновь повторилось у византийцев в Италии много лет спустя. Первый раз, по рассказу Прокопия, они еще не подозревали, что оно означает, а потом уже знали, что это — знамение победы (*Procop.*, В. V., II, 2.6—7). Но Прокопий отказывается толковать, что предвещает появление кометы (*Procop.*, В. Р., II, 4.1—3).

²⁴⁰ *Procop.*, Н. а., XIX, 1—4; В. V., I, 12.

²⁴¹ Прокопий верит в «божественное внушение» (*Procop.*, В. Р., II, 23.15). Во время чумы многие во сне и наяву видели демонов, что сулило им гибель. Совершение священных обрядов не спасало от чумы, и люди умирали в храмах (*ibid.*, II, 22.10—12). Колдуны предсказывали, по словам Прокопия, Иоанну Каппадокийскому верховную власть. По этому поводу Прокопий пишет: «Так демон находит удовольствие в том, чтобы людям, не имеющим здравого рассудка, представлять в блистательных надеждах предмет, имеющий для них особенную прелесть» (*ibid.*, II, 30.51—53).

²⁴² *Procop.*, В. Р., II, 30.52.

²⁴³ Прокопий — против колдовства, нечестивых гаданий, магии, против языческих обрядов (*Procop.*, В. Р., I, 25, 8—10).

ми природы. Он рассказывает с суеверной опаской о затмении солнца ²⁴⁴, об угрозе со стороны кометы ²⁴⁵, о голоде и наводнениях ²⁴⁶.

В заключение следует отметить, что религиозность Прокопия в различных его сочинениях выражена по-разному. В трактате «О постройках» он проявляет значительно большую ортодоксальность и преданность христианской религии, чем в «Истории войн Юстиниана», и особенно в «Тайной истории». Трактат «О постройках» буквально пестрит благочестивыми заявлениями о помощи божьей и о различных чудесах, которые имели место при постройке христианских храмов ²⁴⁷.

Историк нарочито подчеркивает религиозное рвение и благочестие императора Юстиниана, и первое место в его строительной деятельности, как мы видели, отводит сооружению христианских церквей.

Большую ортодоксальность трактата «О постройках» можно объяснить двояким образом. Как известно, это сочинение было написано Прокопием в 560 г., т. е. уже в преклонном возрасте. Быть может, к этому времени произошла эволюция его религиозных воззрений в сторону усиления христианской набожности и возрастания интереса к вопросам религии.

С другой стороны, трактат «О постройках» был самым официальным произведением Прокопия. Создавая панегирическое сочинение, он должен был вольно или невольно считаться с возросшей христианской богобоязненностью стареющего императора ²⁴⁸.

Вместе с тем Прокопий далек от какого-либо религиозного фанатизма, мистики; ему глубоко чужды идеи умерщвления плоти, отказа от радостей земной жизни, аскетизма и подвижничества.

Отношение к варварским народам

Прокопий проявляет в отношении к варварским народам известную сдержанность и объективность в сочетании с обычным почти для всех византийских писателей того времени высокомерием.

Он не закрывает глаза на огромные перемены, происшедшие в современном ему мире. Он ясно видит, что римляне все больше и больше теряют былое господство, что они сами способствуют отпадению покоренных народов перазумной грабительской поли-

²⁴⁴ *Procop.*, V. V., II, 14.6.

²⁴⁵ *Procop.*, V. P., II, 4.1—3.

²⁴⁶ *Procop.*, V. G., III, 29.6—8.

²⁴⁷ *Procop.*, De aed., I, 1.3; I, 3.1.11, 12; I, 4.17; I, 6.5; I, 7.3 etc.

²⁴⁸ В новейшей литературе на первый план все больше выдвигается христианская ортодоксальность Прокопия (*O. Veh. Op. cit.*, II, S. 16—29; *B. Rubin. Der Fürst der Dämonen...*, S. 469—481; *idem. Prokopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt...*, S. 22; *idem. Prokopios von Kaisareia*, col. 61—71; *Ar. Cameron. The «Scepticism» of Procopius*, p. 466 ff.).

тикой²⁴⁹. Прокопий хорошо сознает, что силы варваров возрастают, а напор их на империю делается все более грозным. И тем не менее, видя грандиозное столкновение двух миров — римского и варварского, историк полон самоуверенной надежды на конечную победу империи.

В описании варварских народов, несмотря на то что Прокопий отдает должное воинственности, доблести, гостеприимству и другим качествам некоторых племен, все же звучат нотки презрительного превосходства образованного римлянина над грубыми варварами²⁵⁰.

Чаще всего Прокопий проявляет к варварам открытую враждебность²⁵¹, подобно Аммиану Марцеллину и Синесию. Однако наряду с этим в сочинениях Прокопия можно обнаружить мысль о необходимости известного компромисса между империей и варварами. Из византийских писателей, предшественников Прокопия, эта идея, как мы знаем, восходит к Приску, Олимпиодору и ритору Фемистию. Как и они, Прокопий иногда утверждает, что все человечество в конечном счете составляет единую семью²⁵². В основе подобных взглядов лежали, думается, не какие-то идеи гуманистического характера, а вполне реальные причины. Ведь Прокопию было очень хорошо известно, какую силу составляют варвары-федераты на службе империи и как важен для Византийского государства союз с ними. Данные Прокопия с необычайной убедительностью свидетельствуют об очень широких масштабах варваризации византийской армии в VI в. Армия Велисария представляла собой пеструю разноплеменную массу и состояла главным образом из варваров. Среди варварских племен, находившихся на службе Византии, мы встречаем гуннов, иначе именуемых Прокопием массагетами, гелидов, славян, антов, готов, маврусиев, исавров, фракийцев и иллирийцев, лангобардов и герулов. Варваризация византийской армии зашла так далеко, что многие высшие командные посты в ней занимали варвары. Византийские полководцы, упоминаемые Прокопием, в том числе и такие выдающиеся, как Мунд, Бесса и другие, были варварами²⁵³. Прокопий нередко отзывается с похвалой о воинских заслугах военачальников и солдат варварского происхождения²⁵⁴. Однако о полном доверии между византийцами и варварами, по Прокопию, не может быть и речи. Варвары, по мнению Прокопия, коварны,

²⁴⁹ *Procop.*, V. G., I, 5.17; II, 20.13—33; III, 1.23—24; 33; *Procop.*, H. a., XXIV, 9.

²⁵⁰ *Procop.*, V. G., II, 14.22—30. Прокопий удивлен, что «человек, родом герул (Фара.— З. У.), не является коварным и не предается пьянству, а выделяется своей доблестью» (*Procop.*, V. V., II, 4.29).

²⁵¹ *Procop.*, V. G., I, 2.12; II, 14.36; *De aed.*, IV, 1.5; VI, 5.2.

²⁵² *Procop.*, V. P., I, 11.18.

²⁵³ *Procop.*, V. G., I, 5.2; I, 16.2; III, 35.23.

²⁵⁴ *Procop.*, V. P., I, 8.3; II, 26.27; V. V., II, 10.3; V. G., IV, 29.22. З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», стр. 39—40; *O. Veh. Op. cit.*, I, S. 23—25.

завистливы, жадны и легко могут изменить²⁵⁵, но они — сила, и с этим приходится считаться.

Сведения о варварах, встречающиеся в трудах Прокопия, можно подразделить на две группы: экскурсии этнографического характера, представляющие собой небольшие самостоятельные рассказы о жизни варварских племен, вкрапленные в историческое повествование, и короткие известия в виде отдельных замечаний о том или ином народе, разбросанные по всем сочинениям Прокопия.

Наибольшее познавательное значение имеют, естественно, экскурсии Прокопия, но вместе с тем именно они испытали особенно сильное влияние античной этнографической традиции. В этих экскурсах встречается немало общих мест античного происхождения (τόλοι). Бесспорно воздействие на Прокопия всей суммы античных этнографических представлений, которое ныне в науке известно под названием «теории среды»²⁵⁶.

К ним относятся, в частности, представления о влиянии окружающей среды — природы, климата и т. п. — на физический и психический склад того или иного народа, о сходстве людей, принадлежащих к одному и тому же народу, и о взаимодействии физической и духовной жизни человека. «Теория среды», получившая широкое распространение в античном мире, была заимствована Прокопием прежде всего через посредство Геродота и Фукидида, а отчасти других античных авторов.

В своих этнографических экскурсах Прокопий часто применяет античные этнографические термины, а иногда и целые τόλοι, свойственные античной этнографической литературе. Особенно интенсивно использует писатель общие места в тех случаях, когда ему не хватает подлинного исторического и этнографического материала. Чем меньше он знает о каком-либо варварском племени, тем охотнее прибегает к помощи античной традиции и, наоборот, чем ближе знал сам историк тех или иных варваров, тем меньше было у него необходимости использовать античные топы.

Вместе с тем углубленное изучение известий Прокопия о варварах приводит к выводу о том, что почти всегда под внешней оболочкой античных топов и терминов скрывается вполне реальный историко-этнографический материал. Общие места применяются Прокопием чаще всего как способ выражения, как дань литературной моде и в целом не затемняют жизненно правдивых наблюдений автора, почерпнутых как из личного опыта общения с варварами,

---

²⁵⁵ Например, гуны-массагеты коварны, они готовы предать византийцев во время решающего сражения Велисария с вандалами (*Procop.*, V. V., II, 2.3); вожь сарацин, союзник Византии Арефа — предатель (*Procop.*, V. P., I, 17. 47—48); византийский полководец Нарсес в битве с Тотилой близ Тагины при построении своей армии учитывал возможность измены варварских войск — лангобардов и герулов (*Procop.*, V. G., IV, 31. 5—6).

²⁵⁶ R. Benedicty. Die Milieu-Theorie bei Procop von Kaisareia, S. 1—10.

главным образом воинами-федератами на службе империи, так и из рассказов византийских купцов, воинов и дипломатов, посещавших варварские страны и народы.

Этнографических экскурсов в сочинениях Прокопия всего пять: четыре из них посвящены европейским варварским народам — готам, герулам, обитателям Фулы, антам и склавинам, и один — азиатскому племени эфталитов.

Экскурс о готах довольно краток, но достаточно насыщен информацией. Издревле, пишет Прокопий, по ту сторону Истра обитало множество готских племен, самыми многочисленными и влиятельными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды. Некоторые писатели, замечает Прокопий, имея в виду, быть может, Иордана, иногда называют готов гетами. Все эти племена различаются между собой лишь именами, во всем остальном они полностью сходны друг с другом. Все они белы телом, с русыми волосами, рослы, имеют мужественные лица, у них одни и те же законы, и исповедуют они одну и ту же религию. Эти варвары придерживаются арианского вероисповедания и говорят на одном, так называемом готском языке. Согласно предположению Прокопия, в древности все они принадлежали к одному племени, а впоследствии стали называться различно по именам тех, кто был их вождями ²⁵⁷.

Как мы видим, в этом экскурсе о готах особенно ясно ощущается влияние античного этнографического представления о едином физическом и психическом складе одного и того же варварского народа, хотя и разделенного на племена.

Более обстоятелен и любопытен экскурс Прокопия о герулах. Германское племя герулов, в древности обитавшее в крайних северных областях Европы, по Прокопию, отличалось кровожадностью, дикостью и отсутствием культуры. В древние времена герулы поклонялись множеству языческих богов и даже приносили им человеческие жертвы. У них царили жестокие обычаи: стариков своего племени они безжалостно убивали и сжигали их трупы на огромных кострах. Жены после смерти мужей во избежание вечного позора должны были сами покончить с собой на могиле умершего супруга ²⁵⁸. Политическое правление герулов характеризовалось отсутствием порядка и законности. Короли у них не пользовались сильной властью и мало отличались от частных лиц. Все воины-герулы могли быть их сотрапезниками, иногда они наносили королям оскорбления и даже убивали их. Среди них было сильно стремление «жить без королей» ²⁵⁹. Постепенно нравы герулов стали несколько смягчаться. После длительных войн с лангобардами и гепидами они поселились в пределах империи, при Юстиниане приняли христианство и перешли к бо-

²⁵⁷ *Procop.*, V. V., I, 2.2—6.

²⁵⁸ *Procop.*, V. G., II, 14.1—7.

²⁵⁹ *Ibid.*, II, 14. 38—41.

лее культурному образу жизни²⁶⁰. Но и теперь, по словам Прокопия, они продолжали оставаться народом вероломным, преступным и непостоянным: они были плохими союзниками Византии. Устав от усобиц и анархии, герулы стали искать себе сильного правителя среди представителей королевского рода, обитателей далекого северного острова Фулы.

Борьба между королем, прибывшим из Фулы, и ставленником Византии окончилась победой первого и привела к разрыву герулов с империей²⁶¹.

Большой интерес в научной литературе вызвал экскурс Прокопия о Фуле и племенах, ее населявших²⁶². В науке до сего дня ведутся споры о местонахождении этой загадочной, полубогородной страны. Ясно лишь одно, что она находилась на самом дальнем севере Европы и считалась концом мира.

Можно предположить, что Фула была расположена в одной из трех областей: в Исландии, Южной Норвегии или в каком-либо ином месте Скандинавии²⁶³.

Прокопий называет Фулу островом, очень большим, который в десять раз больше Британии и лежит от нее далеко на север. На этом острове земля почти пустынна, в обитаемой же части живет тринадцать племен, очень многочисленных, и каждое племя имеет своего царя. С восхищением и удивлением рассказывает историк о вечной полярной ночи, царящей на Фуле, и всенародном веселье фулитов, когда мрак ночи сменяется полярным днем. «Лично мне, — пишет Прокопий, — отправиться на этот остров, чтобы своими глазами увидеть то, что мне рассказывали, хоть я очень старался, никак не удалось»²⁶⁴. Однако писатель получил сведения об этой отдаленной, суровой и таинственной стране от приезжавших оттуда людей, скорее всего, смельчаков-купцов и воинов²⁶⁵.

Среди многочисленных диких племен, обитавших на Фуле, одно племя — скритифины — особенно поразило воображение историка своим звериным образом жизни; по рассказам, дошедшим до Прокопия, скритифины не носят одежды и обуви, не едят хлеба и не пьют вина, не возделывают землю. Мужчины не умеют пахать землю, а женщины не занимаются домашним хозяйством. Всю свою жизнь они проводят на охоте. В огромных дремучих лесах, изобилующих дикими животными, они добывают себе добычу, питаются мясом убитых зверей и одеваются в их шкуры.

²⁶⁰ Ibid., II, 14.8—35.

²⁶¹ Ibid., II, 14.42; 15.1—36; ср. III, 34.48.

²⁶² Ibid., II, 15.16—26.

²⁶³ G. Macdonald. Thule. RE, II. Reihe, Hb. XI, col. 627—630. Неясно, была Фула островом или частью полуострова.

²⁶⁴ Procop. V. G., II, 15.8.

²⁶⁵ Ibid., II, 15.9. См.: W. Koepf. Ultima omnium Thule. I. Die Lage der Thule. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Greifswald», I, 3, 1951/52, S. 6—18.

Дети скритифинов не знают молока матери, их выкармливают мозгом животных ²⁶⁶.

Как установлено в современной науке, Прокопий при описании не виданного им никогда племени скритифинов применил широко распространенное в античной этнографической литературе клише: античные писатели при изображении звероподобных, погруженных в бездну невежества диких племен всегда подчеркивали именно эти три характерные черты их образа жизни: они не знакомы с земледелием и у них нет вина и хлеба, женщины у них не выполняют домашних работ, а вместе со своими мужьями заняты только охотой, младенцы вскармливаются не женским молоком, а мозгом зверей ²⁶⁷.

Все обитатели Фулы поклоняются множеству богов и гениев (демонов) неба, земли, моря, рек и источников. Высшее божество у них бог войны, которого Прокопий называет греческим именем Ареса: именно этому богу они приносят кровавые человеческие жертвы, предавая захваченных на войне пленников страшным мучениям ²⁶⁸. Другие племена, живущие на этом острове, по своему образу жизни мало отличаются от скритифинов.

Сведения Прокопия о Фуле долгое время считались фантастическими. Лишь теперь доказано, что, несмотря на меньшую осведомленность Прокопия о скритифинах, чем о других варварских племенах, все же рассказ историка о Фуле основан на реальных фактах и заслуживает известного доверия. Помимо ценных устных сообщений, им использованы известия Тацита, готского историка Иордана и утраченные части сочинения Приска. Некоторые данные о религии, быте и нравах фулитов находят подтверждение в истории древних германцев ²⁶⁹.

Особенно большой известностью в науке пользуется экскурс Прокопия о славянах и антах. Как и в экскурсе о готах, историк подчеркивает их единство: «У обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы»²⁷⁰; «у тех и других один и тот же язык, достаточно варварский»²⁷¹. И по внешнему виду племена славян и антов мало отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы, цвет лица у них белый, а волосы золотистые или русые. В древности они носили и общее название — споры ²⁷².

В науке неоднократно подвергались пристальному изучению известия Прокопия об общественном строе, религии и обычаях сла-

²⁶⁶ *Procop.*, V. G., II, 15.16—23.

²⁶⁷ *Р. Бенедикти*. Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе).— ВВ, XXIV, 1964, стр. 52.

²⁶⁸ *Procop.* V. G., II, 15.23—26.

²⁶⁹ *Р. Бенедикти*. Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского, стр. 51—57.

²⁷⁰ *Procop.* V. G., III, 14.22.

²⁷¹ *Ibid.*, III, 14.26.

²⁷² *Ibid.*, III, 14.27. См.: *G. Vernadskiy*. The Spali of Iordanis and the Spori of Procopius.— Вуз., 13, 1938, p. 263—266.

вян и антов²⁷³. По данным Прокопия, у них царила военная демократия. «Эти племена, славяне и анты, — пишет Прокопий, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (*δημοκρατία*), и поэтому у них счастье и несчастье считается делом общим»²⁷⁴. Они почитают верховного бога, творца молний, которому приносят в жертву быков. Поклоняются они также рекам и нимфам, приносят им жертвы и производят гадания. Прокопия поражает, что этим племенам чужды понятие судьбы и вера в ее власть над людьми. Если кому-либо грозит смертельная опасность, они дают обет принести жертву богу и строго его выполняют. Образ жизни их отличается грубостью, они живут в хижинах, без всяких удобств; одежда состоит у мужчин из штанов, подтянутых широким поясом на бедрах, и хитонов, плащей они не носят. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают. Несмотря на грубость их образа жизни, по мнению Прокопия, эти варвары «по существу неплохие и совсем не злобные», но во всей чистоте сохраняют варварские (гуннские) нравы²⁷⁵.

В экскурсе о славянах и антах Прокопий использует греческую архаизирующую терминологию, пытаясь отдельные явления жизни славянского общества осмыслить и передать в представлениях и терминах образованных византийцев, чуждых, конечно, этим варварам. Но при всем этом он стремится быть достаточно добросовестным. Анализ известий Прокопия приводит к выводу, что сведения этого историка основаны на подлинных фактах и заслуживают доверия. Топы и античные этнографические теории влияют в большей степени на стиль его повествования, чем на его содержание²⁷⁶. Сведения этого историка в значительной степени совпадают со славянскими источниками и славянской традицией и, по-видимому, основаны на устной информации и на личных наблюдениях автора, сталкивавшегося на своих военных дорогах с представителями этих племен²⁷⁷. Примечательно и то, что если сравнить известия о славянах Прокопия и Феофилакта Симокаты, то можно отчетливо проследить существенную эволюцию

²⁷³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 319—337; А. Д. Удальцов. Происхождение славян. — ВИ, 1947, № 7; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 137—204; Б. А. Рыбаков. Славяне и Византия в VI в. — «Очерки истории СССР. III—XI вв.». М., 1958, стр. 99—111; З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», стр. 46—50 и др.

²⁷⁴ *Procop.*, V. G., III, 14.22.

²⁷⁵ *Ibid.*, III, 14.23—28. См.: F. Barišič. О најстаријој Прокопијевој вестии о Словенима. — ЗРВИ, 2, 1953, стр. 25—31.

²⁷⁶ R. Benedicty. Die auf die frühslavische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie. — «Actes du XIIe Congrès Internat. d' Études Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 45—55.

²⁷⁷ R. Benedicty. Procopios Berichte über die slavische Vorzeit. Beiträge zur historiographischen Methode des Procopios von Kaisareia. — JÖBG, XIV, 1965, S. 51—77.

в общественном строе этих племен, происшедшую за столетие, отделяющее этих писателей. Развитие славянского общества, зафиксированное этими византийскими историками, подтверждается другими источниками и данными археологии.

Экскурс Прокопия о восточном варварском народе — эфталитах (белых гуннах) также представляет значительный научный интерес. Прежде всего Прокопий проводит различие между гуннами и эфталитами. Эфталиты, в отличие от гуннов, не были кочевниками, но жили оседло в плодородной стране к северу от персов. Они не нападали на земли империи за исключением тех случаев, когда действовали совместно с персами. Из всех гуннских племен эфталиты одни белы телом и не безобразны лицом. И образ жизни у них иной, чем у гуннов: они не живут по-звериному, как те, но находятся под властью одного царя, составляют благоустроенное государство, по отношению друг к другу и к соседям ведут себя честно и соблюдают справедливость ничуть не хуже ромеев и персов. Лишь один обычай эфталитов поразил Прокопия. Богатые люди из этого племени находят себе друзей-сотрапезников, которые становятся совладельцами их богатств, имея общее на них право пользования. Но когда богатый вельможа умирает, то по существующему закону эти его друзья должны были живыми лечь с ним в могилу ²⁷⁸.

К экскурсам Прокопия о варварских народах примыкает его рассказ об острове Бриттии ²⁷⁹. Прокопий имел весьма смутные представления о Британских островах. Этот факт указывает на то, что в те времена между Британскими островами и средиземноморским миром не существовало постоянных и интенсивных контактов. Однако Прокопий располагал определенной информацией об этих островах, которую получил из вторых рук, через посредство франкских купцов и рыбаков, имевших сношения с обитателями Бриттии. Но, по собственному признанию историка, временами ему было трудно понять, где в этих сообщениях правда, а где вымысел.

Остров Бриттию населяют три очень многочисленных племени, и у каждого есть свой король. Названия этих племен: ангилы (англы), фрисоны и бриттоны. У жителей Бриттии развито мореходство и торговля, сражаются они в пешем строю, не зная лошади. С жителями материка, франками и варнами, они ведут постоянные войны. Эти сведения Прокопия о Бриттии неожиданно переплетаются с фантастическими рассказами, которым сам автор, к его чести, совсем не верит.

На острове Бриттии древние его обитатели воздвигли длинную стену, разделившую остров на две неравные части. Область к во-

²⁷⁸ *Procop.* В. Р., I, 3. 1—7. *Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica*, I, S. 494 f.; о белых гуннах-эфталитах и других гуннских племенах см.: *O. G. Wesendonk.*

Kusan, Chioniten und Hephtaliten.—«Klio», 26, 1933, S. 336—346.
²⁷⁹ *Procop.*, В. Г., IV, 20.1—57.

стоку от стены отличалась умеренным климатом, обилием вод, плодородием земли; здесь жило многочисленное население, возделывавшее свои поля. Часть же страны, обращенная к западу, имела заразный воздух, была наполнена ехиднами, змеями и дикими зверями и не пригодна для жизни людей.

В дополнение к этому описанию Бриттии Прокопий приводит рассказ, который сам считает сказкой, но который он часто слышал от людей, побывавших в той стране. Согласно этой легенде, рыбаки побережья Европы (Бретань), расположенного напротив Бриттии, находившиеся под властью франков, якобы переправляли на этот остров таинственных духов, которых они считали душами усопших ²⁸⁰.

Отдельные замечания и наблюдения о варварских народах, разбросанные по сочинениям Прокопия, столь многочисленны и разнообразны, что нет возможности остановиться на них подробно, тем более что в научной литературе они уже были предметом специального изучения. Отметим лишь то обстоятельство, что «История войн Юстиниана» сообщает ценные сведения о расселении германских племен готов, франков, тунингов, свевов, ругиев, алеманнов, бургуидов, лангобардов и гепидов. Большой познавательный интерес имеют известия Прокопия об исторических судьбах, общественном строе и обычаях франков. Привлекает жизненными деталями рассказ историка о вооружении франков, тактике ведения боя и воинских приемах ²⁸¹.

Прокопий сообщает немало ценных сведений о народах Кавказа, Лазики, Свании, Северного Причерноморья. Широко известны его рассказы о расселении и образе жизни гуннов-утигуров, кутригуров и сабиров, киммерийцев, аланов, готов-тетракситов, данов или колхов, абазгов, лазов, армян, иберов, месхов и других племен и народов. При этом он приводит данные, которые отражают уровень географических знаний византийцев VI в.

Обилие этнографического, топонимического, географического материала, несмотря на его неравноценность, все же достаточно точного и достоверного, дает, как сказано выше, право считать произведение Прокопия своего рода энциклопедией знаний о племенах и народах, окружавших Византию в VI в.

По своему мирозерцанию, как и по внутренним симпатиям, он все еще погружен в мир прекрасного прошлого и остается приверженцем неувядаемой античной цивилизации.

Как историк Прокопий во многом еще — продолжатель традиций античной историографии.

Подобно античным историкам, он провозглашает, что основной задачей его сочинений является выяснение истины. Он убежден,

---

²⁸⁰ Ibid., IV, 20.48—57; A. B. Burn. Procopius and the Island of Ghost (Brittia, Britain). — «The English Historical Review», 70, 1955, p. 258—261.

²⁸¹ Procop., B. G., I, 12.7—54; 13. 1—29; II, 25.1—23; 26.1—26; 28.9—23; III, 33.2—13.

что речи оратора должно быть свойственно красноречие, поэзии — вымысел, истории — истина. Поэтому он объявляет главным принципом полную объективность и утверждает, что в своих трудах не скрывает дурных поступков даже самых близких друзей, но со всей точностью описывает их деяния, как хорошие, так и дурные ²⁸². Увы, мы знаем, какова в действительности объективность Прокопия. Лишь в тех случаях, когда социально-политические симпатии и антипатии не ослепляют его и не превращают из историка в злобного памфлетиста, рассказ Прокопия отличается точностью, наблюдательностью, критическим отбором материала ²⁸³.

Прокопий — человек блестяще образованный, знаток и горячий поклонник античной культуры. Поэтому немудрено, что образы античной мифологии для него близки и понятны, и он широко вплетает в художественную ткань повествования античные мифы, легенды, предания, анекдоты, почерпнутые из сокровищницы древней греко-римской цивилизации ²⁸⁴. В композиции и стиле исторических произведений, в порядке изложения материала Прокопий нередко подражает античным авторам. Труды Геродота, Фукидида, Полибия были для него образцами. Особенно ярко это проявляется в его пристрастии, вслед за античными историками, использовать в историческом повествовании речи главных героев ²⁸⁵.

Вместе с тем Прокопий — отнюдь не копиист; очень многое в его трудах почерпнуто из жизни и свидетельствует о широком кругозоре автора, создающего красочное историческое полотно и отталкивающегося от реальной действительности.

Сочетание в мировоззрении Прокопия античных, языческих по существу и христианских элементов еще раз показывает, сколь характерной для этой кризисной переходной эпохи была борьба старого с новым во всех сферах идеологии и культуры.

---

²⁸² *Procop.*, В. Р., I, 1.4—5.

²⁸³ В смысле богатства материала очень ценны данные о военной технике, армии, гражданском устройстве как самих византийцев, так и других народов. См. *V. Beševliev. Zur Topographie der Balkanhalbinsel in Prokops' Werk «De aedificiis»; idem. Zur Deutung der Kastellnamen in Procop's Werk «De aedificiis»; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians. Berlin, 1960.*

²⁸⁴ Античные реминисценции у Прокопия: упоминание о Мееде и Ясоне (*Procop.*, В. Р., II, 17.2); о Сцилле и Харибде (*Procop.*, В. Г., I, 1.9); сравнение стрелков эпохи Гомера с современными Прокопию (*Procop.*, В. Р., I, 1.9); упоминание мифа об Ифигении и Оресте в связи с легендой о построении Орестом храма в Золотой Комане (*Procop.*, В. Р., I, 17.11—20) и многое другое. См. *T. Pekkanen. Procopius and the Periplus of Arrian. — «Eranos», 62, 1964.*

²⁸⁵ См. речь армянских послов, обращенную к Хосрову I (*Procop.*, В. Р., II, 3.32—53), речь послов Гелимера перед Юстинианом (*Procop.*, В. V., I, 9.7—9), речь лазских послов (*Procop.*, В. Р., II, 15.14—30).

АГАФИЙ МИРИНЕЙСКИЙ — ИСТОРИК И ПОЭТ

Среди представителей культуры ранней Византии Агафию Миринейскому, историку и поэту, принадлежит особое место. В творчестве Агафия историческое мышление сочетается с поэтическим видением мира. В исторических сочинениях Агафий всегда остается поэтом, а в поэтических творениях — историком.

Для Агафия история и поэзия — родные сестры. Старшая сестра — история, рисуется им неподкупной и мудрой, наставницей людей в добродетели. Клио правдива, сурова, велицеприятна, и только она дарует деяниям смертных божественное бессмертие. Младшая же сестра — поэзия — прекрасна, наполнена священным восторгом и вдохновением, хотя немного ветрена и легковерна. Поэзия для человека — лишь удовольствие, развлечение. История же — дело великое и серьезное. Поэзия должна учиться у истории мудрости, история у поэзии — красноречию.

Страх исчезновения владеет миром, и только история дарует людям луч надежды. Память людская преходяща и быстротечна. Замена ее — история. Полководец, побеждающий в войнах, зодчий, воздвигающий города, атлет, увенчанный лавровым венком на арене, воин, проливающий кровь в сражениях, — все они трепещут при мысли о том, что мрачные воды Стикса вместе с жизнью поглотят и их славу. И лишь история способна оценить их деяния и вынести окончательный и справедливый приговор¹.

Жизнь и творчество

О жизни и творчестве Агафия мы знаем из его исторического труда и кратких упоминаний о нем византийских писателей Менаандра Протиктора, Иоанна Епифанийского, Евагрия, Феофана и Льва Дякона. Некоторые сведения о нем мы черпаем и из «Лексикона» Суды.

Агафий был уроженцем города Мирины в Малой Азии. Отсюда и возникло его прозвище — Миринейский. Любовь к поэзии

¹ *Agathiae Myrinaei* Historiarum libri quinque, recensuit R. Keydell. — «Corpus fontium historiae Byzantinae», vol. II. Berolini, 1967, praef. (далее — *Agath.*, Hist.).

и преклонение перед историей обусловили раздвоенность его творчества. За свою короткую жизнь (род. ок. 536 г. — ум. ок. 582 г.) Агафий написал сравнительно много. Среди его сочинений мы находим произведения различных жанров и неодинаковой художественной ценности: это и отмеченные истинным лирическим талантом стихотворные миниатюры в духе анакреонтической поэзии, и несколько рассудочные, пронизанные морализующими мотивами, более умные, чем вдохновенные, эпиграммы², и, наконец, обширный исторический труд, написанный по всем канонам античной историографии. Во всех этих произведениях Агафий-поэт идет рука об руку с Агафием-историком, а иногда они противоречат друг другу.

Тревоги и заботы повседневной жизни с ее борьбой за существование и за место в обществе воздвигали порой труднопреодолимые препятствия на творческом пути писателя. Детство и ранняя юность Агафия прошли в кругу довольно состоятельной и образованной семьи, сперва в Мирине, затем в Константинополе. Его отец, ритор Мемноний, пользовался известностью и уважением в родном городе. Еще в трехлетнем возрасте Агафий потерял мать, Периклею, смерть которой позднее горько оплакал в одной из эпиграмм³.

У Агафия были сестра и два брата, с которыми его связывали узы прочной дружбы. Образование Агафий получил в духе традиций своей семьи: он изучал риторику и юриспруденцию в Константинополе и Александрии. В конце 50-х годов VI в. его постигло несчастье: семья разорилась, и юноше пришлось зарабатывать на жизнь своим трудом. «Итак, — пишет он о себе, — мое имя — Агафий, отчество — Мирина, отец — Мемноний, занятие — римские законы и судебные споры»⁴. Профессия адвоката, однако, не пришлась по душе будущему писателю. Еще в ранней юности он всем сердцем тянулся к поэзии, к поэтическому творчеству: «С детства я больше всего увлекался героическим ритмом и всецело упивался сладостью поэтической речи»⁵. Но суровая необходимость мешала всецело отдаться любимому делу. Труд юриста все больше и больше превращался в цепи, сковывающие порывы

² Сохранившиеся поэтические произведения Агафия собраны в Палатинской антологии: *Epigrammatum Anthologia Palatina cum Planudeis et Appendice nova*, vol. 1—2. Parisiis, 1888—1889 (далее — *Ant. Palat.*). Некоторые эпиграммы переведены на русский яз. Т. М. Соколовой и М. Н. Цетлиным в кн.: «Памятники византийской литературы IV—IX вв.». М., 1968. Ср. *Agazia Scolastico Epigrammi*. Testo, Traduzione e Commento a cure di Giovanni Viansino. Milano, 1967.

³ *Ant. Palat.*, Epigr. 552. См. *K. Beckby*. *Anthologia Graeca*, 1—4. München, 1957—1958; 2 ed. — 1966—1967; *A. S. F. Gow*. *The Greek Anthology: sources and ascription*. — «Hellenic Society Supplementary Publications», IX, 1958; *A. S. F. Gow and D. L. Page*. *The Greek Anthology. Hellenistic epigrams*, I—II. Cambridge, 1965; *Av. Cameron*. *Anthologia Planudae* 72: a propaganda poem from the reign of Justin. — *BICS*, 13, 1966, p. 101 f.

⁴ *Agath.*, Hist., Praef.

⁵ *Ibidem*.

его творческой природы. Вместо занятия «сладостными ритмами» и чтения произведений древних мудрецов Агафий, по его собственным словам, должен был целые дни просиживать в шортике близ императорского дворца, составляя клиентам различные прошения и жалобы: «Я же, наоборот, просиживаю у императорского портика с раннего утра до захода солнца, изучаю и объясняю документы, связанные с судебными делами и процессами. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и в то же время скорблю, когда не беспокоят, так как без труда и беспокойства мне невозможно достаточно обеспечить себя необходимым для жизни»⁶.

Адвокатура принесла Агафию связи в обществе и средства к существованию, а широкая образованность — звание схоластика (*σχολαστικός*).

Увлекаясь поэзией, Агафий сблизился с представителями константинопольской духовной элиты и вошел в литературный кружок известного поэта Павла Силенциария⁷. Существует гипотеза, что Агафий даже породнился с ним, женившись на его дочери. Во всяком случае, Павел Силенциарий играл в отношении Агафия роль патрона и мецената, помог ему проникнуть в литературные сферы столицы, познакомил с поэтами Дамохарисом, Иоанном Варвукалом и другими писателями того времени⁸.

Еще при жизни Юстиниана Агафий опубликовал в Константинополе первый сборник лирических стихотворений по мотивам античных любовных мифов, который он назвал «*Δαφνισχάα*». Этот сборник стихов, проникнутых истинным поэтическим чувством, принес молодому поэту известность в кругах столичной интеллигенции.

Юность Агафия протекала среди золотой молодежи столицы и он все не сторонился различных радостей бытия. Но даже в молодые годы Агафий отличался вдумчивостью, серьезным характером, склонностью к философским размышлениям. Павел Силенциарий шутливо упрекал Агафия в том, что он больше предается думам, чем любви, предпочитает Афины Афродите и даже в праздники занимается юридической работой⁹.

Агафию были чужды беспутство и невоздержанность знатных юношей Константинополя, он осуждал их увлечения ристаниями и борьбой цирковых партий¹⁰. Как разительно отличается в этом отношении Агафий от своего продолжателя Менандра, который отдал молодость инподрому и палестре, а не книгам и каламу¹¹.

⁶ Ibid., III, 1.

⁷ См. J. Friedländer. Johannes von Gaza und Paulus Silentiarius. Leipzig—Berlin, 1912; A. Veniero. Paolo Silenziario. Catania, 1916; *idem*. Paolo Silenziario. Epigrammi. Torino, 1963.

⁸ Av. Cameron. Agathias. Oxford, 1970, p. 10—11.

⁹ Ant. Palat., Epigr. 293.

¹⁰ Agath., Hist., V, 21.

¹¹ Menandros. Fragmenta. Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, fr. 1.

Образованность и поэтическая одаренность в сочетании с трудолюбием позволили Агафию в 567—568 гг. издать обширный сборник (свыше 100 стихотворных эпиграмм греческих поэтов), известный под названием «Цикл». Видное место в «Цикле» принадлежало эпиграммам самого Агафия ¹².

По обычаю того времени Агафий предпослал сборнику посвятельное предисловие, где расточались похвалы царствовавшему императору Юстину II (565—578). Возможно, поэт рассчитывал такой ценой добиться внимания василевса, однако «Цикл» не был замечен при дворе и, несмотря на покровительство секретаря императора Евтихиана, не принес Агафию ни денег, ни карьеры.

Издание «Цикла» упрочило, однако, литературные связи Агафия не только в столице, но и за ее пределами. Выросла его известность и в Мирине, где позднее в честь Агафия, его отца и брата была воздвигнута статуя ¹³. Общественные и литературные интересы связывали поэта и со Смирной. В стихотворениях Агафия, прославляющих великолепные здания, украшавшие этот город, явно чувствуется влияние смирнской поэтической школы ¹⁴.

Эпиграммы самого Агафия, включенные в «Цикл», проливают свет на внутренний мир писателя. Однако излишнее увлечение формой иногда затемняет в них личный элемент, морализаторство скрывает истинную страсть и глубокое чувство. Даже в эпиграммах эротического характера порою господствует дидактический тон, и сама эротика служит средством проповеди высокой нравственности и традиционной морали. Агафий-поэт несколько вычурен, любит причудливую игру слов, следуя традициям Леонида Тарентского и Антипатра Сидонского. В сфере эстетических воззрений, художественных приемов и метрики на Агафия, кроме того, бесспорное влияние оказал поэт Нонн и его литературная школа ¹⁵.

Вместе с тем многие эпиграммы Агафия навеяны событиями реальной жизни, отражают его личные переживания и думы. Сквозь толщу поэтических стереотипов иногда пробивается истинное чувство. Это больше всего относится к эпитафиям Агафия, к описанию природы, красоты мира, воспеванию человеческого

---

¹² A. Mattsson. Untersuchungen zur Epigrammsammlung des Agathias. Lund, 1942; O. Weinreich. Epigrammstudien, I: Epigramm und Pantomimus.— «Sitzungsber. der Heidelberg. Akademie der Wissenschaften», I (1944—1948). Heidelberg, 1948, S. 1—76; L. Robert. Epigrammes du Bas-Empire.— «Hellenica», IV, 1948; Av. Cameron. The Cycle of Agathias.— JHS, 86, 1966, p. 6 f; *idem*. Further Thoughts on the Cycle of Agathias.— JHS, 87, 1967, p. 31; R. C. McCail. Three Byzantine Epigrams.— «Mnemosyne», 21, 1968, p. 76 f.; *idem*. The Cycle of Agathias. New Identifications scrutinised.— JHS, 89, 1969.

¹³ Ant. Palat., Epigr. 72.

¹⁴ Av. Cameron. Agathias, p. 3—4.

¹⁵ A. Wifstrand. Von Kallimachos zu Nonnos. Lund, 1933; Av. Cameron. Wandering Poets: a literary Movement in Byzantine Egypte.— «Historia», 14, 1965, p. 470—509.

труда, великолепия построек, созданных руками людей¹⁶. Античные поэтические традиции, однако, не подавляют индивидуальности писателя, они властвуют над ним, но не лишают его самостоятельности, а органически сливаются с его мировоззрением, входят в его плоть и кровь, не препятствуют его самовыражению.

Молодость Агафия, промелькнув, как одно мгновение, породила в поэтической душе писателя не только сладостные воспоминания, но и грустное сознание необходимости приступить к серьезному делу, делу, которое позволило бы ему оставить свой след на земле. Натура одаренная, он стремился к творчеству, но творчеству мудрому, значительному и полезному. Ведь, по его собственному признанию, до сих пор он занимался поэзией не ради пользы, а ради удовольствия¹⁷.

С годами Агафия наряду с поэзией все больше и больше влекут занятия наукой. Он интересуется необычными явлениями природы, причинами стихийных бедствий, в частности землетрясений¹⁸, завязывает дружбу со знаменитым строителем храма св. Софии Анфимием из Тралл и его братом, решительно ополчается против лженауки и позднее ядовито высмеивает лжеученого Урания¹⁹.

Уже в зрелом возрасте, испытав некоторые разочарования на поэтическом поприще, Агафий решает избрать другое, как ему кажется, более полезное и серьезное занятие — он становится историком. Плодом длительных размышлений, изучения документов, дипломатической переписки, записей рассказов очевидцев, знакомства с трудами античных и византийских авторов стало сочинение «О царствовании Юстиниана».

Труд Агафия состоял из пяти книг и охватывал сравнительно небольшой отрезок времени — всего лишь семь лет правления прославленного императора — с 552 по 558 г. Сочинение представляет собой непосредственное продолжение «Истории войн Юстиниана» Прокопия. Этого историка Агафий считает образцом для подражания и своим наставником, что, однако, не мешает ему порой спорить с ним²⁰.

Писать свое произведение Агафий начал около 570 г. Однако его замыслам не суждено было осуществиться. Агафий умер в возрасте около 46 лет и не успел завершить начатый труд. Датой смерти Агафия обычно считают 582 г., ибо историк пережил

---

¹⁶ *Av. Cameron. Agathias, p. 27—29; F. Cumont. Recherches sur les symbolismes funéraires des Romains. Paris, 1942; R. Lattimore. Themes in Greek and Roman Epitaphs. Urbana, Illinois, 1942; Th. Preger. Inscriptiones graecae metriacae. Leipzig, 1891.*

¹⁷ *Agath., Hist., praef.*

¹⁸ *Ibid., II, 15.*

¹⁹ *Ibid., II, 29—32.*

²⁰ *Ibid., praef.; II, 19; IV, 26, 28—30.*

персидского шаха Хосрова I, умершего а 579 г., и не дожид до воцарения на византийском престоле Маврикия в 582 г.²¹

За короткую жизнь Агафий, однако, создал такие труды, которые сохранили память о нем как об историке и поэте, оставившем значительный след в византийской историографии и литературе VI в.

Агафию — поэту и историк — всегда приходилось страдать от сравнения с более талантливыми современниками. В поэзии его затмевали Павел Силенциарий и Нонн, в истории — Прокопий. И если в поэтическом творчестве Агафий, несмотря на некоторую рассудочность и дидактический тон сильно стилизованных под античность эпиграмм, все же выдерживал сравнение с другими, то в истории он, конечно, намного уступал Прокопию.

Все исследователи, занимавшиеся изучением исторического сочинения Агафия, так или иначе сопоставляли этих историков VI в. Еще Э. Гиббон категорически отдал предпочтение Прокопию, считая Агафия поэтом и ритором, а не историком. Б. Нибур, Дж. Бьюри и А. Васильев, не задумываясь, отдавали пальму первенства Прокопию, считая, что Прокопий превосходил Агафия широтой кругозора, осведомленностью, знанием жизни. Лишь поэтизированный литературный стиль Агафия, с точки зрения Дж. Бьюри, мог больше нравиться современникам, чем суховатое повествование Прокопия.

Источники исторического сочинения Агафия были двоякого рода: античная и ранневизантийская литературная традиция и устная информация и документы. Агафий, эрудит и кабинетный ученый, естественно, широко пользуется трудами своих предшественников. Он привлекает сочинения Александра Полигистора, Аристотеля, Азиния Квадрата, Диодора, Лукиана, Полибия, Геродота, Ксенофонта, Фукидида, Бероза, Симмаха, Диона, Ктесия, Прокопия, а из поэтов — Пиндара, Нонна, Павла Силенциария. Бесспорно, самое большое влияние на него оказали Геродот, Фукидид и Прокопий²².

²¹ *Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 214—215; Suidae Lexicon, p. 362.* Кроме того, историк Менаандр говорит, что Агафий не дожид до вступления на престол Маврикия в 582 г. (*Menandr., Excerpta de legationibus, fr. 1*). О рукописной традиции Агафия см.: *B. Gentili. I codici e le edizioni delle «Storie» di Agatia. — «Boll. dell'Istituto Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano», 58, 1944, p. 163 f.*

²² В научной литературе длительное время особо подчеркивалось широкое использование Агафием литературной традиции. (*G. Franke. Quaestiones Agathianae. — «Breslauer philologische Abhandlungen», 47, 1914; G. Spyropoulos. Κατὰ τὴ μὲνεται Ἀγαθίας Ἐρῶδοτον καὶ Προκόπιον. Diss. Athens, 1892; W. S. Teuffel. Agathias von Myrine. — «Philologus», I, 1846, S. 495 ff.*). В современной византиноведческой науке происходит пересмотр проблемы континуитета, прямой генетической преемственности творчества ранневизантийских и античных авторов. Например, зависимость Агафия от Геродота и Фукидида, по мнению некоторых современных исследователей, была менее значительной, чем предполагалось ранее. Так, Ав. Кэмерон полемизирует

Агафий относился к созданию исторического труда с исключительной серьезностью. Он понимал всю трудность своей задачи и пытался заложить фундамент для объективного освещения фактов в тщательном подборе источников. В этом отношении Агафий был даже более добросовестным ученым, чем Прокопий. В отличие от Прокопия, собиравшего (особенно, конечно, в «Тайной истории») всякие легенды и даже просто сплетни, Агафий очень внимателен к разысканию и критической проверке исторических материалов. Он использовал много ценных документов, протоколы судебных процессов, рассказы военачальников, послов, купцов, переводчиков — отсюда достаточная достоверность его повествования. Как известно, ему, например, удалось использовать персидские хроники, переведенные для него его другом Сергием²³.

Вместе с тем Агафий значительно менее, чем Прокопий, осведомлен обо всех происходящих событиях. Его положение мелкого адвоката, скромного интеллигента не идет ни в какое сравнение с положением Прокопия, крупного чиновника, вращавшегося в правительственных кругах. Если Прокопий был открыт для многих, даже секретные документы, если он имел доступ к тайным совещаниям у его патрона Велисария, смотрел на все события с высоты правительственных сфер, то кругозор Агафия, естественно, несравненно уже, он лично мало что видел и знал. Поэтому-то ему так необходимо было прибегать к помощи друзей при сборе материалов для своего труда. А само написание этого сочинения было для него сопряжено с гораздо большими трудностями, чем для Прокопия.

Из-за отсутствия личного опыта, особенно военного, достоверность «Истории» Агафия сильно страдает, в частности в сравнении с Аммианом Марцеллином и Прокопием. Бросается в глаза различная степень осведомленности Агафия, когда он касается тех или иных сюжетов. Слабо информирован Агафий о франках²⁴,

с Г. Франком и на основе сравнительного анализа текста отдельных мест Геродота, Фукидида и Агафия приходит к заключению, что Франк преувеличил степень заимствований Агафия у этих авторов, хотя их Агафий использовал более интенсивно, чем других античных писателей (*Av. Cameron. Herodotus and Thucydides in Agathias.* — *BZ*, 57, 1964, p. 33—52).

²³ *Agath.*, *Hist.*, IV, 30. Агафий очень гордился тем, что ему удалось использовать персидские хроники. Однако в современной науке доказано, что эти источники цитируются Агафием неточно, у него имеются ошибки (*J. Suolahti. On the Persian Sources used by the Byzantine Historian Agathias.* — *Studia orientalia*, XIII, 9, Helsinki, 1947; *Av. Cameron. Agathias*, p. 41 f.; *idem. Agathias on the Sassanians.* — *Dumbarton Oaks Papers*, 23, 1969). Вместе с тем установлено, что известия Агафия о персидских царях стали основным источником сообщений Синкелла и Зонары о персидских династиях (*Av. Cameron. Zonaras, Syncellus and Agathias — a note.* — *Classical Quarterly*, N. S., 14, 1964, p. 82—85).

²⁴ *Av. Cameron. Agathias on the early Merovingians.* — *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*, ser. 2, 37, 1968, p. 95 ff.; *idem. How did the Merovingian kings wear their hair?* — *Revue belge de philologie et d'histoire*, 48, 1965, p. 1203 f.

в освещении истории и географии Италии у него имеются ошибки²⁵; несколько лучше он знает положение дел в Лазике²⁶, что, видимо, объясняется наличием какого-то достоверного устного источника. Естественно, что политическая история, написанная поэтом, и военная, созданная юристом, имеют очевидные слабости и пробелы. Много сильнее Агафий в экскурсах и отступлениях естественнонаучного и этического характера. Здесь его мысли оригинальны, а язык энергичен, здесь форма не затемняет содержания, а риторические фигуры не мешают изложению²⁷. Речи же действующих лиц, вкрапленные в ткань повествования, не несут в себе индивидуальных характеристик и отражают лишь воззрения самого Агафия.

Сравнивая исторические произведения Агафия и Прокопия, мы должны, конечно, отдать предпочтение осведомленности и широте знаний Прокопия, но признать большую объективность Агафия, продуманность и целеустремленность в подходе к теме повествования. Справедливо мнение тех ученых, что Агафий уступает Прокопию в смысле таланта и осведомленности в военных и гражданских делах. Но нельзя согласиться с утверждением, будто Агафий — певец любовных песен — был не способен давать верные оценки историческим фактам, что поэтическое восприятие мира притупляло в нем свободу и остроту исторического взгляда, а фантазия и рефлексия затемняли достоверность рассказа.

Историческая концепция и социально-политические воззрения

В научной литературе Агафий обычно рисовался как один из последних представителей античной историографии на византийской почве. Его мировоззрение, так же, как и мировоззрение Прокопия, по установившемуся мнению, было проникнуто преклонением перед неувыдаемым очарованием греко-римской цивили-

²⁵ *Av. Cameron. Agathias*, p. 38—52; *H. Eckhardt. Zur Charakteristik des Procop und Agathias als Quellschriftsteller für den Gotenkrieg*. Programme. Königsberg, 1864; *L. Dindorf. Bemerkungen zu Agathias*.— «Jahrbücher für classische Philologie», 99, 1869, S. 457—465; *J. Haury. Die letzten Ostgoten*.— «Blätter für das bayerische Gymnasialschulwesen», 51, 1915, S. 18—20; *C. Pizzi. L'assedio dei Bizantini a Lucca del 552 d. C.*.— «Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata», 7, 1953, p. 105—114.

²⁶ *M. Ites. Zur Bewertung des Agathias*.— *BZ*, 26, 1926, S. 273—285. Оценивая достоверность сообщений Агафия о войнах в Лазике и отчасти в Италии, автор приходит к выводу, что Агафий является главным источником своего времени и мало в чем уступает Прокопию.

²⁷ Ав. Кэмерон полагает, что достоинства экскурсов и отступлений Агафия и недостатки освещения военных событий объясняются различием источников: в первом случае историк опирался на прочную документальную базу, во втором — на случайную и порою шаткую устную информацию (*Av. Cameron. Agathias*, p. 41—42.)

зации и отличалось индифферентизмом в вопросах веры²⁸. Проводились аналогии при изучении трудов Агафия и Прокопия, и их мирозерцание сближалось²⁹. Оба историка изображались как продолжатели историографических традиций Геродота и Фукидида³⁰. И казалось, мало что можно было прибавить к тому представлению об Агафии, которое прочно сложилось в науке.

И тем не менее в последние годы не только значительно ожил интерес исследователей к творчеству Агафия, но и взгляды на его творчество претерпели существенное изменение. В византистике наших дней вспыхнул спор о характере социально-политических и религиозных воззрений этого писателя. В ходе дискуссии возникли сакраментальные для всей византийской литературы раннего периода вопросы: был ли Агафий провозвестником нового мирозерцания или приверженцем старого? Прямым продолжателем античной или предтечей средневековой историографии³¹?

Спорность многих вопросов, связанных с творчеством Агафия, заставила и нас вновь обратиться к изучению мировоззрения этого писателя. Однако мы хотим поставить проблему несколько в более широком аспекте, а не сводить ее только к борьбе язычества и христианства или к дискуссии о преемственности античной культуры. Перед нами прежде всего встает вопрос: как историческая действительность Византии VI в. с ее лихорадочной непримиримой социально-политической и религиозной борьбой отразилась в трудах Агафия? Каково было влияние религиозно-богословских споров того времени на формирование его историко-философских взглядов и этических представлений? Интересы каких социальных групп ранневизантийского общества в той или иной степени нашли выражение в творчестве Агафия³²?

²⁸ W. S. Teuffel. Agathias von Myrine, S. 495 — 511. Переработанное издание: W. S. Teuffel. Studien und Charakteristiken. Leipzig, 1871, S. 237 — 254; G. Franke. Questiones Agathianae; N. Iorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. — Byz., 2, 1925, p. 241—244; М. В. Лещенко. Византийский историк Агафий Миринейский и его мирозерцание. — ВВ, III, 1950, стр. 62—84; P. Lamma. Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950; H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959.

²⁹ O. Veh. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1951/52 des Gymnasiums Christian-Ernestinum Bayreuth». Bayreuth, 1952; *idem*. Der Geschichtsschreiber Agathias von Myrine. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1952/1953 des Gymnasiums Bayreuth». Bayreuth, 1953; M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, 1. Napoli, 1956, p. 3—5; H. W. Haussig. A History of Byzantine Civilization. London, 1970, p. 118—120, 216, 322, 366.

³⁰ G. Franke. Questiones Agathianae, S. 87; A. Momigliano. Herodotus in the History of Historiography. — «History», 43, 1958, p. 1 ff.

³¹ Av. Cameron. Agathias, p. 131—137.

³² З. В. Удальцова. Мирозерцание византийского историка VI в. Агафия Миринейского. — ВВ, XXIX, 1968, стр. 153—169; P. Photiadès. Quelques traits de la conception byzantine de l'histoire. — REG, 77, 1964, p. 569 ff.

Агафий был, как мы видели, человеком двух призваний — поэтом и историком. В своем историческом труде, по его словам, он стремился соединить харит с музами³³. В поэзии, согласно учению Платона, души человеческие проникаются возвышенным восторгом и порождают поистине прекрасное. История же — мудрый учитель, она даже полезнее философии, «матери наук».

Историки, по мнению Агафия, — благодетели общества, они достойны всяческого удивления и прославления³⁴.

Вместе с тем историк — не только рассказчик, но и истолкователь фактов. На нем лежит трудная и почетная миссия — передать потомкам подлинные события своего времени. Ведь основная цель истории — истина, и писать историю нужно прежде всего правдиво. Агафий обрушивается с едкими нападками на тех современных ему историков (правда, к сожалению, не называя их имен), которые позорят себя низкой лестью перед живущими правителями и порицанием уже умерших³⁵. Всегда прислуживая сильным и заботясь только о своей выгоде, подобные историки забывают, что их чрезмерные похвалы неприятны даже самим правителям, ибо «явная лесть не будет достаточной опорой их славы»³⁶.

Самого Агафия подвигли серьезно заняться историей не только советы друзей и внутреннее призвание, но и необычайные и важные события, свидетелем которых он стал. «В мое время, — пишет Агафий, — повсеместно и неожиданно вспыхнули великие войны, совершились переселения многих варварских народов, неожиданные завершения тайных и невероятных событий, беспорядочные капризы судьбы, гибель народов, порабощение городов, переселение жителей, и как будто весь род человеческий пришел в движение»³⁷. Видя все это, Агафий решил написать труд, чтобы потомство смогло узнать о том, что происходило в действительности.

Сознавая долг историка писать правду и только правду, Агафий мечтал всецело предаться этому благородному труду, однако повседневные заботы о заработке отвлекали его от любимого дела. Для создания исторического сочинения, с грустью говорит Агафий, нужна прежде всего свобода. Необходимо много работать, читать древних мудрецов и учиться у них, внимательно

³³ *Agath.*, Hist., III, 1; *H. Lieberich*. Studien zu den Proömien in griechischer und byzantinischer Geschichtsschreibung, II. Teil. Die byzantinischen Geschichtsschreiber. Progr. München, 1900.

³⁴ *Agath.*, Hist., praef. Ав. Кэмерон подчеркивает, что в своем предисловии к «Истории» Агафий в известной мере использовал Диодора, Лукиана и Полибия (*Av. Cameron*. Herodotus and Thucydides in Agathias, p. 51—52). Столь же связано с античной традицией и предисловие к историческому труду Феофилакта Симокатты. См. *Th. Nissen*. Das Prooemium zu Theophylaktos Historien und die Sophistik. — *BNGJb*, 15, 1939, S. 3—13; Ср. *H. Homeyer*. Lukian. Wie man Geschichte schreiben soll. München, 1965.

³⁵ *Agath.*, Hist., praef.

³⁶ *Ibidem*.

³⁷ *Ibidem*.

искать и сопоставлять исторические материалы, быть нелюбимым во всем, и только тогда историк сможет написать правдивую историю своих дней ³⁸.

Мысль о том, что назначение историка — служение истине, отнюдь не нова как в античной, так и в ранневизантийской историографии. Однако у Агафия, пожалуй, слова меньше расходятся с делом, чем у других современных ему историков, в частности у Прокопия.

Мало у кого из византийских историков раннего периода можно найти столь продуманную, трезвую и прямо выраженную позицию автора в оценке происходящих событий, как у Агафия. Этот «оценочный момент» очень силен в его труде. Агафий прекрасно сознает, что историк обязан касаться разнообразных сторон жизни и пытаться дать объяснение тех или иных явлений, даже если это уводит его в сторону от основного направления повествования. Историк должен, по словам Агафия, «полезные деяния восхвалять, а бесполезные порицать, так как, если исторические труды не станут включать этого с целью принести больше пользы человеческой жизни, а будут состоять из простого пересказа событий, то они окажутся не многим лучше тех басен, которые рассказываются в гинекеях во время прядения шерсти» ³⁹.

Недаром в произведении Агафия встречается так много личных оценок событий, философско-этических рассуждений, экскурсов естественнонаучного характера, где автор также выражает свое мнение. Все это говорит о значительной самостоятельности мышления Агафия. Показательно, что в Византии труд Агафия пользовался большой известностью и, например, Менандр хвалебно отзывался об исторических знаниях своего предшественника ⁴⁰. Сочинение Агафия, в свою очередь, послужило источником для византийских историков и хронистов более позднего времени ⁴¹.

Вместе с тем надо отдать должное скромности нашего писателя. Он считает себя чуть ли не невеждой по сравнению с блестяще эрудированным Прокопием ⁴². Но, кстати сказать, преклонение перед Прокопием не мешает Агафию порою вступать в спор и опровергать мнение своего наставника ⁴³.

³⁸ Ibidem.

³⁹ *Agath.*, Hist., I, 7.

⁴⁰ *Menandr.*, Excerpta de legationibus, fr. 7.

⁴¹ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Дьякона и Склици. — «Византийское обозрение», т. II, вып. 1, 1946. Юрьев, стр. 140—141. М. Я. Сюзюмов полагал, что Лев Дьякон многое заимствовал у Агафия как в смысле содержания, так и стиля, описания бытовых деталей и подробностей обстановки.

⁴² *Agath.*, Hist., praef.

⁴³ Ibid., IV, 26; спор Агафия с Прокопием в связи с оценкой завещания императора Аркадия, по которому опекуном его наследника Феодосия назначался персидский шах. Прокопий хвалит этот поступок, Агафий порицает (ibid., IV, 28; 30); расхождения Агафия с Прокопием из-за истории персов. Агафий отдает предпочтение персидским летописям в сравнении с трудом Прокопия.

Основное внимание Агафий уделяет внешнеполитическим событиям — войнам Византии с готами, вандалами, франками, персами, гуннами, славянами и аварами.

В центре повествования стоят войны Византии при Нарсесе против остготов в Италии и гибель остготского государства. Видное место занимают войны империи с народами Кавказа — лазами, иверами, сванами. Для второго периода правления Юстиниана сочинение Агафия — почти единственный труд, принадлежащий перу современника. Оселком, на котором проверялись политические взгляды писателей середины VI в., естественно, было их отношение к правлению Юстиниана. Агафий писал уже после смерти императора и мог смело выражать свое мнение о его правлении. Ему не нужно было, как Прокопию, писать «Тайную историю»⁴⁴ — напротив, при дворе Юстина II всякая критика политики Юстиниана всемерно поощрялась. Историк мог надеяться на милость нового правителя, очернив старого⁴⁵.

Тем не менее Агафий старается по возможности быть объективным. Он воздает должное Юстиниану за его активную внешнюю политику⁴⁶. Агафию импонирует идея восстановления былого величия Римской империи, претворявшаяся в жизнь Юстинианом. В этой оценке завоевательной политики звучат, с одной стороны, патриотические нотки, характерные для византийской интеллигенции, верной традициям сильного римского государства, а с другой стороны, в подтексте чувствуется порицание Юстина II за его тяжелые внешнеполитические неудачи.

Римский патриотизм Агафия нашел выражение и в его поэтическом творчестве: в одной из эпиграмм, в частности, он призывает Рим подчинить заносчивых эллинов своим законам:

Путник, идешь если ты из Спарты, глумиться ненужно
Над Илионом, прошу,— многих унизил ведь рок!
Если ж из Азии ты,— не горюй: города пред Дарданом,
Предком Энея, главу все преклонили свою.
Пусть все пожрала война: и храмы, и жителей, все же
Я остаюся собой — царственной Троей всегда.

⁴⁴ О мировоззрении Прокопия см.: З. В. Удальцова. Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 31, 1971, стр. 8—22.

⁴⁵ Во вступлении к поэтическому произведению «Цикл» Агафий отзывается о Юстиниане в панегирических тонах. Предполагают, что это сочинение было написано Агафием еще при жизни Юстиниана («Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 167).

⁴⁶ Б. Рубин считал, что Агафий и Менаандр выражали официальную точку зрения на политику преемников Юстиниана, ибо при Юстине II агрессивная внешняя политика стала официальной доктриной (B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, Bd. I. Berlin, 1960, S. 461, p. 583). Ав. Кэмерон считает это утверждение полуправдой: если оно и верно для правления Юстина II, то совершенно неприемлемо для царствования Тиверия и Маврикия. (Av. Cameron. Agathias, p. 125—126). О правлении Юстина II см.: K. Groh. Geschichte des oströmischen Kaiser Justin II nebst den Quellen. Leipzig, 1899; A. H. M. Jones. The Later Roman Empire 284—602. A social, economic and administrative survey, I—III. Oxford, 1964.

О, подчини их, дитя, заносчивых эллинов этих
Игу законов твоих, римского права орлам⁴⁷.

Оценка правления Юстиниана в целом отличается достаточной политической лояльностью. Историк видит в деятельности этого правителя как положительные, так и отрицательные черты. Достойна похвал, с точки зрения Агафия, внешняя политика этого императора в первый период его царствования. Для Агафия Юстиниан — первый из византийских василевсов, показавший себя как истинно римский император. Он провел величайшие победоносные войны на Западе и вернул под власть римлян Северную Африку, Сицилию, древний Рим и всю Италию⁴⁸. Агафий не сомневается в благодетельности византийского завоевания для западных стран и народов. Потерянные раньше провинции империи благодаря победам Юстиниана вновь украсились отечественными законами, а варвары приобщились к римской цивилизации⁴⁹. Агафий верит в силу римского оружия, его увлекает описание не доблестей предков, а подвигов современников. Горделивое восхищение вызывает у него, например, победа византийцев в Италии над полчищами франков и алеманнов в кровопролитнейшем сражении на берегах Касилина, когда волны реки окрасились кровью варваров:

Потоки реки Касилина, обремененные трупами,
Принимают камни Тирренского побережья,
Когда авзонское копьё истребило
Племена франков, повиновавшиеся жалкому Бутилину.
О, счастливейшая река! Место трофея варварской кровью
Пусть она будет окрашена!⁵⁰

Агафий оправдывает внешнюю политику Юстиниана на Западе, поскольку считает, что войны его — это не завоевание и порабощение чужеземных народов, а защита владений римлян от варваров. Историк сравнивает их с борьбой греков за свою независимость против персов. В связи с этим автор высказывает общие суждения о войнах. Если цель войны столь возвышенна и справедлива, как защита родины и борьба за свободу, то воюю-

⁴⁷ Под словом «дитя» здесь подразумевается Рим («Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 173, эпигр. 155).

⁴⁸ *Agath.*, *Hist.*, V, 14.

⁴⁹ Несколько иной, чем мы, точки зрения придерживается И. Ирмшер. Он видит в Агафии представителя второго поколения византийских историков VI в., который уже критически относится к правлению стареющего императора. Эта критическая струя ощущается, по его мнению, с еще большей силой в произведениях поэта Кориппа и историка Менаандра Протиктора. До крайней степени критика доведена в «Церковной истории» Евагрия. В целом историография VI в., по И. Ирмшеру, отражает «развал дела реставрации» — дела всей жизни Юстиниана (*J. Irmscher. Geschichtsschreiber der Justinianischen Zeit.* — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», 18. Jahrgang, 1969, Hf. 4/5, Teil 2, S. 473—474).

⁵⁰ *Agath.*, *Hist.*, II, 4—10.

щей стороне сопутствует счастье; если же войны порождены жадной наживы, неблагоразумием и несправедливостью и несут бедствия народам, то они губительны и для самих зачинщиков⁵¹.

Подобная оценка войн Юстиниана на Западе особенно знаменательна, если учесть, что Агафию не чужды пацифистские идеи. Он ненавидит войны и с потрясающей ясностью видит их губительные последствия для народов. Для него войны — порождение зла, выражение самых низменных проявлений человеческой природы, а отнюдь не осуществление воли божества. «И божество, как я думаю, нельзя считать причиной убийств и сражений. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные несчастья»⁵².

Прославляя победы византийского оружия на Западе, Агафий несколько по-иному оценивает войны Юстиниана в Лазике. Хотя и здесь он ищет оправдания войн этого императора в защите лазов от персов, но вместе с тем сознает справедливость стремления туземных народов к независимости и губительность грабительской политики полководцев и чиновников империи⁵³.

Итак, по мнению Агафия, просчеты Юстиниана в его внешней политике состояли отнюдь не в том, что он вел широкие завоевания на Западе или защищал границы государства на Востоке, а в том, что он не смог до конца осуществить грандиозные планы и полностью восстановить былое могущество Римской империи.

Отсюда во многом проистекает отрицательная оценка Агафием внутренней политики Юстиниана, особенно в конце его царствования. Последний период правления Юстиниана характеризуется, по Агафию, общим упадком империи, вызванным тем, что император к этому времени состарился, фактически отошел от руководства государственными делами, перестал контролировать администрацию⁵⁴. Агафий резко порицает правителя за губительную для Византии внутреннюю политику этого времени, за грабежи чиновников как в самой Византии, так и в завоеванных странах. Историк отнюдь не скрывает пороков современного ему общества. Он, как и Прокопий, описывает бесчинства византийской администрации, например в Лазике⁵⁵, показывает развал византийской армии, разложение, царящее среди полководцев, ограбление населения⁵⁶. Он сурово критикует самого Юстиниана за то, что

---

⁵¹ *Agath.*, Hist., II, 10. М. В. Левченко, на наш взгляд, несколько модернизирует взгляды Агафия на характер войн Юстиниана и приписывает ему современное представление о войнах «справедливых и несправедливых» (*М. В. Левченко. Агафий и его мировоззрение*, стр. 188—189).

⁵² *Agath.*, Hist., I, 1.

⁵³ *Ibid.*, III, 2—8; IV, 13—23.

⁵⁴ *Ibid.*, V, 14.

⁵⁵ *Ibid.*, IV, 21—22.

⁵⁶ *Ibid.*, V, 14.

тот позорно наживался на спекуляциях в Лазике, не обращая внимания на жалобы населения⁵⁷.

Однако критика внутренней политики Юстиниана, хотя она и поощрялась новым правительством Юстина II, который хотел переложить на своего предшественника всю ответственность за ослабление империи, у Агафия не приобрела столь разоблачительного и желчного характера, как у Прокопия. В ней нет той слепой злобы той «партийной» и личной ненависти против Юстиниана, которой проникнута «Тайная история».

Критикуя Юстиниана, Агафий использует распространенный в античной литературе прием: обличия вкладываются в уста политических противников империи. Особенно характерна в этом отношении речь знатного лаза Айэта, который выступал против присоединения Лазики к Византии. Айэт порицал не только пороки византийского государства, но и самого императора. «Даже царя они (византийцы.— З. У.) имеют лукавейшего, который всегда услаждается переменами в существующем строе»⁵⁸. Чаще же всего Агафий критикует не самого Юстиниана, а его чиновников, в частности логофетов.

Выходец из среды небогатых, но образованных людей византийского общества, Агафий, несмотря на свои материальные затруднения, непосредственно не пострадал от режима Юстиниана. Поэтому в его труде почти нет нападок личного характера. Агафий далеко стоял от трона, его меньше волновали придворные интриги и столкновения политических партий, и он гораздо более сдержан в оценках, чем Прокопий, захваченный придворной борьбой.

Для политических симпатий и антипатий Агафия характерно его отношение к ближайшим сподвижникам Юстиниана — полководцам-соперникам Велисарии и Нарсесу. Если Прокопий выступает политическим союзником Велисария и ненавидит Нарсеса, то Агафий одинаково доброжелателен к обоим полководцам. Именно Агафий сообщил о последнем воинском подвиге престарелого Велисария, который отбил нападение варваров на Константинополь. Историк осуждает придворную клику, оклеветавшую Велисария и отнявшую у него славу этой победы⁵⁹. Вместе с тем Агафий отдает должное личным и воинским качествам Нарсеса. Он, пишет Агафий, «был весьма благоразумен и деятелен и удивительно легко приспособлялся к любой обстановке. Он не очень отличался образованием и не гордился красноречием, но славился прямою натурой и был в состоянии словом выражать свои мысли. И это — евнух, воспитанный в изнеженности императорского дворца! Он был низкого роста, сухощав,

⁵⁷ Ibid., III, 9. О состоянии византийской армии по данным Прокопия и Агафия см.: A. Müller. Das Heer Justinians (nach Procop und Agathias).— «Philologus», 71, 1912, S. 101—138.

⁵⁸ Agath., Hist, III 9.

⁵⁹ Ibid., V, 15—20; ср. praef.

но выработал такое мужество и ловкость в делах, которые кажутся невероятными. Отсюда ясно, что, кому присущ свободный и благородный дух, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим»⁶⁰.

Умеренность критики Агафия, по-видимому, объясняется тем, что он выражал идеологию тех кругов византийской интеллигенции, интересы которых в меньшей степени были ущемлены при Юстиниане, чем интересы сенаторского сословия, рупором которого явился, как известно, Прокопий. Византийской интеллигенции, конечно, не нравились такие мероприятия Юстиниана, как закрытие некоторых центров образованности, например Афинской школы философов⁶¹. Но вместе с тем она не пострадала, как сенаторы, от земельных конфискаций Юстиниана. Те социальные круги, к которым принадлежал Агафий, имели меньше претензий к правительству Юстиниана, чем отесненная от власти старая римская аристократия. В то же время их римский патриотизм находил удовлетворение в политической программе восстановления империи, а некоторые реформы Юстиниана, в частности установление жалования от государства профессорам и риторам, должны были им весьма импонировать.

У Агафия встречаются политические высказывания более радикальные, идеи более передовые, чем у Прокопия⁶². Если Прокопий не касался самого социального строя империи VI в. и был очень консервативен и лоялен, то у Агафия порою звучат более демократические ноты. Политический идеал государства Агафия более прогрессивен, чем идеал Прокопия. В общественной жизни превыше всего Агафий ставит свободу — правда, понимая под ней свободу для избранных, особо одаренных, творческих личностей.

Идеальный образ правителя для Агафия — это мудрец, философ на троне, заботящийся о всеобщем благе⁶³. Государство должно управляться достойными людьми, мудрецами⁶⁴. Чрезвычайно опасно, по мнению Агафия, давать титул царя тому, кто его совершенно не заслужил⁶⁵. Политический деятель или мудрец, стремящийся к свободе, думает всегда не только о себе, но прежде всего об общем благе государства. Не могут в жизни быть

⁶⁰ *Agath.*, Hist., I, 16; *H. Peter*. Die geschichtliche Literatur über die römischen Kaiserzeit bis Theodosius I. Leipzig, 1897.

⁶¹ *Agath.*, Hist., II, 30. Ср. *Al. Cameron*. The last days of the Academy of Athens. — «Proc. Cambr. Phil. Soc.», 195, 1969, p. 7 f.

⁶² Ав. Кэмерон старается доказать, что Агафий был плохим политиком и слабо разбирался в политической обстановке своего времени. У него политика подменяла мораль (*Av. Cameron*. *Agathias*, p. 124—130). Думается, что это несправедливо: если Агафий как политик действительно уступал Прокопию, то все же деполитизировать его сочинение нет оснований.

⁶³ *J. Straub*. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Diss. Berlin, 1938.

⁶⁴ *Agath.*, Hist., II, 30; V, 20.

⁶⁵ *Ibid.*, IV, 7.

соединены подлость и общая польза, жестокость и правосудие. Для правителей и их приближенных особенно опасны заносчивость и зависть. Гордыня губит не только государей, но и тех, кто им угождает. Зависть и вражда — самые ужасные пороки, уничтожающие все лучшее на свете⁶⁶. Большой ущерб государству наносится и тогда, когда правители не награждают лучшие умы — как за их военные подвиги и мирные деяния, так и за личные дарования⁶⁷.

Классической моделью наилучшего государственного устройства для Агафия служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое»⁶⁸. Вместе с тем Агафию чуждо представление о божественности императорской власти, о том, что император — земной бог.

Агафий очень высоко ставит труд ученого. Он особо подчеркивает, что царский двор, атмосфера лесты вокруг престола царей отнюдь не способствуют занятию науками, и ученым надлежит искать покоя и уединения⁶⁹.

Превыше всего Агафий ценит античную науку, особенно философию. По его мнению, это вершина человеческой мысли. Агафий всячески прославляет греческих философов, бежавших после закрытия Юстинианом Афинской философской школы в Иран; он говорит, что они — великие мудрецы, цвет философов, а их мудрость основана на изучении античных образцов⁷⁰.

Агафий, однако, восхваляет не только ученых прошлого, но и своих современников. Такие выдающиеся ученые VI в., как Анфимий из Тралл, по его словам, заслуживают бессмертной славы⁷¹. Ученые, писатели, художники нужны государству не менее, чем полководцы. Ярый защитник истинной науки и подлинного, вдохновенного искусства, Агафий жалуется на то, что правители государства часто недооценивают исключительной роли ученых и художников. Со всем пылом обрушивается он на лженауку и ядовито высмеивает лжемудрецов, подобных Уранию⁷².

Особенно большое влияние на мировоззрение Агафия оказала Александрийская философская школа. Во время пребывания в этом городе Агафий познакомился с тамошними философами и воспринял некоторые их философские и естественнонаучные взгляды. В частности, в своей книге он излагает теорию происхож-

⁶⁶ Ibid., V, 20.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Ibid., II, 30; A. Pertusi. L'atteggiamento spirituale della più antica storiografia bizantina. — «Aevum», 30, 1956, p. 150 sg.

⁶⁹ Agath., Hist., II, 30.

⁷⁰ Ibidem. Такие ученые, как сириец Дамаский, киликиянин Симпликий, фригиец Евлакий, лидиец Прискван, финикияне Гермий и Диоген, представляли, по мнению Агафия, «выражаясь поэтическим языком, цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время» (ibidem).

⁷¹ Ibid., V, 6—9.

⁷² Ibid., II, 29—32.

дения землетрясений Иоанна Филопона ⁷³. Через сочинения этого мыслителя Агафий познакомился с философией Аристотеля.

Агафий прославляет созидательный труд, украшающий жизнь человека, — труд архитектора, строителя, художника, мыслителя:

«Боги поставили труд добродетели выше намного», —
Так нам сказал Гесиод, видя как будто сей дом.
И, поднимаясь наверх, по лестнице длинной, ведь точно
Пот я со лба вытирал влажной горячей рукой.
Море лежало внизу, огромен был вид с этой вышки,
Крепость надежная здесь доблести, верный покой ⁷⁴.

В высокой оценке значения науки и роли ученого в государственной жизни нашли свое выражение мысли образованной части византийского общества, воспитанной в традициях античной цивилизации. Вместе с тем панегирик Агафия в честь истинной науки окрашен в столь ярко полемические тона, что свидетельствует о личной заинтересованности автора и озабоченности его судьбами интеллигенции в Византийском государстве.

По своим социально-политическим взглядам Агафий несколько более демократичен, чем Прокопий. Он открыто порицает разбогатевшую знать — динатов как определенную социальную категорию и осуждает позорные деяния константинопольских магнатов. Лишь великий страх «божьей кары» в связи с разрушительным землетрясением, постигшим столицу, заставил богачей временно вернуться на стезю добродетели. Но как только страх прошел, динаты перестали совершать добрые дела и возвратились к прежнему, далеко не праведному образу жизни ⁷⁵.

Агафий сообщает о ненависти народа к знатному вельможе Анатолию, порожденной его несправедливыми делами и захватом чужой собственности. «Но были в городе очень многие другие, ему подобные, даже более несправедливые», — добавляет историк ⁷⁶. В другом месте Агафий поднимается до обобщения социального характера, указывая, что и у персов богатые притесняли убогих ⁷⁷.

Агафий почти так же, как Прокопий, высокомерен по отношению к народным массам. Однако это презрение — не аристократа по крови, по рождению, а аристократа духа, высокомерие человека образованного к простой, невежественной толпе, которая

⁷³ *Agath., Hist.*, II, 15. Агафий сам пережил в Александрии сильное землетрясение. Об Иоанне Филопоне см.: *E. Evrard. Les convictions religieuses de Jean Philopon et la date de son commentaire aux Météorologiques.* — «Bulletin de l'Académie royale de Belgique, classe des lettres et des sciences morales et politiques», sér. 5, t. 39, 6, 1953, p. 299 ff.; *H.-D. Saffrey. Le chrétien Jean Philopon et la survivance de l'école d'Alexandrie au VI siècle.* — REG, 67, 1954, p. 396 f.

⁷⁴ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 173, эпигр. 653.

⁷⁵ *Agath., Hist.*, V, 5.

⁷⁶ *Ibid.*, II, 30.

⁷⁷ *Ibid.*, V, 4.

якобы не способна к «высокому творчеству» и удел которой — суеверия и темнота. Толпа, по словам Агафия, склонна верить всяким нелепым предсказаниям обманщиков-прорицателей, особенно в году народных бедствий⁷⁸. «Чернь» всегда легковерна и быстро возбудима, что зачастую приводит к мятежам.

Агафий резко выступает против народных восстаний, волнений, связанных с борьбой цирковых партий. Он полагает, что цирковые ристания и увлечение борьбой «цветов» развращают юношество. Агафий предлагает изменить воспитание молодежи — по его мнению, юношам необходимо идти на военную службу, воспитывать в себе доблесть и мужество, а не растрачивать попусту силы в ристаниях, в борьбе димов и партий цирка⁷⁹. Историк осуждает Юстиниана за то, что в его правление «большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесчестным женщинам, возницам цирка и людям, мало пригодным для полезных дел, по зато преданным удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами...»⁸⁰.

По мнению Агафия, «толпа не привыкла здраво взвешивать, она легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно»⁸¹. Народу, толпе Агафий всегда противопоставляет избранных людей. Но это не противопоставление родовитой аристократии безродному и нищему демосу, как у Прокопия, а возвеличивание людей, отличающихся личными талантами и другими высокими человеческими качествами — мудростью, справедливостью, доблестью.

Агафий порицает правительство за недооценку заслуг талантливых людей, говорит о зависти правителей к выдающимся личностям⁸². В этом находит выражение индивидуализм историка, его неверие в творческие возможности народа. Высоко поднимая над народом философов, поэтов, художников, он видит в них избранную касту аристократов мысли и духа.

Агафий, однако, в гораздо меньшей степени, чем Прокопий, склонен к консерватизму в политике и искусстве. Он считает, что в политических делах лучше придерживаться старого порядка вещей, но иногда необходимо маневрировать, приспособляться к изменяющимся обстоятельствам и в случае нужды не цепляться за старое. «Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказывается

⁷⁸ Ibid., V, 5.

⁷⁹ Ibid., V, 21. Хочется отметить, что в последнее время вновь возрос интерес ученых к проблеме борьбы димов и цирковых партий в Византии. Американский ученый Сп. Врионис сделал попытку сблизить народные организации в городах Византии и у арабов в период возникновения ислама (*Sp. Vryonis. Byzantine Circus Factions and Islamic Futuwwa Organizations.* — BZ, Bd. 58, Hf. 1, 1965, S. 46—60.

⁸⁰ *Agath.*, Hist., V, 14.

⁸¹ Ibid., II, 11.

⁸² Ibid., V, 20.

скорее тот, кто держится за старое и на этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому»⁸³.

Но определить, надо ли «держаться за старое» или «переходить к новому», могут только мудрые правители, а отнюдь не народные массы. Склонность же толпы к каким-либо новшествам не встречает поддержки у Агафия; более того, он сетует на то, что толпе «вообще свойственно стремиться к новизне и радоваться переменам»⁸⁴.

Таким образом, Агафий убежден, что проведение реформ является прерогативой лишь мудрых правителей, действующих на благо государства.

Философские и этические взгляды

По своим философским взглядам Агафий не примыкал к какой-либо определенной школе античной философии. Как и Прокопий, он испытал на себе влияние и учения Платона⁸⁵, и идей философов-скептиков⁸⁶. Агафий хорошо знал и ценил Аристотеля и многих других греческих философов. В философском миропонимании Агафия, как и Прокопия, обнаруживаются некоторые черты агностицизма. Агафий считает, что человеку не дано в этом мире познать до конца сущность вещей⁸⁷. Это распространяется как на явления природы, так и, в первую очередь, на познание божества. Субстанция божества непостижима разумом человека. О божестве, по мнению Агафия, можно знать только то, что оно непознаваемо⁸⁸. Как и Прокопий, Агафий высмеивает пустые споры «черни», необразованных людей о природе божества. Но агностицизм у Агафия менее ярко выражен, чем у Прокопия. По мнению Агафия, человек обязан изучать явления природы, хотя познать до конца их и невозможно, ибо все создано божественным разумом и высшей волей⁸⁹.

У Агафия чувствуется явное тяготение к пантеизму. Если Прокопий — фаталист, верящий в безусловную и грозную силу рока, то Агафий более оптимистичен. Верховное божество — «высшее благо», по Агафию, обладает совершенным знанием, абсолютным разумом, волей и, хотя его деятельность непости-

⁸³ *Agath.*, Hist., III, 10.

⁸⁴ *Ibid.*, III, 11.

⁸⁵ *Ibid.*, V, 4.

⁸⁶ *Ibid.*, II, 29.

⁸⁷ *Ibid.*, II, 15.

⁸⁸ *Ibid.*, II, 29. *Ср. P. Tannery. Sur la période finale de la philosophie grecque. — «Mémoires scientifiques». Toulouse—Paris, 1925, p. 211 ff.*

⁸⁹ *Agath.*, Hist., II, 15: «Каким образом можно до конца познать неизвестное и превышающее наше понимание? Пусть будет достаточно для нас знать только то, что все создано божественным разумом и высшей волей. Наблюдение же и изучение разумом начала и движения природы и причины отдельных явлений нельзя считать бесполезным и бесплодным. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое более пагубным, чем незнание»

жизни для смертного, она разумна и целесообразна⁹⁰. Агафий признает, что воля божества проникает во все сферы человеческой жизни, пронизывает всю окружающую природу. В большинстве случаев «божий промысел» справедлив к человеку. Так, кара верховного правосудия постигает людей за совершенное ими зло. Он считает, что поражения в войнах, которые терпят люди, большей частью являются результатом их собственной «неправды», их дурных поступков, и приводит многочисленные примеры⁹¹. Вместе с тем Агафий принужден признать, что божественное возмездие все же далеко не всегда наказывает истинных грешников и многие из них при жизни ускользают от заслуженной кары⁹².

Грустно и взволнованно звучат поэтические строки Агафия, восхваляющие смерть как освобождение от мук жизни. Они явно перекликаются с философскими рассуждениями Сенеки о смерти как избавлении от бед.

Смерти бояться зачем? Конец она бедствий и боли,

Матерь покоя она, все прекращается с ней!

Только единственный раз она к смертному гостьей приходит,

Разве встречал кто когда дважды явление ее?

Много болезней у нас разнообразных и тяжких,

Форма различна, хоть многих исход же — один⁹³.

Историка постоянно волнует «вечный» и неразрешимый вопрос о воздаянии человеку после смерти за его греховную или праведную жизнь. Порою он склонен верить в то, что преступник, благодаря своей изворотливости ускользнувший от наказания, все же не избежит праведного суда Фемиды.

Как, неразумный, избег ты весов правосудия? Разве

Ты не слышал, что о вас думают, людях таких?

Слишком уверен в себе! Изворотливость речи, искусство,

Вся пестрота твоих слов — стоят немного они!

Пусть красноречье твое разыгралось, но вряд ли Фемиду

Сможет оно убедить и отменить приговор⁹⁴.

Иногда Агафий согласен с Платоном, что более несчастлив тот, кто умрет, не искупив грехов насильственной смертью или другой какой-либо карой. Они уйдут из жизни, «как рабы, заклеянные клеймом преступлений, прежде чем те будут искуп-

⁹⁰ Ibid., I, 1. Cp. Av. Cameron. The «Scepticism» of Procopius, p. 466—482; Av. and Al. Cameron. Christianity and Tradition in the Historiography of the Later Roman Empire.—«Classical Quarterly», N. S., [v. 14, 1964, p. 318 f.

⁹¹ Так, в греко-персидских войнах греки сражались за свободу и победили, а Ксеркс хотел поработить тех, кто не нанес ему никакой обиды, и потерпел поражение (Agath., Hist., II, 10). Такой же приговор высшего суда был вынесен грекам во время их несправедливой Сицилийской экспедиции (ibidem) и Левтарису и Бутилину за их вторжение в Италию (ibid., II, 9). Византийские войска потерпели поражение в Лазике в наказание за коварное убийство царя лазов Гуваза (ibid., II, 3) и т. п.

⁹² Agath., Hist., V, 3—4.

⁹³ «Памятники византийской литературы IV—IX в.», стр. 175, эпигр. 69.

⁹⁴ Там же, стр. 175, эпигр. 350.

лены»⁹⁵. Долгая, беззаботная жизнь еще не доказывает отсутствия пороков. Агафий считает желательным, чтобы в дидактических целях это учение Платона было усвоено людьми. Вместе с тем Агафий не верит в возможность при жизни человека до конца разрешить этот вопрос. «Но истинным образом мы узнаем, каково воздаяние и награда за эту жизнь, когда придем туда»⁹⁶.

В познании великой тайны смерти и в решении спора о бессмертии души разум человека бессилен. Эта скептическая концепция очень ясно нашла отражение в одной из эпиграмм Агафия:

Некто когда-то спросил Никострата — Платону был равен
И Аристотелю тот острым суждением своим,—
«Надо ль нам душу назвать бессмертной, или же смертной?
Чувствам ли нашим она сродни, иль, быть может, рассудку,
Иль им обоим? Ты все нам, толкователь, раскрой!»
Тот «Метафизику» знал всдь отлично, читал и про душу
Труд Аристотеля он, вглубь и «Федона» постиг!
То надевая свой плащ, то глядя конец подбородка,
Вынес решение он мудрое нам, наконец.
«Есть ли природа души вообще, я не знаю, но также
Я вам сказать не могу, смертна, бессмертна ль она!
Плоть ли имеет иль нет, нам того никто не откроет,—
Переплывя Ахеронт, истину лишь уяснишь!
Ведь и Платон все узнал обо всем только там лишь наверно,
Если же хочешь, пример можешь один повторить!
С кровли бросайся смелей, как юнец Клеомброт Амбракийский,
Тело свое спусти с крыши на землю скорей!
Сразу познаешь себя самого, бестелесным, бесплотным,
Ищешь коль душу лишь ты, с ней и пребудешь вовек!»⁹⁷

При всем своем скептицизме, в отличие от Прокопия, Агафий более склонен к философскому рационализму. Он признает силу человеческого разума и высоко ее ценит. Труд его пестрит сентенциями о значении разума в жизни человека и общества. Разум, а не физическая сила дарует человеку победу над врагами⁹⁸. «Несчастия, происходящие от какой-либо случайности или неосмотрительности, могут быть исправлены мудрым решением разума, которое помогает приспособиться к обстоятельствам и исправлять

⁹⁵ *Agath., Hist., V, 4.*

⁹⁶ *Ibidem.* Ав. Кэмерон с явными натяжками утверждает, что Агафий якобы был отнюдь не неоплатоником, а православным христианином. По ее мнению, он истолковывает указанный тезис Платона в духе христианского учения о воздаянии за грехи: те, кого бог покарал в земной жизни, искупили свои грехи и они счастливее тех, кого бог будет карать в загробной жизни. Аргументация Агафия, полагает Ав. Кэмерон, ближе к положениям Симпликия, но только по форме, а не по содержанию (*Av. Cameron. Agathias, p. 99—100*). См. *L. G. Westerink. Anonymous prolegomena to Platonic Philosophy. Amsterdam, 1962.*

⁹⁷ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 175, эпигр. 354.

⁹⁸ *Agath., Hist., V, 17.*

ошибки»⁹⁹. Действия, лишённые благоразумия, — не храбрость, а безрассудство¹⁰⁰. Обдумывание дела — не показатель нерешительности, а свидетельство достоинства и уверенности¹⁰¹. «Благоразумие, — заключает автор, — безусловное и неоспоримое благо»¹⁰². «Ибо свойство безрассудных — постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же людей мудрых — изучать неожиданности судьбы, не смущаться внезапными переменами с тем, чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду на будущее»¹⁰³.

На взгляды Агафия оказала воздействие философская концепция Эпикура. Умеренность в жизни и мудрое спокойствие в превратностях судьбы — вот высшие блага для человека, говорит Агафий в одной из своих эпиграмм:

Знают ведь все, как судьбы равнодушной превратность подобна
Сей безрассудной игре в кости, метанию их!
Разве не точное здесь повторение жизни неверной?
То вознесен ты наверх, то ты низвергнут на дно,
Хвалим, конечно, того, кто в игре, да и в жизни умерен,
В радости, в горе всегда мудрую меру блюдет¹⁰⁴.

Агафий фактически выступает против слепого фатализма, беспощадно высмеивает суеверие толпы, хотя и соглашается с тем, что в мире существует высшая трансцендентная необходимость. Появляющихся в годину народных бедствий гадателей, толкователей снов и прорицателей Агафий называет обманщиками, их предсказания о конце мира сеют в народе панику и вредны для общества. Агафий призывает наказывать за святотатство подобных толкователей снов, «не оставляющих для бога никакого более глубокого знания будущего»¹⁰⁵. Даже вера во всемогущество Мойры окрашена у Агафия в оптимистические тона. Он сознает силу и неотвратимость судьбы, но видит спасенье в славе. Трагична судьба Трои, но имя ее бессмертно, утверждает Агафий:

Стены где, Троя, твой? Илиона богатые храмы?
Головы навших быков жертвенных? Где они? Где?
Где алавастровых ваз Афродиты узор? Где парчовый
Золотом нитый наряд? Статуя Девы благой?
Войны, века и судьба, всемогущая Мойра, все смыли,
Все унесла навсегда судеб различных река!
Зависть сгубила тебя, но одно твое имя напомнит
Славу твою, Илион, — и не погибнет оно!¹⁰⁶

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibid., V, 18.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ Ibid., III, 11.

¹⁰⁴ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 174, эпигр. 768.

¹⁰⁵ *Agath.*, Hist., V, 5. Ср. V, 10; II, 6.

¹⁰⁶ «Памятники византийской литературы IV—XI вв.», стр. 173, эпигр. 153.

Человек смертен, его судьба решена с момента рождения. Но прекрасные творения его будут жить и после его смерти. Восхищаясь великолепным домом, воздвигнутым на одном из холмов в Константинополе, Агафий пишет:

Зодчий построил меня здесь Мусоний с трудом превеликим.
С моря холодный Борей дом обвевает. Но сам
Он не ушел от судьбы. И жилища зловещего Мойры
Не избежал. И теперь он истлевает в земле.
В прах превратился и в тень: я же радую взоры пришельцев
И чужеземных гостей строгой своей красотой¹⁰⁷.

Агафий выдвигает важный тезис о свободе человеческой воли, которая может и должна сыграть известную роль в истории человечества. Так, рассказывая о неизбежности войн, Агафий приходит к выводу: «Причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движение звезд или судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы пустыми и бесплодными надежды людей, ведущих достойный образ жизни»¹⁰⁸.

В вопросах этики Агафий значительно оптимистичнее Прокопия и видит в человеческой природе не одни лишь дурные черты, но и доброту, милосердие, честность, мужество, благородство.

В одной из эпитафий Агафий пишет о своей сестре, которая всегда заботилась о правде:

Скрыла Евгению пыль земная. Когда-то, припомни,
В песнях и блеске цвела, только о правде пеклась!
И над могилой ее — Фемида, Пафия, Муза,
Срезавши косы свои, в скорбном молчаньи стоят¹⁰⁹.

Правда, как и его младший современник Менандр, Агафий признает относительность моральных норм¹¹⁰. Он осуждает отрицательные стороны человеческой природы, подчеркивая, что люди сами не замечают своих пороков, поэтому «тех, кто похож на нас, мы любим, а кто нас превосходит — чуждаемся»¹¹¹.

Агафий порицает коварство византийцев, их стремление обманывать легковверные варварские народы. Он возмущается бессмысленной жестокостью византийских солдат, беспощадно, без

¹⁰⁷ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 173—174, эпигр. 677.

¹⁰⁸ *Agath.*, Hist., I, 1. Ав. Кэмерон соглашается с тем, что Агафий признает свободу воли человека и его ответственность за поступки, но она усматривает в этом — без достаточных оснований — влияние на Агафия отцов церкви. (*Av. Cameron. Agathias*, p. 96).

¹⁰⁹ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 172, эпигр. 593.

¹¹⁰ *М. В. Левченко*. Византийский историк Агафий и его мировоззрение, стр. 189; *Н. Drexler*. Die moralische Geschichtsauffassung der Römer.— «Gymnasium», 61, 1954.

¹¹¹ *Agath.*, Hist., II, 32.

всякой нужды перебивших невинных женщин и детей из побежденного племени мисимиян ¹¹².

Агафий осуждает такие человеческие пороки, как заносчивость, неблагодарность, предательство в отношении старых друзей, суетное тщеславие, жадность и погоню за богатством. Ведь богатство не приносит человеку прочного счастья, ибо все на свете быстро и бегло.

Коль неожиданно кто из бедного станет богатым,
Вмиг забудет, кем был прежде, когда горевал.
Дружбу отвергнет глупец, до конца никогда не поймет он,
Что лишь играет судьба с ним, издеваясь зло.
Был бедняком ведь и ты, припомни, везде побирався,
Дали ломоть бы, молил, хлеба тебе на прокорм.
Ныне подать же другим ты не хочешь. Но знай, все минует!
Все у смертных пройдет и не вернется во век!
Если не веришь словам, пусть пример тебя личный научит:
Как переменчива жизнь, знаешь ты сам по себе! ¹¹³

Вместе с тем как поэтическое творчество Агафия, так и его исторический труд свидетельствуют о его светлом, жизнеутверждающем античном мирозерцании.

Более оптимистическое, чем у Прокопия, восприятие жизни, преклонение перед земными радостями, воспевание земной красоты, природы, поэзии, любви к женщинам, вину и веселью — вот жизненное кредо Агафия-поэта, которое в известной степени отразилось и в его историческом произведении ¹¹⁴.

Многие эпиграммы Агафия воспевают любовь — хотя и земную, но чистую, не омраченную ни ревностью, ни завистью, ни противостественным общением полов ¹¹⁵. Агафий, например, упрекает жестокого отца, разгневавшегося на свою дочь и ее любовника.

Возраст тебя усмирил, притуплено жало желанья,
Помня про жар и про страсть юных умчавшихся лет,
Должен ты был бы понять печаль и томление девы,
О, Клеобул, ты отцом нежным считался ее!
Ныне врагом перед ней ты стоишь оскорбленным и злобным,
Видя любовников двух, слившихся в тело одно.
О, не лишай же любовь ни часа ее, и ни права,
И не позорь этих кос ревности ярым ножом ¹¹⁶.

¹¹² Ibid., IV, 19. «Было захвачено, — пишет Агафий, — много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Других же, как бы для забавы подбрасывавшихся высоко и затем падавших вниз, принимали на подставленные копыя и пронзали их в воздухе».

¹¹³ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 174, эпигр. 66.

¹¹⁴ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение, стр. 184—187. Ср. F. Dölger. Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache. Berlin, 1948.

¹¹⁵ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 169, 174—175, эпигр. 278 и 68.

¹¹⁶ Там же, стр. 168, эпигр. 220.

Снисходительный к увлечениям молодости, Агафий вместе с тем высоко ценит целомудрие и добродетель женщин, воспевает радости законного брака. Характерны в этом отношении две его эпиграммы. В одной он обращается к невесте накануне брака:

Это, невеста, прими от меня покрывало. Взгляни, как
Золотом блещет оно, чудным узором своим.
Волосы им ты прикрой, иль накинь на белые плечи,
Или легко свою грудь этой накидкой обвей!
К нежному телу прильнет и его осторожно укроет
Мягкая ткань от всех глаз любопытных чужих.
Этот покров ты носи, как дева, но помни о браке,
Скоро уже его цвет заколосится в груди!
Думай о детях! Хочу серебром я украсить повязку,
Сетку на лоб возложить с геммой тебе дорогой!¹¹⁷

Во второй эпиграмме Агафий рассказывает предание о двух добродетельных красавицах Лесбоса, бежавших с риском для жизни от преследований завоевателя острова, сгубившего их мужей. Спасшись от позора, они раскрыли преступления злодея:

Все преступления узнал его грязные демос. Решили
Полною мерой воздать за непотребство его.
Жены вернулись домой к дорогим им могилам и рядом
Ныне с мужьями лежат в гордой своей чистоте!¹¹⁸

И в поэтических произведениях, и, отчасти, в историческом труде можно почувствовать стремление автора уйти от тягот жизни и пороков современного общества в прекрасный мир красоты и радости или подняться к сверкающим вершинам чистой науки. Агафий всей душой против аскетизма, умерщвления плоти. Какой бесконечной верой в красоту и чистоту земных радостей любви проникнута, например, эта эпиграмма:

И хоть меня целовать запретили красивой Роданфе,
Выход придумала все же: пояс свой с бедер сняла
И, растянув его между собою и мной, осторожно
Поцеловала конец пояса, я же — другой.
Влагу тянул я любви, я вбирал в себя чистый источник,
И поцелун ее я ощущал на губах.
Тем же платил ей и я, мы в игре той усладу искали,
Пояс Роданфы моей слил наши крепко уста!¹¹⁹

В другой эпиграмме невеста трепетно ждет жениха. С какой страстью молит она богов не помешать их свиданию!

Не оплывай, мой ночник, ведь пагар предвещает беду мне, —
Дождь помешает прийти снова ко мне жениху.
К Пафии — зависть твоя. Вспомни былъ о Геро и Леаудре,

¹¹⁷ «Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 169, эпигр. 276.

¹¹⁸ Там же, стр. 172, эпигр. 614.

¹¹⁹ Там же, стр. 169, эпигр. 285.

О, позабыть бы копец!... Больше не думать о том!...
Видно, Гефеста рабом ты становишься, но на Киприду
Гневаясь, ревность его только ты вводишь в обман¹²⁰.

С искренней скорбью Агафий оплакивает перед могилой превратившуюся в прах красоту некогда прекрасной гетеры:

«Жалко,—сказал,—мне тебя, никогда хоть я не был с тобою». Тихо скатилась слеза с глаз моих — дань красоте.
Юношей скольких мечты волновала когда-то, а ныне
Леты поток все унес, в прах превратилась краса¹²¹.

Античная философия и античное мирозерцание помогают Агафию преодолеть свойственный человеку страх смерти, — но не через христианское учение о бессмертии души, а через наслаждения земной жизнью. Отсюда его холодное отношение к аскетическим идеалам и презрение ко всякого рода суевериям.

Исторический труд Агафия полон античных реминисценций. Агафий, пожалуй, даже более, чем Прокопий, начитан в классической литературе. Он хорошо знает и глубоко почитает многих античных писателей, как греческих, так и латинских. Можно поэтому согласиться с общей оценкой Агафия как кабинетного ученого, в противовес Прокопию-политику.

Вместе с тем, ценя античные культурные традиции, сам Агафий предостерегает собратьев по перу от излишнего увлечения античными мифами и от легковерного отношения к ним. Например, приведя легенду о состязании Аполлона и Марсия, Агафий делает вывод, что подобные рассказы — не что иное, как сказки — забава поэтов, не таящие в себе ничего ценного и правдоподобного для ученого-историка¹²².

Для добросовестного историка необходимо прежде всего правильно наблюдать жизнь и изучать древнейшие события, а не увлекаться поэтическими вымыслами. Агафий при этом упоминает поэта Нонна из Египта, который слишком доверял древним мифам. Современные поэты, сетует автор, рабски подражают древним и без критической проверки повторяют их легенды¹²³.

Приверженность к античной культуре, естественно, наложила свой отпечаток и на религиозные взгляды Агафия.

Отношение к христианству

Проблема религиозной принадлежности Агафия и его отношения к язычеству и христианству давно вызывала острую дискуссию в византиноведческой науке. Многих ученых волновал вопрос,

¹²⁰ Там же, стр. 168—169, эпигр. 263.

¹²¹ Там же, стр. 171, эпигр. 220.

¹²² *Agath.* Hist., IV, 23.

¹²³ *Ibidem*; *Al. Cameron. Wandering Poets; A Literary Movement in Byzantine Egypt.* — «Historia», 14, 1965, S. 470—509.

выступал Агафий как ортодоксальный христианин или втайне оставался верен религии своих отцов? Византинисты по сей день решают сложную дилемму: в какой мере христианская идеология коснулась мировоззрения Агафия — автора стихотворений в духе анакреонтической поэзии и последователя античной культуры? Или, быть может, христианское учение осталось ему чуждым?

Итальянский филолог С. Констанца сравнительно недавно выдвинула теорию, согласно которой Агафий был христианином православного вероисповедания, но сохранившим тяготение к неоплатонизму. Традиции античной историографии, по его мнению, были переосмыслены Агафием в духе нового спиритуалистического христианского вероучения. Поэтому Агафий принадлежит уже христианской, а не античной греко-римской цивилизации¹²⁴.

В последние годы все сильнее стали звучать голоса в защиту приверженности Агафия к христианскому мирозерцанию. Его историческое произведение иногда расценивают как сочинение христианского автора, но облаченное в античные одежды. Аргументируется это тем, что краеугольным камнем историко-философской концепции Агафия является христианская идея о промысле божьем¹²⁵.

Против столь прямолинейной «христианизации» мировоззрения Агафия выступил восточногерманский филолог, историк-византист И. Ирмшер. Расплывчатость и стереотипность высказываний Агафия о христианской религии, игнорирование им церковной истории и христианской терминологии, полное отсутствие интереса к богословским спорам своего времени — все это, по мнению И. Ирмшера, порождено не только жанром произведений Агафия и их античной литературной формой, но непосредственно вытекает из его мировоззрения, которое еще органически связано с античной цивилизацией¹²⁶.

Спор, разгоревшийся в современной науке по поводу религиозных взглядов Агафия, выходит далеко за рамки оценки мировоззрения одного автора и теснейшим образом связан с общей проблемой борьбы язычества и христианства, старой и новой идеологии в ранней Византии. Агафий, на наш взгляд, сочетал

¹²⁴ S. Constanza. Orientamenti cristiani della storiografia di Agatia. — «Helikon», 2, 1962, p. 96—111.

¹²⁵ Еще дальше, чем С. Констанца, по пути «христианизации» ранневизантийских авторов идут А. Момigliano и супруги Ав. и Ал. Кэмерон. См. A. Momigliano. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. In: «The conflict between Paganism and Christianity in the fourth Century», ed. A. Momigliano. Oxford, Clarendon, 1963, p. 79—99; Av. and Al. Cameron. Christianity and Tradition in the Historiography of the Later Roman Empire, p. 316—328; Av. Cameron. Agathias, p. 53—56, 89—111, 131—137.

¹²⁶ J. Irmscher. Zur Weltanschauung des Agathias. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena. Sonderheft. Tagung für allgemeine Religionsgeschichte», 1963, S. 47—53; *idem*. Über die Weltanschauung des Agathias. Methodische Vorfagen. — «Studia Patristica», IX, 1966, S. 63—68; *idem*. Geschichtsschreiber der Justinianischen Zeit..., S. 469—474.

в одном лице не только поэта и историка, но также эллина и христианина. Как истинный сын своего века — века ломки античной культуры и рождения средневековой, — он соединял в своем творчестве черты старого и нового, античного мирозерцания и христианской идеологии, неоплатонизма и христианской религии. В религии Агафий стоял между двумя полюсами, он чуждался гордой самовлюбленности языческих Афин и нетерпимого прозелитизма христианской Александрии. Он дарил свои симпатии философии Платона, Эпикура и стоиков, подражал лексике Гомера и Фукидида, прославлял добродетели гармоничного человека античного мира ¹²⁷, склонял голову перед всемогущим античного рока (τύχη) и неумолимой судьбы (ἀνάγκη). Но вместе с тем бог, в которого он верил, уже был единым христианским богом ¹²⁸. На религиозные представления Агафия, думается, оказала влияние неоплатоническая философия. В его историческом сочинении встречаются упоминания о верховном божестве как высшем благе, искореняющем зло, близкие к неоплатоническим представлениям о божестве ¹²⁹. Агафий наделяет бога высшим разумом и знанием будущего. Само божество всемогуще и непознаваемо. Он готов принять учение Платона о воздаянии людям за их дела и даже ратует за распространение этого учения ¹³⁰.

Но вместе с тем у нас нет данных о явных или тайных симпатиях Агафия к эллино-римской религии. Историк всегда четко противопоставляет христианству языческую религию эллинов ¹³¹, зороастризм и учение магов ¹³², а также примитивные верования варваров ¹³³. Агафий отнюдь не поклонник языческого культа и порицает обрядность не только варваров, но и эллинов, особенно кровавые жертвоприношения. «Не знаю, — пишет он, — можно ли словами прекратить безумие и жестокость жертвоприношений, совершаемых в священных рощах, как это делается у

¹²⁷ R. C. McCail. Poetic Reminiscence in the «Histories» of Agathias. — Вуз., 38, 1968.

¹²⁸ Ав. Кэмерон полагает, что Агафий придерживался христианской теории божественного детерминизма. Божественное вмешательство для него якобы было достаточным объяснением казуальной связи исторических событий. Она считает, что в концепции Агафия нет места иррациональному началу, он, в отличие от Прокопия, чужд идее судьбы. Противоречия, имеющиеся в сочинении Агафия, исследователю склонна объяснять требованиями классического стиля: Агафий писал, по ее мнению, христианскую историю, используя вековую нехристианскую традицию (Av. Cameron. Agathias, p. 56, 108—109). Однако аргументы Ав. Кэмерон нам кажутся недостаточно убедительными.

¹²⁹ Agath., Hist., I, 1.

¹³⁰ Ibid., V, 4.

¹³¹ Ibid., I, 7; II, 25.

¹³² Ibid., I, 7; II, 24. О зороастризме см.: R. C. Zaehner. Zurvan, a Zoroastrian dilemma. Oxford, 1955; *idem*. The dawn and twilight of Zoroastrianism. London, 1961.

¹³³ Agath., Hist., I, 7.

варваров, или в честь тех богов, какие предполагает обрядность эллинов»¹³⁴. Вызывают отвращение историка и жестокие религиозные обычаи персов¹³⁵.

Агафий подходит с этических позиций к христианской вере, которая должна выражаться отнюдь не в отдельных фактах благочестия и благотворительности, а в постоянной добродетели. Во время землетрясения, по рассказу Агафия, жители столицы, охваченные ужасом, стали молиться в храмах, а «начальники, отказавшись от наживы, судили по законам, прочие же динаты, живя скромно и тихо, придерживались правды и справедливости и воздерживались от позорных деяний»¹³⁶. Некоторые из них сделали анахоретами, другие занялись благотворительностью, делая богатые пожертвования храмам и в пользу бедных. Но как только бедствие окончилось и страх прошел, богачи вновь зажили неправедной жизнью. Автор подобные действия динатов называет позорным торгом и обманом с целью избежать беды, а не истинной справедливостью и благочестием, «которое обычно создается правдой верой»¹³⁷.

Агафий осуждает осквернение христианских храмов и святынь и говорит о божьей каре за святотатство¹³⁸ и безбожие¹³⁹. Он верит и в божественную помощь в награду за благочестие и добрые дела¹⁴⁰, а также в наказание «божественного промысла» за преступления¹⁴¹. Однако представления о «божьем промысле» окрашены оптимистической верой в то, что бог выступает на стороне хорошего человека и доброго дела, вдохновляет людей только на полезные дела, а за дурные деяния люди сами несут ответственность. Эти высказывания Агафия в корне отличаются от сумрачных, проникнутых тревогой и пессимизмом представлений Прокопия о зависти бога к счастью людей.

Историк с уважением относится к христианским храмам¹⁴², особенно восхваляет блеск и красоту св. Софии¹⁴³, с почтением

¹³⁴ *Agath., Hist., I, 7*. Хотя в своих эпиграммах он сам говорит о жертвоприношениях языческим богам, думается, что это не просто дань античной поэтической традиции, а смешение идеологий («Памятники византийской литературы IV—IX вв.», стр. 170, эпигр. 79, 87, 167).

¹³⁵ *Agath., Hist., I, 7; II, 23—24; R. A. Marcus. The Roman Empire in the early Christian Historiography.—«The Downside Review», 81, 1961; W. H. Friend. The Roman Empire in Eastern and Western Historiography.—«Cambridge Philological Society», 14, 1968.*

¹³⁶ *Agath., Hist., V, 5.*

¹³⁷ *Ibidem.* Ав. Кэмерон сближает представление о промысле божьем у Агафия и Евагрия, хотя признает различие в способе выражения сходных идей (*Av. Cameron. Agathias*, p. 93).

¹³⁸ *Agath., Hist., II, 1.*

¹³⁹ *Ibid., II, 6.*

¹⁴⁰ *Ibid., V, 17.*

¹⁴¹ *Ibid., III, 8.*

¹⁴² *Ibid., II, 1; III, 5; V, 14.*

¹⁴³ *Ibid., V, 9.* См. *Av. Cameron. Procopius and the Church of St. Sophie.—«Harvard Theological Review», 58, 1965, p. 161—163; idem. Notes on the*

отзывается о благочестии монахов¹⁴⁴, подчеркивает святость церковных убежищ и веру в их спасительную силу среди простого народа¹⁴⁵.

Агафий считает, что «самое нечестивое дело отказаться от истинной религии и священных тайн»¹⁴⁶. Он признает христианство сильным оружием в руках византийского правительства для расширения влияния Византийской империи на соседние варварские народы. Так, Агафий весьма положительно относится к принятию христианства франками. Он хвалит франков за их приверженность к христианской религии и считает, что христианство должно распространиться и на язычников-алеманнов¹⁴⁷.

Вместе с тем Агафий — горячий сторонник политики полной веротерпимости. Христианство, считает он, должно распространяться отнюдь не силой, а только убеждением¹⁴⁸.

Выступление с проповедью веротерпимости в VI в. — веке религиозных гонений — требовало от писателя известного мужества и самостоятельности суждений.

Осуждая языческие жертвоприношения и другие кровавые обряды алеманнов, автор, однако, подчеркивает, что «безрассудство и безумие подобных верований... сознается даже теми, кто их придерживается, если только они не совершенно глушы, и легко может быть устранено. Уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева»¹⁴⁹.

Агафий решительно выступает против не только насильственного обращения варваров в христианство, но и против всяческих гонений на еретиков и язычников. Тем самым он предстает как противник религиозной нетерпимости и исключительности. Он признает, что нет прочного товарищества между теми, кто придерживается различных религиозных верований: «При отсутствии утешения и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов»¹⁵⁰. Отнюдь нельзя, по мнению Агафия, принуждать кого-либо вопреки его совести принимать чуждые ему религиозные воззрения¹⁵¹. Хотя писатель и осуждает противостоящие христианству религии, в частности религию пер-

---

Sophia the Sophiane and the Harbour of Sophia. — Byz., 37, 1967, p. 11 f.; G. Downey. The Name of the Church of St. Sophia in Constantinople. — HThR, 52, 1959, p. 37 ff.

¹⁴⁴ *Agath.* Hist., V, 13.

¹⁴⁵ *Ibid.*, 7, 3.

¹⁴⁶ *Ibid.*, II, 12.

¹⁴⁷ *Ibid.*, 5, 18.

¹⁴⁸ *Ibidem*

¹⁴⁹ *Ibid.*, I, 7. «Не добровольно они ошибаются, — продолжает автор, — и впадают [в нечестие], но стремясь к добру, а затем, введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были». Далее Агафий осуждает не только кровавые обычаи варваров, но и подобные же жертвоприношения, связанные с религией эллинов.

¹⁵⁰ *Ibid.*, II, 12; ср. II, 18.

¹⁵¹ *Ibid.*, II, 30.

сов, он одновременно пытается объяснить возникновение их верований историческими условиями жизни персов, например завоеваниями, династическими переворотами и т. п.¹⁵² Таким образом, он пытается исторически, научно осмыслить корни той или иной религиозной системы.

Итак, в религиозных взглядах Агафия отразилась известная двойственность его мировоззрения. Он был христианином, но прочно впитавшим античное¹⁵³ мироощущение, сохранившим многие представления греческой философии, особенно неоплатонизма. Это отнюдь не противоречило настроениям образованной интеллигенции, которая стремилась, и в то время весьма активно, поставить неоплатонизм на службу христианству¹⁵⁴.

В то же время воззрения Агафия отличаются широкой веротерпимостью, далеки от христианской исключительности и фанатизма. Ему чужды христианское благочестие, религиозная экзальтация церковных авторов, он очень далек от догматических споров и церковных вопросов. Поэтому, думается, нет оснований рядить Агафия в христианские одежды. Он действительно ближе к христианскому миропониманию, чем его предшественники, в том числе и Прокопий, не говоря о язычниках Аммиане Марцеллине и Зосиме. Вместе с тем он далек от благочестия не только церковных историков, но и Феофилакта Симокатты и Иоанна Малалы.

Оценка Византии и варваров

Для мировоззрения Агафия весьма показательным его отношение к варварскому миру¹⁵⁵. Исторiku чужда римская исключительность. В отличие от Аммиана Марцеллина и Прокопия, он относится к варварам с гораздо большей доброжелательностью: у него нет того презрения римлянина к грубым варварам, каким отмечены труды этих писателей. Подобно Приску Агафий терпим к соседним с империей племенам и народам. Например, Агафий,

¹⁵² *Agath., Hist., II, 23—25.*

¹⁵³ Ср. М. А. *Eljerink. Τὸ ἔθνος et Dieux chez Procop de Césarée.*— «Acta Classica», 10, 1968.

¹⁵⁴ Любопытно, что Агафий достаточно благожелателен к императору Юлиану, хотя и не говорит о его религиозных реформах и резко осуждает его преемника Иовиана (*Agath., Hist., IV, 25*); ср. *Av. Cameron. Agathias and Cedrenus on Julian.*— *JRS, 53, 1963, p. 91—94*; *G. Downey. Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture.*— «Church History», 18, 1949; *idem. Paganism and Christianity in Procopius.*— «Church History», 18, 1949, p. 89 f.; *idem. Constantinople in the Age of Justinian.*— «Univ. of Oklahoma Press», 1960; *H. Hagendahl. Latin Fathers and the Classics.* Göteborg, 1958.

¹⁵⁵ *P. Courcelle. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques.* Paris, 1964; *K. Lechner. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner (Die alten Bezeichnungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewußtseins).* Diss. München, 1954; *idem. Byzanz und die Barbaren.*— «Saeculum», 6/3, 1955; *T. Hodgkin. Italy and her Invaders, vol. 1—6, 1916.*

хотя и осуждает нравы персов, признает их право следовать своим обычаям¹⁵⁶. Он проявляет большую широту взглядов, не всегда свойственную даже античным писателям, признавая, что люди всегда могут найти оправдание своим нравам и законам и имеют право считать их лучшими, чем у других народов¹⁵⁷. Тем самым Агафий поднимается над узкой римской замкнутостью, над римским «национализмом» до общечеловеческого понимания особенностей образа жизни различных народов.

Агафий без какой-либо недоброжелательности говорит о могуществе и высокой культуре лавов. Он пишет: «Лавы — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и простотой нравов»¹⁵⁸.

В противовес Прокопию Агафий порой даже идеализирует образ жизни некоторых варварских народов. Особенно ярко это проявляется при описании нравов и обычаев франков¹⁵⁹. Интереснейший экскурс об общественном строе франков написан Агафием во многом в том же духе, что и знаменитая «Германия» Тацита¹⁶⁰. Агафий положительно оценивает общественные отношения у франков, как некогда делал и Тацит, повествуя о древних германцах. Думается, что Агафий восхваляет социально-политической строй франков с той же политической и дидактической целью, что и Тацит: чтобы похвала варварам звучала как порицание пороков современного автору византийского общества.

Так, Агафий утверждает, что франки весьма благопристойны и культурны и ничем не отличаются от византийцев, кроме варварской одежды и языка. Агафий (конечно, совершенно ошибочно) стремится доказать, что у франкских племен существуют единство и внутренний мир¹⁶¹, чего как раз так недостает Византийской империи.

Агафий рисует поверхностную, тенденциозную картину внутренних взаимоотношений в государстве франков, столь противоречащую тому, что мы знаем из трудов Григория Турского и дру-

¹⁵⁶ *Agath.*, Hist., II, 23.

¹⁵⁷ *Ibidem*. Агафий достаточно терпим к религии персов, но осуждает их за кровосмесительные браки и обычай похорон, когда покойников оставляли на растерзание диким зверям и птицам (*ibid.*, II, 23—25).

¹⁵⁸ *Agath.*, Hist., III, 5.

¹⁵⁹ *Av. Cameron. Agathias on the early Merovingians.* — «*Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*», Ser. 2, 37, 1968, p. 95 ff.

¹⁶⁰ *K. Christ. Germanendarstellung und Zeitverständnis bei Tacitus.* — «*Historia*», Bd. XIV, Hf. 1, 1965, S. 62—74; *E. Norden. Die germanische Urgeschichte in Tacitus «Germania».* Leipzig, 1920.

¹⁶¹ *Agath.*, Hist., I, 2.

гих западных хронистов. Он с похвалой отзываясь об обычае так называемых мартовских полей у франков, восхищается дружескими отношениями между братьями-правителями франков, которые по мирному соглашению делят между собой страну и якобы не стремятся к высшей власти. В общественном строе этих варваров Агафию особенно импонируют следующие явления: подданные франкских королей, по Агафию, склонны к справедливости и любят свою родину, а вожди, когда это необходимо, благожелательны и прислушиваются к чужим доводам. В государстве якобы царят справедливость и согласие, что делает его неуязвимым для внешних врагов. Споры решаются больше на основании права, а не силы. Несмотря на то что государство делится между двумя, даже тремя правителями, они не ведут между собой войн и «не оскверняют отечество кровью сограждан»¹⁶². Идиллия, нарисованная Агафием, — в большей степени показатель политических настроений автора, чем отражение подлинного положения дел у франков¹⁶³. Историк хочет определить, чего недостает в общественной жизни Византии и чему византийцы могут поучиться у варваров.

Неумеренные похвалы в адрес франков не выражали особых симпатий автора к этому далекому и в общем чуждому для него народу, а скорее были подчинены нравоучительным задачам. Не исключено также, что они связаны с политической обстановкой того времени. Ведь в тот момент, когда Агафий писал свою «Историю», Византия искала союза с франками против лангобардов.

Агафий, воспитанный в греческой социально-культурной среде, полностью принадлежал к восточному, византийскому миру, и его экскурсы о западных народах, в частности о франках, — не только недостаточно компетентны, но и в основном преследуют дидактические и этические, а не познавательные цели. И думается, что в равной степени далеки от истины как восторженные похвалы Агафия, так и желчные разоблачения Григория Турского.

Агафий, однако, призывает византийское правительство поддерживать дружеские добрососедские отношения и с другими народами и осуждает ошибки правителей в политике по отношению к соседям империи и ее вассалам, в частности к лазам. «Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же (византийские правители Лазики. — З. У.) приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами»¹⁶⁴.

¹⁶² *Agath., Hist., I, 2—3.* Об обычаях и быте франков см.: *J. Hojoux. Reges criniti: chevelures, tonsures et scalps chez les Mérovingiens.* — «Revue belge de philol. et d'hist.», 26, 1948, p. 479 sq.

¹⁶³ *H. von Schubert. Die Unterwerfung der Alemannen unter die Franken.* Straßburg, 1884.

¹⁶⁴ *Agath., Hist., IV, 6.*

Интересны исторические и историко-этнографические экскурсы о жизни соседних стран и народов, включенные в труд Агафия. Значительную ценность имеют сведения об истории, государственном устройстве, политической организации, быте и нравах Персии — как древней, так и современной историку. Весьма любопытен рассказ Агафия о кровосмесительных браках у персов, когда персы вступали в брак не только с сестрами и племянницами, но и дочерьми. Агафий искренне негодует по поводу этого позорного обычая и приводит легенды о том, как царица Семирамида, влюбившись в своего сына Нина, пыталась его соблазнить и тот убил ее. «Он убил мать и предпочел это преступление тому»¹⁶⁵.

Таким образом, религиозная толерантность соединяется у Агафия с известной терпимостью и к варварским народам, окружавшим Византию.

Сказанное отнюдь не исключает наличия у Агафия антипатий к варварам — врагам Византии. Это явственно проявляется в его резко отрицательном отношении к полчищам франков и алеманнов, вторгшихся в Италию и грабивших все на своем пути¹⁶⁶, в сочувствии историка к Нарсесу в его войне с остготами и другими варварами¹⁶⁷. Для Агафия, как и для современных ему византийских историков, понятие «варвар» является синонимом слов «беззаконный», «грубый», «невежественный». Варвары не способны воспринять высокую греко-римскую культуру. Шах Хосров был, с точки зрения Агафия, варваром и поэтому не мог понять учения Платона¹⁶⁸. В описании варваров у Агафия, впрочем, как и у других ранневизантийских авторов, немало общих мест (τόλοι). И все же, несмотря на все недостатки, он заслуживает похвалы за умеренность и толерантность в отношении к соседним с Византийской империей народам.

Художественные особенности «Истории»

По своим литературным достоинствам «История» не принадлежит к образцам высокого искусства. Агафий не был писателем первого ранга, как Аммиан Марцеллин или Прокопий. Однако было бы несправедливо считать его исторический труд лишь бледной имитацией классических авторов или Прокопия, а его поэтические творения — литературой «византийского упадка». Агафий — одаренный художник, писатель, имеющий свое творческое лицо, оригинальный литературный почерк. Он занимает достаточно

¹⁶⁵ Ibid., II, 24. См. P. Lamma. Il Mondo bizantino in Paolo Diacono. — «Atti del 2 Congresso Internazionale di Studi sull'Alto Medioevo». Spoleto, 1952, p. 199 ff.

¹⁶⁶ Agath., Hist., II, 1. 5.

¹⁶⁷ Ibid., I, 8—13; 16—17, 21—22.

¹⁶⁸ Ibid., II, 31—32. См. Av. Cameron. Agathias, p. 116—120.

заметное место в ряду классицизирующих историков ранней Византии ¹⁶⁹.

Художественное кредо Агафия было выражено в его известной крылатой фразе — история должна соединять харит с музами ¹⁷⁰. Иными словами, историк должен думать и о красоте формы, и о правдивости, серьезности и глубине содержания. Эстетические воззрения Агафия отличались от взглядов Прокопия. Агафий был глубоко убежден в том, что жанр истории — тоже искусство. Историю надо писать красиво, услаждать ею читателя, но историк должен писать суровее, строже, подчиняться истине, а не увлекаться вымыслом ¹⁷¹.

Агафия как писателя отличает склонность к своего рода бесконфликтности: жизненные коллизии у него зачастую имеют благоприятный исход, более оптимистическую окраску, чем у других его современников. Даже в описании битв и осад ему чуждо аммиановское нагромождение ужасов, его рассказ о войнах течет плавно, порою даже вяло, без драматизации сюжетов. Это скорее сочетание фактов с морализующими сентенциями, чем яркое изображение подлинных жизненных ситуаций, боевых эпизодов, списанных с натуры сражений. Описание стычек перемежается длинными и порою чересчур напыщенными речами политических деятелей и полководцев. Особенно, на наш взгляд, это относится к рассказу о войне Нарсеса с готами в Италии ¹⁷². Несколько энергичнее и эмоциональнее обрисован автором опустошительный поход Левтариса и Бутилина в Италию и его бесславный конец ¹⁷³.

Композиция «Истории» Агафия отличается стройностью и простотой. Он не любит резких переходов, ломки сюжетной линии. Если у Аммиана Марцелина место действия — вся Римская империя, у Прокопия —целая ойкумена, то у Агафия исторический горизонт значительно более ограничен. Место действия у Агафия — как правило, театр военных действий: Италия, земли франков, Лазика, Персия. Удивительно лапидарно рассказывает он о Константинополе, хотя прожил там большую часть своей жизни. По сравнению с Аммианом, Приском и Прокопием Агафий мало путешествовал. Кроме Константинополя и родного города Мирин он посетил Смирну, возможно, Берит ¹⁷⁴, Александрию, остров Кос, где пережил сильное землетрясение ¹⁷⁵, и город Траллы в Малой Азии, с памятниками которого он познакомился ¹⁷⁶.

¹⁶⁹ *Av. Cameron. Agathias, p. 57—58; G. Böhlig. Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner. Berlin, 1956; idem. Reichssprache und Volkssprache im byzantinischen Reich.—«Byzantinische Arbeiten der DRR», I. Berlin, 1957.*

¹⁷⁰ *Agath., Hist., III, 1.*

¹⁷¹ *G. Mathew. Byzantine Aesthetics. London, 1963.*

¹⁷² *Agath., Hist., I, 8—22.*

¹⁷³ *Ibid., II, 1—10.*

¹⁷⁴ *Ibid., II, 15.*

¹⁷⁵ *Ibid., II, 15—16.*

¹⁷⁶ *Ibid., II, 17.*

Отсутствие личных впечатлений о дальних странах и народах, естественно, отразилось и на «Истории» Агафия. В Италии и Галлии наш историк явно не был, видел ли он сам Лазику — неизвестно. Во всяком случае, пейзаж в историческом сочинении Агафия встречается редко, он лишен жизненных деталей, так украшавших повествования его предшественников. Исключение, как ни странно, составляет лишь описание природы горной Лазики и долины Фасиса¹⁷⁷. Быть может, он все же побывал в этой стране или пользовался рассказом какого-то талантливой очевидца.

Агафий, в отличие опять-таки от Аммиана и Прокопия, почти всегда придерживается хронологически последовательного изложения событий. Перебивки делаются лишь для естественнонаучных экскурсов и нравоучительных отступлений. Кстати сказать, с художественной точки зрения именно эти экскурсии и отступления особенно удачны. Когда сюжет этих экскурсов близко касался и живо интересовал писателя, его стиль делался энергичным и экспрессивным. Живо и красочно повествует Агафий о быте, религии и нравах персов¹⁷⁸, о землетрясениях¹⁷⁹, об образе жизни лазов¹⁸⁰, франков¹⁸¹ и других варварских народов. Интересен рассказ о слонах, участвовавших в сражениях между персами и византийцами¹⁸². Особенно воодушевляется Агафий, когда полемизирует с идейными и научными противниками; он становится насмешливым и едким — достаточно вспомнить его уничтожающую сатиру на шарлатанство в науке, олицетворенное лжеученым, обманщиком и невеждой Уранием¹⁸³. Вот как рисует он Урания: «Будучи невежественным в науках, он еще более был груб в жизни. Приходя в дома богачей, пожирая наиболее изысканные кушанья и часто общаясь с фирикийским кубком, произносил вследствие опьянения самые бесстыдные и непристойные слова, он вызывал сильный смех, так что, случалось, бывал бит по щекам; в лицо ему бросали чаши и всякие объедки. Он был общим посмешищем для пирующих, не меньшим, чем скоморохи и мимы»¹⁸⁴. В данном случае Агафий впадает даже в гротеск, но это редкое исключение, и, в отличие от Аммиана, подобная манера не характерна для Агафия.

Портретов действующих лиц в его сочинении мало, и они не отличаются ни глубиной психологизма, ни индивидуализацией характеров. Счастливое исключение, пожалуй, составляют образы Нарсеса и персидского военачальника Мермероя. О последнем Агафий пишет: «Это был человек величайшего ума, сделавшийся

¹⁷⁷ Ibid., II, 19—21.

¹⁷⁸ Ibid., II, 23—26.

¹⁷⁹ Ibid., II, 15.

¹⁸⁰ Ibid., II, 19.

¹⁸¹ Ibid., I, 2—3; II, 5 (о вооружении франков).

¹⁸² Ibid., III, 26—27.

¹⁸³ Ibid., II, 29—32.

¹⁸⁴ Ibid., II, 29.

виднейшим среди персов, весьма опытный в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромая на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил, как сильный юноша, и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, несомый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих»¹⁸⁵. Портрет шаха Хосрова весьма схематичен и однопланов, цель его — не воссоздать подлинный, живой образ повелителя персов, а доказать, что он, будучи варваром, не мог постичь величия и глубин греко-римской культуры¹⁸⁶.

Порою — правда, не слишком часто — Агафий впадает в патетику. Например, самыми мрачными красками рисует он нападения гуннов на земли Византийской империи. Весьма впечатляет, хотя и несколько риторичен, рассказ о насилии гуннов над знатными женщинами и монахинями¹⁸⁷. Речи действующих лиц у Агафия обычно шаблонны, не несут в себе индивидуальных характеристик героев. Вместе с тем в отдельных местах своего труда Агафий без ложной патетики и риторики, с художественной силой и благородной простотой воссоздает колоритные исторические сцены. Живописны, например, сцена мнимой казни заложников — жителей Лукки¹⁸⁸, описание подкопа при осаде Кум¹⁸⁹, картина опустошительного набега франков и алеманнов на Италию. Последняя привлекает некоторыми жизненными деталями. Вот как автор повествует о грабежах франков: «Слышались вопли земледельцев, мычание угоняемых быков, треск при рубке леса»¹⁹⁰. Любопытные детали отличают известия о приемах боя и военном строе франков¹⁹¹, о казни герула в наказание за убийство раба¹⁹².

Рассказ Агафия о бедствиях в Константинополе, связанных с чумой, хотя и уступает по силе эмоционального воздействия аналогичным картинам Прокопия, все же написан с явным расчетом воздействовать на эмоции читателя¹⁹³. Иногда автор прибегает к метафорам и сравнениям, достаточно оригинальным и впечатляющим. Например, говоря о битве персов и византийцев, он употребляет такой художественный образ: «Стрелы неслись до того густо, одна за другой, как будто связанные между собою, что своим множеством закрыли все небо, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильнейшем ветре»¹⁹⁴. «Франки, разбитые Нарсе-

---

¹⁸⁵ *Agath.*, Hist., II, 22.

¹⁸⁶ *Ibid.*, II, 28.

¹⁸⁷ *Ibid.*, V, 13.

¹⁸⁸ *Ibid.*, I, 12—13.

¹⁸⁹ *Ibid.*, I, 10.

¹⁹⁰ *Ibid.*, I, 17.

¹⁹¹ *Ibid.*, I, 21.

¹⁹² *Ibid.*, II, 7.

¹⁹³ *Ibid.*, II, 3.

¹⁹⁴ *Ibid.*, III, 25.

сом, полегли, подобно стаду свиной или овец, изрубленные жалким образом»¹⁹⁵. Иногда Агафию, однако, изменяет чувство меры. Опираясь на классическую традицию, он прибегает к гиперболизации. Так, персидский шах Сапор во время похода в Малую Азию, по словам историка, убил столько народа, что трупами заполнил пространство между холмами и мог по телам убитых проводить конницу¹⁹⁶. Кровопролитие в битве при Касилине было столь ужасным, что «можно было видеть обширнейшие пространства вокруг Капуи, пропитанные кровью, а река, переполненная трупами, вышла из берегов»¹⁹⁷. Безумие и смерть Левтариса, наказанного богом за его преступления, описаны со столь отталкивающими подробностями, что вызывают скорее не ужас, а отвращение¹⁹⁸.

Но больше всего портят сочинение Агафия длинноты и нравовучения, которые иногда утомляют читателя. Однако эти просчеты и недостатки зачастую сглаживаются благодаря прекрасному литературному стилю и языку произведения Агафия.

Агафий писал не на разговорном, а на чисто литературном языке. Он — хороший стилист и все время заботится о красоте и гармонии своего стиля, однако не в ущерб содержанию. Обвинение Агафия в погоне за внешней красотостью, думается, не вполне справедливо¹⁹⁹. Правда, его стиль несколько более вычурный и искусственный, чем у Прокопия, но все же Агафий не столь склонен к риторическому украшательству, как Феофилакт Симокатта.

На формирование стиля Агафия повлияли античные образцы и современная ему византийская литература. Однако это касается главным образом формы выражения и объясняется данью моде, что отвечало обычаям и вкусам той эпохи²⁰⁰. При этом в поэтических произведениях Агафия сильнее чувствуется воздействие классической литературы, а в историческом труде — византийской. Но в лексике писателя архаизмов больше, чем «византизмов». Существенной особенностью языка Агафия, как и Прокопия, является небольшое количество новых слов и заимствований из других языков. Например, в его историческом сочинении мало латинизмов и варваризмов. То же относится к христианской и церковной терминологии. Исследователи давно обратили внимание на отсутствие у Агафия христианских терминов, даже

---

¹⁹⁵ Ibid., I, 22.

¹⁹⁶ Ibid., IV, 24.

¹⁹⁷ Ibid., II, 10.

¹⁹⁸ Ibid., II, 3.

¹⁹⁹ Ав. Камерон полагает, что, с точки зрения современного читателя, литературные красоты и риторика больше всего портят сочинение Агафия. Для самого же писателя и для его современников хороший стиль — это самое ценное в его произведении (*Av. Cameron. Agathias*, p. 37).

²⁰⁰ *Av. Cameron. Agathias*, p. 57—75. Ср. *K. Dieterich. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache. Leipzig, 1898*; *G. N. Hatzidakis. Einleitung in die neugriechischen Grammatik. Leipzig, 1892*.

такие понятия, как «монах» и «мученик», передаются описательно²⁰¹. Архаизирующий и классицизирующий характер сочинения Агафия соответствуют жанру исторических произведений в понимании светских писателей VI в. В византийской исторической традиции Агафий считался хорошим стилистом и нашел подражателей и последователей в лице Менаандра Протиктора, Льва Дякона и Генесия²⁰².

* * *

Агафий, при всем своем индивидуализме, не был писателем-одиночкой. Крепкие нити связывали его с окружающей привилегированной духовной элитой ранневизантийского общества. Общительный характер историка, его увлечение поэзией, его ум и талант, склонность к удовольствиям и веселой жизни дарили Агафию многих друзей, среди которых были видные поэты и писатели его времени. Он не был, как мы видели, человеком знатного происхождения и не поднимался очень высоко по служебной лестнице, а, наоборот, сам искал покровительства двора и влиятельных вельмож. Агафий был довольно состоятельным человеком, хотя порою нуждался в деньгах. Среди его друзей были люди среднего уровня жизни, такие же, как он, интеллигенты — писатели, ученые, художники²⁰³. Агафий всегда был далек от правительственных сфер, а равным образом и от народа. Его политические убеждения сходны, как мы увидим далее, со взглядами Менаандра и отчасти Феофилакта Симокатты. Если говорить о философии истории, о методе и характере исторического повествования, об общем стиле и насыщенности античными реминисценциями, то историческое сочинение Агафия достаточно близко стоит к произведениям античных и позднеримских писателей²⁰⁴ и весьма характерно для той переходной эпохи, в которую он

²⁰¹ *Av. Cameron. Agathias, p. 83—88.*

²⁰² *H. Reffel. Über den Sprachgebrauch des Agathias. Progr. Kempten, 1893/1894*
R. Keydell. Sprachliche Bemerkungen zu den Historien des Agathias. — BZ,
*61, 1968, S. 1 ff.; H. Zilliagus. Zur Abundanz der spätgriechischen Gebrauchs-
sprache. Helsinki, 1967.*

²⁰³ По поводу социальной принадлежности Агафия в научной литературе ведутся споры. Итальянский ученый П. Ламма и Ав. Кэмерон считают, что он принадлежал к средним слоям византийского образованного общества (*P. Lamma. Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950, p. 31 f.; Av. Cameron. Agathias, p. 121 f.*). М. В. Левченко полагал, что Агафий выражал настроения византийской аристократии (*М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение, стр. 202*).

²⁰⁴ *Gy. Moravcsik. Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung. — «Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag». Heidelberg, 1966.* По мнению И. Ирмшера, Агафий — человек, живший в переломную эпоху, отделяющую античность от средневековья, сочетал в своем творчестве черты старого и нового миросозерцания. Весьма плодотворна, на наш взгляд, мысль И. Ирмшера о том, что мировоззрение Агафия отражало идеологические перемены, происходившие в византийском обществе VI в.

жил²⁰⁵. Сочинения Агафия пользовались успехом у публики, и память о нем сохранили многие византийские историки. В византийской историографии раннего периода образ Агафия всегда остается светлым и привлекательным, он вызывает искренние симпатии и как человек, и как писатель.

Агафий и Прокопий (Опыт сравнительной характеристики)

В византийской историографии раннего периода Прокопий и Агафий стоят рядом. Писатели такие близкие и вместе с тем такие далекие, представители одной эпохи, одного класса, но люди несходных характеров, разных судеб и общественного положения, объединенные общим призванием и общей страстью — писать историю. Немудрено поэтому, что в их мировоззрении много как общих, так и прямо противоположных черт.

Фигура Прокопия — историка и политика — намного возвышалась над другими писателями ранней Византии. Агафию приходилось довольствоваться гораздо более скромным местом. Было бы, впрочем, неверно видеть в Агафии «маленького Прокопия», «Прокопия второго сорта». Как уже говорилось, Агафий нередко спорил со своим наставником, а главное, он не поддался нивелирующему влиянию таланта Прокопия, но сохранил собственное лицо, творческую индивидуальность, особое видение мира.

Оба писателя по-разному воспринимали окружающую их действительность, современную им эпоху. Прокопию мир виделся сквозь призму острейших социально-политических конфликтов, он мыслил масштабами политического деятеля, ему были известны самые мрачные придворные тайны, скрытые от глаз непосвященных. Он познал и суровые испытания дальних походов, и роскошь придворной жизни, и сладость милостей сильных мира сего, и горечь опалы. Изменчивость его собственной судьбы, его взлеты и падения, естественно, повлияли на картину мира, нарисованную писателем. Не меньшее, если не большее, воздействие на Прокопия оказывали превратности судьбы той социальной группировки, с которой он связал свою жизнь. В сочинениях Прокопия, особенно в его «Тайной истории», окружающий мир предстает нестабильным, хаотичным, изменчивым, сотрясаемым жестокими катастрофами. Управляют им по большей части коварные и лицемерные правители, зло торжествует над добродетелью, продажность над честностью, ложь над истиной. Нестабильность жизни

²⁰⁵ *J. Irmischer*. Zur Weltanschauung des Agathias; *idem*. Über die Weltanschauung des Agathias. С подобных же методологических позиций И. Ирмшер освещает творчество и других византийских поэтов VI в. (*J. Irmischer*. Die poetische Ekphrasis als Zeugnis Justinianischer Kulturpolitik. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena. Gesellschaft- und sprachwissenschaftliche Reihe», Hf. 1, Jahrgang, 14, 1965, S. 78—83; *idem*. Geschichtsschreiber der Justinianischen Zeit, S. 469—474).

общества порождает скорбь и гнев писателя. Отсюда склонность его к драматизации ситуаций, к напряженности действия, к любованию нагромождаемыми ужасами, гиперболизации пороков Юстиниана, Феодоры и их окружения. Автор «Тайной истории» в политике нетерпим и в оценках беспощаден. Он всем выносит беспалляционный приговор с позиций своей партии, своей социальной группировки.

Иную картину мы находим у Агафия. Мир Агафия более ограничен, на его горизонте меньше бурь и потрясений. Современную ему действительность Агафий видит скорее глазами ученого, философа, чем политика. Знания Агафия—более книжные, почерпнутые из произведений античных авторов или бесед с друзьями, а не из личного опыта, как у Прокопия.

Прокопий видел жизнь великих мира сего близко, быть может, слишком близко. Он знал самые сокровенные тайны личной жизни Юстиниана и Феодоры, Велисария и Антонины. А раз узнав их, он уже не мог ни думать, ни говорить об их делах без горечи и презрения. Агафий же знал о Юстиниане лишь понаслышке как о мудром и великом человеке; для него император стоял на недосыгаемой высоте. К тому же, для Прокопия век Юстиниана был его современностью, близкой и глубоко его волнующей. Для Агафия правление Юстиниана—хоть и недавнее, но все-таки уже прошлое. Это годы его беспечной юности, о которых сохранились светлые воспоминания.

Мир в глазах Агафия более стабилен, прочен, жизнь для него окрашена в радужные тона, несмотря на превратности судьбы, которые подстерегают человека.

Агафий стоял значительно дальше, чем Прокопий, от острых социальных и политических конфликтов эпохи, от столкновений язычников и христиан, ортодоксов и еретиков. Живя среди духовной элиты Константинополя, он дышал бодрящим воздухом литературных и научных споров, а не затхлой атмосферой интриг и козней придворных кругов столицы.

Если Прокопий всегда мыслит политическими категориями, то Агафию более созвучны раздумья философско-эстетического характера. Прокопий всегда и везде пристрастен. Он беспощадно чернит врагов и превозносит сторонников своей партии. Поистине в сочинениях Прокопия всегда присутствует «*ira et studium*». И поразительно, как он соединяет огромную и весьма точную информацию, интерес к фактической стороне истории, прозорливый и трезвый взгляд политика с крайним субъективизмом личных оценок, приверженностью к оппозиционным идеям, непримиримостью консервативной классовой позиции.

В политике Агафий значительно более лоялен и объективен. Однако было бы неверно «деполитизировать» его мировоззрение и изображать лишь как поэта и кабинетного ученого, далекого от жизни и не имеющего четко выраженных политических взглядов. Склонность Агафия к морализации, философской и нравст-

венной оценке событий отнюдь не исключает наличия у него собственной социальной и политической позиции. И эта позиция существенным образом отличается от точки зрения Прокопия. Деятельность Юстиниана, например, Агафий критикует гораздо более умеренно и сдержанно. Как ни парадоксально, Прокопий, апостол идей старой сенаторской, порою еще языческой аристократии, в своих разящих инвективах против правительства Юстиниана чем-то близок к идейному вождю воинствующего христианства Августину, обрушивавшему проклятия на головы владык Рима. Оба достигают огромной обличительной силы и высокого эмоционального накала, критикуя правящую верхушку империи. Агафию чужда подобная страстность и критическая заостренность характеристик. Но вместе с тем в его сочинении встречаются политические высказывания более радикальные, идеи для своего времени более передовые, чем у Прокопия. Если Прокопий весьма консервативен и не выступает против социального строя империи как такового, то у Агафия иногда звучат довольно демократические ноты. Прокопий никогда не осуждает поведение высшей знати как социальной группировки, а лишь критикует отдельных деятелей и сторонников правительства Юстиниана, а Агафий, наоборот, открыто порицает высшую византийскую знать именно как определенную социальную категорию. Идеал же Прокопия — монархия, ограниченная волей сената, выразителя и защитника интересов высшей римской аристократии.

Если Прокопия больше всего привлекает государственная деятельность, если он мечтает о власти и политическом влиянии в обществе, то Агафий превыше всего ставит труд ученого и мастера-творца, труд писателя, художника, архитектора, строителя. Он ценит душевный покой и грустит, когда что-либо мешает его творчеству.

По мнению Агафия, императорский двор и царящая там атмосфера отнюдь не способствуют занятию науками, и ученым надлежит искать покоя и уединения. Для такого же честолюбца, как Прокопий, не могло быть и речи о том, чтобы остаться в стороне, когда при дворе шла острейшая борьба партий. Он обязательно должен был примкнуть к одной из них.

Агафий противопоставляет демос интеллигенции, вознося высоко над народом философов, поэтов, художников, как касту избранников, аристократов духа. Но если для Прокопия избранность определяется происхождением, знатностью по крови, древностью рода, то для Агафия она — результат личных достоинств человека, его ума, таланта, добродетели, силы воли.

Политический и интеллектуальный горизонт Прокопия значительно шире, чем Агафия. В его трудах присутствует историческая перспектива, глубокий политический и социальный анализ событий, исторических ситуаций, лиц. У Агафия же социальный анализ бледен и вял, а иногда и совсем отсутствует. В сочинениях Прокопия всегда на авансцене — политик, у Агафия же,

наоборот, моралист берет верх над политиком. Нравственно-дидактический элемент в историческом труде Агафия очень ощущаем, тогда как Прокопию с его скептическим умом и желчным характером в общем чуждо морализирование. Для Прокопия в политике все дозволено; он допускает применение любых средств во имя интересов государства или близкой лично ему социальной группировки. Агафий же более совестлив, но и более ограничен в понимании политических проблем своего времени.

Прокопий весьма склонен к описанию событий военной и дипломатической истории, что обусловлено его всесторонним личным опытом, хорошим знанием военного дела и дипломатии. Он всегда дает трезвую оценку военных действий, прекрасно разбирается в вопросах стратегии и тактики, в полководческом искусстве, вникает в чисто военные причины успехов и неудач тех или иных кампаний. Агафий же довольно слабо разбирается в военном деле и пишет о многом понаслышке.

И Прокопий, и Агафий почти в равной степени далеки от народа. И тому, и другому свойственно презрение и ненависть к «черни», что выражает их классовую позицию. Однако Прокопию было важно показать мрачные стороны жизни общества, и он много и с нескрываемым злорадством рассказывает о недовольстве народных масс, о восстаниях в армии и городах, о «разбойниках» в сельских местностях империи. Он не только не скрывает притеснений народа правительством, а нарочито их выпячивает на первый план. Агафий же с равнодушием замкнувшегося в башне из слоновой кости интеллигента просто умалчивает о бедствиях народа и восстаниях народных масс.

Что касается философско-этических взглядов, то философский эклектизм — дань переходной эпохе — отличительная особенность обоих писателей. Но мировоззрение Прокопия более сумрачно, сурово, проникнуто глубоким скептицизмом. Бог Прокопия всемогущ, жесток, грозен и мстителен, он разит и карает без разбора дурных и хороших людей. Бог же Агафия добр, справедлив, он воздает людям должное и за добро, и за зло. В воззрениях Прокопия немало иррациональных элементов, у него явно обнаруживается страх перед сверхъестественными, потусторонними силами, которые управляют миром. У Агафия же агностицизм уживается с философским рационализмом, а безусловная вера в могущество божественного промысла — с идеей свободы человеческой воли. Религиозные взгляды Агафия и Прокопия в основном совпадают. Оба были христианами, придерживались официальной религии, но не отличались благочестием и даже в какой-то мере сохранили симпатии если не к языческой религии, то к языческой культуре. Оба проявляли индифферентизм в вопросах веры и обрядности и почти полностью игнорировали в своих трудах события церковной истории. Однако если Агафий веротерпим почти ко всем религиям и стоит в стороне от религиозной борьбы, то Прокопий отнюдь не толерантен. Во время гонений Юстиниана на язычников и

еретиков Прокопий не проявляет к ним сочувствия, за исключением только сенаторов, придерживавшихся старой веры. По отношению к еретикам он весьма нетерпим и достаточно ортодоксален.

Прокопий, пожалуй, более суеверен, чем Агафий. Удивительно даже, как этот умный и образованный человек слепо верил в сны, гадания, приметы, боялся предзнаменований.

Могучий, но скептический ум Прокопия бичует пороки человека. Мудрый, спокойный Агафий скорее скорбит о них. В сфере человеческих отношений он прославляет возвышенную любовь, целомудрие, радости законного брака. Прокопий же проникает в глубины человеческой души, разоблачая низменные пороки, разврат, ревность, корысть, зависть. Нравственные нормы, по Прокопию, утратили свою сдерживающую силу.

Как художник Прокопий, бесспорно, много выше Агафия. Его изложение динамично, красочно, течет свободно, раскованно, события связаны не хронологически, а логически. Прокопий легко меняет время и место действия, вводит в изложение вставные новеллы, экскурсы. Палитра изобразительных средств Прокопия, как и Аммиана Марцеллина, очень богата. Мы встречаем и трагедийные сцены и героику, и гиперболизацию, и ядовитую насмешку, гротеск. Ядовитый, пронизательный, изощренный ум Прокопия тонко подмечал пороки людей и давал им яркие, броские характеристики. Портреты у Прокопия в отличие от Аммиана Марцеллина не носят характера эпитафий или панегириков, они органически вплетены в ткань повествования, слиты с ним. Прокопий создает подлинную портретную галерею выдающихся людей его времени: Юстиниана, Феодоры, Велисария, Антонины, Теодориха, Амаласунты, Нарсеса, Тотилы, Гелимера и Гонтариса и др. Агафий в этом отношении уступает Прокопию. Далеко ему до своего учителя и в смысле умения описывать различные страны и народы, быт и нравы варварских племен, создавать пейзаж. Хотя, как известно, Прокопий именно в этнографических экскурсах больше, чем где-либо, использовал античные клише, он всегда их сочетал с огромным конкретным материалом, собранным им во время путешествий. Стиль Прокопия строже, суровее, чем у Агафия. Прокопий не склонен к литературным и риторическим украшениям, порою его речь даже буднична, но плавна и свободна. Но Агафий превосходит Прокопия в отношении чистоты литературного языка, в правильности конструкции предложения.

Прокопий создает историческое полотно грандиозных масштабов. Агафий, естественно, более скромнее и ограничен в своей исторической перспективе. Но он привлекает искренностью, образованностью, литературным талантом и обаянием своей личности.

Как человек Агафий вызывает большие симпатии, чем его прославленный соперник: он мягче, доброжелательнее к людям, он смотрит на мир со светлой, немного грустной улыбкой. Агафий

значительно объективнее, чем Прокопий, относится к окружающим: он ценит людей за их заслуги, их беды рождают у него сочувствие. Как натура творческая, Агафий более целен, его меньше тревожат сомнения, он склонен к созерцательности. В нравственном отношении он несравненно более устойчив, чем Прокопий: он верит в духовные ценности, и его внутренний мир более стабилен, прочен, успешно противостоит ударам судьбы.

Прокопий же — личность, бесспорно, сильная, но раздираемая глубочайшими душевными конфликтами. В нем постоянно борются всепоглощающие страсти. И под маской холодного царедворца живет великий честолюбец, обуреваемый жаждой власти. Он не склонен к рефлексии и утонченной бездеятельности. Прокопий — всегда дело, порыв, борьба. Он не прощает обид и беспощаден к врагам. Обличая лицемерие, он сам лицемер. Как в жизни, так и в творчестве Прокопий активнее, энергичнее, злее, чем утонченный, поэтический, нравственно более чистый Агафий.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ АГАФИЯ МЕНАНДР ПРОТИКТОР

Жизнь и творчество

Младшим современником Агафия был его продолжатель Менаандр Протиктор. Жизнь этого историка, полная превратностей, вкратце освещена им самим. Никто из ранневизантийских авторов, кроме Менаандра, не говорит с такой откровенностью о собственных переживаниях, своих жизненных ошибках и увлечениях.

Менаандр родился в Константинополе в семье среднего достатка. Отец его, Эфрата, был человеком необразованным; его брат Геродот изучал право, но не закончил образования. Сам Менаандр в юности также штудировал юриспруденцию, прошел весь курс обучения и стал адвокатом.

Однако, подобно Агафию, Менаандр тяготился своей профессией. Ему было неинтересно заниматься судебными делами, часто ходить в портки близ императорского дворца, принимать на себя заботы чужих людей и добиваться доброго отношения просителей. Забросив юридическую практику, Менаандр предался беспутной жизни молодежи столицы. Ему пришлось по душе шум и волнения ипподрома, он страстно увлекался ристаниями и борьбой цирковых партий, с удовольствием смотрел выступления мимов и пляски в цирке. Он даже сам занимался гимнастическими упражнениями в палестрах (впоследствии он считал это занятием неразумным). Зачастую он просто слонялся праздным зевакой по шумному городу, среди пестрой многоязычной толпы.

Об увлечениях и ошибках молодости писатель вспоминает с осуждением и оттенком раскаяния. «Душа у меня лежала, — пишет он, — к шумным волнениям цирковых партий и ристаниям, а также к пантомимам. Более того, я стал принимать участие в играх палестр и дошел до такой степени безрассудства, что, скидывая плащ, я скинул вместе с ним также благоразумие в отношении всего, что красит жизнь»¹.

Но такая беспутная жизнь грозила Менаандру полным разорением, и ему пришлось, наконец, серьезно задуматься о будущем. Приход к власти императора Маврикия (582—602) стал поворотным пунктом в жизни Менаандра. Он рассказывает, что император Маврикий — любитель муз, с наслаждением слушавший иногда

¹ Начало труда Менаандра сохранилось у Суды: *Suidae Lexicon*, p. 703.

ночами напролет поэтов и историков, поощрял с помощью денег занятие науками и искусствами и наградами побуждал к деятельности самые ленивые умы. Доведенный до отчаяния крайней бедностью, Менаандр ищет достойного занятия, которое принесло бы ему милости нового императора: «Я в ту пору, близкий к отчаянию и мучительно переносивший нужду в самом необходимом, стал размышлять о том, что не следует мне шататься без толку»².

Молодость уходила, праздная жизнь и легкие удовольствия, наконец, наскучили Менаандру, и он решил заняться серьезным трудом — написать историю своего времени и своего государства. Сразу же возник вопрос, с какого момента начинать сочинение. Решение пришло само собой, под влиянием сложившейся традиции: Менаандр стал продолжателем своего старшего современника и в какой-то мере учителя — Агафия³.

Больше ничего определенного о жизни Менаандра неизвестно. Вероятно, некоторое время он служил при императорском дворе и входил в гвардию императора, о чем говорит его прозвище

Протиктор (Προτίκτωρ), означавшее офицерский чин в императорской гвардии. Можно предположить, что какую-то часть жизни Менаандр провел на службе в провинции. Это дало ему возможность непосредственно наблюдать за взаимоотношениями византийцев с варварами, что нашло отражение в его труде. Дата смерти Менаандра, как и дата его рождения, остаются неизвестными⁴.

Сочинение Менаандра сохранилось, как и произведение Приска Панийского, только в извлечениях Константина VII Багрянородного (913—959) и в Лексиконе Суды.

В дошедшем до нас виде труд Менаандра носит поневоле односторонний характер. Фрагменты, включенные в эксерпты Константина Багрянородного «О посольствах», подобраны компиляторами X в. с определенной целью — осветить историю многочисленных посольств римлян к соседним народам и соседних народов к римлянам. Естественно, что в эксерптах преобладают сведения хотя и интересные, но касающиеся только мирных, дипломатических сношений империи с различными племенами и народами. По этим извлечениям трудно составить представление о всем про-

² *Suidae Lexicon*, p. 703. Издатели включают обычно данные Суды в качестве первого фрагмента исторического сочинения Менаандра. Лучшие издания фрагментов этого труда: *Menandri Excerpta de legationibus*, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 170—221; 442—477; *Menandri Excerpta de sententiis*, ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906, p. 18—26. Существуют и другие издания, среди которых пользуются известностью: FHG, IV, p. 200—269; HGM, II, p. 1—131. О фрагментах Менаандра у Суды см.: A. F. Norman. An Identification in Suidas.—«Classical Quarterly», N. S., 3, 1953, p. 171—172.

³ *Suidae Lexicon*, p. 703.

⁴ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. New York, 1958, S. 213—214; E. Stein. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919, S. 2—37; M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, I. Storici profani. Napoli, 1956, p. 82—83.

изведении Менандра и особенно о его мировоззрении в целом. В экспертах «О сентенциях» опять-таки собраны разбросанные по всему труду Менандра отдельные оригинальные мысли, сентенции, изречения, размышления. Вырванные из общего контекста, они тоже не всегда дают возможность понять политические и философско-этические взгляды автора. Но приходится довольствоваться тем, что есть ⁶.

Менандр ставил задачей продолжить труд Агафия, поэтому он начинает свою «Историю» с 558 г., т. е. с того года, на котором оборвался повествование его предшественника ⁶. Сохранившиеся фрагменты произведения Менандра охватывают период с 558 по 582 г., что отнюдь не означает, что весь труд укладывался именно в эти хронологические рамки.

Упоминания византийских авторов о Менандре поразительно редки. Кроме лексикона Суды, о нем говорится еще лишь в труде Феофилакта Симокатты: Феофилакт считает Менандра лучшим источником по истории воцарения императора Маврикия и называет его «прославленным»⁷.

Пряступая к сочинению, Менандр хорошо сознавал все трудности стоявшие на его пути. Как Прокопий, Агафий, а позже Феофилакт Симоката, Менандр очень серьезно относится к миссии историка. Написание истории, по мнению Менандра, — дело важное и трудное, требующее обширной осведомленности⁸. Сам Менандр долго опасался, что труд историка окажется ему не по плечу, ибо он чувствовал недостаточность своих знаний, которые к тому же он в значительной степени растерял в период бурной молодости.

Считая, как и его предшественники, основной задачей историка изложение истины, Менандр надеялся принести пользу потомкам не столько изяществом слога, сколько правдивым освещением современных ему событий ⁹. Первая обязанность историка, по мнению Менандра, — ничего не прибавлять к истине ради собственной славы ¹⁰. Он, кстати, осуждает за подобное искажение исторической правды византийского дипломата и историка Петра Патрикия, труд которого Менандр хорошо знал и использовал¹¹.

⁶ *N. Iorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantin.*— Byz., 2, 1925, p. 244—245. Исправления текста трех мест в труде Менандра см.: *A. Meineke. Zu griechischen Schriftsteller.*— «Hermes», 3, 1869, S. 162—163. А. Ф. Норман оспаривает принадлежность Менандру отрывка из Суды, касающегося готов Улита и Анагаста. Он приписывает эти данные о борьбе готов с исаврами при Зианоне писателю Приску (*A. F. Norman. Op. cit.*, p. 171—172).

⁶ *Suidae Lexicon*, p. 703.

⁷ *Theophylacti Simocatae Historiae*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, I, 3, 4—5.

⁸ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 2.

⁹ *Ibid.*, fr. 11.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ *Ibidem*. Менандр отсылает читателей, которые хотят знать подробно о переговорах о мире византийцев и персов при Хосрове, к труду Петра Патрикия. «Одним словом, — пишет он, — там следует прочитать о том, что

Менандр высоко ценил и искренне восхищался историческими произведениями своих братьев по перу — Прокопия и Агафия. Агафий, в частности, являлся для Менандра недостижимым образцом, он стремился подражать ему как в композиции сочинения, так и в стиле изложения, и даже заимствовал у него некоторые обороты речи¹².

Особенно высоко ставит Менандр Прокопия, считая себя не достойным хоть в какой-то степени соревноваться со столь знаменитым писателем. Он признает слабость своего таланта и, довольствуясь малым, следует наставлениям Гесиода, который говорит, что «глупец и сумасброд тот, кто состязается с более сильными»¹³. Восхищение Прокопием Менандр выражает весьма витиевато: «Невозможно мне и не радостно для души супротив столь великого блеска красноречия вознести мою светильню»¹⁴.

По собственному признанию, Менандр, сознавая недостаточность своих знаний и риторических талантов, старался при написании истории в большей степени вникать в истинную сущность событий, нежели думать о внешней красоте повествования и совершенстве формы изложения¹⁵.

Источники Менандра разнообразны и поддаются выяснению. Он достаточно серьезно собирал и изучал исторические материалы. Не обладая такой широкой осведомленностью, как Прокопий, и таким образованием, как Агафий, он должен был особенно тщательно изыскивать исторические сведения. Довольно высокая придворная должность протиктора, видимо, отчасти открывала Менандру доступ к официальным дипломатическим и военным документам. Он хорошо знал донесения византийских послов, особенно Петра Патрикия. Из более ранних исторических сочинений Менандр использовал труд Феофана Византийца, который

и как могли сказать деятели [мужи] обоих государств, разговаривая о столь важном деле. Ибо огромный том заполнен до отказа такого рода вещами, притом, как я думаю, в правдивом изложении, если только Петр не изощрился в чем-либо ради своей славы, чтобы потомкам было показано, насколько он в своих ораторских выступлениях отличался достоинством и был непобедим в том, чтобы смягчить грубые и чванливые замыслы варваров. Так вот, все это каждый найдет в посвященной этому книге при ее чтении. О посольстве Петра Патрикия к персам в изложении Менандра см.: *V. Grecu. Menander Protiktor und der persische Gesandtschaftsbericht Petros Patrikios.* — «Académie Roumaine. Bullétin de la section historique», 22, 1941, p. 78—84; *Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica*, I, S. 422.

¹² *Suidae Lexicon*, p. 703. Влияние Агафия, а через него и Геродота особенно сказывается в речах послов, которые приводит Менандр в своем труде. См. *M. Apostolopoulos. Ménandros Protéktor mēnētēs 'Aγαθίου.* Diss. Athens, 1894; *Gy. Moravcsik.* Op. cit., I, S. 422; *A. Defener.* Die Rede bei Herodot und ihre Weiterbildung bei Thukydidēs. Diss. München, 1933; *B. Zástorová.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 28.

¹³ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 27.

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ *Menandr.*, Excerpt. de legat., fr. 2.

частично освещал тот же хронологический отрезок времени, что и сочинение самого Менаандра¹⁶. Помимо исторических сочинений и документов, Менаандр, как и его предшественники, широко использовал устные рассказы очевидцев и личные наблюдения.

Ценность труда Менаандра как исторического источника возрастает еще и оттого, что он часто цитирует подлинные дипломатические документы VI в. Например, им приведен почти полностью текст мирного договора между Византией и Ираном, заключенного в 561 г.¹⁷

В сочинении Менаандра есть свои жемчужины, которые ставят его в ряд с таким несравненным произведением ранневизантийской историографии, как труд Приска Панийского. Таковы исключительно правдивые, базирующиеся, видимо, на рассказах очевидцев, сведения об обычаях, быте, материальной культуре турок, к которым совершил путешествие византийский посол Зимарх¹⁸.

Однако, если Приск писал о гуннской державе и ее правителе Атилле непосредственно на основании личных впечатлений, что придало его труду неповторимую свежесть и обаяние, то рассказ Менаандра о государстве турок, хотя и полон красочных деталей, все же не принадлежит перу очевидца, а основан главным образом на устных рассказах участников византийского посольства или на каких-то утраченных ныне дипломатических документах.

Вместе с тем Менаандр, как и ранее Приск, рассказывая о дипломатической деятельности Византии и о международных отношениях своего времени, выступает отнюдь не как жалкий компилятор, а как оригинальный историк, хотя и не обладающий таким жизненным опытом и таким талантом художественного изображения лиц и событий, как его предшественник.

Во многих частях труд Менаандра вполне самостоятелен, и поэтому, по мнению авторитетных византистов, его можно рассматривать как ценный ранневизантийский источник¹⁹. В историографию Менаандр вошел как историк, описавший отношения Византии с варварским миром в правление Тиверия I

¹⁶ *Theophanes Byzantios Historiae*. — НГМ, I, р. 446—449. Сочинение Феофана Византийца утеряно, и отрывки из него известны лишь по выдержкам Фотия: труд состоял из 10 книг и охватывал период от 566 по 581 г. В основном он освещал те же события, что и сочинения Менаандра (*Gy. Moravcsik. Op. cit.*, I, S. 422, 539—540).

¹⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹⁸ *Ibid.*, fr. 8.

¹⁹ К. Крumbaхер, например, считает, что Менаандр занимает одно из видных мест в историографии VI в. благодаря важности материала, точности географических и топонимических данных (*K. Krumbacher. Op. cit.*, S. 214). Ему вторит Ш. Диль (*Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб.*, 1908, стр. XIV—XV). Д. Моравчик особенно высоко оценивает достоверность сведений Менаандра о сношениях византийского двора с Ираном и тюркскими ордами, а также с аварами (*Gy. Moravcsik. Op. cit.*, I,

(578—582) и в начальный период царствования Маврикия ²⁰. В первую очередь имеются в виду его описания дипломатических сношений империи с аварами, турками, славянами, франками и лангобардами. Видное место, кроме того, в сочинении Менандра занимает и рассказ о мирных переговорах Византии с Сасанидской державой, подвластными ей государствами и ее сателлитами.

В византиноведческой науке поэтому интенсивнее всего изучались данные Менандра о соседних с Византией народах и подвергалась проверке их достоверность. К рассмотрению мировоззрения Менандра, его политических и этико-религиозных взглядов ученые приступили лишь сравнительно недавно, и в этом аспекте еще сделано мало ²¹. Однако, на наш взгляд, несмотря на фрагментарность дошедших отрывков труда Менандра, можно все же попытаться выявить, хотя бы в общих чертах, основные политические и философские идеи его сочинения.

Мировоззрение

Нагляднее всего политические взгляды Менандра проявляются в его оценке государственной власти и деятельности византийских императоров.

В экспериментах компиляторов X в. Менандр предстает человеком весьма лояльным, восхваляющим последовательно всех правителей империи, о которых он сообщает в своей «Истории». Юстиниана Менандр рисует как человека гордого и царственнейшего ²², но отличающегося миролюбием и человеколюбием. Наделенный государственным умом, Юстиниан проводил по отношению к варварам миролюбивую политику и хотел путем подкупа обезопасить империю от их нападений ²³. Менандр вполне одобряет политику

S. 423—424) Для историков-славистов важны данные Менандра о славянах (*G. Labuda. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949, S. 148—170; B. Zásterová. Op. cit., p. 45—48.*)

²⁰ *O. Adamek. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius (582—602), v. I—II. Graz, 1890—1891; G. Hertzsch. De scriptoribus rerum imperatoris Tiberii Constantini. — «Comentationes philologiae Ienenses», 3, 1884, p. 21—44; K. Groh. Geschichte des oströmischen Kaiser Justin II. nebst den Quellen. Leipzig, 1889; A. Graf. Quatenus auctores Byzantini medii aevi ineuntis in populis nationibusque describendis ab antiquis pendere videantur. — «Egnetemes Philologiai Közlöny», 57, 1933; K. Lechner. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. Diss. München, 1954; *idem*. Byzanz und die Barbaren. — «Saeculum», 6/3, 1955; A. Dihle. Zur hellinistischen Ethnographie. — «Grecs et barbares» («Entretiens sur l'antiquité classique», VIII). Vandoeuvre — Genève, 1961.*

²¹ *V. Valdenberg. Le idee politiche di Procopio di Gaza e di Menandro Protettore. — SBN, 4, 1935, p. 67—85; O. Veh. Beiträge zu Menander Protector. «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1954/1955 des Humanistischen Gymnasiums Fürth-Bayern». Fürth, 1955.*

²² *Menandr., Excerpt. de legat. rom., fr. 5.*

²³ *Ibidem.*

подкупа и натравливания варваров друг на друга: «Такие меры, по моему мнению, были придуманы императором весьма разумно и вели к выгоде византийцев»²⁴.

Юстиниан, утверждает Менандр, был щедр к варварам, он вводил новшества добровольно, из-за избытка доброты к людям, а не поневоле. Однако он якобы не платил дани арабским племенам за охрану границ, а лишь обменивался с ними дарами.

Насколько Юстиниан был снисходителен к варварам, настолько Юстин II хотел, по словам Менандра, быть для них особенно грозным²⁵. Юстин II, подчеркивает историк, проводил твердую политику в отношении варварских народов. Менандр рассказывает, что византийские военачальники якобы говорили кагану аваров Вайану (Баяну): «Теперь у нас государь грозный и твердый, и мы не смеем сделать самовольнода же того, что может от него укрыться»²⁶.

По словам Менандра, Юстин II гневался на своих полководцев за то, что они откладывали военные действия против варваров. Ведь надо показать варварам, что римляне уже не преданы неге, но что они любят войну и способны переносить труды, с нею связанные²⁷.

Менандр подчеркивает, что Юстин II заслужил у современников славу «человека весьма положительного и точного»²⁸. Но одновременно Юстин был строг с подчиненными: он предал суду посла Иоанна Коментиола за неудачное проведение переговоров с персами относительно передачи Сванетии под власть Византии. Иоанна обвинили в том, что он действовал не в пользу Византийского государства, и знатного вельможу сурово наказали²⁹.

Тот же император с презрением отнесся к слишком кичливому и заносчивому послу персов Мебоду, долгое время лишал его личной встречи, пытался посорить его с послами арабских шейхов, и когда, наконец, Мебод получил аудиенцию у императора, тот был сперва с ним весьма суров и сказал ему: «Видно, ты не осознаешь, что ведешь переговоры с царем ромеев, и притом с Юстином?»³⁰

Юстин II с крайним пренебрежением отзывался об арабских племенах и отказался посылать им дары, как это делал Юстиниан. «Смехотворно было бы, — заносчиво заявил василевс, — чтобы мы, ромеи, платили дань кочевникам-сарацинам»³¹.

²⁴ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 2.

²⁵ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 5. Менандр говорит, что Юстин II отказался сарацинам, сателлитам персов, платить дань, вносившуюся Юстинианом, и подчеркивает, что кротость Юстиниана по отношению к варварам отличается от политики устрашения нынешнего самодержца ромеев.

²⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 5; ср. fr. 14.

²⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 17.

²⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 5.

²⁹ *Ibid.*, fr. 6.

³⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 6.

³¹ *Ibidem.*

Менандр восхваляет ум и дипломатическую прозорливость Юстина II, особенно, по его словам, ярко проявившиеся во время переговоров с послами персов и арабов.

Менандр хвалит императора Тиверия за предусмотрительность и государственную мудрость³². А в честь своего покровителя императора Маврикия пишет настоящий панегирик³³. Суда со ссылкой на Менандра передает впечатляющую характеристику Маврикия, когда тот еще был полководцем: «Цесарем Тиверием он назначается военачальником Востока. Этот Маврикий не был опытен в войнах и борьбе, однако в общем умен, положителен и точен, сочетая в себе оба противоположных друг другу качества: сознание своего достоинства и кротость, качества, свободные от высокомерия и заносчивости»³⁴.

О Маврикии — самодержавном правителе империи — Менандр отзывается еще более хвалебно: «Когда же царской державой венчался Маврикий, весьма заботливо относившийся к своим подданным, являвшийся почитателем муз», то в империи наступил расцвет искусства и науки³⁵.

Все это говорит о большой политической гибкости Менандра, умевшего приспособливаться к любому режиму.

Менандр, естественно, вполне верноподданнически прославляет власть василевса. Но, как здравомыслящий политик и дипломат, он полагает, что благо государства порою стоит выше воли императора и самих законов. Так, договоренность Юстиниана с арабами о посылке им даров аннулируется со смертью императора, ибо она приносит вред Византийскому государству. Ведь нелегко, чтобы оно было принуждено платить дань по воле одного человека или в силу закона, даже в том случае, если подобное решение принято самим императором³⁶.

Менандр считает общепринятым и достойным похвалы монархический образ правления у различных народов, признает иерархию государств, подчеркивает правомерность презумпции — «кто владеет главенствующим государством, тот получает право на господство над ему подчиненным»³⁷. «Раб нашего раба не должен выходить из подчинения», — утверждает автор³⁸. Неповиновение подданных — великое зло, которое может разрушить государство³⁹.

Важнейшим признаком мудрости правителей, по мнению Менандра, является сочетание силы и благоразумия. Великие го-

³² *Menandr.*, Excerpt. de legat gent., fr. 22.

³³ *Suidae Lexicon*, p. 136.

³⁴ *Ibid.*, p. 693.

³⁵ *Ibid.*, p. 703.

³⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 5.

³⁷ *Ibid.*, fr. 3.

³⁸ *Ibidem*.

³⁹ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 38.

судари, утверждает историк, имея полную возможность проявить свою власть, не желали пользоваться этой возможностью. Ибо чрезмерное проявление силы вызывает порицание мудрых людей и противоречит благоразумию^{40—41}.

Вместе с тем в труде Менаандра налицо и некоторые политически оппозиционные тенденции. Как и Агафий, Менаандр резко выступает против тирании: «Тирания является предметом ненависти, и подданный тирана всегда его враг»⁴². «Тот, кто претерпел обиду от властвующего, по большей части негодует на общину» (государство.— *З. У.*)⁴³.

Несправедливость, причиненная одному человеку, отражается на многих людях. Везде люди считают себя обиженными не только за себя, они бывают задеты и тогда, когда их друзья терпят оскорбления от других лиц. Устранение стремления человека всегда быть первым и уничтожение зависти может спасти положение даже в самых опасных случаях жизни⁴⁴.

Менаандру не чужд патриотизм. Он восхваляет «таящуюся во всех людях и неотъемлемо присущую им любовь к родине»⁴⁵.

Социально-политические взгляды Менаандра представляют собой смесь шаблонных воззрений, свойственных рабовладельческому обществу, с некоторыми более прогрессивными идеями.

По отношению к рабам Менаандр остается рабовладельцем до мозга костей. Так, в споре о судьбе раба никакого значения не имеет мнение самого раба. Рабство—это неизбежное зло, и поворот судьбы может ввергнуть в рабство даже царя⁴⁶. Рабство для Менаандра — обычное явление, не вызывающее ни удивления, ни возмущения, ни жалости. Варвары постоянно захватывают в плен другие народы и обращают их в рабство: авары порабащают антов⁴⁷ и другие племена. Византийцы даже поощряют подобные нравы: они дарят аварам особые шнуры, украшенные золотом, для связывания беглых рабов. Желая унижить аварских послов, византийцы заявляют, что император ромеев не только не будет платить им дань, но станет выдавать им рацион раба⁴⁸. Сами ромеи употребляют рабов преимущественно для различных хозяйственных работ, но в особых случаях и для защиты границ. Так, для охраны от нападения авар переправы через Истр византийский полководец в трудной ситуации использовал слуг и домашних рабов⁴⁹. Термин «раб» Менаандром иногда употребляется и в

---

^{40—41} *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁴² *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 22.

⁴³ *Ibid.*, fr. 2.

⁴⁴ *Ibid.*, fr. 32.

⁴⁵ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 24.

⁴⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁴⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 3.

⁴⁸ *Ibid.*, fr. 5.

⁴⁹ *Ibid.*, fr. 4.

значений «подданный»; этот термин применяется в переговорах Византии с персами, аварами, арабами и другими народами.

В оценке народа и народных движений Менаандр мало чем отличается от Агафия. Для Менаандра, как и для Агафия, простой народ всегда склонен к мятежам и дерзость — в его природе. Менаандр без сочувствия, но и без какого-либо озлобления говорит о скамарах, которые напали из засады на возвращавшееся на родину войско авар и отняли у них коней, серебро и весь обоз. Грабителей отыскали, и вещи возвратили аварам⁵⁰. Для Менаандра скамары — простые разбойники, а не социальные враги.

Менаандр, однако, способен понять глубокие социальные конфликты, раздирающие современное ему общество. Упомянув о таинственном убийстве одного из персидских военачальников, Менаандр при этом делает известное обобщение: ведь много самых знатных людей часто гибло из-за происков незнатных⁵¹. Менаандр враг роскоши. Покой и роскошь должны, считает он, чередоваться со страданием и опасностями. Страдание для тех, кто пользуется ранее приобретенным, — как бы хранилище славы. Роскошь же, если человек предварительно не закален страданием, ведет человека к дурной жизни и даже к гибели⁵².

В сочинении Менаандра можно обнаружить и некоторые прогрессивные идеи, отражающие социальную позицию автора. Особенно это видно по тому, как Менаандр относится к труду и богатству, к миру и войне. Менаандр восхваляет труд. «Благополучие не приходит само собою. Труд есть родоначальник истинного благополучия. Потому-то удовольствие, получаемое после трудов, — самое сладостное»⁵³. Менаандр противопоставляет счастье в труде праздности и богатству. Трудиться, утверждает писатель, должно до тех пор, пока можно вкушать плоды своих трудов. Кто ведет иную жизнь, тот, быть может, сильнее и богаче других, но счастьем наслаждается меньшим⁵⁴. Менаандр осуждает тех, кто предпочитает трудам жизнь бездейственную, а славе безвестность. «Труд — враг лени», — подчеркивает писатель⁵⁵.

Менаандр — горячий сторонник мира и противник войны. Он часто повторяет, что мир — великое благо для людей, а война — страшное зло⁵⁶. Народ и сановники в равной степени радуются миру⁵⁷.

Особенно ненавистны Менаандру междоусобные войны. «Междоусобная война, если ею пренебрегли, с трудом укрощается». «Храбрость прославляет того, кто проявляет ее против прирож-

⁵⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 19.

⁵¹ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 44.

⁵² *Ibid.*, fr. 43.

⁵³ *Ibid.*, fr. 35.

⁵⁴ *Ibid.*, fr. 18.

⁵⁵ *Suidae Lexicon*, p. 136.

⁵⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁵⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 24.

денных врагов, а не против своих сограждан»⁵⁸. Вместе с тем Менаандр признает вслед за Агафием, что исход войны решает не грубая телесная сила, а твердость духа⁵⁹.

«Соглашаясь с тем, — пишет Менаандр, — что умирать за отечество прекрасно, мы должны признаться, однако, что когда есть возможность изъяснить благодарность вскормившему нас отечеству, не подвергая жизнь свою опасностям, тогда безрассудно от этого отказываться для того только, чтобы не показалось, что мы ниже своих противников»⁶⁰.

Описание ужасов войны, прославление мира, мирного труда, предусмотрительности, осторожности — лейтмотив многих сентенций и исторического повествования Менаандра. Хотя надо учесть, что подобные мотивы гармонировали с характером подобранного компиляторами материала, трактующего, как правило, именно вопросы заключения мира между Византией и различными державами.

Менаандр трезво отдает себе отчет в том, что порою воинственные варвары стремились использовать для получения дани внутренние слабости империи. Так, послы авар, требуя подарки, хотели испытать Юстина II и выяснить, нельзя ли им извлечь выгоду из распушенности и беззаботности ромеев ⁶¹⁻⁶².

Менаандр не скрывает недостатков военной организации империи: он указывает, что многие победы варваров зависели от нерадения византийских военачальников. Особый вред приносило неповиновение командиров влывнокомандующему, в частности будущему императору Маврикию. Маврикий перед началом войны с аварами принял необходимые меры, но неповиновение других военачальников, беспорядок в войсках довели византийскую армию до крайней опасности ⁶³. С горечью Менаандр принужден признать, что «из-за нерассудительности властвующих гибнут подданные»⁶⁴. Он не замалчивает факта недоверия и даже недоброжелательства варварских народов к византийцам. Так, турки, к которым ездил послом Зимарх, подозревали византийцев в обмане и говорили им: «Не вы ли те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман?»⁶⁵.

Философские взгляды Менаандра основываются на античной философии разных направлений, хотя Менаандр не проявляет такого знания античных философов, как его высокообразованные предшественники Прокопий и Агафий.

Так же как у Прокопия и Агафия, через произведения Менаандра красной нитью проходит идея судьбы, идея изменчивости

⁵⁸ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 15, 16.

⁵⁹ *Ibid.*, fr. 42.

⁶⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁶¹⁻⁶² *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 5.

⁶³ *Ibidem.* Менаандр критикует византийских военачальников за бездействие в войне с аварами (*Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 20).

⁶⁴ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁶⁵ *Ibid.*, fr. 14.

человеческого счастья. «Города и народы, — пишет он, — то достигали высокого благоденствия, то приходили к гибели». Круговорот времен, бесконечно все изменяя, показывает изменчивость судеб мира и будет делать это и впредь, пока на земле существуют люди и битвы⁶⁶. «Кто в надежде на победы, — пишет он в другом месте, — домогается все большего, не рассуждая о шаткости и неизвестности счастья, того это самомнение вовлечет в дела безрассудные»⁶⁷. По мнению Менаандра, «нет ничего вернее неверности победы». «Победа крылата, она легко может ускользнуть»⁶⁸. Вместе с тем Менаандр дает как бы философско-этическую оценку победы. Победа не только призрачна и скоропреходяща, а таит в себе еще и зло для самого победителя. Ведь он живет дурно, за счет горя побежденных, за счет всего, что некогда было им дорого и ныне ими оплакивается⁶⁹.

В подтверждение философской концепции об изменчивости человеческого счастья Менаандр приводит знаменитую легенду о египетском фараоне Сесострисе. Ее рассказал византийский дипломат Петр Патрикий в назидание персидским послам, безудержно восхвалявшим счастье и победы своего правителя — царя царей шаха Хосрова. Некогда счастье столь же безмерно баловало Сесостриса; к его ногам склонялись многие величайшие народы, он уводил в плен и обращал в рабство даже царей. Гордыня фараона не знала пределов: он приказал впрягать в разукрашенную золотом колесницу несчастных пленных царей и разъезжал на ней по широким улицам столицы, влекомый своими подданными. Один из тащивших колесницу пленников неотрывно смотрел на вращение колеса и привлек этим внимание владыки. На его вопрос, почему он смотрит на движение колеса, пленник ответил, что колесо, несясь то вверх, то вниз, постоянно меняет свое положение. «Египтянин, — пишет Менаандр, — услышав это, сообразил, что тот намекает на неустойчивость и вероломство счастья, так как людские дела походят на катящееся колесо». Испугавшись того, что от него самого может отвернуться счастье, фараон сжалился над пленниками, отпустил их на свободу и вернул им власть в их государствах⁷⁰.

Удары судьбы преследуют, по словам Менаандра, почти всех людей. «Многие из самых знаменитых мужей неоднократно впадали в несчастья. Несчастные события как бы присущи роду человеческому с самого его рождения»⁷¹. Поражения в войнах столь же неизбежны и не должны вызывать особую горесть побежденных

⁶⁶ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 17.

⁶⁷ *Ibid.*, fr. 31.

⁶⁸ *Ibid.*, fr. 5, 8.

⁶⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat rom., fr. 3.

⁷⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3. Аналогичный рассказ о фараоне Сесострисе приводит также продолжатель Менаандра Феофилакт Симокатта (*Theophylacti Simocattae Historiae*, VI, 11.10—15).

⁷¹ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 44.

и чрезмерную радость победителей. Причиной победы персов над ромеями и захвата Антиохии войсками шаха Хосрова было чрезмерное счастье византийцев. «Ибо этим бог покарал ромеев за избыток счастья, чтобы не мнилось, что один человек намного превосходит другого»⁷². Перед решением судьбы все люди и в счастье и в несчастье равны, заключает автор.

Однако слепой фатализм чужд Менаандру. Веря в судьбу, он одновременно преклоняется перед человеческим разумом и считает мудрость высшим жизненным благом. Силу разума Менаандр ценит выше силы оружия. «Сила мудрости одерживает верх и над оружием потому, что сила военная не может ничего совершить, не истощая себя; тогда как мудрость бестелесная, служит сама себе твердыней и притом охраняет того, кто ее приобрел»⁷³. Особенно вдохновляющее воздействие может оказать мудрость на людей необразованных. «Вот как сила мудрости, найдя душу необразованную учением и не имеющую способности убеждать, презирует ее слабость и одерживает над ней победу. Так приложенное к ране лекарство, как бы съедая большую часть, восстанавливает здоровье страждущего, и если мудрость проповедует даже неправду, все-таки, говоря кстати и приличествующим образом, трогает душу»⁷⁴. Полезней, утверждает писатель, иметь ясный рассудок, чем сильную руку⁷⁵.

Благоразумие и храбрость порою соседствуют и помогают друг другу: во время величайших опасностей, подчеркивает Менаандр, рассудок часто вступает в действие вслед за безотчетной решимостью⁷⁶. Иными словами, опасность рождает решимость⁷⁷.

В то же время предусмотрительность писатель считает одним из лучших качеств правителя, полководца и дипломата. Ожидание опасностей, пишет он, ставит ожидающего вне опасностей благодаря тому, что он заранее оградил себя от несчастий⁷⁸. Иными словами, человеку в какой-то мере доступно предвидеть будущее, что дает ему возможность предотвращать несчастия или ослаблять удары судьбы, заранее готовясь к ним.

Активную деятельность Менаандр предпочитает пассивному ожиданию велений рока. Если надо выбирать между покоем и действием, то следует избрать действие, ибо оно приносит больше пользы человеку⁷⁹.

Человек, в представлении Менаандра, — отнюдь не игрушка слепого рока: он не должен лишь покорно ждать его решений. Предметом благородной гордости человека является, по мнению

---

⁷² *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁷³ *Ibidem.*

⁷⁴ *Ibidem.*

⁷⁵ *Ibidem.*

⁷⁶ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 6.

⁷⁷ *Ibid.*, fr. 42.

⁷⁸ *Ibid.*, fr. 20.

⁷⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 9.

Менандра, направленное к добру, активное участие в переустройстве порядка вещей ⁸⁰.

Менандр осуждает в людях трусость и пассивность: «Душа, угнетаемая страхом, не позаботится заблаговременно решительно ни о чем таком, о чем позаботиться следует»⁸¹.

Вместе с тем он признает высшим благом для человека, источником подлинного счастья не что иное, как страдания. Ибо наслаждения приносят больше радостей, если они следуют за муками ⁸². Пассивное ожидание неизбежного и слепое подчинение судьбе, по мнению Менандра, расслабляет человека и лишает его энергии, стимула к действию. «Неизбежность того, что стало предметом ожиданий, приводит ожидающего в состояние меньшей предпримчивости»⁸³.

Прославляя человеческий разум, Менандр верит и в силу слова. Слово — высший посредник и защитник в человеческой жизни. Стремясь к установлению правды, Менандр сознает, однако, недостижимость этой мечты человечества. «Когда бы между людьми господствовала правда, не нужны были бы ни ораторы, ни точное знание законов, ни совещания, ни искусство красноречия; ибо мы по собственному побуждению занимались бы общественными делами. Но так как все люди думают, что справедливость на их стороне, то нам и необходимо обаяние слова. Для того мы собираем совещания, и каждый из нас искусством слова желает убедить другого, что он прав»⁸⁴.

Менандр придает огромное значение и общественному мнению. «Все хорошее и дурное взвешивается мнением человеческим»⁸⁵, — утверждает он.

Своим жизненным кредо Менандр смело провозглашает независимость образа мыслей. Историк особенно чутко должен прислушиваться к справедливому мнению людей. «Мне не должно умалчивать истину, — пишет он, — не скажу ничего в угоду сильным. Кто против общего мнения превозносит человека, не имеющего в себе ничего достойного славы, тот выставляет похваляемого на посмешище другим»⁸⁶. Но в еще большей степени историк обязан остерегаться доверять клеветникам. Клевета — одно из величайших зол, губящих человечество. Ее могущество над людскими душами не знает границ. «Клевета, которая радуется несчастью других, никогда не перестает вредить и все более и более распространяется: она делает свое дело, нашептывая в ухо другим про свою жертву. Поселившись в ушах, она говорит

⁸⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁸¹ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 9.

⁸² *Ibid.*, fr. 35.

⁸³ *Ibid.*, fr. 39.

⁸⁴ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁸⁵ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 10.

⁸⁶ *Ibid.*, fr. 7.

о непостоянстве, своенравии этого лица»⁸⁷. «Все покорствует молве, — пишет в другом месте Менаандр, — она передает слуху то, что кажется неизвестным; она, как на рынке, обнаруживает тайны, как продажные товары, желающему их купить»⁸⁸.

Этические воззрения Менаандра отличаются жизнеутверждающим гуманизмом. Он искренне верит, что доброе начало в душах людей весьма часто берет верх над пороками. По оптимистическому восприятию мира Менаандр ближе к доброжелательному Агафию, чем к желчному Прокопию. Он склонен к нравоучительным сентенциям, проповедующим истинную дружбу, справедливость, добро. «Дружба, утверждаемая деньгами, дурна, это дружба рабская, покупная, постыдная; та дружба подлинная, которая не корыстолюбива, полезна для обеих сторон и основана на природе вещей»⁸⁹. Историк постоянно заботится о нравственности людей. Он повторяет древнюю сентенцию: «Лучше носить раны на теле, чем в душе»⁹⁰. «В благополучии ненависть врагов умножается»⁹¹. Сентенции Менаандра почерпнуты из сочинений античных авторов и, возможно, из сокровищницы народной мудрости — устных преданий. Однако их отбор субъективен и связан с этическими воззрениями писателя.

Сентенции Менаандра порою парадоксальны и противоречивы. Таковы, например, его сентенции, восхваляющие страдания⁹².

Менаандр пытается опровергнуть общепринятое мнение о том, что все самое дурное легко дается людям, а все лучшее в жизни ускользает от них⁹³. Правда, он сам принужден с некоторой горечью признать, что стимулами действий людей чаще всего являются корысть и честолюбие: «Ведь люди все делают либо ради выгоды, либо из стремления к славе»⁹⁴.

Писатель прославляет такие качества, как стойкость и целеустремленность в выполнении людьми хороших дел: «Величайших похвал достоин тот человек, который, имея совершенные замыслы, доводит и свои действия до совершенного предела»⁹⁵. Иными словами, добрые помыслы человека не должны расходиться с его делами.

Менаандр всячески осуждает пустословие, бахвальство, чванливость, заносчивость; эти человеческие слабости особенно нетерпимы у послов, которым подобает разумная мудрость и предусмотрительность. Писателю импонирует молчаливость и сдержанность персидских дипломатов, которые утверждали, что

⁸⁷ Ibid., fr. 23.

⁸⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 19.

⁸⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 20.

⁹⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 9.

⁹¹ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 12.

⁹² Ibid., fr. 43.

⁹³ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁹⁴ Ibid., fr. 13.

⁹⁵ Ibid., fr. 3.

«для персов непривычно посвящать важным делам излишнее количество слов»⁹⁶. Дипломату, по мнению Менандра, в равной степени должны быть присущи твердость суждений и неподкупность. Защищая справедливое дело, в сокровенные тайны которого он заранее посвящен, дипломат должен оставаться неподкупным и сохранять незапятнанной свою совесть⁹⁷.

Вместе с тем, как истинный дипломат, Менандр, осуждая коварство врагов, в частности аваров, гепидов, персов, допускает возможность вероломства со стороны ромеев, если оно направлено на благо Византийского государства. Писатель всячески укоряет аварских послов за их хитрые и коварные замыслы против империи, но одновременно оправдывает действия ромеев, которые путем обмана отняли у тех же аварских послов купленное ими в Византии оружие⁹⁸. Писатель понимает, что каждое государство во время переговоров с другим государством стремится к своей пользе и иногда «выставляет впереди себя мир, как завету»⁹⁹.

Любопытно отношение Менандра к людям, покинувшим свою родину. Он делит их на две категории: первая — это лица, которые стали перебежчиками по необходимости, во время войны; к таким «перебежчикам поневоле» надо относиться милостиво и разрешить им вернуться домой. Вторая категория — люди, добровольно покинувшие страну во время мира. К ним Менандр суров, ссылаясь на строгие постановления международного права: «Тех, кто стал перебежчиком в мирное время или бежал от одних под защиту других, не следует принимать, но всегда, даже вопреки их желанию, передавать в руки лиц, от которых они бежали»¹⁰⁰. Менандр категорически поддерживает господствующую в его время подобную доктрину международного права в отношении военнопленных и перебежчиков, которая нашла свое воплощение в статьях мирного договора 561 г., заключенного между Византией и Ираном.

Менандр часто обращается к нравоучительным сентенциям, предостерегающим людей от дурных покровителей или дурных поступков. Например, он пишет: «Благодетелем своим следует считать скорее того, кто умеряет беспорядочные замыслы, кто останавливает дерзкие стремления, ведущие к гибели, а не того, кто потакает роскоши, кто, показывая, будто любит, пользуется малейшим случаем, чтобы погубить людей, которым он оказывал мнимые благодеяния»¹⁰¹.

Осуждая различные человеческие пороки, Менандр вместе

⁹⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

⁹⁷ *Ibid.*, fr. 5.

⁹⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 4.

⁹⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹⁰⁰ *Ibidem.* Менандр полностью передает пункт 6-й мирного договора Византии с Персией, касающийся вопроса о перебежчиках.

¹⁰¹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 5.

с тем признает право человека за зло платить злом. «Не нарушает справедливости тот, кто на козни отвечает кознями; тот же, кто первый строит козни, — тот и виновник зла»¹⁰². Идеи непротivления злу, христианского смирения и покорности чужды писателю.

Каково же его отношение к христианской религии?

Как Прокопий и Агафий, Менаандр официально был христианином, ко, как и они, не отличался благочестием. Менаандр тоже признает волю божества движущей силой исторического процесса. «Когда бог не помогает, — пишет он, — так и то, что кажется хорошо придуманным, имеет самые дурные последствия»¹⁰³. Он верит в то, что гнев божий поражает дурных людей: «Богу угодно наказывать творящих неправду и тогда, когда они о том не помышляют, для того, чтобы они исправлялись внезапно самих событий»¹⁰⁴. Историк полагает, что бог может унижить поражением кого-либо, чтобы показать чрезмерность его счастья¹⁰⁵. Менаандр, как и Агафий, наделяет божество разумом и волей и признает его деяния благими, направленными на счастье человечества.

Как и Агафий, Менаандр отличается веротерпимостью. Он восхваляет персов за то, что они включили в мирный договор с Византией особый пункт о даровании полной религиозной свободы христианам, жившим в Иране. Вместе с тем он считает справедливым, чтобы и христиане не стремились обращать персов в христианскую веру, хотя сам относится скептически к религии магов¹⁰⁶.

Впрочем, когда это выгодно Византии, Менаандр считает возможным вести войну для освобождения единоверных христиан из-под ига язычников-персов. Так, он оправдывает войны Маврикия в Персии религиозно-освободительными целями. Маврикий якобы говорил, что «пришел туда не с тем, чтобы грабить святыню и воевать против Христа, но воевать вместе с Христом, освободить единоверных (христиан. — З. У.) от персов, неправильно мыслящих о боге»¹⁰⁷.

Менаандр сообщает, что 12-й пункт договора 561 г. между Византией и Ираном носил сакральный характер: он включал обращение к богу, чтобы тот защитил тех, кто будет этот договор выполнять, и проклял тех, кто его дерзнет нарушить¹⁰⁸.

Писатель попутно упоминает о том, что персы признавали божественность власти своего шаха, который являлся как бы

¹⁰² *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 33.

¹⁰³ *Ibid.*, fr. 38.

¹⁰⁴ *Ibid.*, fr. 36.

¹⁰⁵ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹⁰⁶ *Ibidem.*

¹⁰⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 28.

¹⁰⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

прообразом бога на земле¹⁰⁹. Посол византийцев призывает персидского шаха воздать благодарность божеству за то, что он (шах.— З. У.) так силен, что в состоянии дарить даже то, что ему не принадлежит¹¹⁰.

Менандр почитает христианские праздники и христианские святыни, в частности монастыри. Так, он сообщает, что Петр Патрикий, заключив мирный договор с персами, на некоторое время задержался в Даре, «чтобы справить там рождественский праздник бога Христа, ибо уже близился этот священный день. Справив должным образом также крещение, он только после того двинулся в путь, в глубь Персии»¹¹¹. Монастырь Севестианос, расположенный в пограничной области и ставший объектом спора между византийцами и персами, писатель называет местом спасения душ¹¹².

Менандр признает христианское учение о бессмертии души. Христианские мученики своей смертью пытались, по его мнению, наглядно доказать это учение людям. Менандр рассказывает с глубоким уважением о гибели мученика Исаозита, по рождению перса, бывшего приверженца религии магов, перешедшего в христианство. За измену религии отцов его распяли в Персии. Исаозит, уже распятый на кресте, когда ему предложили отречься от христианства, вернуться к отеческой вере и спасти свою жизнь, категорически отказался это сделать, заявив, что он жалеет не о том, что перешел в христианство, а о том, что сделал это слишком поздно. От себя Менандр прибавляет, что мученик говорил это стойко, добываясь царствия небесного и чистой награды — мученического венца. «Он хотел показать людям, что жизнь с ее скоротечностью и бесполезностью может иметь для человека какую-то ценность лишь при условии награды — вечной жизни на небесах»¹¹³.

Мученическая гибель Исаозита так поразила воображение писателя, что он посвятил ей стихи, правда, на наш взгляд, лишенные какой-либо художественной притягательности.

Был в прошлом среди персов я, маг Исаозит,
На гибельном обмане обосновавший свои надежды;
Когда пламя стало пожирать мой город, пришел я помочь,
Пришел также Христа всемогущего слуга.
Ему в угоду потухла мощь пламени, однако, будучи всячески
Побежден, я одержал более божественную победу¹¹⁴.

Менандр осуждает кагана аваров Вайана за нарушение им клятв, данных ромеям по варварскому и христианскому обычаю.

¹⁰⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹¹⁰ *Ibidem.*

¹¹¹ *Ibidem.*

¹¹² *Ibidem.*

¹¹³ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 25.

¹¹⁴ *Ibid.*, fr. 24.

Описание клятвы Вайана весьма любопытно. Обещая ромеям не нападать на город Сирмий, он «покаялся немедленно аварскими клятвами, обнажив меч и призвав кары на себя и на весь народ аваров, чтобы, если он замышляет строить мост через Саос, готова какие-либо козни против ромеев, и сам он, и все племя аваров было погублено мечом, чтобы небо и находящийся на небе бог низвергли на них огонь, чтобы окрестные горы и леса обрушились на них и чтобы река Саос, выступив из берегов, накрыла их. Закончив такие клятвы по обычаю варваров, каган сказал: «Теперь я хочу поклясться также ромейскими клятвами», и принес клятву на доставленных ему христианами священных книгах»¹¹⁶.

Итак, Менаандр с пиететом относится к легендам религиозного характера, чудесам христианских мучеников, к отправлению христианских праздников. Однако он не обнаруживает в своих сочинениях какого-либо фанатизма и слишком пылкой религиозности.

Характеристика Византии и варварского мира

Проблемой, которая одинаково живо интересовала всех историков ранней Византии, были взаимоотношения империи и варварского мира. Естественно, эта проблема находится в центре внимания и в труде Менаандра. В отношении Менаандра к варварам — аварам, славянам, лангобардам, франкам, гепидам, туркам и др. — нет того высокомерия гордого римлянина, которое присуще труду Прокопия, но нет и идеализации их общественного строя, отличающей рассказ о франках у Агафия. Менаандр скорее враждебен, чем благожелателен к варварам, но враждебность эта лишена оттенка римской исключительности. Так, он подчеркивает заносчивость и жестокость авар, гордость и независимость склавинов.

Авары, по рассказам Менаандра, хитры и коварны, строят тайные козни против империи, крайне корыстолюбивы и жадны^{116—117}. В отношении своих союзников-антов они вероломны: по наветам некоего клеветника каган аваров убил посла антов Мезамира, ограбил и опустошил страну антов, обратил людей в рабство¹¹⁸. Авары склонны к роскоши, высоко ценят подарки ромеев, в частности «ложя и некоторые другие предметы, служащие к изнеженной жизни»¹¹⁹. Вайану ромеи дарят золото, серебро, шелковое платье¹²⁰.

В переговорах с византийцами при Юстине II авары вели себя, по словам Менаандра, двойственно: с одной стороны, они,

¹¹⁵ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 30.

^{116—117} *Ibid.*, fr. 4.

¹¹⁸ *Ibid.*, fr. 3.

¹¹⁹ *Ibid.*, fr. 5.

¹²⁰ *Ibid.*, fr. 31.

по-видимому, просили, а с другой — грозили. Натолкнувшись на решительный отказ императора платить им дань, они «потеряли обе надежды», отступили и двинулись в страну франков¹²¹. Заносчивость и нахальство авар сменились трусливой покорностью перед императором ромеев.

Византийцы презирали авар и не верили в их дружбу. «Дело в том, что состоять в дружбе с аварами — кочевниками и пришельцами — более тяжко, чем враждовать с ними, тем более что дружба эта гнилая»¹²².

Политика авар в отношении Византии отличалась постоянной изменчивостью и вероломством. Но сами ромеи относились к аварам не лучше и пытались натравить их на славян и других варваров.

После того как при императоре Тиверии 100 тыс. славян вторглись в пределы империи и подвергли грабежу Фракию и многие другие области¹²³, византийцы искусно разожгли рознь между аварами и славянами, провели войска авар из страны франков через свои земли к Дунаю, переправили через Дунай и полчища Вайана, которые обрушились на славян и начали грабить их земли¹²⁴. Князь славян Даврит отверг притязания авар, а аварские послы стали произносить хвастливые речи. «Отсюда, — пишет Менаандр, — пошли поношения и издевательства и, как это естественно для варваров, они вследствие неприимиримости и спесивости своего образа мыслей завязали друг с другом ссору»¹²⁵. В выигрыше от этой войны авар и славян, естественно, оказалась Византия¹²⁶.

Вероломство и заносчивость авар особенно ярко проявились, по словам Менаандра, во время осады и захвата Сирмия. Воспользовавшись ослаблением Византии, занятой тяжелыми войнами с персами на Востоке, Вайан обманул византийских военачальников, построил мост через реку Саос и в 579 г. принудил измором Сирмий к сдаче¹²⁷. Все попытки ромеев помешать этому окончились неудачей: ни дары, ни увещания, ни обмен посольствами не возымели действия: Сирмий был захвачен аварами, а его гарнизон и жители покинули город, потеряв все свое имущество¹²⁸.

¹²¹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 5. Об аварах и славянах в VI в. см.: *B. Zástěrová*. Op. cit.; о Византии и варварах см.: *K. Lechner*. Op. cit.; *H. W. Haussig*. Theophylakts Exkurs über die Skythischen Völker. — Byz., 23, 1953; *Gy. Moravcsik*. Op. cit., I, S. 70 ff.

¹²² *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 9.

¹²³ *Ibid.*, fr. 15.

¹²⁴ *Ibidem*.

¹²⁵ *Ibidem*.

¹²⁶ Об аварах и славянах в Стратегиконе Псевдо-Маврикия, а также у Менаандра см.: *B. Zástěrová*. Op. cit.

¹²⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 30—32; Excerpt. de legat. rom., fr. 20.

¹²⁸ *St. Stanojević*. Сремско Острво. — «Глас Српске краљевске Академије», 126, 1927, стр. 77—78.

Во время переговоров по поводу сдачи Сирмия аварские послы вели себя в отношении ромеев «бесстыдно», а сам каган нагло нарушил клятвы и договор о мире ¹²⁹.

Рассказ Менаандра об отношениях империи с аварами довольно красочен, полон интересных деталей, достаточно достоверен и, видимо, почерпнут из каких-то надежных источников. Интересны, например, сведения Менаандра о военной тактике авар, о постройке ими кораблей ¹³⁰, о роскоши Вайана, который во время переговоров с ромейскими послами в открытом поле восседал на золотом троне, «причем, для него было сооружено из разукрашенных драгоценными камнями тканей некое подобие беседки. Но, кроме того, как бы вместо прикрытия, перед его грудью и лицом держали щиты, чтобы ромеи ненароком внезапно не выстрелили бы в него»¹³¹.

В целом отношение Менаандра к аварам явно недоброжелательно, иногда открыто враждебно, но осведомленность нашего автора об аварах и интерес к ним достаточно велики. Данные Менаандра лишний раз показывают, что авары в VI в. были могущественным народом, весьма опасным врагом империи ¹³².

Относительно славян сведения Менаандра более скудны, но к ним автор, пожалуй, несколько более доброжелателен ¹³³. Западные же варвары—франки, гепиды и лангобарды, упоминаются Менаандром лишь вскользь ¹³⁴. Писатель все время подчеркивает нежелание Византии впутываться в дела Запада из-за растущей опасности, грозящей империи с Востока.

Правители Рима и римское духовенство постоянно обращаются к византийскому императору за помощью против лангобардов. Император, однако, уклоняется от посылки в Италию войск, а лишь путем подкупа старается столкнуть лангобардов с франками ¹³⁵.

Менаандр отчетливо сознает, что Византии делается все труднее и труднее вести войны на нескольких фронтах и против многих народов ¹³⁶. Не менее ясно он понимает, что в правление Юстина II и Тиверия I основная опасность империи грозит с Востока, со стороны державы Сасанидов. «Но кесарь (Тиверий.— З. У.) ввиду того, что персидская война для него была все, и он притом отдавал

¹²⁹ В. Zášterová. Op. cit. p. 22 sq. Исследовательница считает труд Менаандра одним из важнейших источников по истории вторжений авар и их союзников-славян в Юго-Восточную Европу в VI в. (ibid., p. 4); ср. К. Lechner. Op. cit.; А. Kollautz. Die Avaren. Die Schichtung in einer Nomadenherrschaft.— «Saeculum», 5/2, 1954.

¹³⁰ Menandr., Excerpt. de legat. gent., fr. 30.

¹³¹ Ibid., fr. 32.

¹³² В. Zášterová. Op. cit., p. 15—44.

¹³³ Menandr., Excerpt. de legat. rom., fr. 15.

¹³⁴ Гепиды в изображении Менаандра столь же жадны, хитры и склонны к предательству, как и авары.

¹³⁵ Menandr., Excerpt. de legat. gent., fr. 25.

¹³⁶ Menandr., Excerpt. de legat. rom., fr. 19.

себя ей целиком, не был в состоянии послать туда [в Италию] войско, и он считал, что не следует одновременно с Востоком сражаться и на Западе»¹³⁷.

«Восточные» варвары, в частности арабские племена, жившие на юго-восточных границах империи, наделяются у Менаандра столь же отталкивающими чертами, как и «западные». Историк рассказывает с явной антипатией к арабам о длительности и непримиримости конфликта между Византией и арабскими племенами, вассалами Ирана. Конфликт возник из-за того, что арабы, получавшие дары от империи в правление Юстиниана, потребовали возобновления этих платежей и в царствование Юстина II. Встретив отказ, они всячески пытались использовать помощь персов против ромеев и, не достигнув успеха в дипломатических переговорах, возобновили набеги на те арабские племена, которые являлись союзниками Византии¹³⁸.

«Сарацинские племена, — пишет Менаандр, — исчисляются десятками тысяч, в своем большинстве ведут кочевой образ жизни и не имеют господ, однако подчинены государству ромеев, некоторые же — государству персов»¹³⁹.

Значительное место в труде Менаандра отводится дипломатическим взаимоотношениям Византии и Ирана. Он сообщает ценные сведения о форме правления, государственном устройстве, религии, администрации, титулатуре чиновников, посольском деле и способах ведения войны у персов¹⁴⁰. Иран у Менаандра предстает могущественной державой, правители которой строят обширные планы. По словам персидских послов, шахиншах Хосров мог, если бы пожелал, стать правителем всего мира¹⁴¹; одержать победу над любым врагом персы считают пустяковым делом¹⁴². Хотя подобные хвастливые речи словос отнюдь не импонировали ромеям, после побед Хосрова и захвата им Антиохии они вынуждены были их выслушивать.

Особенно интересно описание посольства Петра Патрикия к персам для заключения мира¹⁴³. Менаандр, как никто другой, с документальной точностью подробно освещает все перипетии

¹³⁷ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 25.

¹³⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹³⁹ *Ibidem.* Об арабских племенах и Византии в период раннего средневековья см.: *Н. В. Лигулевская.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964 (литература вопроса — стр. 313—328; о Менаандре см. стр. 13).

¹⁴⁰ Эти данные Менаандра об Иране неоднократно использовались в научной литературе: *Н. В. Лигулевская.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946; *её же.* Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. — ВВ, I, 1947, стр. 184—214; *её же.* Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв. — КСИВАН, 1955, вып. 14, стр. 46—57; *её же.* Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

¹⁴¹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹⁴² *Ibidem.*

¹⁴³ *V. Grecu.* Op. cit., p. 78—84.

переговоров Петра Патрикия со знатным вельможей Ирана Зихом Иедегуснафом. Он приводит длинные речи послов обоих государств, при этом тонко раскрывая дипломатические уловки, применяемые той и другой стороной. За пышной риторикой речей все время бьется острая мысль, ощущается желание сторон добиться поставленных целей, не уронив престижа своего государства.

Обе державы, как Византия, так и Иран, ищут мира, но ставят при переговорах различные задачи: Иран добивается длительного мира, причем при условии уплаты Византией большой суммы денег за его сохранение. Ромеи же, наоборот, стремятся к краткосрочному мирному договору и без уплаты за него денежных взносов.

Опираясь на военные успехи, Иран все же добивается своего: в 561 г. был заключен мир на 50 лет, притом на выгодных для персов условиях: хотя Лазика была оставлена Византии, ромеи должны были уплатить шаху Хосрову одновременно 30 тыс. золотых номисм.

Менандр предполагал текстом мирного договора 561 г. и сохранил его почти полностью. Он привел 14 пунктов договора и описал всю процедуру заключения мира. Эти страницы труда Менандра, бесспорно, имеют выдающееся значение для исследователей дипломатии раннего средневековья.

По окончании переговоров, когда стороны достигли договоренности по основным вопросам, был составлен мирный договор. Текст его был написан по-персидски и по-гречески, затем подлинники перевели один — на персидский язык, а другой — на греческий¹⁴⁴. Составляли договор от ромеев Петр Патрикий и Евсевий, от персов — Иедегуснаф, Сурина и другие. Затем оба текста сличили друг с другом¹⁴⁵.

Далее у Менандра следует почти текстуальное, лишь с небольшими сокращениями, изложение договора 561 г. Он включал в себя соглашение о ненападении и обязательство персов охранять Каспийские ворота и другие подступы к Византийской империи от вторжений гуннов и аланов; арабские племена — сателлиты Византии и Ирана — должны были воздерживаться от нападений на территории этих государств; охранялась свобода торговли при условии соблюдения таможенных правил и уплаты пошлин; контрабанда пресекалась. Общим сторонам вменялось заботиться о послах и курьерах того и другого государства; заключалось соглашение о перебежчиках — военнопленные возвращались на родину, перебежчики мирного времени выдавались властям покинутого ими государства; все тяжбы между гражданами обеих империй должны были решаться судебным путем в пограничных областях; запрещалось строить крепости в пограничном районе,

¹⁴⁴ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹⁴⁵ *Ibidem*.

а в Дарах сохранялся лишь небольшой гарнизон; все распри между городами обоих государств должны были разрешаться только в судебном порядке. Постановления договора скреплялись клятвами согласно обычаям обеих стран. Кроме того, договор скреплялся особыми сакрами (священными грамотами) императора ромеев и шахиншаха Ирана. В дополнительной статье договора устанавливалась свобода вероисповедания для персов, живущих в Византии, и для византийцев-христиан, обитающих в Персии ¹⁴⁶.

Чрезвычайно любопытна описанная Менандром процедура окончательного оформления мирного договора. Когда договор составили на двух языках и сняли с него копии, подлинники, представляющие собой свитки, скрепили восковыми печатями и другими приспособлениями, которыми обычно пользовались персы, а также отпечатками перстней послов и 12 толмачей: 6 греческих и 6 персидских. Затем произошел обмен текстами договора — договор, написанный на персидском языке, вручил Петру Зих, а Петр передал Зиху подлинник, составленный на греческом языке ¹⁴⁷. На этом церемония заключения договора была закончена, и послы разъехались по своим делам. Затем состоялась уплата ромеями персам установленной договором дани.

Несколько с меньшей точностью, хотя и столь же обстоятельно, освещены Менандром дальнейшие переговоры Византии и Ирана по поводу спора из-за Сванетии: империя требовала передачи ей Сванетии, как страны вассальной по отношению к Лазике, персы же долго не соглашались на это. Конфликт разрешился только путем выкупа византийцами Сванетии у персов за значительную сумму денег ¹⁴⁸. Эти переговоры вели после смерти Петра Патрикия Иоанн Коментиол, который потерпел неудачу и впал в немилость при императоре Юстине II ¹⁴⁹, а затем Тимофей. Переговоры по поводу Сванетии осложнялись столкновениями между Византией и Ираном из-за арабов и турок.

Менандр описывает и дальнейшие дипломатические сношения Византии и Ирана при Хосрове и Юстине II, столкновения этих государств из-за Армении ¹⁵⁰, заключение императрицей Софией перемирия после болезни Юстина, переговоры при Тиверии ¹⁵¹. Примечательно при этом признание Менандром того, что военные неудачи ромеев в войне с персами часто были вызваны неорганизованностью и недисциплинированностью самих византийских

---

¹⁴⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3.

¹⁴⁷ *Ibidem*. Естественно, во время переговоров и при подписании договора между послами происходили обмен подарками, пиры и взаимные угощения.

¹⁴⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3, 4, 6; Excerpt. de sent., fr. 11.

¹⁴⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 5—6.

¹⁵⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 20.

¹⁵¹ *Ibid.*, fr. 20, 21; Excerpt. de legat. rom., fr. 10—13.

войск и их военачальников¹⁵². Много ценных сведений сообщает писатель и о переговорах между Византией и Ираном о возобновлении 50-летнего мира на условии передачи персам персидской Армении и Иверии, а ромеям — Дары¹⁵³.

Перед читателем на фоне военных столкновений проходят длинной чередой «великие» и «малые» посольства Византии и Ирана при Тиверии. Вчитываясь в рассказ Менаандра о дипломатической борьбе этого времени, все явственнее ощущаешь упадок Византии. Хитроумие и опытность византийских послов, таких, как врач Захария и дипломат Феодор, уже не приносят империи желаемых результатов, наталкиваясь на все возрастающую несговорчивость персидских послов — Мебода и его соратников¹⁵⁴. Отношения между Византией и Ираном особенно ухудшились после смерти Хосрова и вступления на престол его сына Иездигерда, враждебно настроенного к государству ромеев. И хотя империя идет на такие уступки, как безвозмездная передача персидской Армении и Иверии Ирану, возобновить нарушенный персами мир 561 г. никак не удается.

У самого Менаандра растет в душе разочарование в реальной политической действительности дипломатических переговоров, все яростнее нападает он на лживость и велеречивость персидских дипломатов, все громче в его труде звучит мотив: в политике все решает сила, а не слова¹⁵⁵.

Поистине жемчужиной сочинения Менаандра, удивительным по свежести и красочности является описание посольства византийского дипломата Зимарха в страну турок. Этот рассказ, полный ярких деталей, в известной мере может соперничать с рассказом Приска о посольстве греков ко двору Аттилы.

К сожалению, мы не знаем, откуда взял Менаандр великолепный материал для своего повествования, но по жизненности и образности изложения он мало уступает повествованию очевидца и, видимо, почерпнут из устного рассказа какого-либо участника посольства или из каких-то дневниковых записей и других подлинных документов. Если бы Менаандр не написал ничего, кроме рассказа о посольстве Зимарха к хану Дизавулу, то и одним этим рассказом он прославил бы свое имя.

Первое знакомство византийцев с турками, обитавшими в далекой стране близ Байкала, произошло, согласно Менаандру, в 568 г., в правление Юстина II, когда в Константинополь прибыло посольство турок. Целью прибытия в Византию неожиданных варварских гостей было заключение союза между державой хана Дизавула и империей ромеев. Острие этого союза было направлено против соперника Византии — Ирана, с которым турки в ту пору

¹⁵² *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 13; Excerpt. de sent., fr. 38.

¹⁵³ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 24.

¹⁵⁴ *Ibid.*, fr. 20—21; Excerpt. de legat. rom., fr. 10—13.

¹⁵⁵ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 23—24.

непримиримо враждовали. Яблоком раздора между ними стал вопрос о торговле шелком в Иране согдийцев, подвластных туркам. Как для турок и Ирана, так и для Византии вопрос о транзитной торговле шелком был одним из узловых вопросов международной политики того времени ¹⁵⁶.

Хосров отверг просьбы согдийских послов о свободе торговли шелком и дважды оскорбил турок: первый раз сжег на глазах послов закупленный у них шелк, демонстрируя свое нежелание пользоваться материалом «турецкого происхождения», а второй раз несколько послов из посольства Мавиаха было коварно отравлено персами ¹⁵⁷. Убийство послов положило начало жестокой вражде турок и персов и заставило первых искать союза с ромеями.

К сближению с ромеями турок толкали и согдийцы, заинтересованные в налаживании торговли шелком с Византией. Поэтому-то турецкое посольство в Константинополе возглавлял тот же Маниах, столь неудачно выполнявший свою миссию в Иране. На этот раз переговоры шли успешно, Маниах был ласково принят во дворце императором, обе стороны обменялись богатыми дарами. Маниах привез Юстину II от Дизавула письменные послания, написанные на «скифском» языке (*τὰ ὑράμιατα Σκιθικόν*), которые император прочитал при помощи толмачей ¹⁵⁸. В числе подарков, привезенных византийцам из страны турок, было много драгоценного шелка. Между турецким послом и императором состоялся прелюбопытный разговор, переданный Менандром. Император расспрашивал Мавиаха и других послов о стране турок и образе их правления. Послы ответили, что их государством управляют четыре правителя, но власть над всем народом принадлежит одному Дизавулу. Послы хвастливо подчеркнули, что турки подчинили себе полностью гуннов-эфталитов. Это сообщение вызвало особый интерес василевса ромеев, и он стал расспрашивать послов о том, живут эфталиты в городах или

---

¹⁵⁶ *R. Hennig*. Die Einführung der Seidenraupenzucht in Byzantinerreich.— ВЗ, 33, 1933, S. 295—312.

¹⁵⁷ Обстоятельства смерти турецко-согдийских послов не совсем ясны. Существовало две версии их гибели. По одной, их смерть объяснялась естественными причинами: послы, жители северной страны, не выдержали жаркого климата Ирана и умерли от болезней. По другой версии, послов отравили по приказу шаха Хосрова. Эту версию и принял Менандр. Он одобряет прозорливость умного и опытного хана Дизавула, справедливо заподозрившего, что произошло убийство послов (*Menandr.*, *Excerpt. de legat. gent.*, fr. 7). Целью убийства, по Менандру, было стремление персов воспрепятствовать проникновению турок в их страну.

¹⁵⁸ *Menandr.*, *Excerpt. de legat. gent.*, fr. 7. Упоминание о грамотах турок, написанных на местном, «скифском» языке, имеет огромное историческое значение. Это известие Менандра привлекало особое внимание исследователей. См. *E. Chavannes*. Documents sur les Tou-kieu (Turcs) occidentaux. «Сборник трудов Орхонской экспедиции VI». СПб., 1903; *Л. Н. Гумилев*. Древние тюрки. М., 1967, стр. 44—46.

деревнях. Категорический ответ послов, что эфталиты — горожане и что ныне и турки владеют этими городами, заслуживает пристального внимания, меняя наше представление о гуннах-эфталитах ¹⁵⁹.

Византийского императора интересовало также, сколько авар ушло из-под власти турок и сколько их осталось жить в державе Дизавула. Ответ турецких послов тоже весьма примечателен: бежало из-под владычества турок, по их словам, около 20 тысяч авар; известное же число их осталось в турецком каганате ¹⁶⁰. Интерес византийского правительства как к гуннам-эфталитам, так и к аварам вполне объясним: ведь в VI в. это были опасные враги Византии, неоднократно нападавшие на границы империи, и сведения об этих народах представляли для византийцев особую ценность.

Переговоры Юстина II с посольством Маниаха закончились предварительным заключением соглашения о дружбе и наступательном союзе между византийцами и турками: турки обещали своими войсками защищать империю от нападения любых врагов, грозящих ей со стороны той части материка, которая им подвластна. Договор был скреплен клятвами послов турок. «Вот каким образом, — заключает свой рассказ Менандр, — народ турок стал дружественным ромеям» ¹⁶¹.

Вскоре византийское правительство решило еще более упрочить дружеские связи с державой турок и с этой целью отправило на далекий Алтай, ко двору хана Дизавула, византийское посольство, во главе которого стоял опытный дипломат, киликиец родом, стратег городов Востока — Зимарх ¹⁶².

Описание посольства Зимарха в страну турок принадлежит к лучшим страницам сочинения Менандра.

Посольство Зимарха, сопровождаемое Маниахом и его спутниками, хорошо снарядившись для дальнего путешествия, выехало из Константинополя в августе 568 г. Путь предстоял долгий и трудный, и немалые опасности подстерегали путешественников в неведомых странах.

На своем пути византийские послы встречали множество племен и народов: согды в своих селениях предложили им для покупки железо, желая внушить послам, что в их стране есть железная руда ¹⁶³. Там же византийцы встретились с местными шаманами, которые совершили над Зимархом и его свитой обряд очищения. Разведя костер из веток благовоного дерева, они стали плясать под звон колокольчика и барабана, шептать заклинания на «скиф-

¹⁵⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 7; Л. Н. Гумилев. Эфталиты и их соседи в IV веке.— ВДИ, 1959, № 1, стр. 129—140.

¹⁶⁰ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 7.

¹⁶¹ *Ibidem.*

¹⁶² *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 7.

¹⁶³ *Ibid.*, fr. 8.

ском» языке, носить над привезенной чужестранцами ношей зажженные ветки и, вдав в исступление, заклинали злых духов. Отогнав, как они думали, нечистую силу, они провели самого Зимарха прямо через пламя костра, считая, что таким путем они подвергли очищению и его, и самих себя ¹⁶⁴.

После обряда очищения посольство Зимарха, завершив многодневный путь, было доставлено, в сопровождении проводников-туземцев, на Золотую гору, где находилась резиденция самого Дизавула ¹⁶⁵.

Шатер его был разбит в расселине Золотой горы; он был сооружен из искусно расцвеченных шелковых тканей и отличался сказочной роскошью. В знак почтения к византийским послам Дизавул принял их у себя немедленно после прибытия. Он торжественно восседал внутри шатра на двухколесном золотом кресле, которое тащила, когда в этом бывала надобность, лошадь. После обычного обмена приветствиями, вручения послами даров от василевса ромеев и произнесения дружественных речей началось пиршество, длившееся целый день. Во время пира греческих послов угощали не виноградным вином, а каким-то местным варварским сладким напитком, ибо виноград не произрастал в стране турок.

На следующий день пир возобновился, но на этот раз он происходил в другом шатре Дизавула, еще более искусно разукрашенном шелковыми узорчатыми одеждами. В шатре стояли разные причудливые истуканы — кумиры язычников-турок, а каган восседал на золотом ложе. Посредине шатра была расставлена драгоценная утварь: калпиды, кропильница, пифосы, по терминологии Менандра, все — из чистого золота. И в этот день веселье в шатре длилось много часов.

Пир был продолжен и на третий день. Чтобы еще более поразить воображение ромейских послов блеском и богатством двора Дизавула, на третий день их пригласили в помещение, где находились деревянные столбы, обитые золотом, ложе, выкованное из золота, которое держали в висячем положении четыре золотых павлина. В передней части этого помещения, сообщает Менандр, на значительном пространстве были рядами выстроены телеги, на которых находилось большое количество серебра, как блюда, так и вазы, кроме того, очень много изображений четвероногих, также серебряных, ни в коей мере не уступающих тем, что изго-

---

¹⁶⁴ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 8.

¹⁶⁵ *Ibidem.* Сведения Менандра о турках неоднократно были предметом изучения в специальной литературе. См.: *F. H. Parker. The Origin of the Turks.* — «The English Historical Review», 11, 1896, p. 431—445; *J. B. Bury. The Turks in the Sixth Century.* — «The English Historical Review», 12, 1897, p. 417—426; *A. Hermann. Alte Geographie des interen Oxusgebietes.* — «Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-hist. Klasse», N. F., XV, 4, 1914.

товлялись в Византии. «Вот какая роскошь, — заключает свой рассказ Менадр, — имеется у предводителя турок»¹⁶⁶.

По окончании переговоров Зимарх с 12 слугами отправился вместе с Дизавулом в поход против персов, а остальные ромеи через страну холиатов пустились в обратный путь на родину. Дизавул богато одарил всех послов, а самому Зимарху подарил служанку-пленницу.

Во время путешествия Дизавул повстречал послов персов и принял их одновременно с послами ромеев, но первых осыпал упреками, а вторым оказал особые почести. Это проявилось, в частности, и в том, что на пиру ромейские послы возлежали на более роскошной циновке, чем послы персов¹⁶⁷.

Не договорившись с персами, Дизавул двинулся в глубь их владений, а Зимарха и его спутников в сопровождении нового турецкого посла Тагмы, сменившего умершего Маниаха, отправил вместе с ромеями в Константинополь. Посольство Зимарха завершилось заключением союза и договора о прочной дружбе между турками и Византией.

С огромными трудностями преодолев долгий путь, где его постоянно подстерегали опасности, Зимарх благополучно возвратился в Константинополь.

Во время путешествия Зимарх и его спутники повидали многие страны, познакомились с различными неизвестными для ромеев племенами и народами, в том числе с народами Средней Азии и Кавказа, в частности с алапами¹⁶⁸.

При всей доброжелательности к туркам, союзникам Византии против Ирана, Менадр, следуя за своим неизвестным нам источником, не умалчивает и об отрицательных сторонах жизни турецких племен, с которыми познакомился Зимарх.

Византийских послов, бесспорно, поразило богатство турок, изобилие у них золота, серебра, драгоценной утвари, шелковых тканей, произведений мелкой пластики, по мастерству изготовления не уступавших творениям византийских художников. Все увиденное посольством Зимарха и рассказанное Менадром свидетельствует о высокой материальной культуре тюркских и других народов, населявших Алтай в VI в.

Вместе с тем Менадр отмечает такие качества турок, как хитрость, жестокость, суеверность. «Скифское племя (в данном случае турки. — З. У.) коварно и изменчиво»¹⁶⁹.

---

¹⁶⁶ *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 8.

¹⁶⁷ *Ibidem.*

¹⁶⁸ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 8—9; *S. Marki. Dizabul népe.*— «Turan», 7, 1924, p. 1—11; *L. Ligeti. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis.*— *KCsA*, 1, 1921—1925, S. 369—383; *L. Bendefy. Zemarkhosz és Valentinus követségjárása.*— «Földrajzi közlemények», 69, 1941, p. 164—179.

¹⁶⁹ *Menandr.*, Excerpt. de legat., fr. 19.

По живости изложения и правдивости описания рассказ Менандра о первом знакомстве Византии с Первым тюркским каганатом — явление выдающееся в ранней византийской историографии. Недаром до наших дней этот рассказ используется как главный источник по истории древних тюркских народов, и многие сведения Менандра нашли подтверждение в археологических открытиях последних лет и восточных, в частности китайских, летописях ¹⁷⁰.

Союз с Первым тюркским каганатом был вновь возобновлен в правление Тиверия, когда к туркам было снаряжено новое «великое» посольство ромеев, во главе которого стоял один из императорских телохранителей — Валентин. После длительного и трудного пути византийское посольство прибыло к одному из предводителей турок, сыну Дизавула — Туркасанфу. На этот раз ромеев ожидал в ставке турецкого правителя холодный прием. Туркасанф упрекал ромеев в обмане и коварстве: «Но и вы, послы, являетесь ко мне, облеченные в ложь, а пославший вас равным образом — природный обманщик», — заявил он Валентину и его спутникам. Гнев турецкого правителя был вызван тем, что греки без его ведома заключили союз с аварами, бывшими подданными турок, бежавшими от их владычества на Запад. Речь Туркасанфа отличалась заносчивостью и бахвальством. Он угрожал растоптать копытами коней всех беглых авар, как муравьев, говорил, что подчинил племена алан и утигуров и их теперешний удел — удел рабов. Кроме того, он упрекал ромеев за то, что они скрывают от турок кратчайший и наиболее удобный путь в империю, которым прошли авары, через Данапр (Днепр), Истр (Дунай) и Евр. Разгневанный турецкий каган угрожал убить ромейских послов ¹⁷¹.

Валентину миролюбивыми речами и обещаниями прочного мира удалось смягчить Туркасанфа, но тот потребовал, чтобы греческие послы приняли участие в погребальной церемонии его отца и в знак траура по недавно умершему Дизавулу, согласно обычаю турок, изранили себе щеки мечами. Послы ромеев покорно выполнили это требование и изрезали щеки своими небольшими мечами. Во время погребальных церемоний ромеи наблюдали, как турки принесли в жертву четырех пленных гуннов вместе с конями умершего кагана.

По окончании переговоров Валентин отбыл внутрь страны турок и, подобно Зимарху, отправился к Золотой горе, где правителем был родственник Туркасанфа по имени Тарду. Но турки

---

¹⁷⁰ Л. Н. Гумилев. Великая распря в тюркском каганате. — ВВ, XX, 1961, стр. 75—89. Автор попытался, сопоставив китайские и другие восточные источники с византийскими, уточнить родословную тюркских каганов и время распада Первого тюркского каганата. См. Л. Н. Гумилев. Древние турки, стр. 44—46, 53—56, 83—86.

¹⁷¹ Menandr., Excerpt. de legat. rom., fr. 14.

неожиданно и вероломно напали с большим войском на город Боспор в Причерноморье и стали угрожать Византии. А вскоре Туркасанф захватил послов ромеев и после множества оскорблений отпустил их с чем в Византию¹⁷².

В дальнейшем Византия пыталась устрашить авар, осаждавших Сирмий, угрозой нападения на них турок, если авары двинутся за Дунай на славян, но эта угроза не возымела действия на аварского кагана Вайана¹⁷³.

Итак, Менаандр, как почти все ранневизантийские авторы, включает в свой труд сведения первостепенной важности о взаимоотношениях Византии с варварским миром. При этом, читая сочинения ранневизантийских авторов, можно составить наглядное представление о смене наиболее опасных врагов Византии в течение VI столетия. Если при Юстиниане (у Прокопия и отчасти Агафия) наряду с восточными войнами и постоянным соперничеством с Ираном еще видную роль во внешней политике Византии играет Запад и отношения с готами, вандалами, франками, то, по данным Менаандра, в дипломатической и военной борьбе второй половины VI в. центральное место, бесспорно, отводится восточным народам — персам и туркам или варварам, прибывшим с севера и востока (аварам и их союзникам — славянам). Западные дела большого влияния на внешнюю политику этого периода не оказывают.

Соответственно и Менаандр сообщает наиболее ценные сведения прежде всего о турках, аварах, персах, отчасти славянах и в значительно меньшей степени о лангобардах, франках и гепидах.

* * *

По своему мировоззрению Менаандр был идеологом той части византийской чиновной интеллигенции, которая подчеркнуто лояльно относилась к правлению преемников Юстиниана. Эта интеллектуальная элита была тесными узами связана с внешней политикой империи, выполняла различные дипломатические поручения правительства и пользовалась политическим покровительством и материальной поддержкой правящих кругов при императорах Тиверии и особенно Маврикии.

По своему общественному положению Менаандр стоял значительно ниже на иерархической чиновной лестнице, чем Прокопий, и в то же время был менее интеллектуально утончен и образован, чем Агафий. Язык и стиль сочинения Менаандра во многом уступают строгой логичности и простоте Прокопия и элегантно изысканности Агафия. Менаандр, сам ненавидя пустословие и риторику, порою крайне многословен, а иногда его слог настолько

¹⁷² *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 14; *L. Bendefy.* Op. cit., p. 175—179.

¹⁷³ *Menandr.*, Excerpt. de legat. gent., fr. 31.

туманев, что некоторые его сентенции выглядят неуклюже и кажутся слишком напыщенными. Менандр в гораздо меньшей степени, чем Агафий и Прокопий, прибегает к античным реминисценциям: лишь однажды он упоминает Гомера и один раз Гесиода ¹⁷⁴. Стихотворные же его упражнения никакой поэтической ценности не имеют ¹⁷⁵.

И все же, несмотря на явные недостатки, труд Менандра, даже в отрывках, представляет для науки немалую ценность. Писатель добросовестно собрал уникальные факты о различных странах и народах, с которыми общалась Византия в его время, изложил события с достаточной политической объективностью и научной добросовестностью и благодаря этому занял заметное место среди других византийских историков VI в.

---

¹⁷⁴ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 8, 27.

¹⁷⁵ *H. Kallenberg*. Bausteine für eine historische Grammatik der griechischen Sprache.— «*Rheinisches Museum*», 72, 1917—1918, S. 480—518; 73, 1920—1924, S. 324—342; 74, 1925, S. 64—114.

ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА

Биография писателя
и общая оценка его исторического труда

В византийской историографии раннего периода Феофилакт Симокатта занимал видное место, поэтому вполне естественно, что его творчество привлекало внимание многих исследователей¹. В византиноведческой науке немало было сделано для выяснения достоверности исторического сочинения этого писателя: определялся круг источников, какими он пользовался, и проводился текстологический анализ его произведения², критически проверялась хронология труда Симокатты³.

Усилия ученых были направлены также на установление исторической ценности сообщений Феофилакта о различных странах и народах, на проверку географических и топонимических данных⁴.

¹ *E. Stein*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1949; *N. Irga*. Médaillons d'histoire littéraire byzantine.— *Byz.*, 2, 1925, p. 245—248; *Gy. Moravcsik*. Byzantinoturcica, I, S. 544—548; *G. Ostrogorsky*. History of the Byzantine State. New Brunswick — New Jersey, 1957, p. 23.

² *Gy. Moravcsik*. Op. cit., I, S. 545; *H. В. Пугулевская*. Феофилакт Симокатта и его «История». — В кн.: *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957, стр. 41 сл.; *Th. Nissen*. Zum Text der Historien des Theophylactos Simokattes. *EngJb.*, 17, 1939—1943, S. 23—42; *I. Dujcev*. Zu Theophylactos Simokattes II, 11 und VI, 5. — *BZ*, 41, 1941, S. 1; *V. Besevliev*. Zwei Randnotizen zu Theophylaktos Simokattes. — *BZ*, 43, 1950, S. 257—258.

³ *J. В. Iury*. The Chronology of Theophylactus Simokatta. — «The English Historical Review», 3, 1888, p. 310—315; *M. J. Higgins*. The Chronology of Theophylactus Simocatta, VIII, 1. 1—8. — «Orientalia Christiana Periodica», 1947, 13, № 1—2, p. 219—232; *G. Labuda*. Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin du VIe s. — *BSI*, XI, 2, 1951, p. 167—173; *M. J. Higgins*. The Persian War of the Emperor Maurice (582—602), I. The Chronology With a Brief History of the Persian Calendar. Washington, 1939.

⁴ *H. W. Jaussig*. Theophylakts Excurs über die skythischen Völker. — *Byz.*, 23, 1923, p. 275—462; *J. A. Boodberg*. Theophilactus Simocatta on China. — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 3, 1938, p. 223—243; *M. J. Higgins*. The Persian War of the Emperor Maurice; *M. Marković*. Varia ad Theophylactum Simocattam. — «Гласник Српске Академије Наука», I, 3, 1949, стр. 53; *B. Grafenauer*. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja juznih Slovanov. — *Zgodovinski časopis*, IV. Ljubljana, 1950; «Византиски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955.

Изучались, кроме того, стилистические особенности и язык его сочинения⁵.

В византиноведческой литературе ставился вопрос и о мировоззрении этого писателя. При этом длительное время господствовало представление о Феофилакте Симокатте как продолжателе античных историографических традиций на византийской почве. Считалось, что, подобно своим предшественникам—Прокопию, Агафию и Менадру, он преклонялся перед античной культурой и, несмотря на то что был христианином ортодоксального направления, относился равнодушно к религиозным спорам своего времени⁶. Лишь в последние годы эта точка зрения начала подвергаться критическому пересмотру в связи с общей дискуссией по вопросу о борьбе язычества и христианства в ранней Византии⁷.

Недавно была сделана попытка проанализировать отношение к античности и христианству Аммиана Марцеллина, Малха Филadelphийца, Зосима, Менадра, Прокопия, Агафия и Феофилакты Симокатты. Изучив, как эти писатели употребляют языческую и христианскую терминологию, ученые пришли к выводу, что зависимость ранневизантийских историков от античных традиций была менее значительной, чем думали раньше⁸. Дискуссия по этим проблемам еще далека от завершения. Думается, однако, что не следует сводить спор преимущественно к вопросу о борьбе языческой и христианской идеологий. Необходимо связать воедино политические и религиозно-философские взгляды Феофилакты Симокатты и установить их социальную направленность.

Феофилакт Симокатта был современником и политическим сторонником императора Ираклия (610—641). Уроженец Египта, Феофилакт происходил из знатной семьи. Во всяком случае, он имел родственные связи в высших кругах византийского общества. Наместник Египта Петр был его родственником и, видимо, покровителем⁹. Блестящее образование, полученное Симокаттой — скорее всего, в Александрии и Афинах¹⁰, — свидетельствует о состоятельности его семьи. Еще юношей Феофилакт увлекался античной философией, риторикой и классической литературой.

⁵ J. Eibel. Der Sprachgebrauch des Historikers Theophylactos Simokattes. Progr. Schweinfurt, 1898; N. H. Baynes. The Literary Construction of the History of Theophylactos Simocatta.—«Xenia». Hommage international a l'Université Nationale de Grèce. Athènes, 1912, p. 32—41.

⁶ Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 544—545; H. В. Пугачевская. Феофилакт Симокатта., стр. 15; O. Veh. Untersuchungen zu dem byzantinischen Historiker Theophylaktos Simokattes.—«Wissenschaftliche Beilage zum Jahresberichte 1956/1957 des Humanistischen Gymnasiums». Bayern, 1957.

⁷ A. Momigliano. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D.—In: «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century», ed. A. Momigliano. Oxford, Clarendon, 1963; A. Pertusi. L'atteggiamento spirituale della più antica storiografia bizantina.—«Aevum», 30, 1956.

⁸ Av. and Al. Cameron. Historiography of the Late Empire.—«Classical Quarterly», N. S., 14, 1964, № 2, p. 316—328.

⁹ Theophylacti Simocattae Historiae, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, VIII, 13, 12.

¹⁰ N. Iorga. Op. cit., p. 245—248.

Примечательно, что в отличие от столь же образованных историков — Прокопия, Агафия и Менандра, занимавшихся преимущественно гуманитарными науками, — Симокатта получил солидное образование и в области естествознания. Увлечение естественными науками объясняет тот факт, что в литературное наследство Симокатты, наряду с историческим сочинением и письмами риторического характера ¹¹, вошел «*Quaestiones physicae*»¹².

Свое историческое произведение ¹³ Теофилакт Симокатта написал, по-видимому, между 628 и 638 гг.¹⁴ К сожалению, это сочинение Симокатты осталось незаконченным — оно обрывается на трагических событиях 602 г., связанных с казнью императора Маврикия и воцарением Фоки.

Источники Симокатты весьма разнообразны: это и труды античных авторов, преимущественно Геродота и Диодора, и сочинения ранних византийских историков — Иоанна Лиды, Прокопия, Евагрия, Менандра и, возможно, Иоанна Епифанийского. Не исключено, что именно утраченное сочинение Иоанна Епифанийского было одним из главных источников Теофилакта. Утрата этого труда — большая потеря для византийской историографии. Судя по сохранившимся фрагментам (предисловию к началу первой книги), а также по упоминаниям современников, этот труд был написан со знанием исторического материала: его создал очевидец событий, основывавшийся на личном опыте ¹⁵.

¹¹ Письма Теофилакта Симокатты получили широкую известность благодаря их переводу на латинский язык, сделанному Коперником (*Th. Nissen. Die Briefe des Theophylaktos Simokattes und ihre lateinische Übersetzung durch Nikolaus Copernicus.* — *BNGJb.*, 13, 1937, S. 17—56; *И. И. Толстой.* Коперник и его латинский перевод «Писем» Теофилакта Симокатты. — В кн.: «Николай Коперник». М.—Л., 1947, стр. 63—83; *Theophylactus Simocatta.* Listy. Wrocław, 1953.

¹² *Teofilatto Simocata. Questioni Naturali a cura di Lidia Massa Positano.* — «*Collana di Studi Greci*», XXIII—XXIV, 2 ed. Napoli, 1965; *L. Massa Positano.* La tradizione manoscritta delle *Quaestiones Physicae* di Teofilatto Simocata. — «*Collana di Studi Greci*», XXIII. Napoli, 1953; *M. Marković.* О изворима *Quaestiones physicae* Теофилакта Симокате. — «*Жива антика*», IV, 1, 1954, стр. 120—135.

¹³ *Th. Nissen.* Zum Text der Historien des Theophylactos Simokattes. — *BNGJb.*, 17, 1939—1943, S. 23—42.

¹⁴ Время написания «Истории» устанавливается по следующим данным: в ней упоминается о смерти шаха Хосрова II в 628 г., а в «Диалоге философии с историей», написанном после создания «Истории», есть намек на патриарха Сергия, который умер в 638 г. (*Н. В. Пизулевская.* Теофилакт Симокатта..., стр. 13).

¹⁵ *Historici Graeci Minores*, I. Lipsiae, 1870, p. 375—382. О жизни Иоанна Епифанийского известно очень немного — только то, что рассказывает он сам о себе в предисловии к своей книге и что сообщает о нем Евагрий в «Церковной истории». Иоанн происходил из Епифании Сирийской и был советником антиохийского патриарха Григория. В этой должности он участвовал в переговорах с Хосровом II. Позднее ему довелось посетить Иран в свите патриарха Григория, ездившего туда для заключения мира. Следовательно, Иоанн знал о положении дел в сирийской церкви, а также о взаимоотношениях Византии и Ирана. Поэтому вполне естественно, что в центре его исторического повествования оказались ирано-византийские

Кроме сочинений указанных авторов Симокатта имел в своем распоряжении и документальные материалы — консульские анналы, протоколы дел цирка и другие ценные источники. Как и другие писатели, много сведений он черпал и из устных рассказов современников ¹⁶.

Подобно другим представителям светского течения в византийской историографии раннего периода, Феофилакт Симокатта основное внимание уделяет внешнеполитической истории Византии. Собственно говоря, с достаточной полнотой у него освещены только две темы: войны, которые вела империя в конце VI — начале VII в. со своим главным соперником на Востоке — Сасанидским Ираном, и войны Византии на Балканах против необычайно усилившихся в это время варваров — авар и славян. Несмотря на изменчивость военного счастья и отдельные победы византийского оружия, в целом для империи это был тяжелый период ее истории, период постепенного, но неуклонного ослабления на международной арене и глубокого упадка внутри страны. Изложение в «Истории» Феофилакта ведется в хронологической последовательности, а место действия меняется в зависимости от изменения театра войны. В византийскую историографию Симокатта вошел преимущественно как историк персидских войн рубежа двух столетий. Осведомленность писателя в этой сфере не подлежит сомнению; не исключено даже, что он в какой-то степени владел персидским и сирийским языками. Во всяком случае, в его труд включены персидские документы в греческом переводе и использованы данные устных информаторов, в частности некоего перса-христианина, сообщившего писателю сведения, почерпнутые из анналов персидских шахов ¹⁷.

Повествование Феофилакта перегружено деталями, порою малозначащими, но в целом фактический материал, как по истории Византии, так и Ирана достаточно добротен, ошибок в хронологии, именах и географических названиях сравнительно мало ¹⁸.

войны 571—572 и 592—593 гг. Одним из источников Иоанна Епифанийского, возможно, был труд Менаандра. В свою очередь, «История» Иоанна Епифанийского сама послужила источником для Евагрия, Феофилакты Симокатты и позже для Анны Комниной. Утраченный труд Иоанна, видимо, был первоклассным историческим источником. Даже сохранившийся его фрагмент проливает новый свет на взаимоотношения Византии и Ирана в 70-х—90-х годах VI в. (*Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 317; O. Adamek. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius (582—602), II. Program. Graz, 1891, S. 7—19; Н. В. Пугулевская. Феофилакт Симокатта..., стр. 15—17).*

¹⁶ *Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 544.*

¹⁷ *Theoph. Simocatta. Hist., I, 2.5; Н. В. Пугулевская. Феофилакт Симокатта..., стр. 18.*

¹⁸ *J. V. Bury. The Chronology of Theophylact Simocatta, p. 310—315; M. J. Higgins. The Persian War of the Emperor Maurice, p. 13, 72—73; Н. В. Пугулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946; P. Goubert. Byzance avant l'Islam. I. Byzance et l'Orient. Paris, 1951.*

Несколько меньше осведомлен автор о славянах и аварах, но и здесь его сведения почти уникальны из-за крайней скудости источников того времени¹⁹.

Труд Симокатты, однако, ценен и для изучения внутренней истории Византии на рубеже двух столетий. В нем вольно, а скорее невольно, отразилась необычайно острая классовая борьба, восстания в византийской армии, движения димов и факций в Константинополе, борьба за престол и захват власти Фокой при помощи солдат и столкновения димов.

Как и его предшественники — Прокопий и особенно Агафий, — Феофилакт Симокатта чрезвычайно высоко оценивает занятие историей. Свой взгляд на роль истории в жизни человечества он излагает в широко известном «Диалоге философии с историей» и во введении к историческому труду. По его мнению, философия — царица наук, а история — ее любимая дочь. Самое важное, что создано человеческим разумом, — это история; слуху она дает великое удовольствие, для души же она лучший учитель и воспитатель. Для людей любознательных нет ничего более привлекательного, чем история. История является общей наставницей всего человечества. Рассказывая о бедствиях героев прошлых времен, она делает людей более предусмотрительными, а восхваляя их удачи, помогает стать счастливыми, указывая путь от скромных дел к вершинам великих подвигов. «Для старца служит она как бы поводирем и посохом, для юношей — лучшим и мудрейшим наставником, своей опытностью словно украшая молодость сединою мудрости...»²⁰.

В «Диалоге философии с историей» и во введении к «Истории» особенно ярко обнаруживается влияние на автора античных литературных традиций. Софистические рассуждения²¹ сочетаются с блестящей, но несколько утомительной риторикой. Однако даже здесь античные реминисценции не могут скрыть политических настроений писателя, которые прорываются сквозь завесу напыщенного красноречия. Политические симпатии и антипатии Симокатты выражены в его труде с предельной ясностью. Симокатта — сторонник законных правителей Тиверия, Маврикия и Ираклия и непримиримый враг узурпатора, «тирана», и «кентавра» Фоки. Философия была предана изгнанию, история умерла, пишет Симокатта, как только вторгся в императорский дворец этот калидонский тиран, закованный в железо, этот полуварвар из племени киклопов, этот распутный кентавр, облекшийся в незаягнанное величие царского пурпура, для которого царская власть была лишь ареной для пьянства²². Лишь Гераклиды (династия Ираклия.—З. У.), очистив от этого исчадия ада —

¹⁹ G. Labuda. Op. cit., p. 167—173; B. Grafenauer. Op. cit., p. 124.

²⁰ Theoph. Simocatta. Hist., praef., 15.

²¹ Th. Nissen. Das Prooemium zu Theophylaktos Historien und Sophistik.—BNJb, 15, 1939, S. 3—13.

²² Theoph. Simocatta. Hist., Dialog., 4.

Фоки — дом царей, вновь возродили науки, вернули философию в царский дворец, воскресили историю, извлекли ее из могилы молчания²³.

Симокатта не жалеет самых черных красок, рисуя невероятную жестокость и коварство Фоки²⁴; государственный переворот, возглавленный Фокой, изображается Феофилактом крайне тенденциозно. Фока ненавистен историку, как тиран, поднявший на восстание войска и народные массы Константинополя. Особенно раздражает историка поддержка Фоки константинопольскими димами, в частности партией прасинов²⁵. Антитезой злодею и узурпатору Фоке в труде Симокатты выступает законный правитель — благочестивый император Маврикий. Однако образ Маврикия, созданный историком, во многом противоречив. Если портрет Фоки нарисован лишь одной черной краской, то Маврикий соединяет в себе великодушие и щедрость мецената²⁶ с расчетливостью скопидома²⁷, поразительное мужество перед лицом мучительной казни²⁸ с малодушием во время войн и народных восстаний²⁹.

Критика Маврикия, однако, звучит в устах Симокатты не как обличение, а скорее как сожаление о слабости злосчастного монарха, не сумевшего противостоять кровавому узурпатору и восставшему народу. Эта критика не исключает политической лояльности историка в отношении законной монархической власти.

---

²³ *Theoph. Simocatta. Hist., Dialog., 6—11.*

²⁴ Симокатта приводит в доказательство коварства Фоки известие о том, что узурпатор погубил всех своих союзников, содействовавших ему в захвате власти, ибо «не может совместное участие в преступлении создать прочной дружбы между преступниками» (*Theoph. Simocatta. Hist., VIII, 15, 8*).

²⁵ *Theoph. Simocatta. Hist., VIII, 9, 4—9.*

²⁶ Маврикий, по словам Симокатты, был страстным любителем наук и искусств, высоко ценил и награждал образованных людей, достигших вершин знания (*Theoph. Simocatta. Hist., VIII, 13.16*). Порою он был щедр и милостив в отношении подданных: так, он сложил с населения третью часть налогов и даровал византийцам 30 талантов для ремонта водопроводов (*ibid., VIII, 13, 17*).

²⁷ Историк с осуждением говорит о чрезвычайной скупости Маврикия; причиной восстаний в армии, по его словам, был закон Маврикия, изданный весной 588 г., об уменьшении на четвертую часть военной анноны, выдаваемой солдатам (*ibid., VII, 1.1—6*). Император постоянно требовал посылки в Константинополь для себя и своих детей захваченной на войне добычи (*ibid., VII, 7.6—7*). Непосредственным поводом к восстанию в армии в 602 г., которое закончилось государственным переворотом, было безрассудное требование Маврикия, чтобы солдаты дунайской армии зимовали за Дунаем и сами добывали средства для своего пропитания. Таким образом, скупость — этот «акрополь бедствий» — послужила причиной гибели Маврикия (*ibid., VIII, 6.2; 7.2—7*).

²⁸ Симокатта описывает гибель Маврикия прямо-таки в житийных тонах, превознося мужество и величие души императора, которому суждено было перед смертью увидеть мучительную казнь своих детей (*ibid., VIII, 11, 2—6*). См. ниже, стр. 291—292.

²⁹ *Ibid., VIII, 7. 8—11; 8. 15; 9. 7—12.*

Социально-политические воззрения

Ни в одном сочинении византийских историков раннего времени мы не встретим столь законченного образа идеального императора, как в произведении Симокатты. Речь Тиверия, обращенная к его преемнику Маврикию, — по существу изложение политического кредо самого писателя. Она содержит не только обычные восхваления императорской власти, но и целую стройную программу поведения мудрого государя — философа на троне.

Первой заповедью дальновидного монарха в его деятельности, по мнению Симокатты, должно быть благоразумие. «Держи в узде разума произвол своей власти, — поучает историк, — с помощью философии, как рулем, управляй кораблем своей империи»³⁰.

Второй заповедью является скромность. «Бойся думать, что ты превосходишь всех умом, если судьбой и счастьем ты поставлен выше всех»³¹. Стремись заслужить не страх, а расположение своих подданных, лъстивым речам предпочитай упреки — они лучший наставник жизни, хотя императорская власть и не любит наставлений и не хочет принимать руководства собою³².

Третья заповедь — справедливость. «Пусть перед твоими глазами вечно находится справедливость, которая по поступкам нашим воздает нам достойную награду»³³. Император должен сочетать справедливость и доброту с разумной предусмотрительностью. «Пусть кротость управляет твоим гневом, а страх — благоразумием»³⁴.

Своей властью государь должен распоряжаться мудро и ни в коем случае не злоупотреблять ею. Подданные обязаны подчиняться законному правительству, в противном случае их ждет заслуженная кара, но правитель не имеет права использовать свою власть во вред народу³⁵.

Выполнить свой долг перед государством и подданными василевс, однако, может, лишь осознав тщету всего земного, быстротечность и суетность жизни, преходящий характер счастья и власти на земле. «Будучи любителем мудрости, считай, что эта порфира — дешевая тряпка, которой ты обернут, а драгоценные камни твоего венца ничем не отличаются от камешков, лежащих на берегу моря»³⁶.

В так называемом завещании Тиверия поражает не только философский скептицизм, признание бренности мира, но и четко выраженная политическая идея ограниченности императорской власти. За внешним могуществом монарха скрывается не что иное,

³⁰ Ibid., I, 1.16.

³¹ Ibidem.

³² Ibid., I, 1.17.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid., I, 1.18.

³⁵ Ibid., I, 1.19—20.

³⁶ Ibid., I, 1.18.

как «блестящее рабство». «Мрачен цвет пурпура, и государи должны быть сдержанны в благополучии, не терять разума в счастье, не предаваться гордости из-за злосчастного царского одеяния: ведь императорский скипетр говорит не о праве на полную свободу действий, а о праве жить в блестящем рабстве»³⁷. Но ограничивают власть императора, по мнению историка, не какие-либо реальные политические силы, а божественное провидение.

В речи Юстина II к Тиверию Симокатта продолжает размышления об императорской власти. Теперь от идеального императора он требует прежде всего христианского благочестия и милосердия. Императора, пишет Феофилакт, возвеличивает бог, следовательно, он же может отнять у него власть, поэтому первейший долг государя почитать бога. Василевс не должен радоваться пролитию крови, он не может быть участником убийства и воздавать злом за зло. За совершенные злодеяния ему постоянно угрожает божественное возмездие³⁸.

При сравнении политического завещания Тиверия и речи Юстина II бросается в глаза различие между ними. Если первое написано в духе античных традиций, то вторая облечена уже в одежды христианского смирения. Вместе с тем, дополняя друг друга, они дают возможность глубже понять политические взгляды Симокатты.

Феофилакт, как его предшественники, в частности Прокопий³⁹, Агафий⁴⁰ и Менандр⁴¹, выступает против всякой тирании. Власть предоставлена государю не для тиранического правления, а на благо подданных, подобно тому, как «жалю дано царю пчел не для тирании, но скорее на пользу народа и справедливости. Так вот будем подражать хоть ему, если наш разум не может дать нам лучших указаний»⁴².

Симокатта — противник всякого насилия, хотя с горечью признает его необходимость. «Там, где есть насилие, — пишет он, — жизнь не может идти без вражды и брани»⁴³.

Такова политическая доктрина Феофилакта Симокатты, нашедшая воплощение в идеальном образе верховного правителя империи.

³⁷ *Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 1. 18.

³⁸ *Ibid.*, III, 11.8 — 13. В этом наставлении даются императорам еще некоторые полезные практические советы: государь обязан заботиться о войнах, быть со всеми внимательным, как с самим собой, не приближать клеветников. При мудром правителе имеющие богатство пусть спокойно им наслаждаются, а бедняков император должен щедро одаривать (*ibid.*, III, 11.9—11). См.: В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверию. — «Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук», т. 2, 1928, стр. 120—127; J. Straub. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Diss. Berlin, 1938.

³⁹ *Procop.*, Hist. arcana, VII, 31.

⁴⁰ *Agath.*, Hist., II, 30; IV, 7; V, 20.

⁴¹ *Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 30.

⁴² *Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 1.20.

⁴³ *Ibid.*, V, 4.13.

Для социально-политических взглядов Симокатты очень показательно отношение к народным массам. Народ для него — чуждая и враждебная сила. «Толпа, — утверждает Симокатта, — всегда бывает переменчивой и быстро поддается чувству ненависти»⁴⁴. Как Прокопий, Агафий и Менандр, Симокатта особенно подчеркивает непостоянство народа — «ведь толпа есть нечто непостоянное, никогда не остающееся твердым, произвольно уносимое любым пронсящимся мимо порывом и меняющее свой облик»⁴⁵. Она всегда склонна к страхам, волнениям, рождает шум и смятение при появлении тревожных слухов о нападении врагов⁴⁶.

Феофилакт неизменно враждебен к народным восстаниям, но в особенно мрачных красках, как уже говорилось, он изображает переворот Фоки. Историк рассказывает, что после того, как мятежные дунайские легионы провозгласили Фоку императором и двинулись к Константинополю, в столице начался мятеж черни, поддержанный димами, в частности прасинами. Димоты бросили охрану стен и «смешались с бунтующим народом»⁴⁷. Когда это бедствие волнами разлилось по всему городу, толпа, как безумная, бросилась в диком волнении и подожгла дом Константина, именуемого Ларди⁴⁸. Император Маврикий бежал из пылающей столицы. «Толпа же, предавшись насилиям, всю ночь совершала безобразия и распевала против Маврикия оскорбительные песни»⁴⁹. Народ издевался и над патриархом. «Ведь действительно, — заключает автор, — невежественная толпа, обезумев при переворотах, проявляет худшие свои стороны, не поддается увещаниям и совершенно не понимает, что будет ей на пользу»⁵⁰. Симокатта подчеркивает, что именно чернь поддержала Фоку, а сторонники партии зеленых открыли ворота столицы и перешли на сторону узурпатора⁵¹. Прасины отправили послов к Фоке и просили этого «калидонского тирана» прибыть в Константинополь, однако тот для вида отказался от власти. «Но так как димы прославляли узурпатора и все страстно хотели перемены, это чудовище было провозглашено императором, узурпатор стал владыкою императорского скипетра, горе взяло верх над счастьем, и с этого времени начались великие и, можно сказать, всем известные бедствия ромеев»⁵².

⁴⁴ Ibid., III, 5.9.

⁴⁵ Ibid., VII, 1.9.

⁴⁶ Ibid., VII, 15. 4.

⁴⁷ Ibid., VIII, 9.1.4.

⁴⁸ Ibid., VIII, 9.5. Константин Ларди был префектом претория, сенатором и патриархом и вызвал особую ненависть народа, как сборщик налогов с восточных провинций и как доверенное лицо императора Маврикия (ibid., VIII, 9.6).

⁴⁹ Ibid., VIII, 9.8.

⁵⁰ Ibid., VIII, 9.9.

⁵¹ Ibid., VIII, 9.13. См.: *Sp. Vryonis*. Byzantine Circus Factions and Islamic Fatuwwa Organizations. — BZ, 58, 1, 1965, p. 46—60

⁵² *Theoph. Simocatta*. Hist., VIII, 10.5.

Симокатта всячески подчеркивает жестокость толпы, ее склонность к кровавым зрелищам. Когда трупы казненных Маврикия и его пяти сыновей были брошены в море, толпа сбежалась смотреть на них..., «блуждающим взором созерцал он (народ.— З. У.) картины несчастий, которые являли ему волны моря в виде обнаженных тел императорской семьи»⁵³.

Трагическая гибель Маврикия вызывает у нашего историка столь глубокую скорбь⁵⁴, а поведение толпы столь горячее возмущение, видимо, не только из-за личной преданности Симокатты императору, который в свое время оказывал ему покровительство. Эти чувства были порождены социально-политическими настроением историка — Маврикий вызывает его сострадание прежде всего как жертва восстания народных масс. Узурпатор же Фока ему ненавистен именно потому, что пришел к власти при помощи народного восстания и пользовался, по крайней мере в начале своего правления, поддержкой народных масс. Враждебное отношение к Фоке усугублялось еще и стремлением угодить новому императору Ираклию, который сменил его на престоле.

В труде Симокатты явственно прослеживаются пацифистские идеи, столь свойственные его предшественнику Менандру. Как и Менандр, Симокатта считает войну величайшим злом, а мир высшим благом⁵⁵. Он осуждает Юстина II за прекращение мира с персами. Нарушение мира, по его мнению,— величайшая глупость, совершенная этим императором⁵⁶. «Ведь нет ничего драгоценнее мира для людей разумных и помнящих о своей смертной судьбе и краткости жизненного пути»⁵⁷.

Не чужд Симокатте, как и другим византийским историкам VI—VII вв., римский патриотизм и горделивое отношение к варварам. Пожалуй, у него презрение к варварам выражено гораздо ярче, чем у Агафия и Менандра (первый, как мы знаем, склонен был порою даже идеализировать общественный строй соседних народов, и оба относились к варварам вполне терпимо)⁵⁸. Горделивое утверждение Симокатты о полном превосходстве ромеев над варварами перекликается с идеями Прокопия⁵⁹; иногда Теофилакт хвастается подвигами византийцев, хотя и признает трусость их войск и совершаемые ими преступления. Он пишет: «Какой народ

⁵³ *Theoph. Simocatta. Hist.*, VIII, 12.2.

⁵⁴ Симокатта подчеркивает, что все, кто был причастен к убийству Маврикия и его семьи, впоследствии погибли, якобы наказанные провидением за это злодеяние (*ibid.*, VIII, 12.9—10).

⁵⁵ *Theoph. Simocatta. Hist.*, III, 9, 4: «война, этот источник бедствий, можно сказать, пристанище всех несчастий, основной нарушитель жизни». Менандр также горячий сторонник мира и противник войны, он осуждает образ жизни военных, считая, что «ничто не бывает так поводом к бездействию, неге и беспечности, как военные занятия» (*Menandr.*, *Excerpt. de sent.*, fr. 63; *Excerpt. de legat. rom.*, fr. 11; *Excerpt. de legat. gent.*, fr. 49).

⁵⁶ *Theoph. Simocatta. Hist.*, III, 9.5.

⁵⁷ *Ibid.*, III, 12.3.

⁵⁸ *Agath.*, *Hist.*, I, 2—3; *Menandr.*, *Excerpt. de legat. rom.*, fr. 50.

⁵⁹ *Procop.*, V. G., III, 14, 22—30.

на земле когда-либо сражался с большей славой, чем ромей, за свободу, за честь, за отечество, за своих детей? Ромей, подчеркивает вопреки фактам историк, — народ самый воинственный, они обладают царством самым знаменитым»⁶⁰. И это говорится в ту пору, когда Византийская империя постоянно терпела поражения!

Философско-религиозные взгляды

По своим философским взглядам Феофилакт Симокатта во многом близок к античной философии, хотя христианская идеология наложила на его мировоззрение более глубокий отпечаток, чем на мировоззрение его предшественников — Прокопия, Агафия и Менаандра.

В философских взглядах Симокатты тесно переплетаются рационализм с явным агностицизмом и верой в божественный промысел. Рационализм его проявляется в преклонении перед человеческим разумом. Человек обладает разумом, пишет он, свойством божественным и удивительным. Благодаря разуму человек научился бояться и чтить бога, видеть, как в зеркале, проявление своей природы, ясно представлять строй и порядок своей жизни. Благодаря разуму люди обратили взор на самих себя, от созерцания внешних явлений перенесли наблюдения на собственное «я» и стали раскрывать тайну своего сотворения⁶¹.

«Много хорошего, я считаю, дал людям разум — этот лучший помощник их природы. Что ею не было закончено или не сделано, то в совершенстве творил и заканчивал разум: для зрения он давал красивое зрелище, для вкуса — удовольствие..., песнями услаждал слух, чарами звуков околдовывал душу и невольно заставлял слушать их».

Разум помог человеку создать ремесла и искусства, улучшил саму человеческую природу. «А разве нам это вполне не доказывает тот, кто искусен во всяких ремеслах, кто из шерсти умеет нам выткать тонкий хитон, кто из дерева сделает земледельцу рукоятку для плуга, весло для моряка, и для воина копьё и щит, охраняющие в опасностях битвы? Но самое важное, что создано разумом, — это история: слуху дарует она разнообразные наслаждения, для души же она — лучшая школа и воспитание»⁶².

Философский рационализм Симокатты перекликается с аналогичными идеями историков старшего поколения — Агафия и Менаандра⁶³. Как и Менаандр, Симокатта с глубоким уважением относится к труду, украшающему жизнь человека⁶⁴.

⁶⁰ *Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 5.6—8.

⁶¹ *Ibid.*, praef., 1—3.

⁶² *Ibid.*, praef., 3—6.

⁶³ *Agath.*, *Hist.*, III, 11; V, 4.17—18; *Menandr.*, *Excerpt. de legat. rom.*, fr. 11.

⁶⁴ *Theoph. Simocatta. Hist.*, praef., 5; *Menandr.*, *Excerpt. de sent.*, fr. 46; *cp. fr.* 30, 60.

Подобно тому же Менадру, Симокатта верит не только в величие человеческого разума, но и человеческого слова. По его мнению, магическая сила слова, сила убеждения может изменять ход событий и давать им новое направление ⁶⁵.

Но, пропев гимн человеческому разуму, человеческому умению изменить мир, украсить его, Феофилакт Симокатта как бы останавливается на пороге научного познания всего сущего. Он боится перейти тот заветный рубеж, за которым стоит признание возможности для человека проникнуть в сокровенные тайны бытия. Историк в бессилии склоняет голову перед идеей брэнности, скоротечности всего земного, признает существование неведомой и непостижимой людьми трансцендентной силы — воли творца ⁶⁶. По мнению Симокатты, судьбы народов, отдельных людей, исход сражений целиком зависят от божественного провидения ⁶⁷. «Нет ничего более изменчивого, чем счастье,— пишет Феофилакт,— у победы — быстрые крылья и скользят стопы триумфов. Природа победных трофеев — тленна. Сегодня ты видишь день в розовых красках, смеющимся, в шафранного цвета одеждах, весь светлым и сияющим. На завтра его же увидишь ты сумрачным, подернутым темной пеленой, закутанным в непроглядный мрак и, короче говоря, потемневшим до неузнаваемости от сплошных облаков»⁶⁸.

Счастье людей изменчиво и ненадежно. «Победа меж смертных превратна»,— цитирует он Гомера ⁶⁹.

В философских взглядах Симокатты большое место занимает также идея непрерывного изменения и круговорота всего сущего, что связано с непрерывным рождением нового. Все в мире находится в постоянном движении и становлении. «В течение всего этого времени,— пишет Феофилакт,— жизнь приносила все новые и новые изменения, преображая все прежнее, создавая новое и в круговращении вечно движущегося вихря все видоизменяя. Всегда двигаясь, как колесо на оси, она насильственно изменяет все неизменное, не знает, где ей остановиться в своем блуждании, и в неравномерности своего движения приобретает постоянную неустойчивость»⁷⁰.

⁶⁵ *Theoph. Simocatta. Hist.*, VI, 8.2; *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 11.

⁶⁶ *Theoph. Simocatta. Hist.*, II, 1.4.

⁶⁷ *Ibid.*, II, 4. 7.

⁶⁸ *Ibid.*, VII, 11.4—5. Аналогичные идеи находим у Менадра (*Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 11; Excerpt. de sent., fr. 10, 30, 46, 63).

⁶⁹ *Theoph. Simocatta. Hist.*, II, 17.13. То же самое встречаем у Менадра: «Победа — нечто крылатое, она может легко улететь. Оттого-то Гомер и говорит, что она попеременно посещает мужей» (*Menandr.*, Excerpt. de sent., fr. 10).

⁷⁰ *Theoph. Simocatta. Hist.*, III, 8.9. Симокатта в подтверждение своей мысли об изменчивости судьбы приводит широко известный в античной литературе рассказ о том, как фараон Сесострис постиг непостоянство счастья, когда один из пленников указал ему на вращение колеса его колесницы (*Theoph. Simocatta. Hist.*, VI, 11.10—15; ср. *Menandr.*, Excerpt. de legat. rom., fr. 3). См. выше, стр. 254.

Человек, по словам Феофилакта, вечно стремится к чему-то новому, неустанно жаждет перемен. «Ненасытен глаз человеческий, и всегда, словно какой-нибудь страждущий, желает он нового»⁷¹.

Идея вечного круговорота тесно связана у Симокатты с идеей необходимости. «Необходимость, как самый жестокий тиран, управляет жизнью человеческой»⁷², — утверждает историк. При этом идея необходимости проникнута у него глубоким пессимизмом. «Пусть ваши души, — поучает он, — не страшатся поставить под удар тело. В жизни нет места, где бы нас не ждала гибель. Ничто в этой жизни не чуждо страданию — ко всему при- мешано горе»⁷³.

Феофилакт признает всеислие божественного промысла. Непобедимая божественная сила помогает людям совершать подвиги⁷⁴. Вместе с тем божественный промысел сурово наказывает людей за совершенные ими злодеяния. Верой в возмездие проникнут весь исторический труд Симокатты⁷⁵. «Воздается людям по делам их»⁷⁶, — утверждает историк. Он верит, что провидение — активная сила: оно «ежедневно неутомимым оком наблюдает за всем, что совершается на земле, и всегда назначает возмездие людям за то, что ими сделано»⁷⁷. Однако, признает автор, людям свойственно забывать о божественном провидении и его возмездии и заниматься повседневными делами. В природе людей — не столько помнить о прошлом, сколько ревностно заботиться о настоящем⁷⁸.

Мировоззрение Симокатты глубоко противоречиво. Рядом с рационалистическими идеями в нем уживаются самые невежественные суеверия. Наряду с верой в божественный промысел, возмездие, судьбу как некие вечные философские категории мы встречаем у него суеверные представления о том, что дурные мысли внушаются людям какими-то злыми демонами⁷⁹.

Симокатта вполне искренне верит в различные чудеса и легенды, порою совершенно противоречащие здравому смыслу. Так, он рассказывает о неизвестных чудовищах, полулюдях-полурыбах, появившихся в Ниле⁸⁰, а также о славянах-великанах, у которых не было никакого оружия, а только гусли⁸¹; он не сомнева-

⁷¹ *Theoph. Simocatta. Hist.*, VII, 11.4. У Менаандра мы находим близкие представления о вечной изменчивости мира (*Menandr., Excerpt. de sent.*, fr. 30).

⁷² *Theoph. Simocatta. Hist.*, V, 4, 10.

⁷³ *Ibidem.*

⁷⁴ *Ibid.*, II, 18.22.

⁷⁵ *Ibid.*, II, 16.11; VI, 10.4—18.

⁷⁶ *Ibid.*, VII, 11.4.

⁷⁷ *Ibid.*, VI, 10.4.

⁷⁸ *Ibid.*, I, 2.7.

⁷⁹ *Ibid.*, II, 10.11.

⁸⁰ *Ibid.*, VII, 16.1—9.

⁸¹ *Ibid.*, VI, 2.10—16.

ется в достоверности благочестивых легенд⁸². Вера в колдовство, в различные предзнаменования, пророчества и прорицания характерна для Симокатты и, быть может, даже в большей степени, чем для других византийских писателей той эпохи⁸³.

Но ни в чем, пожалуй, так ярко не проявляется противоречивость взглядов Симокатты, как в его отношении к античности и христианству. В мировоззрении этого автора причудливо переплетаются черты античного мирозерцания с христианской идеологией⁸⁴.

Образованный грек, Симокатта еще живет в мире античной культуры; он прекрасно знает римскую и греческую литературу, историю⁸⁵, поэзию. Особенно высоко чтит он Гомера и часто цитирует⁸⁶. Феофилакт преклоняется перед античной поэзией и считает, что творения античных поэтов возвышают души людей. Он говорит о необычайной силе воздействия поэзии на человеческие сердца и о воспитательном значении поэтических произведений: «Овладев душами людей, любящими слушать рассказы, стремящимися к поучению и жаждущими диковинных новостей, они творят для них сказочные мифы, облекая свои фантазии в изящную форму, украсив блеском ритма и метрами свои выдумки, словно каким-то заколдованным поясом очарования убрав свои сказки»⁸⁷. Магическое слово поэта имеет столь великую силу над душами людей, что поэтов считают боговдохновенными. Полагают, что «боги приходят к ним и их устами возвещают людям об их делах, если в их жизни случается какое-либо славное деяние или какое-либо несчастье»⁸⁸.

Симокатта высоко ценит нравственные идеалы, завещанные античностью: воинскую доблесть, патриотизм⁸⁹.

Мифы древней Греции Феофилакт умело вплетает в ткань исторического повествования⁹⁰, хотя и считает их поэтическим вымыслом⁹¹.

Воздействие античных литературных традиций во многом определило композиционные и стилистические особенности сочинения Симокатты. Стиль его крайне риторичен и зачастую подражателен — он использует лексику и стилистические приемы Гомера,

⁸² *Theoph. Simocatta. Hist.*, V, 12. 1—13; VIII, 14.1—9.

⁸³ *Ibid.*, I, 11.3—21; V, 16.5—14; VI, 1.5—8; VIII, 15.7—14.

⁸⁴ З. В. Удальцова. К вопросу о мировоззрении византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты. — ЗРВИ, XI, 1968, стр. 29—46.

⁸⁵ Он приводит, например, рассказ о походах Ганнибала и Сципиона Старшего (*Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 14, 2—4).

⁸⁶ *Ibid.*, praef., 7.10; II, 17.33; 18.15; V, 16.1; VII, 4.5.

⁸⁷ *Ibid.*, praef., 11.

⁸⁸ *Ibid.*, praef., 12.

⁸⁹ Так, для него идеалом мужества и доблести по-прежнему остается подвиг спартанца Леонида (*ibid.*, II, 6.6).

⁹⁰ *Ibid.*, Dial., 9; praef., 7—10.

⁹¹ Например, он указывает, что, по словам поэтов, душа павшего героя улетает из тела и спешит к полям Елисейским, однако недостойно пятнать вымыслами память погибших героев (*ibid.*, II, 6. 9).

Еврипида, Софокла, Фукидида и Платона. Таким образом, влияние античной культуры на него бесспорно.

Но в отличие от Прокопия, Агафия и Менаандра, Симокатта значительно более религиозен. Христианская идеология уже наложила на него свой отпечаток⁹². Прокопий, Агафий и Менаандр, как известно, в своих сочинениях почти не касались церковных вопросов и религиозных споров. Иную картину мы находим у Симокатты. Впервые в историческом труде светского характера автор явно стремится показать свою ортодоксальность и приверженность к христианской религии никейского вероисповедания. Дважды Симокатта обращается в «Истории» к изложению сущности христианского учения о троице⁹³ и делает это в весьма ортодоксальном духе. Вся пространная проповедь епископа Дометияна, приведенная Симокаттой, по существу представляет собой панегирик в честь ортодоксальной христианской религии и опровержение религиозных заблуждений нехристианских народов.

Конфессиональный характер речи и влияние на нее церковно-богословской литературы, а также библейских традиций не подлежат сомнению⁹⁴.

Настойчивое стремление Симокатты следовать никейскому символу веры и избежать обвинения как в монофиситстве, так и в несторианстве⁹⁵, свидетельствует, что в его труде в какой-то степени нашли отзвук тринитарные и христологические споры, развернувшиеся в Византийской империи в ранний период ее истории.

Одновременно Симокатта ставит задачей доказать превосходство христианства над другими религиями, в частности над религией персов⁹⁶. При этом у Симокатты мы не находим и тени той веротерпимости к религиозным заблуждениям варваров, которая так выгодно отличает труд Агафия. Наоборот, Симокатта требует решительного отстаивания истинности христианской веры и борьбы с «ложными» вероучениями^{97—98}.

Симокатта значительно более богобоязнен, чем его предшественники. Он всегда с благочестивой верой говорит о боге — творце

⁹² *Av. Cameron. Agathias*, p. 83—88.

⁹³ *Theoph. Simocatta. Hist.*, III, 1.4; IV, 16.26.

⁹⁴ *Ibid.*, IV, 16, 1—27.

⁹⁵ *Ibid.*, IV, 16.26.

⁹⁶ «Не на обмане основана вера наша, не подложных богов избрали мы своими вождями. Нет у нас бога, которого бьют плетками; не выбираем мы себе для поклонения коня. Мы не поклоняемся богу, обращающемуся в прах, сегодня сгорающему и не появляющемуся вновь. Дым и дрова не создают верований, само исчезновение их материи изблещает ложность подобного учения» (*Theoph. Simocatta. Hist.*, III, 13.14—15).

^{97—98} *Ibid.*, IV, 16.21—26. Симокатта, стремясь показать неотразимое влияние христианства на варварские народы, передает малодостоверную легенду о том, что грозный правитель Ирана Хосров II не устоял перед светом истины христианского вероучения, признал Христа величайшим из всех богов и во всеуслышание усомнился в истинности своей древней религии (*ibid.*, V, 2.3—4).

всего сущего⁹⁹, верит в божественное откровение¹⁰⁰. Он считает, что благочестие — величайшее, а потому непревзойденное достоинство ромеев по сравнению с другими народами¹⁰¹. Наш историк почитает иконы и священные изображения Христа, богородицы и святых¹⁰², храм св. Софии в Константинополе он называет великой церковью¹⁰³. По его сообщению, перед битвами и осадами все воины-ромеев и жители городов молят о помощи бога. Благочестивым воинством ромеев нередко руководят божественные силы¹⁰⁴. Враги же византийцев за осквернение христианских святынь терпят суровое возмездие¹⁰⁵. Симокатта часто вводит в повествование легендарные рассказы житийного характера. Таков рассказ о персиянке Голиндухе, перешедшей чудесным образом в христианство и ставшей святой мученицей¹⁰⁶, о чудесах с мощами мучениц Гликерии¹⁰⁷ и Евфимии¹⁰⁸.

Симокатта, в отличие от Прокопия, Агафия и Менандра, склонен превозносить аскетические идеалы христианства. Совершенно в житийных тонах он восхваляет праведную жизнь патриарха Иоанна Постника, который своим философским умом побеждал удовольствия, властвовал над страстями и был господином над своим желудком¹⁰⁹.

Все сказанное говорит о том, что Феофилакт Симокатта уже в гораздо большей степени, чем Прокопий, Агафий и Менандр, является идеологом христианства в его ортодоксальной никейской форме, хотя и он частично еще живет в мире античной цивилизации. Годы, отделяющие Симокатту от его предшественников, были, видимо, переломными в окончательной победе христианской идеологии над остатками язычества.

Философско-религиозные воззрения византийских историков светского направления, таким образом, за три века (с IV по начало VII в.) претерпели существенные изменения. Эволюция их

⁹⁹ *Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 1.22.

¹⁰⁰ *Ibid.*, I, 2.1—2.

¹⁰¹ *Ibid.*, I, 5.8.

¹⁰² *Ibid.*, II, 3.4—6. Симокатта с благоговением говорит о различных священных обрядах и таинствах (*ibid.*, I, 10.2—3).

¹⁰³ *Ibid.*, VIII, 10.2.

¹⁰⁴ *Ibid.*, V, 4. 14; см.: *P. Goubert. Religion et superstitions dans l'armée byzantine à la fin du VIe siècle.* — «*Orientalia Christiana Periodica*», 13, 1947, p. 495—500; *idem. Les guerres sur le Danube à la fin du VIe siècle d'après Ménandre le Prefecteur et Théophylacte Simocatta.* — «*Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines*», II. Beograd, 1964, p. 115—124.

¹⁰⁵ *Theoph. Simocatta. Hist.*, VII, 15.1—3.

¹⁰⁶ *Ibid.*, V, 12.1—13; см.: *P. Peeters. Saint Golindouch, Martyre persane.* — «*Analecta Bollandiana*», 62, 1944, p. 74—125.

¹⁰⁷ *Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 11.3—21.

¹⁰⁸ *Ibid.*, VIII, 14.2—9.

¹⁰⁹ *Ibid.*, VII, 6. 1—5. Недавно издан впервые трактат Феофилакта Симокатты, где он рассматривает различия между монашеством, светскими людьми и третейскими судьями. В историческом плане трактат значения не имеет (*L. G. Westerink. Theophylactus Simocattes on predestination.* — «*Studi in onore di Vittorio de Falco*». Napoli, 1971, p. 533—551).

мировоззрения шла от открытой поддержки язычества Аммианом Марцеллином, Евнапием, Олимпиодором и Зосимом через внешнее признание христианства, прикрывающее по существу индифферентизм в вопросах веры у Прокопия, Агафия и Менандра, к ортодоксальному христианскому благочестию Феофилакта Симокатты. И самое любопытное то, что это идейная эволюция не мешала всем без исключения перечисленным писателям оставаться горячими поклонниками античной культуры и продолжать в своих произведениях ее лучшие традиции.

Художественные особенности «Истории»

Как литературное произведение «История» Феофилакта Симокатты обладает рядом достоинств. Писателю, на наш взгляд, неплохо удаются некоторые массовые сцены. Бесспорно, впечатляет описание кончины императора Тиверия и передачи власти его преемнику Маврикию. Историк вводит читателя во внутренние покои императорского дворца, в атмосферу скорбной и пышной придворной церемонии¹¹⁰. Он сам понимает, что скорбь здесь как бы театрализована, связана с установленным традицией зрелищем: «Любит несчастье разделить свое горе также и со зрителем»¹¹¹. Драматична и сцена похорон Тиверия, хотя, думается, порою писателю изменяет чувство меры. «По всему городу, — рассказывает Феофилакт, — как волны моря, прошли великий плач и стелания. Из глаз у многих потекли потоки слез, и хляби разверзлись, и душами людей овладела великая скорбь»¹¹². Однако и здесь историк отчетливо сознает преходящий характер этой скорби и подчеркивает, что сразу же после того, как могильный склеп принял тело старого императора, все стали служить новому властелину¹¹³.

Но поистине до трагедийных высот поднимается писатель, когда повествует о гибели Маврикия и его сыновей. Действие разворачивается постепенно, напряжение усиливается и, приближаясь к развязке, достигает высокого эмоционального накала. Дело началось с обычного «голодного» народного мятежа в столице на рождество 601 г., затем последовало восстание в дунайской армии; когда, наконец, летом 602 г. оба движения слились воедино и городские димы Константинополя поддержали узурпатора Фоку, который двинулся во главе мятежных солдат на столицу, судьба Маврикия была решена¹¹⁴. О смерти Маврикия — кульминация повествования — говорится почти в житийных тонах. Художественные приемы и образы древнегреческой трагедии

¹¹⁰ *Theoph. Simocatta. Hist.*, I, 1.23; 2.1—3.

¹¹¹ *Ibid.*, I, 1.21.

¹¹² *Ibid.*, I, 2.3.

¹¹³ *Ibid.*, I, 2.7.

¹¹⁴ *Ibid.*, VIII, 4.10.

неожиданно переплетаются с христианской проповедью смирения; в такой манере описывалась смерть христианских мучеников¹¹⁵. В момент казни Маврикий, до этого подозрительный и даже слабохарактерный государь, проявил необычайное величие души. Он не только стойко вынес зрелище казни своих сыновей, но и сам выдал убийцам последнего сына, еще младенца, которого хотела скрыть кормилица, заменив собственным ребенком. Маврикий утверждал, что несправедливо спасением этого сына оскорблять святость смерти других его детей¹¹⁶. Сам писатель подчеркивает, что жизнь Маврикия была исполнена «кратковременной и тленной пышности», а смерть оказалась достойной удивления¹¹⁷. Отсеченные головы казненных были отосланы новому императору Фоке и выставлены на поле близ столицы на обозрение войскам¹¹⁸.

Рассказ Феофилакта об этих драматических событиях достиг бы еще большей силы, если бы он не был перегружен нравочениями в ярко выраженном монархическом духе и если бы его не портила цветистая риторика.

Вообще риторические отступления — основной недостаток художественной манеры Феофилакта Симокатты. В этом отношении он явно проигрывает по сравнению с Менандром и Агафием, не говоря уже о Прокопии, Приске и Аммиане Марцеллине. Его «Диалог философии с историей» — наглядный образец литературных сочинений такого рода. Вот как, например, история отвечает на просьбу философии начать рассказ о событиях из жизни империи: «Повинуюсь тебе, владычица, и ударяю по струнам лиры истории. Будь же ты сама для меня самым гармоничным плектром: ведь ты сама — Океан знания и мудрости, в тебе — все восхищение, ты — тот остров, который окружает «Океана безбрежного ширь»¹¹⁹. Но именно эта риторика особенно правилась современникам писателя.

Труд Симокатты — сложное сплетение классицизирующего стиля с элементами нового «византийского» литературного направления. Метафоры, почерпнутые из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, из «Аяксов» Софокла, лексика Еврипида, Фукидида и Платона

¹¹⁵ Тут, — пишет Феофилакт, — на глазах государя были умерщвлены его сыновья, а затем эти убийцы, наказав его сначала мечом природы — убийством детей, убили и самого Маврикия. А он, со спокойствием и мудростью относился к своим несчастьям, при всех призывал бога и часто восклицал: «Справедлив ты, господи, и справедлив суд твой!» (*Theoph. Simocatta. Hist.*, VIII, 11.3).

¹¹⁶ *Ibid.*, VIII, 11. 5. Убийство Маврикия и его семьи произошло близ Халкидона, в гавани Евтропия, недалеко от столицы (*ibid.*, VIII, 11.2).

¹¹⁷ *Ibid.*, VIII, 11.6.

¹¹⁸ *Ibid.*, VIII, 12.1—8. О политике Маврикия см.: «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 355—359; P. Goubert. Byzance avant l'Islam. I. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. Paris, 1951, p. 167—190; M. Carsow. L'empereur byzantin Maurice.— «Journal des savants», 1956, p. 107—127; F. Thiess. Die griechischen Kaiser. Die Geburt Europas. Wien, 1959, S. 208—323.

¹¹⁹ *Theoph. Simocatta. Hist.*, Dial., 15.

смешиваются с цитатами из произведений христианской житийной литературы¹²⁰. Феофилакт очень следит за чистотой своего аттического языка, но вместе с тем порою ему не чуждо словотворчество. Тонкий знаток литературы патриарх Фотий, однако, не очень высоко ценил художественные достоинства сочинения Симокатты. Он упрекал его в излишней склонности к туманным аллегориям и неуместным поучениям¹²¹.

В целом произведение Феофилакта Симокатты в отношении языка и стиля, как и содержания, — значительный шаг по пути развития будущей средневековой византийской литературы и дальнейшего отхода от классических образцов античной цивилизации.

* * *

Итак, по своим социально-политическим взглядам Феофилакт Симокатта был приверженцем сильной монархической власти и сторонником законной правящей династии. Из всех византийских историков раннего периода Проконий и Феофилакт Симокатта, пожалуй, наиболее консервативны и особенно враждебно настроены в отношении народных масс. Подобные политические настроения могут найти объяснение в том, что оба писателя пережили крупные народные восстания в Константинополе и являлись не только их пассивными свидетелями, но в какой-то мере были задеты ими. В первом случае — это было восстание Ника 532 г., во втором — переворот Фоки 602 г.¹²²

Однако, в отличие от Прокония, Симокатте чужда критика существующего строя и стрелы политических обличений он направляет лишь против узурпатора Фоки, ставленника восставшей армии, столичных димов и мятежного народа. В этом отношении позиция Симокатты ближе к вполне лояльной политической ориентации Агафия и Менандра.

По своим социально-политическим симпатиям и антипатиям Симокатта, скорее всего, был идеологом тех кругов византийской интеллигенции, которые искали защиты и покровительства законной государственной власти. Можно допустить, что эти круги идейно смыкались с пришедшей к власти при Ираклии провинциальной землевладельческой знатью. Не следует ведь забывать, что Ираклий был выходцем из провинции — из Карфагенского экзархата, а Феофилакт тоже был связан с провинциальной аристокра-

¹²⁰ *H. van Herwerden. Varia ad Varios. Ad Theophylacti Simocattae Historias ed. C. de Boor.*—«Mnemosyne», 17. Lipsiae, 1889, p. 26—28; *K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur*, S. 250.

¹²¹ *Photius. Bibliotheca.*— PG, t. 103, col. 140.

¹²² О Фоке см.: *Ю. А. Кулаковский. Император Фока.*—«Университетские известия», год LIV, № 1. Киев, 1914, стр. 1—21; *P. Goubert. Causes et conséquences de la révolution de 602.*—«Actes du Xe Congrès International d'Etudes Byzantines». Istanbul, 1957, p. 216 sq; «История Византии», т. 1, стр. 359—363.

тней, правда, египетской¹²³. Однако это пока только гипотеза. Ясно лишь одно: все связанное с переворотом Фоки и «смутными временами» его правления глубоко ненавистно Симокатте. Несколько удивляет, правда, то, что он очень мало и весьма туманно говорит о заслугах самого императора Ираклия. Быть может, причина заключается просто в том, что его исторический труд не был закончен и не дошел до правления этого государя.

В мировоззрении Симокатты необычайно ярко отразилась противоречивость его эпохи: с одной стороны — античное восприятие мира, традиции греко-римской философии, с другой — сильные воздействия ортодоксальной христианской идеологии, элементы философского рационализма, уживавшиеся с грубыми суевериями. Симокатта не создал единой стройной философской концепции исторического процесса; традиции античной историографии у него сочетались с библейскими представлениями, с провиденциалистским толкованием хода мировой истории. Никто из его предшественников — позднеантичных и ранневизантийских авторов — не подошел так близко, как Симокатта, к христианской концепции всемирно-исторического процесса. Однако эта концепция у Симокатты, в отличие от церковных историков, не получила еще конфессиональной окраски и мирно соседствовала рядом с античными представлениями о вселенной, божестве и человеке.

Симокатта был далек от критической проверки исторического материала — отсюда столь причудливое переплетение в его повествовании исторических фактов, философских рассуждений и рассказов о различных стихийных бедствиях, пожарах, морозных язвах, землетрясениях, рождении и появлении чудовищ; отсюда и особое внимание автора к легендам житейного характера.

Надо признать, что «История» Симокатты гораздо в большей степени, чем труды Аммиана, Прокопия, Приска, Агафия и даже Менандра, является плодом литературных занятий автора, его увлечений пышной риторикой, зачастую холодной, идущей не от сердца, а от ума. В смысле литературного таланта Симокатта далеко уступает своим великим предшественникам, особенно Аммиану, Приску и Прокопию. Подняться до высот истинного художника слова ему мешают искусственность стиля, погоня за причудливой аллегоричностью и вычурностью. Нагромождение изысканных риторических фигур нередко затемняет общую линию исторического повествования.

В отношении многообразия жизненных наблюдений и богатства личного опыта Симокатта тоже отстает от Аммиана, Прокопия, Приска. Он, как Агафий и отчасти Менандр, скорее кабинетный ученый, чем политический деятель. Но в то же время он был аристократичнее, изысканнее и стоял ближе к правительственным сферам, чем Агафий и Менандр, что объясняет его особую преданность монархическим принципам и консерватизм как в политике, так и в истории.

¹²³ «История Византии», т. 1, стр. 363 сл.; Н. В. Пигулевская. Феофилакт Симокатта..., стр. 18.

СТРАТЕГИКОН ПСЕВДО-МАВРИКИЯ О БОРЬБЕ ДВУХ МИРОВ — РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОГО И ВАРВАРСКОГО

Особое место в византийской литературе раннего периода занимают трактаты о военном искусстве, известные под названием стратегиконов или тактик. Подобные трактаты являлись теоретическим обобщением военного опыта римской армии и одновременно служили практическим руководством для ведения войны в условиях того времени. Наибольшей известностью среди ранне-византийских военных трактатов пользовался Стратегикон Псевдо-Маврикия¹.

Кто был автором Стратегикона Псевдо-Маврикия?

Под именем Маврикия или Урбикия известен византийский трактат о военном искусстве, с которым связан ряд спорных вопросов².

Во вступлении автор трактата объясняет причины создания этого труда и задачи, которые он ставит. Он указывает, что военное искусство в империи за последнее время предано забвению

¹ Несмотря на то, что Стратегикон Псевдо-Маврикия принадлежит к памятникам особого литературного жанра, мы рассматриваем его в данной книге по двум основным причинам: во-первых, он содержит ценнейший материал, касающийся одной из главных тем нашего исследования — борьбы римско-византийского и варварского миров; во-вторых, будучи произведением в целом светского характера, продолжающим античные традиции, Стратегикон перекликается в этом отношении с сочинениями изучаемых нами историков ранней Византии.

² *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. I. Scheffer. Upsaliae, 1664; *Маврикий. Тактика и стратегия*, пер. на русск. яз. М. А. Цыбышев. СПб., 1903. Отрывки в переводе С. А. Жебелева см.: С. А. Жебелев. *Маврикий (стратег)*. — «Исторический архив АН СССР», 2. Л., 1939, стр. 33—39; перевод С. А. Жебелева и С. П. Кондратьева см.: ВДИ, 1941, № 1, стр. 253—257. Недавно появилось новое критическое издание Стратегикона Псевдо-Маврикия, подготовленное румынским ученым Х. Михаеску: *Mauricius. Artă militară. Ediție critică, traducere și introducecere de H. Mihaescu*. — «Scriptores byzantini», VI. București, 1970. Основополагающей работой в области изучения рукописной традиции военных трактатов в Византии является блестящее исследование А. Дэна: *A. Dain. Les stratègistes byzantins*. — «Travaux et Mémoires», 1967, p. 344 sq.

и назрела практическая необходимость создать для военачальников и воинов руководство по военному делу. Это руководство основано на военном опыте, в том числе и на личном опыте самого автора, и на произведениях древних писателей. Автор подробно освещает в своем труде организацию римской армии: ее набор и обучение, формирование и построение войск, порядок их расположения во время битвы, тактику боя, военные хитрости, засады, набеги, рейды по тылам врага, осады крепостей и т. п. Исключительно большое значение автор справедливо придает изучению военной тактики соседних с империей вражеских народов и разработке военных приемов, которые следует применять против них.

В XI книге Стратегикона, имеющей наибольшую научную и историческую ценность, дается превосходное описание военной тактики персов, авар, турок, франков, лангобардов, славян и антов.

Хотя автор Стратегикона не называет своих предшественников, он хорошо знаком с античной литературой по военному искусству и широко использует труды по военному делу античных авторов: Асклепидота, Элиана, Арриана и особенно Оносандра и Вегеция³.

Кто же был автором этого замечательного произведения военной мысли византийцев? До сего дня личность автора Стратегикона не установлена, хотя по этому поводу выдвинуто множество различных гипотез.

Одни ученые считали автором Стратегикона полководца Анастасия I (491—518) Урбикия, основываясь на том, что во Флорентийской рукописи трактата упомянуто имя Урбикия⁴.

³ *Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 417—419.* Подробное описание всех рукописей и изданий Стратегикона Псевдо-Маврикия, а также краткий очерк изучения этого памятника в научной литературе дает Х. Микхеску в предисловии к указанному изданию памятника (*Mauricius. Acta militaria. Introdúcere, p. 5—21*); там же см. библиографию (p. 22—23).

⁴ *R. Förster. Studien zu den griechischen Taktikern, II. Kaiser Hadrian und die Taktik des Urbicius.*—«Hermes», 12, 1877, S. 449—471. К Фёрстеру присоединились и другие исследователи. Так, ярым сторонником авторства Урбикия был Р. Вари: *R. Vari. Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker.*—BZ, 15, 1906, S. 47—87; *idem. Sylloge Tacticorum Graecorum.*—Byz., VI, 1931, S. 401—403; ср. *R. Grosse. Das römisch-byzantinische Marschlagervom 4—10. Jahrhundert.*—BZ, 22, 1913; S. 106—111; Это же мнение поддерживал и известный французский ученый А. Дэн: *A. Dain. L'«Extrait Tactique» tiré de Léon VI.* le Sage. Paris, 1942, p. 13, 91; *idem. Urbicius ou Mauricius.*—REB, 26, 1968, p. 133—136; ср. *В. В. Кучма.* «Тактика Льва» в исторической литературе. (Историкографический обзор).—ВВ, 30, 1969, стр. 153—165. Теперь это мнение опровергнуто, и доказано, что имя Урбикия внесено переписчиками трактата в XII в. во Флорентийскую рукопись. Оно ошибочно считалось именем автора трактата, возможно, потому, что Урбикий, живший в конце V—начале VI в., был видным полководцем и составителем одного из трактатов по военному искусству, который и использовал автор Стратегикона. Отсюда становится понятным его упоминание в рукописи (*Gy. Moravcsik. Op.cit., I, S. 418*).

Другие называли автором византийского полководца VIII в. Руфа⁶.

Венгерский ученый Е. Дарко отстаивал мнение, что автором Стратегикона был император Ираклий. Ученый приводит несколько, правда, не вполне равноценных аргументов⁶. По мнению Е. Дарко, Стратегикон отражал военную реформу, проведенную императором Ираклием. Сущность этой реформы сводилась, как утверждает Дарко, к перестройке всей военной тактики византийской армии по туранскому образцу. Если в анонимном военном трактате середины VI в. в центре внимания находится, по римскому обычаю, пехота, то в Стратегиконе основной боевой силой армии признается уже кавалерия из лучников, по образцу аваро-туранской конницы. Опираясь на рассказ автора VII в. Георгия Писиды, Дарко считает, что Ираклий написал руководство по военному искусству в 621—622 гг., накануне похода против персов, где изложил свою реформу военной тактики и стратегии, используя опыт борьбы с тюркскими народами. Туранская тактика, введенная в византийской армии Ираклием, помогла ему победить персов, которые остановились на полпути в использовании этой тактики.

Е. Дарко приводит сообщение Стратегикона о вероломном ночном нападении авар на конный отряд византийцев близ Гераклеи, которое, по его мнению, имело место в 619 г. в правление Ираклия. Однако остается неясным, почему в Стратегиконе ничего не говорится об организации фем — ведь основой военной реформы Ираклия, как известно, было введение фемного строя.

Тем не менее и другие крупные ученые, как Э. Штейн, Дж. Бьюри, Н. Перниче, с некоторыми оговорками, но все же допускают, что автором Стратегикона мог быть император Ираклий⁷.

⁶ К. E. Zachariae von Lingenthal. Wissenschaft und Recht für das Heer vom VI bis zum Anfang des X. Jahrhunderts.— BZ, 3, 1894, S. 437—457. В результате сравнения военного кодекса, включенного в Стратегикон (стр. 1, 6, 7 и 8), с νόμος στρατιωτικός, приписываемым Руфу, автор приходит к выводу, что автором Стратегикона мог быть Руф. К нему присоединился и такой авторитетный ученый, как К. Крумбахер (K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2. Ed. München, 1897, S. 635—636). Это мнение было, однако, опровергнуто. См.: F. Aussaresses. L'auteur du Stratégicon. — REA, VIII, 1906, p. 23—39; *idem*. L'armée byzantine à la fin du VI-e siècle d'après le Stratégicon de l'empereur Maurice. Bordeaux,

1909; C. M. Patrono. Contro la paternita imperiale dell' Οἰρητικῶν Τακτικῶν στρατηγικῶν. Terano, 1906.

⁶ E. Dalkó. Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins.— Byz., X, 1935, p. 443—469; XII, 1937, pars II, p. 119—147; *idem*. Die militärischen Reformen des Kaisers Herakleios.— «Actes du IV-e Congrès International d'Etudes Byzantines», I, 1935, S. 110—116; *idem*. Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire romain aux premiers siècles du moyen âge.— Byz., XVIII, 1948, p. 85—97.

⁷ J. Bury. A History of the Later Roman Empire, t. II. London, 1889, p. 225; N. Pernice. L'imperatore Eraclio, p. 103; E. Stein. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches..., S. 123—125.

Другие исследователи, начиная с первого издателя Стратегикона И. Шеффера и кончая авторами новейших работ, считают создателем Стратегикона византийского полководца, а затем императора Маврикия⁸.

Французский ученый Ф. Оссарес привел интересные доказательства в пользу подобной атрибуции. Он основывает свои выводы не только на упоминании в рукописях Стратегикона имени Маврикия⁹, но и на сравнительном анализе данных Стратегикона с трудами близких к нему по времени византийских историков, и прежде всего Феофилакта Симокатты, Евагрия и Иоанна Никиуского. Сравнив эти памятники, автор приходит к выводу, что портрет Маврикия, нарисованный византийскими писателями, вполне совпадает с образом автора Стратегикона, выясняющимся на основании внутренней критики этого произведения. Описание в Стратегиконе военной тактики таких народов, как персы, авары, турки, лангобарды, франки и славяне, свидетельствует также о создании этого труда в правление императора Маврикия, когда эти народы были самыми грозными врагами империи. На основании всего этого Оссарес приходит к выводу, что автором Стратегикона был Маврикий и он мог написать это сочинение либо в бытность свою полководцем (580—582), либо уже после того, как стал императором (582—602)¹⁰.

Болгарская исследовательница Г. Цанкова-Петкова тоже считает, что автором Стратегикона мог быть император Маврикий, и приводит в подтверждение этой точки зрения ряд новых аргументов. Она подчеркивает, что автор Стратегикона в своем сочинении обнаруживает такое широкое знакомство с состоянием военного дела в империи, какое было недоступно для простого стратита. Важным доказательством в пользу отнесения Стратегикона ко времени правления императора Маврикия, на наш взгляд, является наблюдение Цанковой-Петковой, что в Стратегиконе большое внимание уделяется борьбе с мятежами солдат, а, как известно, в правление Маврикия отмечены как раз восстания в армии. Нападение авар на Гераклею, упомянутое в Стратегиконе, Цанкова-Петкова, в отличие от Дарко, относит ко времени между 583 и 592 гг. Подтверждает авторство Маврикия и его участие в войнах с персами, аварами, в походах в Армению и др. Исследовательница приходит к выводу, что участие

⁸ *Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 417—424; G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, 3. Aufl. München, 1963, S. 21; H. Mihăescu. Introducere..., p. 8—13; X. Михаэску указывает, что большинство рукописей содержит имя Маврикия, а не Урбикия (H. Mihăescu. Prolegomènes à une édition critique des ТАКТИКА = СТРАТЕГИКА de Maurice-Urbicius. — «Revue des Etudes Sud-Est Europ.», V, 1967, p. 404—405). К мнению X. Михаэску присоединяется чешская исследовательница Б. Застерова (B. Zástěrová. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1974, p. 5).*

⁹ *F. Aussenances. L'auteur du Stratégicon..., p. 23.*

¹⁰ *Ibid., p. 39.*

Маврикия в этих походах дает основание полагать, что он в своем сочинении использовал личный опыт боевых действий против персов, авар и славян. Цанкова-Петкова предполагает, что Маврикий написал Стратегикон в течение последних 10 лет своего правления ¹¹.

Югославские историки, публикуя отрывки из Стратегикона, посвященные славянам, считают, что события, описанные в трактате, имели место при императоре Маврикии, ибо в нем упоминаются исключительно так называемые «влашские» славяне, жившие на левом берегу Дуная, против которых император Маврикий вел войны в 592—602 гг. Главы о славянах написаны на основании личных наблюдений автора. Кроме того, автор Стратегикона говорит об антах как о реальных врагах империи, в то время как последнее сообщение об антах датируется Феофилактом Симокаттой 602 г. Изучение данных о славянах приводит югославских ученых к выводу, что дату написания Стратегикона надо отнести ко времени после смерти Маврикия, т. е. к первым десятилетиям VII в. Вопрос же об авторстве Стратегикона они оставляют открытым ¹².

Споры о личности автора Стратегикона заставили ученых в последнее время принять условное название этого трактата — Стратегикон Псевдо-Маврикия ¹³.

Вполне естественно, что с вопросом о личности автора Стратегикона связана и проблема датировки этого памятника. Поэтому столь же спорен и вопрос о времени написания Стратегикона Псевдо-Маврикия. Большинство ученых относит этот трактат к концу VI в. ¹⁴, а некоторые — к началу VII в. ¹⁵ Раздаются отдельные голоса, которые (на наш взгляд, недостаточно аргументированно) относят Стратегикон даже к VIII в., признавая, правда, что часть трактата написана на основании данных более ранних источников ¹⁶.

В пользу ранней датировки Стратегикона Псевдо-Маврикия говорит с полной неопровержимостью то, что трактат нас вводит в реальную атмосферу упорной борьбы Византийской империи с варварским миром, борьбы, развернувшейся в VI—VII вв. Недаром в центре внимания анонимного автора трактата нахо-

¹¹ Г. Цанкова-Петкова. Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий». — «Известия на института за българска история», 7, 1957, стр. 330—344.

¹² «Византиски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955, стр. 127—129.

¹³ Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 417; B. Zástěrová. Les Avars..., p. 5.

¹⁴ Оссарес датирует памятник 580—584 гг. (F. Aussenances. Op. cit., p. 34); Г. Цанкова-Петкова — 592—602 гг. (указ. соч., стр. 333); В. Энслин относит памятник к концу VI — первой трети VII в. (RE, XIV, col. 2393—2394).

¹⁵ Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 419; E. Darkó. Influences..., p. 119.

¹⁶ K. E. Zachariae von Lingenthal. Op. cit., S. 457.

дятся описание тактики варварских народов, окружавших в то время Византию.

На основании упоминания в трактате различных варварских народов можно сделать очень важные выводы о его датировке. Так, с франками византийцы впервые столкнулись во время походов против готов в Италию; особенно ожесточенную борьбу империя вела с ними между 554 и 556 г. Столкновения с лангобардами у византийцев происходили также в Италии, и относятся эти войны к 568—572 гг. Нападения антов и славян на Византийскую империю имели место главным образом в правление Юстиниана и, что самое важное, после 602 г. в источниках нет более упоминаний о вторжениях антов в Византию.

Относительно походов византийских войск за Дунай, против живших там славян, о которых рассказывает трактат, также ничего не слышно после правления императора Маврикия. Авары совершали значительные военные экспедиции против Византии между 558 и 626 гг. С Ираном Византия вела постоянные войны в течение всего VI и в начале VII в. Однако после походов Ираклия в 628 г. и победы Византии войны с персами не играют какой-либо роли во внешней политике империи¹⁷.

Кроме того, бросается в глаза полное умолчание в трактате о таком новом грозном враге империи, напавшем на нее в середине VII в., как арабы¹⁸, а также о болгарах. Все эти соображения заставляют датировать Стратегикон Псевдо-Маврикия концом VI — первой половиной VII в.¹⁹

¹⁷ Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 419; «История Византии», т. 1, стр. 354—369.

¹⁸ Н. В. Пугулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946, стр. 28—30.

¹⁹ Gy. Moravcsik. La Tactique de Léon de Sage comme source historique hongroise.— «Studia Byzantina». Budapest, 1967, p. 221—224; Б. Застерова датирует памятник последним десятилетием VI и началом VII в. (B. Zástěrová. Les Avars..., p. 5). Советский византинист В. В. Кучма, много и успешно занимающийся изучением военных трактатов в Византии, преимущественно «Тактики Льва» (X в.), касается в своих трудах и Стратегикона Псевдо-Маврикия: В. В. Кучма. Византийские военные трактаты VI—X веков как источники по истории военного искусства Византийской империи.— АДСВ, вып. 4, 1966, стр. 31—56; *его же*. Состояние дисциплины в византийской армии по «Тактике Льва». — «Уз Пермского гос. ун-та», 143, 1966, стр. 124—127; *его же*. Военное дело в Византии по «Тактике Льва». Свердловск, 1966; *его же*. «Тактика Льва» в исторической литературе. (Историографический обзор). — ВВ, 30, 1969, стр. 153—165; *его же*. «Тактика Льва» как исторический источник. — ВВ, 33, 1972, стр. 75—87; *его же*. К вопросу о критериях достоверности сведений «Тактики Льва». — АДСВ, вып. 8, 1972, стр. 89—94; *его же*. Военно-экономические проблемы византийской истории IX—X вв. по «Тактике Льва». — АДСВ, вып. 9, 1973, стр. 102—113.

Описание общественного строя и военного искусства варварских народов

Большая историческая ценность Стратегикона Псевдо-Маврикия состоит прежде всего в том, что он дает сравнительную характеристику военной тактики византийцев и других, в том числе варварских, народов. Это позволяет в какой-то мере судить об относительном уровне развития военного дела и особенностях военного искусства у различных племен и народов в эпоху ожесточенной борьбы Византийской империи против варварского мира.

Отличительной чертой сообщений о военной тактике соседних с Византией народов является то, что в них не только характеризуются чисто военные качества того или иного народа, но приводятся ценные сведения общего характера об особенностях его политического устройства, нравах и обычаях ²⁰.

Автор объясняет причины, заставившие его обратиться к этой теме. Он подчеркивает, что необходимо описать способы ведения войны и обычаи в первую очередь таких народов, которые представляют в его время наибольшую опасность для империи, для того, чтобы те, кто пожелает вести с ними войны, могли бы заранее к этому подготовиться. Ведь не все народы одинаково ведут войны — одни из-за чрезмерной отваги действуют быстро и натиском, другие же бросаются на врага сомкнутым строем и соблюдают боевой порядок.

На первое место среди врагов Византии, военную тактику которых необходимо пристально изучать, автор Стратегикона ставит персов. И это вполне естественно, ибо вплоть до конца 20-х годов VII в. персы оставались главной опасностью для империи на Востоке.

Сведения Стратегикона о персах основаны, бесспорно, на близком знакомстве автора с этим народом, поскольку, видимо, он был сам участником персидских походов. Вместе с тем он использует и данные античных авторов ²¹.

Псевдо-Маврикий наделяет персов противоречивыми чертами. По словам автора Стратегикона, народ персидский трудолюбив, скрытен и склонен к рабству. Но все-таки он любит отечество и предан ему. Начальству повинуется со страхом и в войне, сражаясь за свою родину, терпеливо переносит тяжкие труды и ли-

²⁰ З. В. Удальцова. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия.— СВ, 23, 1969, стр. 61—77.

²¹ Gy. Moravcsik. Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung.— «Polychronion. Festschrift Franz Dölger zu 75. Geburtstag». Heidelberg, 1966, S. 366 f; A. Graf. Quatenus auctores Byzantini medii aevi ineuntis in populis nationibusque describendis ab antiquis pendere videantur.— «Egyetemes philologiai közlön», 57, 1933.

шения. На войне он следует правилам военного искусства. Военный строй персов отличается порядком, и действуют они, соблюдая его, а не с безрассудной храбростью и опрометчивостью. Как и римляне, они делят войско на три части — центр и фланги, которые находятся во взаимодействии. Персы сильны в нападении и еще более в обороне. В жарких странах легко переносят зной, голод и жажду. Они отличаются особой способностью скрывать свое горе и мужественно переносить несчастье, обыкновенно с веселым видом ²².

При переговорах персы обычно далеки от того, чтобы просить мира, и соглашаются на него неохотно. Персы не храбрее других воинственных народов, но все же склонны к войне. Они любят уклоняться от открытого боя и изнурять противника ожиданием схватки. И после сражения они продолжают биться. На нападение решаются не торопясь, а обдуманно и выждав удобное время. Вооружены хорошо — носят панцири, мечи; персы — искусные лучники. Продолжительный холод и дожди изнуряют их и ослабляют прочность луков, так как отсыревает тетива.

Псевдо-Маврикий советует применять против персов армию, состоящую из конницы и пехоты, и наносить удар не по фронту, а с флангов или с тыла ²³.

Отрицательные черты персов — такие, например, как склонность к рабству и слепому повиновению властям, естественно, были порождены деспотическим общественным строем Сасанидской монархии. Все они вполне соответствуют тому, что известно о персидской армии и персидском народе из других источников, близких по времени к Стратегикону Псевдо-Маврикия, но вместе с тем уточняют эти данные и придают им особую правдивость.

Среди врагов, грозивших империи в его время, на второе место после персов Псевдо-Маврикий ставит скифские народы — авар и турок.

Скифами он называет эти тюркские племена по традиции, заимствованной у античных авторов, но описание их вполне современно и носит, на наш взгляд, лишь незначительные следы заимствований и шаблона ²⁴. Описание быта, общественных отно-

²² Strateg., XI, 2.

²³ Ibidem.

²⁴ В научной литературе последних десятилетий живо дебатруется вопрос о том, насколько византийские авторы при описании варварских народов были самостоятельны и что они заимствовали у античных писателей. См.: K. Lechner. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner (Die alten Beziehungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewusstseins). Diss. München, 1954. Автор этой работы пытается проследить, как византийские писатели стремятся среди массы варваров, окружавших империю, выявить специфические черты, присущие отдельным народам. Cp. A. Dihle. Zur hellenistischen Ethnographie. Grecs et Barbares. Vandoeuvre—Genève, 1961.

шений, военной организации авар достаточно реалистично и говорит о том, что они были врагом, которого византийцы уже достаточно хорошо знали и с которым постоянно сталкивались. О турках же Псевдо-Маврикий знает гораздо меньше, и сведения о них суммарны.

Автор трактата подчеркивает прежде всего общность военной тактики всех скифских племен, у которых распространен одинаковый военный строй и боевой порядок. Начальников у них много, но они невежественны в военном искусстве. Лишь авары и турки имеют лучшую военную организацию и действуют сомкнутым строем.

Турецкие племена, по словам Псевдо-Маврикия, многочисленны, независимы, не занимаются ни ремеслами, ни искусством, не заботятся ни о чем, кроме того, чтобы стойко биться с неприятелем²⁵.

Авары же, наоборот, трудолюбивы, способны к восприятию культуры и очень опытни в военном деле. Они управляются одним вождем, но повинуются ему со страхом, а не с любовью; труды и лишения, жару, холод и прочие невзгоды они переносят стойко²⁶.

Авары, в отличие от турок, любознательны, но скрытны. Их уже в какой-то мере коснулось влияние культуры. Вместе с тем общение с народами, стоявшими на более высоком уровне экономического и культурного развития, породило и некоторые весьма отрицательные их черты.

Авары, по словам Псевдо-Маврикия, одержимы беспримерной алчностью к деньгам. Они вероломны, коварны, продажны, клятв не соблюдают, договоров не исполняют, их нельзя удовлетворить никакими подарками, так как прежде, чем получить предложенное, они уже замышляют обман и готовы отказать от того, на что согласились. Подобное коварство и корыстолюбие часто вредят самим аварам, так как многие из них ради выгоды становятся перебежчиками.

Интересны данные Стратегикона о наличии у авар родо-племенного строя, который оказывает влияние и на их военную организацию. Племя авар, по словам автора, состоит из многочисленных родов, которые не имеют согласия между собой; когда вследствие этого понемногу начинают возникать между

---

²⁵ Strateg., XI, 3.

²⁶ Ibidem. Очень интересный анализ данных Стратегикона Псевдо-Маврикия об аварах дает Б. Застерова. Исследовательница проделала огромную работу по отделению «общих мест», заимствованных в Стратегиконе у античных авторов, от подлинных известий об аварах (*B. Zăsterová. Les Avares...*, p. 15—44). Ср. *K. Lechner. Byzanz und die Barbaren.* — «Saeculum», 6/3, 1955; ср. *Г. Фехер. Аваро-византийские сношения и основание Болгарской державы.* — «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», V, 1954, p. 55—59.

ними раздоры, то у них появляется много людей, бегущих в империю ²⁷.

Псевдо-Маврикий особенно подробно характеризует военную организацию авар. Это племя старается победить врагов не в открытом сражении и военной силой, а при помощи обмана и хитростей. В отличие от персов и византийцев, они не делят свое войско на три части.

Авары — прекрасные конники, они искусно на скаку стреляют из лука. Их вооружение состоит из лат, мечей, луков и длинных копий, причем в бою у многих имеется по два копия. Они сражаются разомкнутым строем, вытянутым в одну линию и состоящим из отдельных вагаг; неприятеля преследуют, пока полностью его не рассеют; они стойки в бою и продолжают битву даже после поражения, пока не будут разбиты наголову.

Сражаться против авар надо также при помощи конницы. Для них особенно чувствителен недостаток в пастбищах, так как при войске они ведут много животных, поэтому следует лишать их пастбищ ²⁸.

Таким образом, авары предстают перед нами как варварское пастушеское племя, разделенное на многие роды, постоянно враждующие между собой. Их общественный строй примитивен, хотя и содержит некоторые элементы цивилизации. Политическое устройство авар характеризуется деспотической властью единого правителя — кагана при сохранении сильного влияния родоплеменных отношений ²⁹. Военная же тактика авар близка к тактике конного боя, распространенной у всех тюркских народов ³⁰.

Данные Стратегикона об аварах подтверждаются другими источниками, в частности известиями Феофилакта Симокатты ³¹.

Тот факт, что Псевдо-Маврикий уделяет особое внимание прежде всего борьбе против персов и авар, показывает, что в его время восточные народы доставляли наибольшее беспокойство правителям империи.

---

²⁷ Strateg., XI, 3. Об общественном и политическом строе авар см.: *A. Kollautz*. Die Avaren. Die Schichtung in einer Nomadenherrschaft. — «Saeculum», 5/2, 1954; *B. Zisterová*. Beitrag zur Diskussion über den Charakter der Beziehungen zwischen Slawen und Awaren. — «Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines», II. Beograd, 1964, p. 244 sq.

²⁸ Strateg., XI, 3.

²⁹ Для изучения общественного строя авар и их материальной культуры много дают археологические разыскания: *D. Csallany*. Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Schrifttum und Fundorte. Budapest, 1956. Об аварах см.: *A. Kollautz*. Quellenbuch zur Geschichte des Awaren. Praha, 1944; *J. Déér*. Karl der Grosse und der Untergang des Awarenreiches. Sonderdruck aus Karl der Grosse, Bd. I, S. 758 f. *L. Sternbach*. Analecta Avarica. Cracoviae, 1900.

³⁰ Об этой тюркской или туранской военной тактике см.: *E. Dardò*. Influences..., p. 138—139.

³¹ *H. W. Haussig*. Theophylakts Excurs über die Skythischen Völker.—Byz., 23, 1953, p. 281—290.

Само собой разумеется, что и западные народы играли немаловажную роль во внешней политике Византии конца VI—VII в., но все же меньшую, чем восточные.

Четвертая глава XI книги Стратегикона посвящена описанию способов ведения войны против рыжеволосых народов, т. е. против франков и лангобардов.

В этой главе содержится интереснейшая характеристика германцев, не встречающаяся в историографии со времен Цезаря и Тацита³². Хотя надо отметить, что в рассказе Псевдо-Маврикия о франках и лангобардах не чувствуется личного знакомства автора с их бытом и нравами. Скорее всего, сведения он черпал из рассказов византийских командиров, сражавшихся в Италии и знавших ближе германские племена.

Рыжеволосые народы, утверждает Псевдо-Маврикий, любят свободу, смелы и неустрашимы в боях, атакуют быстро и стремительно. Трусость и малейшее отступление считаются у них позором. Смерть они презирают; одинаково хорошо сражаются как в пешем, так и в конном строю, но предпочитают пеший бой и быстрые набеги. Если во время боя они окажутся в затруднительном положении, то все конные слезают с лошадей и продолжают сражаться, спешившись, но не отказываются от боя, хотя бы пришлось биться с далеко превосходящей их числом конницей³³.

Как и другие варварские народы, франки и лангобарды не имеют упорядоченного боевого строя; строятся они не в определенном порядке, не по частям, а как придется. Очень важны сведения Псевдо-Маврикия о том, что франки и лангобарды при воинском построении следуют принципу кровного родства. По его словам, они строятся во время битвы по кровному родству или по дружбе, причем часто, если перебьют их друзей, они, стараясь отомстить за них, бросаются на явную погибель³⁴.

Важные штрихи, встречающиеся в рассказе Псевдо-Маврикия, дополняют наши представления и о политическом строе германцев. Подчеркивая их свободолюбие, Маврикий сообщает, что, в противоположность персам, начальникам своим они повинуются очень неохотно, словно вовсе лишены страха перед ними³⁵. В отличие от авар, они не любознательны, не пекутся о совершенствовании образа жизни, а также о развитии искусств и о своем благосостоянии, а более всего заботятся о конном строе. Их легко подкупить деньгами и, так же как авары, они очень корыстолюбивы³⁶. Труды и лишения они переносят нелегко. Поэто-

³² *E. Norden. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig — Berlin, 1920.*

³³ *Strateg.*, XI, 4.

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Ibidem.*

му, хотя франки и другие германцы сильны духом и готовы перенести лишения, тела их подвержены болезням, изнежены и неспособны к длительным испытаниям. На них губительно действуют жара и холод, дожди, недостаток в съестных припасах, особенно в вине, а также уклонение противника от боя, которое охлаждает их боевой порыв ³⁷.

Маврикий советует византийским полководцам не вступать в открытый бой с рыжеволосыми народами, а устраивать против них засады, действовать хитростью, обманом, медлить и затягивать время мирными переговорами, чтобы отвaga и свирепость их ослабели от недостатка съестных припасов, а также от жары или холода.

В случае же необходимости столкновения с франками и лангобардами их легко разбить с фланга или тыла, так как они не заботятся об их охране ³⁸.

Итак, франки и лангобарды, по Псевдо-Маврикию, — народы свободолюбивые, безрассудно смелые и воинственные, но вместе с тем физически изнеженные и корыстолюбивые. У них сильны и родо-племенные отношения, и они не повинуются властям. Они мало заботятся о земледелии, ремеслах и искусствах, а больше всего занимаются военным делом. У них сохраняются пережитки родо-племенной организации армии и своеобразная тактика смешанного конного и пешего боя ³⁹.

Наряду с восточными и западными варварскими народами в конце VI — начале VII в. постоянными врагами Византии выступали задунайские славяне и анты. Как и при описании других народов, рассказывая об антах и славянах, Маврикий сообщает ценнейшие сведения не только об их военном искусстве, но и о хозяйстве, политическом и общественном строе, быте и нравах. Для историка это особенно важно.

Достоверность и значение данных Псевдо-Маврикия для истории славян в научной литературе оценивались по-разному ⁴⁰. Недавно чешская исследовательница Б. Застерова еще раз изучила данные этого памятника о славянах и попыталась отделить шаблонные общие места (τόλοι), заимствованные автором у античных писателей, от оригинальных сведений о жизни славян и их

---

³⁷ Strateg., XI, 4.

³⁸ Ibidem.

³⁹ L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, I. München, 1941.

⁴⁰ С. А. Жебелев. Маврикий (стратег); А. Клибанов. Военная организация на старите славяни. — «Исторически Преглед», 4, 1945/46, стр. 193—209; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв., стр. 28—30; В. В. Мауродин. К вопросу об «антах» Псевдо-Маврикия. — «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 32—41; В. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 174 сл.; «История Болгарии», т. I, под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева. М., 1954.

общественном строе в конце VI — начале VII в.⁴¹ Исследовательница пришла к весьма оптимистическим выводам. Она выяснила, что главы о славянах и антах занимают особое место в Стратегиконе как в смысле объема, так и с точки зрения концепции автора. Псевдо-Маврикий, правда, рассматривал славян с позиций античной этнографии, особенно когда речь шла о влиянии природной среды на образ жизни и военную тактику славянских племен. В этих главах рассказ Псевдо-Маврикия особенно близок к этнографическим экскурсам античных авторов, в частности Геродота. Иногда автор прибегает к литературным эффектам: таков, например, рассказ о целомудрии славянских женщин, кончавших самоубийством на могиле своих мужей. Описание быта, нравов, образа правления и социального строя славян у Псевдо-Маврикия подчинено главной цели — выработать действительную военную тактику для борьбы с этими варварами во время походов византийской армии за Дунай. Однако все это не умаляет достоверности сведений Псевдо-Маврикия о славянах. Если сравнить известия Стратегикона о славянах и о кочевых тюркских народах, то первые, несомненно, более достоверны. Данные Псевдо-Маврикия о славянах достаточно конкретны, правдивы и выдерживают проверку материалами других источников⁴².

По Псевдо-Маврикию, славяне и анты представляли собой варварские племена, близкие по общественному строю к германцам. Как и франки и лангобарды, они любят свободу, не склонны ни к рабству, ни к повиновению властям, храбры, особенно в своей земле. В отличие от германцев, они чрезвычайно выносливы. Характерной чертой их является необычайное гостеприимство. У славян и антов существует патриархальное рабство. Интересно, что о рабах у других народов, кроме персов, Маврикий не упоминает⁴³.

Политический строй славян и антов тоже сходен с политическим устройством других варварских племен, прежде всего германцев. У славян и антов, как у франков и лангобардов, много князей, которые спорят между собой и которым славяне повинуются неохотно. Внутри племен и между племенами царят раздоры, которые их ослабляют⁴⁴.

Славяне и анты, по словам Маврикия, обычно не соглашались заключать мир; покорить их можно скорее силой, чем подарками, они не корыстолюбивы, как франки и авары. Сражаются славяне

⁴¹ B. Zástěrová. Les Avars..., p. 45—80. Там же дан тщательный анализ литературы вопроса. См.: P. Lemerle. Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au XIIIe siècle. — «Revue Historique», 211, 1954, p. 265—308.

⁴² B. Zástěrová. Les Avars..., p. 81—82.

⁴³ Strateg., XI, 5.

⁴⁴ Ibidem.

в лесах и теснинах; как и другие варвары не имеют военного строя, устраивают засады, умело переправляются через реки, используя плоты, склонны к всяческим военным хитростям.

Маврикий дает подробные указания, как надо совершать походы в страну антов и славян. С удивительной беззастенчивостью дает он рецепты, как лучше грабить страну славян и вывозить из нее добычу. Против славян и антов, утверждает он, надо совершать походы зимой, когда реки замерзнут, а лес стоит обнаженным и славянам негде делать засады⁴⁵.

Когда речь идет о славянах и антах, в отличие от известий о франках и лангобардах, чувствуется личная осведомленность автора, его непосредственные наблюдения над жизнью этих племен. Заканчивая рассказ о различных народах, он прямо пишет: «Это мы написали, как сумели, почерпнув из своего опыта и из сочинений древних писателей»⁴⁶.

О персах, аварах, славянах и антах Маврикий действительно знает больше, чем о франках и лангобардах, не говоря уже о турках⁴⁷. Тем не менее все сведения о народах, окружавших Византию, интересны и правдивы.

Из рассказа Псевдо-Маврикия о военном искусстве врагов Византии явствует, что наиболее высокого уровня в военном деле достигли в ту пору персы, которые были самыми опытными и организованными противниками империи, что соответствовало более высокому уровню социально-экономического развития Сасанидской Персии по сравнению с варварскими народами.

Из варварских племен, нападавших на Византию, наиболее опытными в военном искусстве были авары, хотя они и не имели такой регулярной военной организации, как персы и византийцы. Зато они обладали преимуществами военной тактики полукочевых тюркских народов, спаянных крепкой властью кагана.

Что касается германцев, то в военных столкновениях они брали верх скорее храбростью, чем организованностью, и при отсутствии крепкой политической власти в VI — начале VII в. еще не выработали прочной военной организации.

То же относится и к военной тактике славян и антов, особенностью которой по сравнению с другими народами являлось умелое использование преимуществ местности, применение различных военных хитростей.

В целом для своего времени рассказ Псевдо-Маврикия о военной тактике соседних народов бесспорно имел огромное не только теоретическое, но и вполне практическое значение, как руководство к действию.

⁴⁵ Strateg., XI, 5.

⁴⁶ Ibidem; B. Zástěrová. Les Avars..., p. 45—80.

⁴⁷ P. Charanis. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century.— «Dumbarton Oaks Papers», XIII, 1959, p. 23—44.

Характеристика византийского военного искусства и образ идеального полководца

Стратегикон Псевдо-Маврикия содержит ценнейший материал об организации самой византийской армии.

Особый интерес имеют советы главнокомандующему, как бы обобщающие весь опыт верховного командования, накопленный римлянами и византийцами в течение веков. Правила поведения главнокомандующего включают как чисто военные, так и политические меры, которые должен принимать полководец для успешного ведения войны. А на основе этого создается образ идеального, с точки зрения византийцев того времени, главнокомандующего. Идеальный образ полководца был создан Псевдо-Маврикием как из личного опыта и требований времени, так и на основе советов античных и позднеримских авторов, в первую очередь Оносандра и Вегеция⁴⁸.

Очень большое значение Псевдо-Маврикий придает личным качествам главнокомандующего, а не его знатности и высокому происхождению. Вслед за Оносандром Псевдо-Маврикий считает, что лучший главнокомандующий — не тот, кто славен родом, а тот, кто более опытен в военном искусстве⁴⁹.

Маврикий требует от главнокомандующего уже несколько иных личных качеств, чем Оноандр. Первое требование, соответствующее понятиям тогдашнего византийского общества, — это быть благочестивым⁵⁰. Полководцу необходимо прежде всего обеспечить помощь божью, ибо склоня бога на свою сторону, он сам будет отважнее⁵¹.

Автор Стратегикона сам, бесспорно, верующий христианин, и от главнокомандующего он тоже требует религиозной ортодоксальности.

Главнокомандующий обязан предотвращать и подавлять всяческие восстания и мятежи в войсках. Псевдо-Маврикий советует полководцу смотреть на проступки, совершенные многими войсками сообща, снисходительно и присуждать к наказанию не всех, а только подстрекателей, иначе одинаковое для всех наказание возбудит еще большее неудовольствие и бунт солдат.

В повседневной жизни полководец должен искать популярности у солдат, в обращении с ними держать себя просто и лю-

⁴⁸ A. Dain. La tradition des stratégistes byzantins. — Byz., 20, 1950; *idem*. La «Tactique» de Nicephore Ouranos. Paris, 1937; *idem*. L'«Extrait Tactique» tiré de Léon VI. le Sage; *idem*. Les manuscrits d'Onésandros. Paris, 1930.

⁴⁹ Strateg., VIII, 2. Оноандр писал, что при выборе главнокомандующего не надо обращать внимания ни на его происхождение, ни на богатство, но на то, чтобы он был безупречен, умерен, сдержан, не обжора, трудолюбив, образован, не стар, не слишком молод, чтобы был по возможности отцом семейства, красноречив и популярен.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid., VIII, 1.

бить их, как отец своих детей, вступать с ними в разговоры, даже фамильярные, в соответствии с их понятиями.

Но относительно наложения справедливых наказаний полководец обязан быть твердым, непоколебимым и справедливым, в особенности когда надо наказать вожakov восстания, а не ждать, пока оно разрастется.

Советы Псевдо-Маврикия проникнуты страхом перед войском. Для выполнения какого-либо предприятия не следует сводить сразу все войско в одно место; нерадивых надлежит наказывать не сразу, а после, чтобы не дать повод к бунту. Воины всегда возбуждены, даже если бой им не предстоит, поэтому их надо постоянно занимать делом. Если войско будет бездействовать, праздность станет причиной волнений.

Главнокомандующий не должен быть слабым к тем, кто совершает проступки по лености или со злым умыслом, ибо нельзя потворствовать дурным намерениям и безделью. Но он не должен налагать взысканий из-за того только, что имеет право наказывать, а обязан карать за настоящую вину — скоро и с разбором⁵².

Излишний страх перед главнокомандующим из-за его чрезмерной строгости вызывает в войсках ненависть к нему, а излишняя снисходительность — презрение.

Очень важно для полководца заслужить доверие воинов. В мирное время дисциплина и взыскания заставляют солдат исполнять свои обязанности, в военную же страду они становятся послушными вследствие доверия к вождю и из-за награды⁵³.

Чтобы заслужить уважение солдат, полководец должен всегда сам являться для них лучшим примером. Если дело важное, он обязан взять руководство в свои руки и трудиться по возможности наряду с прочими, — воины будут тогда охотнее повиноваться и легче переносить тяготы⁵⁴.

Итак, мы советуем главнокомандующему, пишет Псевдо-Маврикий, прежде всего быть благочестивым и справедливым, опытным в военном деле, умным и решительным, ко всему относиться спокойно и невозмутимо, в одежде и пище быть простым и умеренным, не заботиться слишком о своем теле, своими подчиненными управлять ровно и во всем быть примером для них⁵⁵.

Особенно предостерегает Псевдо-Маврикий полководца от проявления жадности. Корыстолюбивый главнокомандующий был бы самым опасным врагом для своего войска, да и неприятели его

⁵² Strateg., VIII, 2.

⁵³ Ibidem. Римский военный писатель Вегеций, у которого Псевдо-Маврикий заимствовал эти строки, ничего, однако, не говорит о доверии солдат к вождю как необходимом условии их послушания на войне.

⁵⁴ Strateg., VIII, 1.

⁵⁵ Ibid., praef., См.: В. В. Кучма. Военное дело в Византии по «Тактике Льва».

презирали бы ⁵⁶. Полководец должен вести строгий образ жизни: есть умеренно, спать немного и в ночное время думать о том, что предстоит сделать завтра.

Благоразумие в соединении с решительностью являются лучшим украшением полководца. Не тот страшен врагам, кто умеет красиво говорить, а кто умело действует. Полководец должен идти на важное дело не сразу, а внимательно все обдумав; приняв же решение, — действовать без промедлений. Нельзя ни по лености, ни из страха упускать благоприятного случая для приведения в исполнение задуманного предприятия, ибо счастливых случай на войне краток.

Не возноситься при удаче, не падать духом при неудаче — это достоинство твердого и непоколебимого ума. Кто не зазнается в удаче и не теряет головы при несчастьи, тот явно предназначен для того, чтобы командовать войсками.

Псевдо-Маврикий поучает полководца, настоятельно требуя осторожности и соблюдения тайны при осуществлении важных дел. О том, что надо сделать, можно советоваться со многими, о том же, что он намерен предпринять, — лишь с немногими доверенными лицами. Наилучший план надо выбрать самому и самому же его выполнить ⁵⁷.

Основная заповедь полководца — осторожность, умение применить военную хитрость и постоянная подозрительность. Важное дело надо доверять не всем, а только немногим, более опытным. Кто не желает, чтобы неприятель знал его планы, тот пусть не сообщает их многим приближенным. Полководец никогда не должен обнаруживать своих намерений неприятелю, а постоянно стараться обмануть его. Маврикий советует полководцу не особенно доверять полученным донесениям, иначе его сочтут легкомысленным человеком.

Благоразумный полководец никогда не вступит в генеральное сражение с неприятелем, если нет крайней необходимости ввиду чрезвычайной обстановки или если не представится благоприятный случай. Безопаснее и выгоднее — побеждать врага благоразумием и военным искусством, нежели силой оружия. Неприятелю всегда надо показывать одно, а делать другое ⁵⁸.

Доверие осажденных в городе или крепости надо приобретать, подбрасывая подметные письма при помощи стрел, где будет обещана свобода и безопасность в случае сдачи, а также давая щедрые обещания через отпускаемых на волю пленников.

В этом отношении Стратегикон Псевдо-Маврикия является своего рода кодексом вероломства, содержащим советы, как обманывать врага, не брезгуя любыми средствами. Не надо, поучает

---

⁵⁶ Ibid., VIII, 2.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibid., VIII, 1.

Маврикий, упускать или пренебрегать тем, что считается неприятелем или нашими воинами нечестным: хитростями и засадами, а наоборот, всячески пользоваться ими перед боем.

Важнейшими правилами поведения полководца должны быть следующие: скрывать поражение и раздувать успехи, распространять ложные слухи; стараться всеми мерами внести раскол в стан противника. Для этого можно воздержаться от разорения и опустошения владений, принадлежащих главным неприятельским вождям, с целью возбудить в неприятельском войске подозрения против них и несогласия в среде их приближенных.

На войне, по мнению Маврикия, более всего пригодна хитрость. Лучше сражаться с помощью хитрости, так как в бою весьма часто главную роль играет не храбрость, а счастье. Самые лучшие средства на войне — те, о которых неприятель не знает до той поры, пока они не обнаружатся сами. Осторожный и хитрый полководец менее подвержен случайностям. Неосторожный вождь одинаково приносит вред как себе, так и войску. Умный же и решительный делает все во время и удерживает пыл воинов.

Маврикий советует использовать лазутчиков и перебежчиков для обмана неприятеля. Если наша позиция крепка, пишет он, то лазутчика можно отослать к неприятелю, пусть расскажет об этом. Если же она слаба, то, пыткой выведав нужное от лазутчика, следует его повесить или отослать в укрепленное место.

Обман, недоверие, хитрость — вот важнейшее оружие полководца. Нужно всегда обманывать неприятеля и не доверять перебежчикам. Перебежавшим в стан врага следует писать письма, которые могут попасть к неприятелю и напоминать о том, чтобы перебежчики выбрали удобное для измены время. В результате их будут подозревать, что они снова убегут⁵⁹.

Если кого-либо подозревают в шпионаже, то надо распространять при нем противоположное тому, что предпринимается, чтобы неприятель оказался обманут собственным же шпионом. Никогда не следует доверять показаниям перебежчиков, а всегда сравнивать их сведения с показаниями взятых в плен, и только при этом условии возможно установить истину.

Сдающихся в плен следует остерегаться принимать сразу, ибо неприятель часто посылает своих агентов под видом лиц, ищущих покровительства, а они потом обманывают принявших их. Следить за перебежчиками в городах, чтобы они не устроили пожаров, ибо когда гарнизон будет занят тушением их, то неприятель легко может овладеть городом⁶⁰. Если твой план войны выдан неприятелю, поучает Маврикий вслед за Вегецием, — перемени его.

Даже во время перемирия или переговоров о мире надо остере-

⁵⁹ Strateg., VIII, 2; R. Grosse. Das römisch-byzantinische Marschlager...

⁶⁰ Strateg., VIII, 2.

регаться обмана. Более того, после победы обязательно следует удвоить бдительность. Хитрых надо избегать более, чем злых. Если последние что и сделают, то не сумеют этого скрыть, замыслы же первых очень трудно угадать⁶¹.

Крайнее недоверие внушают Псевдо-Маврикию не только неприятели и перебежчики, но и союзники византийцев и прежде всего варварские вспомогательные войска. Он советует не давать оружия союзникам, пока не будет доказана их верность. Благодарен тот император, который не приглашает в свои владения вспомогательных войск больше, чем его собственные, чтобы пришельцы не устроили заговора и, свергнув своих повелителей, не подчинили бы их царства⁶². Полчища союзников нельзя располагать вместе с византийскими войсками, надо позаботиться, чтобы у них были обособленные лагеря и чтобы в походе они шли отдельно; надо стараться скрывать от них собственные боевые построения и способы ведения войны, чтобы варвары не воспользовались этим, если впоследствии придется воевать с ними⁶³. Вспомогательные войска Маврикий советует набирать по возможности из разных национальностей, чтобы затруднить им сговор.

Вместе с тем, постоянно опасаясь измены союзников-варваров, полководец не должен восстанавливать их против себя. Поэтому главнокомандующий обязан одинаково относиться как к своим войскам, так и к союзническим, и быть в равной мере справедливым как к тем, так и к другим. Союзников надо награждать подарками, а собственных воинов — увеличением им жалования, в зависимости от их заслуг⁶⁴.

Отношение Псевдо-Маврикия к варварским войскам очень характерно для атмосферы взаимного недоверия и подозрительности между византийцами и варварами, служившими в армии императора, о чем так много сообщают другие византийские историки VI—VII вв. — Прокопий, Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта. Вместе с тем тяжелая необходимость заставляла византийское правительство пользоваться услугами вспомогательных отрядов варваров. Поэтому Псевдо-Маврикий советует полководцу, выбирающему удобную для сражения местность⁶⁵, иметь в виду не только вооружение, но и национальные особенности войска.

Псевдо-Маврикий считает, что полководец обязан быть глубоким психологом и знать достоинства и слабости каждого из

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem. См.: Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III. М., 1938. Автор довольно скептически относится к достоверности известий византийских военных трактатов (там же, стр. 141—146).

⁶⁵ Главнокомандующий должен изучить страну, где ведется война, узнать, здоровый ли там климат, имеется ли провиант, фураж и дрова.

своих военачальников, а также точно определять, кому и что лучше поручить.

Чрезвычайно важно для полководца знать также и личные качества главнокомандующего армией противника. Если неприятельский вождь смел до безрассудства, то уместно вызывать его на выгодный для себя бой; если он в меру осторожен, то выгоднее тревожить его частыми нечаянными нападениями ⁶⁶.

Настоящий полководец, на войне вообще и в бою в частности принимает во внимание и счастливыи исход, и неудачу и готовиться к тому и другому. Предвидение—одно из ценнейших качеств военачальника. Полководец всегда должен думать не только о настоящем, но и о будущем ⁶⁷.

Исправить совершенную на войне ошибку трудно, почти невозможно. Полководцу не следует вести войско в бой, не убедившись заранее в его мужестве.

В решении всех дел полководец должен исходить исключительно из интересов своего государства. Руководствоваться он обязан принципом: что для тебя выгодно, то невыгодно неприятелю и наоборот. Делать же надо единственно то, что выгодно тебе ⁶⁸.

Строгие правила касаются обращения полководца с населением. Индивидуальный грабеж воинов надо запрещать, а проводить политику планомерного захвата добычи, выделяя особые отряды для грабежа, а другие — для охраны грабящих. Особенно опасно разрешать воинам грабить неприятеля и население сразу после боя, когда враг разбит, но может еще оправиться и нанести ответный удар. Если бы полководец разрешил грабеж после боя, все воины разбежались бы за добычей и он рисковал бы остаться один.

Разбитого неприятеля надо преследовать в порядке, иначе упустишь победу.

С населением завоеванных стран надо обращаться осторожно. Взяв многолюдный город, следует приказать открыть ворота, чтобы большая часть жителей могла свободно уйти из него, а не доводить их до ожесточения и отчаяния и не заставлять их сопротивляться ⁶⁹. Так же следует поступать и при захвате неприятельского лагеря.

Полководец обязан постоянно заботиться о моральном состоянии своих воинов, думать об их настроении. Во время боя не надо обращать внимания на случайные ошибки воинов; виновников же беспорядка наказывать позже; раненым необходимо оказывать помощь, ибо если их бросить, то и другие воины неохотно пойдут в бой; тела своих убитых солдат погребать тихо ночью,

---

⁶⁶ Здесь Псевдо-Маврикий следует за Вегецием.

⁶⁷ *Strateg.*, VIII, 2.

⁶⁸ *Ibidem.*

⁶⁹ *Ibid.*, VIII, 1.

а тела врагов оставлять на поле битвы, чтобы они возбуждали у неприятеля страх.

Главнокомандующий должен быть строг и внимателен при расследовании проступков воинов и снисходителен при наложении взысканий. Тогда подчиненные будут его любить.

Когда командующий ведет войско в бой, он должен казаться веселым, потому что простые воины судят о предстоящем исходе боя по настроению руководителя ⁷⁰. В день битвы полководец должен весело явиться перед войском, воодушевить его речью, но не вступать лично в бой, потому что это дело не главнокомандующего, а простых воинов. Пусть он не слишком спешит нападать на неприятеля и не покидает войска в минуту опасности. В речи к войску следует похвалить за подвиги и неприятеля, чтобы показать себя справедливым даже к противнику и чтобы свои воины не слишком зазнавались.

Если война ведется против неизвестного и могущественного народа, а войско почему-то боится его, то нужно не вступать сразу в генеральное сражение, а прибегать сначала к отдельным нападениям ⁷¹.

В сражении надо хорошо уметь пользоваться условиями времени и места. Ведь часто помогает местность и порою делает слабых сильнейшими. Кто не сравнит своих сил с неприятельскими, тот может жестоко ошибиться.

Полководец совершил бы большую ошибку, если бы с самого начала ввел бы все силы в сражение, не оставив резерва. Неприятеля пугает внезапность и неожиданность.

Отступить вовремя, чтобы затем опять перейти в наступление, более всего зависит от искусства полководца. Нельзя доверять ни гуманным предложениям противника, ни его бегству. Всегда следует остерегаться преследовать неприятеля в местности, удобной для засад. Разбитого противника надо преследовать до конца и уничтожать.

Большое значение придается обучению и вооружению армии. Автор подчеркивает, что немногие рождаются храбрыми, большинство же становятся годными для боя благодаря старанию и упражнениям.

Как армия, так и полководец должны быть всегда в боевой готовности. Но войско нельзя пугать трудностями и опасностями. Если оно равно по силе неприятельскому, то лучше вести войну на чужой территории: войска там предприимчивее, так как сражаются не только за государство, но и за себя, а в своей стране надеются на крепости, куда могут отступить.

Боевой порядок всегда надо сообразовать с неприятельским. Кто не заботится о том, что нужно войску для победы, тот бывает разбит до сражения.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibid., VII, 12.

Псевдо-Маврикий советует полководцу умело и осторожно вести переговоры о мире, при этом особенно следить за охраной. Нельзя нарушать клятву, данную неприятелю. Полководец после победы должен выслушать врагов, если они предложат мир на выгодных условиях и без обмана; с послами нельзя держать себя высокомерно, а нужно быть ласковым и принимать их в присутствии лучших своих воинов.

Придавая огромное значение личности полководца, Псевдо-Маврикий указывает, что действия подчиненных зависят от способностей вождя. В подтверждение этой мысли он приводит изречение, приписываемое Ганнибалу: «Лучше, если лев предводительствует над лаями, нежели лань над львами»⁷².

Вместе с тем автор Стратегикона признает, что «толпа» далеко не всегда оценивает полководцев по заслугам. Толпа, пишет он, обыкновенно больше ценит счастливого, нежели храброго полководца, потому что первому многое удастся без труда, а второму с большими потерями⁷³.

Политическое кредо и военная доктрина

Политическое кредо Псевдо-Маврикия предельно ясно. Оно сводится к тому, что во имя достижения цели на войне можно использовать любые средства. Недаром Стратегикон Псевдо-Маврикия стал для Макиавелли своеобразной программой беспринципных и коварных действий в политике и военном деле.

Автор Стратегикона был благочестивым христианином. Он верил, что без помощи бога победить нельзя, ибо все делается по воле божественного провидения, которое руководит не только людьми, но даже животными⁷⁴. Во вступлении к Стратегикону Псевдо-Маврикий подчеркивает свою безусловную ортодоксальность.

Служение государству он считает одной из своих важнейших жизненных задач. Именно благочестие и желание принести пользу государству толкнули его к написанию этого труда, созданного для того, чтобы дать практическое руководство по военному делу современникам, используя сочинения древних авторов. Он заботится поэтому не о красоте слога и красноречии, а об изложении основ военного искусства.

Требования времени заставляют его употреблять латинские военные названия, знакомые войску, наряду с греческими.

Он сознает высокую ответственность, иначе на него падет обвинение в плохом обучении войска и неопытности начальников⁷⁵. Это, кстати, может служить лишним аргументом в пользу

⁷² Strateg., VII, 12.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Ibid., praef.

⁷⁵ Ibidem.

авторства Маврикия как верховного главнокомандующего, на которого ложилась ответственность за состояние армии.

Итак, Стратегикон Псевдо-Маврикия — своеобразный и ценный памятник истории военного искусства раннего средневековья, бесспорно заслуживающий внимания исследователей.

Он интересен, на наш взгляд, в трех аспектах. Прежде всего он показывает эволюцию военного искусства и военной мысли в империи от античной эпохи до VII в. Мы видим, как на античной основе вырастает уже своя, византийская военная доктрина, приспособленная к новым условиям времени, острие которой направлено на борьбу с варварскими народами, теснившими империю со всех сторон. Основой военной доктрины является тезис о том, что благо государства превыше всего и для достижения победы хороши любые средства: жестокость, обман, хитрость, вероломство, постоянное недоверие и к своим солдатам, и к союзникам, особенно варварам. Вместе с тем этот «кодекс вероломства» соединяется у Псевдо-Маврикия с христианской ортодоксальностью и провиденциалистской верой в промысел божий.

Во-вторых, Стратегикон Псевдо-Маврикия, несмотря на наличие известных штампов и общих мест, в известной мере отражает состояние византийской армии в конце VI — начале VII в. Особое внимание анонимного автора Стратегикона к поддержанию дисциплины и подавлению восстаний солдат говорит о том, какие тревожные настроения царили тогда в армии, как росло недовольство воинов, как изменялась их социальная психология: времена железной дисциплины и римских легионов ушли в далекое прошлое, и все чаще и чаще армию потрясали бунты солдат, на которых, естественно, влияла общая обстановка острых социальных конфликтов, характерная для этой переходной эпохи.

В-третьих, Стратегикон Псевдо-Маврикия важен как ценный памятник, проливающий свет на кардинальную проблему ранневизантийской истории — проблему взаимоотношений римского и варварского миров. Она рассматривается в Стратегиконе в двух планах. Прежде всего автор характеризует отношение византийского правительства и военного командования к так называемым «внутренним» варварам, т. е. к варварам, живущим внутри империи и находящимся на службе в византийской армии. По отношению к этим контингентам Стратегикон строжайшим образом предписывает соблюдать величайшую осторожность и не доверять им. Для римской армии проблема «внутренних» варваров не была новой, но значение ее в VI — начале VII в. неизмеримо возросло. И в этом плане сведения Псевдо-Маврикия приобретают особую ценность.

Взаимоотношения Византийской империи с «внешними варварами» заняли в Стратегиконе центральное место. Постоянные войны с наседавшими со всех сторон варварами обусловили огромный интерес автора к этой теме. Известия Псевдо-Маврикия о

разных племенах, как мы видели, не всегда равноценны. Зачастую рассказ его очень похож на этнографические экскурсы, которыми так любили украшать свои исторические сочинения античные и ранневизантийские авторы. Именно в описании образа жизни варварских народов Псевдо-Маврикий особенно часто прибегает к помощи античных толол, придерживаясь установившейся в античной литературе схемы. Но и здесь он дает немало нового, свежего материала, вполне правдивых, жизненных деталей о социальном строе, политическом устройстве, быте и нравах новых этнических групп, с которыми сталкивалась Византия.

Кроме того, Стратегикон Псевдо-Маврикия обладает по сравнению с этнографическими экскурсами античных и ранневизантийских авторов неоспоримым достоинством. Ведь античные и ранневизантийские авторы, которые всегда были историками и писателями одновременно, зачастую подчиняли свое повествование требованиям эстетики в ущерб конкретности и правдивости.

Практический характер Стратегикона как руководства по военному делу требовал от автора точности и достоверности в описании военной тактики врагов империи, чтобы можно было выработать правильные методы ведения войны с варварами. Отсюда большая достоверность известий Стратегикона Псевдо-Маврикия, которая убедительно подтверждается данными современных ему византийских писателей. Это выдвигает изучаемый нами памятник на одно из видных мест среди источников по истории взаимоотношений Византии с варварами в VI—VII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средневековая культура Византийской империи рождалась в полной драматизма борьбе между угасающей античной цивилизацией и идеологией нового, феодального общества. В первые столетия существования Византии античная культура еще сохраняла свое влияние и своих прозелитов.

Христианство, казалось, целиком подчинившее себе духовную жизнь византийского общества, в ту пору еще не могло полностью лишить обаяния языческую цивилизацию. И нередко идеологи христианства принуждены были облекать в одежды христианского смирения богов и героев языческой мифологии, преследуемых, но не забытых.

Христианская идеология энергично ведет наступление по всему фронту, однако язычество еще не сдает своих позиций, а порою одерживает, пусть временные, но все же победы. Мы видели, сколь сильна была в IV—V вв. языческая оппозиция, опиравшаяся преимущественно на аристократические круги византийского общества и некоторых византийских интеллектуалов.

В свою очередь, представители светского направления в ранневизантийской историографии долгое время черпали не только основные знания о природе и вселенной, но и этические и философские представления из родника античной культуры. Как и во всех сферах идейно-политической жизни, в историографии того времени сталкивались две идеологии — уходящего рабовладельческого мира и нарождающегося феодального общества. Элементы обеих идеологий могли иногда причудливо переплетаться в творчестве одного и того же автора.

Труды историков светского направления были проникнуты пафосом римской государственности, идеями величия и вечности Рима, нередко отражали оппозиционные настроения фрондировавшей против автократии христианских императоров аристократии и интеллигенции, в них отражались открытые или тайные симпатии к язычеству и античной культуре. Им был свойствен дух ретроспективизма, стремление к отточенности и чистоте аттического стиля, увлечение цветистой риторикой. Античная космогония и космография, естественно-научные знания, философские представления о мире и человеке, эстетические идеалы греко-римской цивилизации еще живы на страницах их сочинений.

Ранневизантийский период обычно принято считать временем расцвета светского течения в историографии. Действительно, он дал целую плеяду прославленных историков: Аммиана Марцеллина, Евнапия, Олимпиодора, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора и Феофилакта Симокатту.

Органическая связь античной и ранневизантийской историографии нашла свое выражение в творчестве Аммиана Марцеллина. Это был историк, умело владевший методом прагматического постижения исторических событий. Вместе с тем ему был свойствен детерминизм в оценке мотивов и результатов человеческой деятельности. Привлекает в нем и талант художника, способного ярко обрисовывать современную ему действительность.

Аммиана Марцеллина считают иногда последним великим римским историком. Это верно лишь отчасти. Думается, что нельзя провести непроходимой грани между позднеантичной и ранневизантийской историографией. Скорее можно говорить о прямой преемственности римских и византийских историков. Справедливее считать Аммиана Марцеллина не только последним представителем античной историографии, но и первым крупным ранневизантийским историком. Он близок не только к римским, но и к византийским авторам, таким, как Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта, которые, как и Аммиан Марцеллин, во многом оставались еще на почве античной исторической науки. Кроме того, именно Аммиан Марцеллин был основоположником светского течения в историографии ранней Византии, течения наиболее адаптировавшего основные достижения античной исторической мысли.

Аммиан Марцеллин явился таким писателем, который как бы перебрасывал мост от античной к ранневизантийской историографии.

К представителям этой так называемой языческой оппозиции можно отнести также Евнапия, Олимпиодора и Зосима. Все названные историки выступали, однако, не только против действительно чуждой им христианской религии и идеологии, но и против императорской власти.

Позднее эта оппозиционность почти полностью теряет языческую окраску. В этот период медленно, но неуклонно идет процесс сближения, взаимопроникновения и взаимного обогащения античной и христианской культур. Христианство, став господствующей религией и победив политически, могло бороться с влиянием античной цивилизации в сфере философии, науки, историографии, литературы и искусства, лишь ставя себе на службу высшие достижения языческой образованности. Одновременно многие христианские идеи, новые философские, этические и эстетические взгляды и концепции всемирной истории в той или иной степени проникают в мировоззрение писателей, риториков, историков ранней Византии. Их мировоззрение в большинстве слу-

чаев — сложная амальгама античной и христианской идеологии. Постепенно и в историографии складывается новая философия истории, рождаются зачатки средневековой эстетики, видение мира, более соответствующие складу мышления и эмоциональным запросам людей того времени. Однако в историографии светского направления этот процесс идет довольно медленно и завершается в главных чертах лишь к VII в. В трудах историков VI—середины VII в. симпатии к язычеству отступают на второй план — их сменяет внешнее признание христианской религии. Духовная пропасть между язычеством и христианством, бросающаяся в глаза в сочинении Зосима, постепенно исчезает, появляется известная индифферентность в вопросах веры, о чем свидетельствуют труды Прокопия, Агафия и Менандра, которые, хотя и исповедовали христианскую религию, вовсе не отличались церковным благочестием.

Исторические сочинения этого направления создавались преимущественно в среде духовной элиты, интеллигенции, занимавшей особое место в византийском обществе. Это были люди умственного труда, писатели, ученые, риторы, юристы, поэты, историки, как правило, не обладавшие большими богатствами и знатностью и зависящие от милостей двора и вельмож-меценатов. Лишь отдельные их представители совмещали карьеру чиновника и дипломата с литературным творчеством, и занимали высокие посты в придворной иерархии. Но все они находились в гуще политической и идейной борьбы своего времени, которая, как в зеркале, отражалась в их сочинениях.

Византийские историки изучаемой эпохи в большинстве случаев были или аристократами по рождению, сторонниками аристократического правления (Аммиан Марцеллин, Прокопий), или аристократами духа, видевшими идеал политического устройства в государстве, управляемом избранными людьми, мудрецами, философами (Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта). И те, и другие с одинаковым презрением и недоверием относились к народным массам и в самых мрачных тонах описывали народные движения.

Все они, хотя и в разной степени, были знакомы с государственными делами и проявляли особый интерес к внешнеполитической истории, к сложной дипломатической игре, войнам с различными народами, придворным интригам и борьбе политических партий. В меньшей степени их интересовали события внутренней истории; жизнь же народных масс, за редким исключением, оставалась вне поля их зрения.

Византийские историки той эпохи почти все были людьми действия. С равным успехом они могли писать о военных и политических событиях. Прекрасными образцами для них являлись классические произведения античных авторов. Но труды византийских историков IV — середины VII в., как мы старались показать, не являлись простым подражанием прославленным пред-

шественикам или сухим повторением классических образцов. Все они отразили свою эпоху не в меньшей степени, чем Геродот и Фукидид, Тацит и Тит Ливий свою.

Как и античные писатели, они стремились правдиво освещать события, и явные противоречия и ошибки у них сравнительно редки. Они сохранили для потомков массу разнообразных сведений о Византии и сопредельных с ней странах; по достоверности и красочности этот материал мало в чем уступает известиям великих историков античности.

Характерной чертой всех ранневизантийских историков светского направления было то, что они касались самых животрепещущих проблем современной им жизни. Все они, в отличие от хронистов, описывавших события от «сотворения мира», освещают сравнительно короткий исторический отрезок времени и сосредоточивают основное внимание на изложении современных им событий. В этом их огромное преимущество перед хронистами. Сочинения историков в значительно меньшей степени компилятивны, чем труды хронистов. Они написаны, как правило, на основании документов, рассказов очевидцев и личного опыта. В этом отношении труды историков сохраняют в большей степени, чем сочинения хронистов, аромат эпохи; они представляют собой свидетельство современников, что значительно увеличивает их ценность как исторического источника.

Вместе с тем именно близость к современности делает произведения историков особенно тенденциозными, особенно подверженными влиянию политической борьбы и субъективного восприятия действительности.

В этих сочинениях с особой силой ощущается влияние личности историка, его социальных и политических воззрений, что проявляется в отборе, интерпретации и оценке исторических событий. На исторических трудах в большей мере, чем на хрониках, лежит печать мыслей и чувств их автора. В хрониках оценочный момент затемняется стереотипами религиозно-дидактического характера, здесь же сам историк, как судья, выносит приговор множеству исторических лиц, зачастую не сознавая, конечно, что он делает это с позиций своего класса. В произведениях ранневизантийских историков легко прослеживаются и автобиографические черты, сказываются личные симпатии и антипатии автора, связанные с его жизнью и политической судьбой. Наиболее убедительной иллюстрацией сказанного является творчество самого крупного византийского историка раннего времени Прокопия Кесарийского.

Но вместе с тем именно страстная партийность Прокопия, его оппозиционность помогли ему, хотя бы в тайном труде, разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления.

В сфере религиозного мирозерцания для подавляющего большинства исторических сочинений византийских историков VI — середины VII в., за редким исключением, характерен ин-

дифференцизм в вопросах веры, равнодушие к церковной истории и острейшим религиозным спорам, волновавшим византийское общество того времени. Правда, в начале VII в. христианская идеология все больше и больше воздействует на труды светских историков, но она еще прекрасно уживается с преклонением перед античной культурой. Однако идейная эволюция в области религиозного мышления в ту эпоху неоспорима. Это особенно явно прослеживается на примере творчества Феофилакта Симокатты. Феофилакт Симокатта уже в значительно большей степени, чем Прокопий, Агафий и Менандр, является идеологом христианства, причем в его ортодоксальной никейской форме. Хотя и этот историк еще во многом живет в мире греко-римской цивилизации, он несравненно более богобоязнен, чем его предшественники.

Годы, отделяющие Симокатту от его предшественников, были, очевидно, переломными в окончательной победе христианской идеологии над остатками язычества.

По своим философским взглядам византийские историки раннего периода — в подавляющем большинстве эклектики, черпающие свои философские представления из античной философии.

Аммиан Марцеллин высоко ставит античную философию и хорошо знает труды философов различных школ. Так, он наряду с платониками и неоплатониками упоминает Аристотеля и философов материалистического направления — Гераклита Эфесского и Демокрита.

Философско-этические взгляды Прокопия также во многом эклектичны. Большое влияние на формирование его воззрений оказала скептическая школа. Отсюда его крайне пессимистическое мнение о сущности человека, о его страстях и характере.

Одной из основных философских идей, проходящих красной нитью через все произведения Прокопия, является идея изменчивости и непрочности всего земного.

Взгляды Прокопия при всей их субъективности несомненно отражают ту кризисную, переходную эпоху, в которую он жил. В его мировоззрении переплетаются черты античного мирозерпцания с элементами христианской идеологии. Античное понимание судьбы сочетается у Прокопия с верой в божественный промысел, волю божью, которая управляет судьбами людей.

Прокопия отличают глубокий пессимизм, разочарованность, неверие в будущее, что свойственно уходящим с исторической арены общественным классам. Вряд ли можно найти в византийской историографии другое столь же мрачное произведение как «Тайная история».

Приговор, который выносит историк окружающей его действительности, суров и беспощаден. Однако само стремление понять скрытые причины деятельности людей, роль и место человеческой личности в истории выгодно отличает Прокопия от других византийских авторов того времени.

Агафий Миринейский не примыкает к какой-либо определенной школе античной философии. Как и Прокопий, он испытал на себе влияние Платона и философов-скептиков. Кроме того, Агафий хорошо знал и ценил Аристотеля и многих других греческих философов. Агафию, как и Прокопию, свойствен известен агностицизм. Агафий считает, что человеку не дано в этом мире познать до конца сущность вещей. Это касается как явлений природы, так и, в первую очередь, божества.

У Агафия чувствуется явное тяготение к пантеизму. Если Прокопий — фаталист, верит в безусловную и грозную силу рока, божества, которое слепо, капризно действует по неведомому произволу и намерения которого не могут быть разгаданы людьми, то Агафий более оптимистичен. Верховное божество, по Агафию, обладает совершенным знанием, разумом, высшей волей, и хотя его деятельность непостижима для смертного, она разумна и целесообразна.

В отличие от Прокопия, Агафий более склонен к философскому рационализму. Он признает силу человеческого разума и высоко его ценит.

Агафий фактически выступает против слепого фатализма, высмеивает суеверие толпы, хотя и соглашается с тем, что в мире существует высшая трансцендентная необходимость. Он выдвигает важный тезис о свободе человеческой воли, которая может и должна сыграть известную роль в истории человечества.

В вопросах этики Агафий также значительно оптимистичнее своего прославленного предшественника. Он видит в человеческой природе не только дурные, но и хорошие черты: доброту, милосердие, честность, мужество, благородство.

В мировоззрении Агафия, таким образом, причудливо переплелись черты греко-римской философии с некоторыми элементами христианства. Широкая веротерпимость, неприятие христианской концепции всемирной истории, отсутствие христианского благочестия и интереса к церковно-догматическим сюжетам сближают Агафия с античными авторами. По своей философии истории, по методу и характеру повествования, насыщенности античными реминисценциями историческое произведение Агафия является памятником переходной эпохи, освещенным последними отблесками угасающей античной цивилизации.

Не менее показательным в этом аспекте мировоззрение другого византийского историка того же VI столетия — Менаандра Протиктора. Взгляды Менаандра, подобно воззрениям Агафия, основываются на античной философии, хотя Менаандр не столь хорошо знаком с нею, как его предшественник. В произведениях Менаандра тоже постоянно присутствует мысль об изменчивости человеческого счастья. Однако он чужд слепого фатализма.

Веря в судьбу, Менаандр одновременно преклоняется перед человеческим разумом и считает мудрость высшим жизненным благом. Силу разума Менаандр ценит выше силы оружия.

Для этических воззрений Менаандра характерен жизнеутверждающий гуманизм. Он искренне верит, что доброе начало в душах людей берет верх над пороками. По своему оптимистическому восприятию мира Менаандр ближе к доброжелательному Агафию, чем к желчному Прокопию.

Все большее распространение идей христианства и их победа над языческими философско-религиозными учениями нашли свое отражение и в трудах историков VI — середины VII в. Так, философские взгляды Феофилакта Симокатты во многом еще перекликаются с античностью, но христианская идеология наложила на них уже более глубокий отпечаток, чем на мировоззрение его предшественников — Прокопия, Агафия и Менаандра.

У Феофилакта тесно переплетаются рационализм с явным агностицизмом и верой в божественный промысел. Рационализм Феофилакта проявляется прежде всего в убеждении, что человек обладает разумом — свойством божественным и удивительным. Благодаря разуму, говорит Феофилакт, человек научился видеть, как в зеркале, проявление своей природы, ясно представлять строй и порядок своей жизни. Благодаря разуму люди обратили взор на самих себя.

Феофилакт Симокатта с нескрываемым восхищением пишет о том, что разум помог человеку создать ремесла и искусства, улучшил человеческую природу. Подобно Менаандру, Симокатта с глубоким уважением относится к труду, украшающему жизнь человека.

Как Агафий и Менаандр, Симокатта верит в могущество не только человеческого разума, но и человеческого слова. По его мнению, сила слова может изменять ход событий и давать им новое направление.

Но, пропев этот гимн человеческому разуму, умению изменять мир, украшать его, Симокатта, как и все его собратья по перу, в бессилии склоняет голову перед идеей тленности, скоротечности всего земного, признает существование неведомой и непостижимой для людей воли творца.

Видное место в философских представлениях Симокатты занимает тезис о вечном круговороте всех вещей во вселенной. Эта идея облечена у него в форму философской категории — вечности, воспринимаемой как вечное движение всего сущего и непрестанное рождение нового. Все в мире находится в постоянном изменении и становлении. Человек, по словам Симокатты, вечно стремится к чему-то новому, всегда жаждет перемен.

Одновременно Симокатта признает всеисилие божественного промысла. Непобедимая божественная сила помогает людям совершать подвиги. Божество сурово наказывает людей за совершенные ими злодеяния. По мнению Симокатты, провидение — трансцендентная, но активная сила, которая, как высшее существо, дремлющим оком наблюдает за всем, что совершается на земле. Однако, признает автор, людям свойственно забывать о

божественном провидении и его возмездии и заниматься повседневными делами.

В то же время Симокатта суеверен — настолько, что порою вполне серьезно и искренне рассказывает о таких невероятных чудесах, которые совершенно противоречат здравому смыслу.

И все же в своем прагматизме ранневизантийские историки на голову выше современников-хронистов, которым было совершенно чуждо рационалистическое понимание окружающего мира.

Сочинениям византийских историков раннего периода присуща еще одна характерная черта. Все они, хотя и в разной мере, интересуются одним из самых животрепещущих вопросов современности — борьбой римско-византийского и варварского мира. Некоторые из них, как Аммиан Марцеллин, Олимпиодор и Агафий, понимают, что отражение натиска варваров — вопрос жизни и смерти для Византийского государства. Другие — Прокопий, Менаандр, Феофилакт Симокатта — с высокомерием потомков истинных римлян стремятся убедить себя и своих читателей, что варварская опасность не столь грозна и ромен без сомнения выйдут победителями из этой схватки. Большинство историков, подобно Аммиану, Прокопию и Менаандру, относятся с презрением к невежественным и диким варварам, лишь немногие, и в их числе Олимпиодор и Приск Панийский, признают их достоинства. И только один Агафий настолько доброжелателен к варварам, что даже идеализирует их общественный строй.

Как это ни парадоксально, но именно благодаря актуальности для Византии грозной проблемы взаимоотношений с варварами, труды ранневизантийских историков, несмотря на различия в отношении к варварским племенам, стали лучшими, если не единственными, источниками по истории многих варварских народов, с которыми сталкивалась империя в эти столетия. В их сочинениях перед читателем проходят длинной чередой варварские племена гуннов, готов, вандалов, алан, гепидов, франков, лангобардов, славян, антов, авар, турок и многих других. Труды историков изобилуют рассказами об их быте, военной тактике, общественном устройстве. Не все в описаниях общественного строя варваров византийскими историками объективно и правдиво, многое освещено или намеренно тенденциозно, или просто неверно, порою из-за недостаточной осведомленности авторов. Однако, если принять во внимание, что эти варварские народы сами еще не имели своих историков (за исключением гота Иордана), византийские писатели IV—середины VII в. оказали историографии неоценимую услугу, осветив жизнь варварских народов, окружавших плотным кольцом Византию.

Подводя некоторые итоги сказанному, мы хотим еще раз подчеркнуть, что все ранневизантийские историки выросли непосредственно из античной историографии, основой их трудов являются лучшие произведения античной исторической мысли, они не только хорошо знали и высоко ценили сочинения Геродота, Фукидида

и Полибия, но порою и подражали им. Однако это было отнюдь не рабским копированием. Органическая связь античной и ранневизантийской исторической науки обуславливалась мировоззрением, образованием, воспитанием византийских историков IV — середины VII в., как бы впитавших с молоком матери преклонение перед античной цивилизацией. Для большинства византийских историков раннего периода, получивших широкое образование в античном духе, античная историография была вершиной творческой мысли, но, преклоняясь перед прославленными историками прошлого, они вносили в освещение исторических событий много своего, оригинального, нового. И думается, что некоторых византийских историков, таких, как Аммиан Марцеллин, Зосим, Приск Панийский, Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта, по широте мышления, силе и оригинальности образа мыслей, знанию жизни можно поставить в ряд с античными авторами.

В произведениях ранневизантийских историков светского направления как бы слились, смешались воедино элементы античной и новой, нарождающейся средневековой культуры. Мировоззрение этих авторов еще носит на себе родимые пятна идеологии рабовладельческого мира. Это находит свое выражение в прославлении величия Рима и римской миродержавной исключительности, в явных или тайных симпатиях к умирающему язычеству, в своего рода «консервативной политической оппозиции» и во вполне определенной социальной позиции писателей. Вместе с тем в трудах ранневизантийских историков уже появляются новые тенденции, сказывающиеся от века к веку со все большей силой и очевидностью. Это прежде всего проникновение христианского вероучения, отчасти христианской этики, изменение отношения к варварским народам, которое становится все более примирительным. Новые черты видения мира можно обнаружить и в напряженных поисках решения мучительных философских вопросов о соотношении божества, человека и природы, о месте человеческой личности в истории вселенной.

Для литературного стиля византийских историков изучаемой эпохи характерно стремление сохранить чистоту древнего аттического греческого языка, не быть ниже своих прославленных образцов — античных авторов. Византийские историки того времени пишут преимущественно для узкого круга избранных, образованных людей. Они часто щеголяют цветистым, риторическим стилем, обилием метафор и сравнений, почерпнутых из античной мифологии и литературы. Но в стиле византийских авторов IV—середины VII в., хотя, конечно, и в разной степени, уже чувствуется дыхание новой эпохи: в язык писателей проникают порою варваризмы, заимствованные у различных народов, встречается нередко церковно-догматическая терминология, иногда ощущается влияние народной разговорной речи.

Итак, в мировоззрении византийских историков IV — середины VII в. отчетливо отразилась противоречивость той эпохи.

С одной стороны, они объективно стояли на консервативных позициях, защищали умирающий рабовладельческий мир, угасающую античную цивилизацию. Но, с другой стороны, именно они были носителями лучших традиций античной исторической науки, хранителями научных знаний, накопленных в античном мире. По широте кругозора, по обилию позитивных знаний, по блестящей форме изложения они были на голову выше современных им византийских хронистов. Именно это выдвигает их на первое место в византийской историографии раннего времени. Без их трудов было бы совершенно невозможно воссоздать последовательную и связную историю Византии IV — середины VII в.

Их произведения как бы аккумулировали идейные, религиозные, философские умунастроения общества, верования, мечтания и суеверия людей того времени. И хотя над их сочинениями тяготеют в той или иной мере стереотипы античной историографии, сквозь толщу этих стереотипов всегда пробивается живой родник чувств и мыслей людей той отдаленной эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафий.* О царствовании Юстиниана. Вступительная статья, перевод, примечания М. В. Левченко. М., 1953.
- М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962.
- Ф. Баршић.* О најстаријој Прокопијевој вести о Словенима.—ЗРВИ, XXXVI, 2. Beograd, 1953, стр. 25—31.
- Ф. Баршић.* Приск као извор за најстарију историју Јужних Словена.—ЗРВИ, XXI, кн. 1, 1952, стр. 52—63.
- Р. Бенедикти.* Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского).—ВВ, XX, 1961, стр. 23—31.
- Р. Бенедикти.* Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе).—ВВ, XXIV, 1964, стр. 49—57.
- А. Н. Бернштам.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Л. Н. Гумилев.* Древние тюрки. М., 1967.
- Л. Н. Гумилев.* Хунну. Серединная Азия в древние времена. М., 1960.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
- История Византии, т. 1. М., 1967.
- А. П. Каждан.* Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе.—ВДИ, 1972, № 1, стр. 223—232.
- Г. Л. Курбатов.* Восстание Прокопия (365 — 366 гг.).—ВВ, XIV, 1958, стр. 3—26.
- В. В. Кучма.* Византийские военные трактаты 6—10 веков как источник по истории военного искусства Византийской империи.—АДСВ, вып. 4, 1966, стр. 31—56.
- В. В. Кучма.* Военное дело в Византии по «Тактике Льва». Автореферат канд. дис. Свердловск, 1966.
- В. В. Кучма.* НОΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права).—ВВ, 32, 1971, стр. 276—284.
- В. В. Кучма.* «Тактика Льва» в исторической литературе (Историографический обзор).—ВВ, 30, 1969, стр. 153—165.
- В. В. Латышев.* Scythia et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I. СПб., 1890, стр. 810—847.
- М. В. Левченко.* Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение.—ВВ, III, 1950, стр. 63 сл.
- В. В. Маеродин.* К вопросу об «антах» Псевдо-Маврикия. — «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 32—41.
- М. Маркович.* О изворима Quaestiones Physicae Теофилакта Симокате.—«Живая антика», IV, 1, 1954, стр. 120—135.
- В. Д. Неронова.* Аммиан Марцеллин о варварах.—«Ученые записки Пермского гос. университета», 143, 1966 стр. 65—69.
- В. Д. Неронова.* Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина.—«Ученые записки Пермского гос. университета», 20, 1961. Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968.
- Б. Панченко.* О «Тайной истории» Прокопия.—ВВ, II, 1895, стр. 24—57, 340 — 371; III, 1896, стр. 96 — 117, 300 — 316, 460 — 527; IV, 1897, стр. 402—521.

- Н. В. Пигулевская.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964.
- Н. В. Пигулевская.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.
- Б. А. Рыбаков.* Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1939, № 1, 319—337.
- Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Е. Ч. Скржинская.* «История» Олимпиодора (перевод, статья, примечания и указатели).— ВВ, VIII, 1956.
- В. С. Соколов.* Аммиан Марцелин как последний представитель античной историографии.— ВДИ, 1954, № 4.
- М. Я. Сюзюмов.* Об источниках Льва Дьякона и Скилицы.— «Византийское обозрение», т. II, вып. 1. Юрьев, 1916.
- П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М.—Л., 1953.
- З. В. Удальцова.* Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия.— СВ, 23, 1969, стр. 61—77.
- З. В. Удальцова.* Из истории византийской культуры раннего средневековья (Мировоззрение византийских историков IV—VII столетий).— «Европа в средние века: экономика, политика, культура». Сборник к 80-летию академика С. Д. Сказкина. М., 1972, стр. 260—293.
- З. В. Удальцова.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- З. В. Удальцова.* К вопросу о мировоззрении византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты.— ЗРВИ, XI, 1968, стр. 29—45.
- З. В. Удальцова.* Мировоззрение Аммиана Марцелина.— ВВ, XXVIII, 1968.
- З. В. Удальцова.* Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панпейского.— ВВ, 33, 1972, стр. 47—74.
- З. В. Удальцова.* Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского.— ВВ, XXIX, 1968, стр. 153—169.
- З. В. Удальцова.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского.— ВВ, 31, 1971, стр. 8—22.
- З. В. Удальцова.* Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, V, 1952, стр. 15—48.
- З. В. Удальцова.* Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.
- З. В. Удальцова.* Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». Вступ. статья к кн.: *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950.
- В. И. Холмогоров.* Римская стратегия в IV в. у Аммиана Марцелина.— ВДИ, 1939, № 3, стр. 87—97.
- Феофилакт Симокатта.* История. Вступительная статья Н. В. Пигулевской, перевод С. П. Кондратьева, примечания К. А. Осиповой. М., 1957.
- Г. Цанкова-Петкова.* Материальная культура и военного изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий».— «Известия на института за българска история», 7, 1957, стр. 330—344.

* * *

- Agathiae Myrinaei.* Historiarum libri quinque, recensuit R. Keydell.— «Corpus fontium historiae Byzantinae», vol. II. Berolini, 1967.
- Agazia Scolastico.* Epigrammi. Testo, traduzione e commento a cure di Giovanni Viansino. Milano, 1967.
- A. Alföldi.* Antike Darstellungen zur Kenntnis der Kultur der Eurasischen Reiterhirten.— «Folia Archeologica», III—IV, 1941, S. 1—16.
- A. Alföldi.* A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. Oxford, 1952.
- F. Altheim.* Geschichte der Hunnen, IV. Berlin, 1962.
- Ammianus Marcellinus,* by J. C. Rolfe. London, 1935.
- Ammianus Marcellinus.* Rerum gestarum libri qui supersunt, rec. C. U. Clark. Berolini, 1910—1915.
- Ammianus Marcellinus.* Rerum gestarum libri qui supersunt, a cura di A. Selem. Torino, 1965.
- Ammianus Marcellinus.* Römische Geschichte, von W. Seyfarth. Bd. 1—4. Berlin, 1968—1971.
- Ammien Marcellin.* Histoire, éd. par E. Galletier avec la collaboration de J. Fontaine, t. I. Paris, 1968.

- Ammianus Marcellinus*. Das Römische Weltreich vor dem Untergang. Übers. von O. Veli, eingl. und erläutert von G. Wirth. Zürich und München, 1974.
- A. *Amore*. Procopio di Cesarea.—«Enciclop. Cattol.», 10, 1953, 35.
- Anonymus Valesii*, ed. Th. Mommsen.—MGH, Auctores antiquissimi, t. IX, 1892.
- P. *Archambault*. The Ages of Man and the Ages of the World. A Study of Two Traditions.—«Revue des études augustiniennes», 12, 1966, p. 193—228.
- B. S. *Bachrach*. Procopius and the Chronology of Clovis's Reign.—«Viator», I, 1970, p. 21—32.
- J. *Barker*. Justinian and the Later Roman Empire. Madison, 1966.
- S. E. *Barnard*. A Historiographical Study of Ammianus Marcellinus.—«Dissertation Abstracts», 27, 1967.
- J. D. *Beazly*. The Empress's Joke — «Classical Review», 59, 1945, p. 12.
- K. *Beckby*. Anthologia Graeca, 1—4. München, 1957—1958; 2 ed.—1966—1967.
- R. *Benedicty*. Die auf die frühslavische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie.—«Actes du XII Congrès International d'Etudes byzantines», II. Beograd, 1964, S. 45—55.
- R. *Benedicty*. Die Milieu-Theorie bei Procop von Kaisareia. — BZ, 55, 1962, S. 1—10.
- R. *Benedicty*. Procopios' Berichte über die slavische Vorzeit. Beiträge zur historiographischen Methode des Procopios von Kaisareia.—JÖBG, XIV, 1965, S. 51—78.
- V. *Besevliev*. Zur Deutung der Kastelnamen in Prokops' Werk «De aedificiis». Amsterdam, 1970.
- V. *Besevliev*. Zur Topographie der Balkaninsel in Prokops' Werk «De aedificiis». — «Philologus», 111, 1967.
- V. *Besevliev*. Zwei Randnotizen zu Theophylaktos Simokattes.—BZ, 43, 1950, S. 257 f.
- K. *Bierbach*. Die letzten Jahre Attilas. Diss. Berlin, 1906.
- G. *Böhlig*. Reichssprache und Volkssprache im byzantinischen Reich.—«Byzantinische Arbeiten der DDR», I. Berlin, 1957.
- G. *Böhlig*. Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner. Berlin, 1956.
- L. W. *Bonfante*. Emperor, God and Man in the 4th Century. Julian the Apostate and Ammianus Marcellinus.—«Parola del Passato», 19, 99, 1964, p. 401—427.
- J. A. *Boodberg*. Theophylactus Simocatta on China.—«Harvard Journal of Asiatic Studies», 3, 1938, p. 223—243.
- H. de *Boor*. Das Attilasbild in der Geschichte. Bern, 1932.
- R. *Browning*. Justinian and Theodora. London, 1971.
- F. *Bücheler*. Zu Priscus und Suidas.—«Rheinisches Museum», 24, 1869, S. 137 f.
- A. B. *Burn*. Procopius and the Island of Ghost (Brittania, Britain).—«The English Historical Review», 70, 1955.
- J. *Bury*. History of the Later Roman Empire, vol I—II. New York, 1958.
- Al. *Cameron*. The date of Zosimus New History.—«Philologus», 113, 1969, p. 106—110.
- Al. *Cameron*. An Alleged Fragment of Eunapius.—«Classical Quarterly», 13, 1963, p. 232—236.
- Al. *Cameron*. Wandering poets: a literary movement in Byzantine Egypt.—«Historia», 14, 1965.
- Av. *Cameron*. Agathias. Oxford, 1970.
- Av. *Cameron*. Agathias and Cedrenus on Julian.—JRS, 53, 1963, p. 91 f.
- Av. *Cameron*. Agathias on the early Merovingians.—«Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, ser. 2, XXXVII, 1968, p. 95 f.
- Av. *Cameron*. Agathias on the Sassanians.—«Dumbarton Oaks Papers», 23, 1969.
- Av. *Cameron*. Anthologia Planudae 72: a propaganda poem from the reign of Justin II. — BICS, 13, 1966.
- Av. *Cameron*. The Cycle of Agathias.—JHS, 86, 1966, p. 6 ff.

- Av. Cameron.* Further thoughts on the Cycle of Agathias.— JHS, 87, 1967, p.131.
- Av. Cameron.* Herodotus and Thucydides in Agathias.— BZ, 57, 1964, 33—52.
- Av. Cameron.* Procopius and the Church of St Sophia.— HThR, 58, 1965, p.161 f.
- Av. Cameron.* The «Scepticism» of Procopius.— «Historia», 15, 1966, p. 466—482.
- Av. Cameron.* Zonaras, Syncellus and Agathias — a note.— «Classical Quarterly», N. S., 14, 1964, 82 ff.
- Averil and Alan Cameron.* Christianity and tradition in the historiography of the Later Roman Empire.— «Classical Quarterly», N. S., 14, 1964, p. 316 f.
- P. M. Camus.* Ammien Marcellin, témoin des courants culturels et religieux à la fin du IVe siècle. Paris, 1967.
- J. Česka.* De honore Juliani apud Ammianum Marcellinum XV, 8, 10 prope sperato.— «Charisteria F. Novotny». Praha, 1962, p. 155—159.
- W. R. Chalmers.* Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian Expedition.— «Classical Quarterly», 10, 1960, p. 157—159.
- K. Christ.* Germanendarstellung und Zeitverständnis bei Tacitus.— «Historia», Bd. XIV, Heft 1 (1965), S. 62—74.
- Chronicon Paschale*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832.
- M. E. Colonna.* Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, I. Storici profani. Napoli, 1956.
- E. Condurachi.* Les idées politiques de Zosime.— «Revista Clasica», 13 — 14, 1941/42, p. 115—127.
- S. Constanza.* Orientamenti cristiani della storiografia di Agatia.— «Helikon», 2, 1962, p. 96—111.
- Ch. H. Coster.* Procopius and Boethius.— «Speculum», 23, 1948, p. 284—287.
- P. Courcelle.* Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris. Etudes Augustiniennes, 1964.
- A. S. F. Cow.* The Greek Anthology: sources and ascriptions.— «Hellenic Society. Supplementary Publications», IX, 1958.
- A. S. F. Cow and D. L. Page.* The Greek Anthology. Hellenistic epigrams, I—II. Cambridge, 1965.
- F. Cumont.* Recherches sur les symbolismes funéraires des Romains. Paris, 1942.
- F. Dahn.* Procopius von Casarea. Berlin, 1865.
- A. Dain.* La tradition des stratégestes byzantins.— Byz., 20, 1950, p. 315—316.
- A. Dain.* Les stratégestes byzantins.— «Travaux et Mémoires», 1967, p. 317—392.
- A. Dain.* Urbicius ou Mauricius.— REB, 26, 1968.
- A. Demandt.* Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965.
- J. Desanges.* Un témoignage peu connu de Procop sur la Numidie vandale et byzantine.— Byz., 33, 1963.
- H. B. Dewing.* The Accentual Cursus in Byzantine Greek Prose with Especial Reference to Procopius of Caesarea.— «Transaction of the Connecticut Academy of Art and Sciences», 14, 1910, p. 415—466.
- H. B. Dewing.* The Secret History of Procopius of Caesarea.— «Transaction and Proceedings of American Philological Association», 1931, p. XL—XLII.
- L. Dindorf.* Bemerkungen zu Agathias.— «Jahrbücher für classische Philologie», 99, 1869, S. 457—465.
- E. Doblhofer.* Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955.
- R. Dostálová—Jeníštová.* Český preklad děl Prokopia z Kaisareje. «Listy Filologické», 2, [77], 1954, p. 106—112.
- G. Downey.* The Composition of Procopius «De aedificiis». — «Transaction of the American Philological Association», 78, 1947, p. 171—183.
- G. Downey.* Constantinople in the Age of Justinian. Norman, Oklahoma, 1960.
- G. Downey.* Paganism and Christianity in Procopius.— «Church History», 18, 1949, p. 89—102.
- G. Downey.* The Persian Campaign in Syria in a. d. 540.— «Speculum», 28/1953, 340—348.
- G. Downey.* Procopius: De Aedificiis, I, 4, 3. — «Classical Philology», 43, 1948, p. 44—45.
- G. Downey.* Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture.— «Church History», 18, 1949.

- H. Drexler.* Die moralische Geschichtsauffassung der Römer.— «Gymnasium», 61, 1954.
- I. Dujčev.* Zu Theophylactos Simokattes II, 11 und VI, 5.—BZ, 41, 1941.
- The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia, ed. Bidez — L. Parmentier. London, 1898.
- H. Eckhardt.* Zur Charakteristik des Procop und Agathias als Quellenschriftsteller für den Gotenkrieg. Programme, Königsberg, 1864.
- M. A. Elferink.* Τύχη et Dieu chez Procop de Césaire.— «Acta Classica», 10, p. 1 11—134.
- S. d'Elia.* Ammiano Marcellino e il cristianesimo.— «Studi Romani», 10, 1962.
- W. Ensslin.* Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priskos.—BNJ Jb, 5, 1926, S. 1—9.
- W. Ensslin.* Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Leipzig, 1923.
- Eunapii Vitae sophistarum, rec. I.* Giangrande, Scriptores Craeci et Latini Consilio Academiae Lyceorum. Romae, 1956.
- J. A. S. Evans.* Christianity and Paganism in Procopius of Caesarea.— «Greek, Roman and Byzantine Studies», 1971, p. 81—100.
- J. A. S. Evans.* The Dates of the Anecdota and the «De aedificiis» of Procopius.— «Classical Philology», 44, 1969, p. 29—30.
- J. A. S. Evans.* Justinian and the Historian Procopius.— «Greece and Rome», 2nd series, 17, 1970, p. 218—223.
- J. A. S. Evans.* Procopius. New York, 1972.
- G. Fehér.* Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI. Jahrhunderten. Pécs, 1924.
- J. Fontaine.* Ammien Marcellin, historien romantique.— «Bulletin de l'Association G. Budé. Lettres d'Humanité», 28, 1969.
- G. Franke.* Questiones Agathianae.— «Breslauer philologische Abhandlungen», 47. Trebnitz, 1914.
- P. Frassinetti.* In margine ad Ammiano Marcellino.— «Atheneum», 44, 1966.
- W. H. Friend.* The Roman Empire in the Eastern and Western Historiography.— «Cambridge Philological Society», 14, 1968.
- E. Frézouls.* La mission du magister equitum Ursicin en Gaule (355—357) d'après Ammien Marcellin.— «Hommages à A. Grénier». Berhem—Bruxelles, 1962, p. 673—688.
- J. Friedländer.* Iohannes von Gaza und Paulus Silentarius. Leipzig—Berlin, 1912.
- K. Gantar.* Der betrogene Justinian.— BZ, 56, 1963.
- K. Gantar.* Kaiser Justinian als kopflöser Dämon.— BZ, 54, 1961.
- K. Gantar.* Kaiser Justinian «jenem Herbststern gleich».— «Museum Helveticum» 9, 1962.
- K. Gantar.* Procops «Schaustellung der Tapferkeit».— «Živa Antika», 11, 1962.
- H. Gärtner.* Einige Überlegungen zur kaiserlichen Panegyrik und zu Ammians Charakteristik des Kaisers Julian. Wiesbaden, 1968.
- H. Gelzer.* Μέδος bei Priscos.— BZ, 1924.
- G. Giangrande.* Coniectanea zu den Vitae sophistarum des Eunapios.— «Eranos», 55, 1955, S. 14—27.
- G. Giangrande.* Vermutungen und Bemerkungen zum Text der Vitae Sophistarum des Eunapios.— «Rheinisches Museum», 99, 1956.
- W. Goffart.* The historian Zosimus as a witness to his own time.— «Amer. Hist. Rev.», 1971, p. 412—441.
- V. Grecu.* Bemerkungen zu Prokops Schriften.— «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», 28, 1947, p. 233—240.
- V. Grecu.* La Curțile lui Attila.— «Junimea Literara», 18, 1929, p. 153—163.
- V. Grecu.* Menander Protiktor und der persische Gesandtschaftsbericht Petros Patrikios.— «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», 22, 1941, p. 78—84.
- A. W. de Groot.* Notes on Procopius of Caesarea.— «Classical Quarterly», 9, 1915, p. 97—98.

- J. Harmatta.* The Dissolution of the Hun Empire, I. Hun Society in the Age of Attila.— «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 2, 1952, p. 277—305.
- J. Harmatta.* The Golden Bow of the Huns.— «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1, 1951, p. 107—151.
- J. Haury.* Procop und der Kaiser Justinian.— BZ, 37, 1937, 1—9.
- J. Haury.* Die letzten Ostgoten.— «Blätter für das bayerische Gymnasialschulwesen», 51, 1915, S. 18—20.
- J. Haury.* Zu Comparetis Ausgabe der Geheimgeschichte Prokops.— BZ, 35, 1935, S. 288—298.
- J. Haury.* Zu Prokops Geheimgeschichte.— BZ, 34, 1934, S. 10—14.
- J. Haury.* Zur Beurteilung des Geschichtsschreibung Prokopios von Cäsarea. München, 1896.
- H. W. Haussig.* A History of Byzantine Civilization. London, 1970.
- H. W. Haussig.* Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959.
- H. W. Haussig.* Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker.— Byz., 23, 1953.
- J. Heyen.* A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin.— «Latomus», 27, 1968.
- H. Homeyer.* Attila, der Hunnenkönig, von seinem Zeitgenossen dargestellt. Berlin, 1951.
- Ioannis Malalae* Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.
- Jordanis* Romana et Getica, rec. Th. Mommsen (MGH, Auctores antiquissimi, t. V, pars I). Berolini, 1882.
- N. Iorga.* Médaillons d'histoire littéraire byzantine.— Byz., 2, 1925, p. 237 ff.
- N. Iorga.* La «Romanie» danubienne et les barbares au VIe siècle.— «Revue belge de philologie et d'histoire», 3, 1924, p. 35—50.
- J. Irmscher.* Die poetische Ekphrasis als Zeugnis Justinianischer Kulturpolitik.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität Jena. Gesellschaft und sprachwissenschaftliche Reihe». Hf. I, Jahrgang 14, 1965, S. 78—83.
- J. Irmscher.* Geschichtsschreiber der Justinianischen Zeit.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», 18. Jahrgang, 1969, Hf. 4/5, Teil 2.
- J. Irmscher.* Über die Weltanschauung des Agathias. Methodische Vorfragen.— «Studia Patristica», IX, 1966, S. 63 ff.
- J. Irmscher.* Zur Weltanschauung des Agathias.— «Tagung für allgemeine Religionsgeschichte», 1963, S. 47 ff.
- M. Ites.* Zur Bewertung des Agathias.— BZ, 26, 1926, S. 273 ff.
- S. Jannacone.* Ammiano Marcellino. Profilo storico-critico. Napoli, 1961.
- Cl. Jenkins.* Procopiana.— JRS, 37, 1947, S. 44-81.
- A. H. M. Jones.* The Later Roman Empire, I—III. London, 1964.
- P. de Jonge.* Ammianus and Vegetius.— «Studia latina P. J. Enk oblata». Leiden, 1955, p. 99—106.
- W. E. Kaegi.* Byzantium and the decline of Rome. Princeton, 1968.
- I. Kawar.* Procopius and Arethas.— BZ, 50, 1957.
- I. Kawar.* Procopius and Kinda.— BZ, 53, 1960.
- I. Kawar.* Procopius on the Gassanids.— «Journal of the American Oriental Society», 77, 1957.
- R. Keydell.* Sprachliche Bemerkungen zu den Historien des Agathias.— BZ, 61, 1968.
- A. Koehler.* De Ioannis Antiocheni aetata, fontibus, autoritate. Diss. Bonnae, 1871.
- K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. New York, 1958.
- I. Kuranz.* De Prisco Panita rerum scriptore quaestiones selectae. Lublin, 1958.
- P. Lamma.* Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950.
- R. Lattimor.* Themes in Greek and Roman Epitaphs. Urbana, Illinois, 1942.
- K. Lechner.* Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. München, 1954.
- H. Lieberich.* Studien zu den Proömien in griechischer und byzantinischer

- Geschichtsschreibung, II. Teil: Die byzantinischen Geschichtsschreiber. München, 1900.
- R. C. *McCail*. Poetic Reminiscence in the «Histories» of Agathias.— Byz., 38, 1968.
- R. C. *McCail*. The erotic and ascetic poetry of Agathias Scholasticus.— Byz., 41, 1971, p. 205—267.
- Malchi* fragmenta.— HGM, I, p. 383—424.
- R. A. *Marcus*. The Roman Empire in the early Christian Historiography.— «The Downside Review», 81, 1961.
- M. *Marković*. Varia ad Theophylactum Simokattam.— «Гласник Српске Академије Наука», I, 3, 1949.
- J. *Marquart*. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- G. *Mathew*. Byzantine Aesthetics. London, 1963.
- A. *Mattsson*. Untersuchungen zur Epigrammsammlung des Agathias. Lund, 1942.
- Mauricius*. Arta militara. Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihaescu.— «Scriptores byzantini», VI. București, 1970.
- Menandros*. Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 442—447.
- Menandros*. Excerpta de sententiis, ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906, p. 18—26.
- E. L. B. *Meurig-Davis*. Notes sur le texte d'Ammien Marcellin.— «Revue des études latines», 28, 1950, p. 88—93.
- II. *Mihăescu*. Procopius din Caesarea. Istoria secretă. Editura Academiei Republicii Socialiste. Romania, 1972.
- A. *Momigliano*. Herodotus in the History of Historiography.— «History», 43, 1958, p. 1 ff.
- A. *Momigliano*. The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford, 1963.
- A. *Momigliano*. Ammiano Marcellino e la Historia Augusta.— «Atti della Accademia delle scienze di Torino. Cl. di sc. mor., stor. e fil.», 103, 1969.
- Th. *Mommsen*. Aetius.— «Hermes», 36, 1901, S. 516—547.
- Gy. *Moravcsik*. Attilas Tod in Geschichte und Sage.— KCSA, 2(1926), S. 83—116.
- Gy. *Moravcsik*. Byzantinoturcica, I—II. Berlin, 1958.
- Gy. *Moravcsik*. Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung.— «Polychronion. Festschrift Franz Dölger zu 75. Geburtstag». Heidelberg, 1966, S. 366 f.
- A. *Müller*. Das Heer Justinians (nach Procop und Agathias).— «Philologus», 71, 1912, S. 101—138.
- C. P. T. *Naudé*. Ammianus Marcellinus in die lig van antieke geskiedskrywing. Leiden, 1956.
- C. P. T. *Naudé*. Fortuna in Ammianus Marcellinus.— «Acta classica», 7, 1964.
- H. *Nissen*. Ammiani Marcellini fragmenta Marburgensia. Berlin, 1876.
- Th. *Nissen*. Das Prooemium zu Theophylaktos Historien und Sophistik.— BNGJb, 15, 1939, S. 3—13.
- Th. *Nissen*. Zum Text der Historien des Theophylaktos Simokattes.— BNGJb, 17, 1939—1943, S. 23—42.
- A. F. *Norman*. An Identification in Suidas.— «Classical Quarterly», N. S., 3, 1953, p. 171—172.
- A. F. *Norman*. Magnus in Ammianus, Eunapius and Zosimus: new evidence.— «Classical Quarterly», 7, 1957, p. 129—133.
- Olympiodoros* Historia.— HGM, p. I. Lipsiae, 1870, p. 450—472.
- H. *Omont*. Minoide Mynas et ses missions en Orient.— «Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 40, 1916, p. 337—419.
- J. *Opelt*. Das Nationalitätenproblem bei Eunapios von Sardes.— «Studii», 3. Wien, 1969.
- G. *Ostrogorsky*. History of the Byzantine State. New Brunswick, —New Jersey, 1957.
- Fr. *Paschoud*. Zosime. Histoire nouvelle. Tome I. Livres I—II; texte établi et traduit (in «Collection des Universités de France»). Paris, 1971.

- A. *Pasoli*. Note ammianeae. A propositio d'una recente edizione di Ammiano.— «Helikon», 7, 1967, p. 456—465.
- R. *Patch*. Procopius and Boethius.—«Speculum», 23, 1948.
- H. *Peter*. Die geschichtliche Literatur über die römischen Kaiserzeit bis Theodosius I. Leipzig, 1897.
- T. *Pekkanen*. Procopius and the Periplus of Arrian.—«Eranos», 62, 1964.
- A. *Pertusi*. L'atteggiamento spirituale della più antica storiografia bizantina.—«Aevum», 30, 1956, p. 150 ff.
- L. *Petre*. La pensée historique de Zosime.—«Stud. clas.», 7, 1965, p. 263—272.
- P. *Photiadès*. Quelques traits de la conception byzantine de l'histoire.— REG, 77, 1964, p. 569 ff.
- Prisci Excerpta de legationibus*. Ambasadere lui Priscus traducere de G. Popa-Lisseanu (Fontes historiae Daco-Romanorum, VIII). Bucuresti, 1946.
- Priscus Panites*. Fragmenta.— In: FHG, t. IV, Paris, 1851, p. 69—110; Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 124—155, 575—591; HGM, p. 275—352.
- Procopii Caesariensis*. Opera omnia, rec. J. Hauray, G. Wirth, vol. I—IV, 1963—1964.
- Procopius Caesariensis* Werke. Griechisch-deutsch, ed. O. Veh. München, 1961—1971.
- G. *Pugliese Carratelli*. La Persia dei Sasanidi nella storiografia romana da Ammiano a Procopio.—«Atti del Conv. intern. sul tema: La Persia nel Medioevo (Roma, 31 marzo — 5 aprile 1970)». Roma, 1971, p. 597—603.
- R. T. *Ridley*. The fourth and fifth century civil and military hierarchy in Zosimus.—Byz., 40, 1970, p. 91—104.
- R. T. *Ridley*. Zosimus the Historian.—BZ, 65, 1972.
- R. P. *Robinson*. The Hersfeldensis and the Fuldensis of Ammianus Marcellinus.—«The University of Missouri Studies. A Quarterly of Research», 11, 1936, p. 118—140.
- D. *Romano*. Due storici di Attila: il greco Prisco e il goto Iordanes.—«Antiquitas», 2, 1947, p. 65—71.
- K. *Rosen*. Studien zu Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg, 1968.
- H. T. *Rowell*. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Roman Empire.—«Lectures in Memory of L. T. Semple». Cincinnati, 1964.
- H. T. *Rowell*. The First Mention of Rome in Ammianus' Extant Books and the Nature of the History.—«Mélanges J. Carcopino». Paris, 1966.
- B. *Rubin*. Der Fürst der Dämonen.—BZ, 44, 1951, S. 469—481.
- B. *Rubin*. Procopios von Kaisarea. Stuttgart, 1954.
- B. *Rubin*. Procopios von Kaisarea, eine Zentralgestalt der oströmischen Geschichtsschreibung.—«Forschungen und Fortschritte», 29, 1955.
- B. *Rubin*. Das Zeitalter Justinians, Bd. I. Berlin, 1960.
- I. I. *Russu*. Die Ortsnamen der Balkanhalbinsel in «De aedificiis».—«Revue de linguistique», 8, 1963.
- A. *Selem*. Ammiano Marcellino ed i problemi sociali del suo tempo. — «Annali della scuola Normale Superiore de Pisa. Cl. di lett. stor., e filos.», 33, 1964, p. 147—153.
- A. *Selem*. Considerazioni circa Ammiano Marcellino ed il cristianesimo.— «Rivista di cultura classica e medievale», 6, 1964.
- W. *Seyfarth*. Der Codex Fuldensis und der Codex Edes Ammianus Marcellinus. Berlin, 1962.
- W. *Seyfarth*. Ein Handstreich persischer Bogenschützen auf Antiochia. Sprachliche und historische Rechtfertigung einer Stelle bei Ammianus Marcellinus, XXIII, 5, 3.—«Klio», 40, 1962, S. 60—64.
- W. *Seyfarth*. Zeugnisse für Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus.—«Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Jena». Sonderheft, 1964.
- W. *Seyfarth*. Ammianus Marcellinus und das Fatum. —«Klio», 43—45, 1965, S. 305.

- W. Seyfarth. Miles Cautus. Eine merkwürdige Parallele zwischen Ammianus Marcellinus und einer afrikanischen Inschrift. — «Miscellanea critica», t. II. Leipzig, 1965, S. 334—336.
- W. Seyfarth. Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus. — «Klio», 46, 1965.
- W. Seyfarth. Philologische Probleme um Ammianus Marcellinus. — «Klio», 48, 1967.
- I. Shahid. Procopius and Arethas again. — Byz., 41, 1971, p. 313—337.
- G. Soyter. Prokop als Geschichtsschreiber des Vandalen- und Gotenkrieges. — «Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung», 2, 1939, S. 97—108.
- G. Soyter. Procopius von Caesarea. — BZ, 44, 1951.
- C. di Spigno. Aspetti e problemi della storia degli studi Ammianeï. — «Helikon», t. 3, 1963, p. 524—534.
- E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949.
- J. Stojan. A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin. — «Latomus», 26, 1967.
- J. Straub. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Diss. Berlin, 1938.
- Suidae Lexicon, ed. J. Bekker. Berolini, 1854.
- J. Suolanti. On the Persian sources used by the Byzantine historian Agathias. — «Studia orientalia», XIII, 9. Helsinki, 1947.
- R. Syme. Ammianus and the Historia Augusta. London, 1968.
- W. S. Teuffel. Agathias von Myrine. — «Philologus», I, 1846, S. 495—511.
- W. S. Teuffel. Studien und Charakteristiken. Leipzig, 1871, S. 237—254.
- Theophanis Chronographia, rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- Theophylacti Simocattae Historiae, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- Theophylactus Simocatta. Listy. Wrocław, 1953.
- A. Thierry. Histoire d'Attila et de ses successeurs, I—II. Paris, 1865.
- E. A. Thompson. Eunapius, fr. XIV, 7. — «Classical Review», 57, 1943.
- E. A. Thompson. Olympiodorus of Thebes. — «Classical Quarterly», 38, 1944, p. 43—53.
- E. A. Thompson. Priscus of Panium. — «Classical Review», 59, 1945, p. 92 ff.
- E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge 1947.
- E. A. Thompson. Notes on Priscus Panites. — «Classical Quarterly», 41, 1947, p. 61—65.
- E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.
- I. Tiçelöiu. Über die Nationalität und Zahl der vom Kaiser Theodosius dem Hunnenkhan Attila ausgelieferten Flüchtlinge. — BZ, 24, 1924, S. 84—87.
- F. H. Tinnefeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Niketas Choniates. München, 1971, S. 205.
- N. B. Tomadakis. Les historiens byzantins. — EEBΣ, 38, 1971, p. 345—360.
- H. Tränkle. Ammianus Marcellinus als römische Geschichtsschreiber. — «Antike und Abendland», 11, 1962.
- V. Valdenberg. Le idee politiche di Procopio di Gaza e di Menandro Protettore. — SBN, 4, 1935.
- F. Vámos. Attilas Hauptlager und Holzpaläste. — «Seminarium Kondakovianum», 5, 1932, S. 131—148.
- A. Vasiliev. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Massach., 1950.
- O. Veh. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea, I—III (Bayreuth, Gymn. Progr., 1950/51, 1951/52, 1952/53). Bayreuth, 1951—1953.
- O. Veh. Beiträge zu Menander Protector. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1954/1955 des humanistischen Gymnasiums Fürth-Bayern». Fürth, 1955.
- O. Veh. Untersuchungen zu dem byzantinischen Historiker Theophylaktos Simokattes. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresberichte 1956/1957 des humanistischen Gymnasiums». Bayern, 1957.

- A. Veniero.* Paolo Silenziario. Epigrammi. Torino, 1963.
- J. Vogt.* Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit.— «Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz). Abh. der geistes- und sozialwissenschaftlichen Kl.», 1963, № 8.
- L. G. Westerink.* Theophylactus Simocattes on predestination.— «Studi in onore di Vittorio de Falco». Napoli, 1971, p. 533—551.
- G. A. Williamson.* Procopius. The Secret History. West Drayton, 1966.
- G. Wirth.* Mutmassungen zum Text von Procops' Gotenkrieg.— «Helikon», IV, № 1—4, 1964; V, № 2—4, 1965.
- G. Wirth.* Attila und Byzanz.— BZ, 60, 1967, S. 40—69.
- B. Zástěrová.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971.
- Zosimi comitis et ex advocati fisci historia nova*, ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ЗРВИ — Сборник Радова. Византологический институт
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИБАН — Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР
 СВ — Средние века
 BNgJb — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher
 BSl — Byzantinoslavica
 Byz — Byzantion
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 ΕΕΒΣ — Ἐπιτηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
 HGM — Historici Graeci Minores
 HThR — Harvard Theological Review
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
 JRS — Journal of Roman Studies
 KCSA — Körösi Csoma Archivum
 MGH, AA — Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi
 PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca
 RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REB — Revue des études byzantines
 REG — Revue des études grecques
 SBN — Studi Bizantini e Neellenici
 Vigil Chr. — Vigilia Christiana

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан, римский император (27 до н. э.—14 н. э.) 27, 93
- Августа Галла Плацидия, римская императрица, дочь Феодосия Великого, мать Валентиниана III (ум. 450) 91, 92, 110, 111
- Августин Аврелий (Блаженный), епископ Гишпонский, церковный писатель (354—430) 53, 69, 239
- Аврелий см. Секст Аврелий Виктор
- Агафий Миринейский, византийский историк, поэт (536/37—582) 70, 81, 82, 131, 140, 147, 180, 197—242, 243—246, 251—253, 257, 259, 261, 273, 276—279, 282—285, 289—294, 313, 319, 320, 322—326
- Адамий, управляющий жены Аттилы — Креки 127
- Адрастия — Немесида, греч. богиня возмездия 29, 30
- Азиний Квадрат, римский историк (III в.) 202
- Айэт, знатный лав, выступил против присоединения Лазики к Византии (VI в.) 211
- Акакий, константинопольский патриарх (472—489) 143
- Аларих I, король вестготов (ок. 370—410) 91, 95, 98, 124, 133, 138
- Александр Македонский (Великий) (356—323 до н. э.) 51, 166
- Александр Полигистор, римский писатель (род. ок. 105 до н. э.) 202
- Алеманн Н*, ученый-археолог, хранитель библиотеки в Ватикане (1583—1626) 200
- Амаласунта (Амаласвинта), дочь и приемница остготского короля Теодориха I 241
- Аммиан Марцеллин, византийский историк (IV в.) 7—82, 83—89, 91, 92, 95—98, 108, 117, 118, 123, 132, 134, 135, 144, 178, 188, 203, 228, 231—233, 241, 276, 291, 292, 294, 319, 320, 322, 325, 326
- Аммоний Саккас, александрийский философ, учитель Плотина (175—242) 26
- Анагаст, гот, византийский полководец при Льве I 245
- Анаксагор, древнегр. философ (ок. 500—428 до н. э.) 26
- Анастасий I Дикор, византийский император (491—518) 93, 142, 143, 173, 174, 296
- Анатолий, куратор императорских имений при Юстиниане I 214
- Анатолий, византийский посол к Аттиле (449) 136, 139
- Анахарсис, ученый скиф 88
- Аниции, знатная фамилия в Риме, отличавшаяся христианской ортодоксальностью (IV в.) 42
- Анна Комнина, писательница, дочь Алексея I (1083 — после 1147) 278
- Аноним Вalezия 103
- Антипатр Сидонский, древнегр. поэт (II—I вв. до н. э.) 200
- Антонина, жена византийского полководца Велисария 148, 149, 155, 157, 171, 238, 241
- Анфимий, римский император (467—472) 176
- Анфимий из Тралл, византийский математик и архитектор, строитель храма св. Софии (VI в.) 201, 213
- Аполлоний, посол императора Маркиана к Аттиле (452) 134, 138
- Аполлоний Тианский, греч. философ, представитель новопифагореизма (I в. н. э.) 27
- Апулей Луций, римский писатель и ритор (род. ок. 124) 23
- Арбогаст, франк, римский полководец (ум. 394) 98

* Имена ученых-историков выделены курсивом.

- Ардаур, гот, сын Аспара, византийский полководец (V в.) 103
- Ареобинд, наместник Юстиниана I в Северной Африке (VI в.) 154
- Арефа, сын Габала (Хариг-ибн-Габала), царь Гассанидского государства, союзник Византии (531—571) 189
- Аристарх Самофракийский, александрийский филолог (ок. 217—145 до н. э.) 26
- Аристотель, древнегр. философ (384—322 до н. э.) 22, 23, 25, 202, 214, 216, 218, 323
- Аркадий, византийский император (395—408) 84, 87, 173, 207
- Арриан Флавий, древнегр. историк и писатель (II в.) 296
- Арсак, участник заговора Артабана 168
- Артабан, полководец Юстиниана I 154, 168
- Асклепиад, философ-киник (IV в.) 43
- Асклепидот, греческий военный писатель (I в. до н. э.) 296
- Аспар, готский вождь, византийский полководец (втор. пол. V в.) 103, 134, 144
- Атакам, гунн, представитель царского рода 126
- Атаульф, король вестготов (V в.) 91, 92
- Аттила, правитель гуннов (ум. 453) 100—102, 104—117, 122—128, 130—141, 267
- Афанасий Александрийский, архиепископ Александрии, богослов и географ (IV в.) 41
- Аэций, полководец и правитель Западной Римской империи (ум. 415) 102, 127, 137, 178
- Бауто, франк, римский полководец при Грациане и Валентиниане II 98
- Беллона, итальянская (сабинская) богиня войны 30, 68
- Бенедикти Р.*, совр. венгерский историк 106, 146
- Бероз (Берос), вавилонский историк и астроном (ок. 350—280 до н. э.) 202
- Бесса, гот, полководец Юстиниана I 188
- Бледа, брат и соправитель Атиллы 128, 138
- Бонифаций, римский полководец на Западе, правитель Африки (V в.) 92, 178
- Бонфанге Л.*, совр. историк античности 74, 79
- Браччолини Поджо, итальянский гуманист (1380—1459) 21
- Бутилин, предводитель франкских и алеманнских воинов (VI в.) 209, 217, 232
- Бьюри Дж.*, основатель современного византиноведения в Англии (1861—1927) 202, 297
- Вайан, каган аваров (сер. VI в.) 249, 260—263, 273
- Валент, император Восточной Римской империи, брат и соправитель Валентиниана I (364—378) 16, 17, 30, 32, 43, 45, 47, 55, 56, 58, 66—68, 75, 79, 80, 87
- Валентин, телохранитель императора Тиверия, глава посольства ромеев к тюркам 272
- Валентиниан I, римский император (364—375) 43, 47, 55, 56, 72, 79, 80
- Валентиниан III, римский император (425—455) 92, 102, 109—112
- Василиск, византийский император (475—476) 143
- Васильев А. А.*, русский византист (1867—1953) 202
- Вари Р.*, венгерский историк (1867—1940) 296
- Велисарий, византийский полководец (VI в.) 147—160, 167, 168, 171, 176, 183, 188, 189, 203, 211, 238, 241
- Веллей Патеркул, римский историк (I в. н. э.) 36
- Вергилий Марон Публий, римский поэт (70—19 до н. э.) 16, 23, 36, 72
- Вериниан, офицер римской армии, друг Аммиана Марцеллина 14
- Верих, приближенный Атиллы, скиф знатного рода 126, 139
- Вигила, переводчик при после Максимиане к Атилле (448) 112, 131, 132, 134, 138, 139
- Вириат, предводитель лузитан (150—139 до н. э.) 29
- Виталиан, мятежный византийский полководец (нач. VI в.) 148, 175
- Витигис, король остготов (VI в.) 154, 156, 157
- Вирр Г.*, западногерманский византист 80, 125, 128
- Гайна, гот, византийский полководец (кон. IV в.) 98
- Галл Цезарь, брат императора Юлиана Отступника 11, 55, 79
- Галла Пластидия см. Августа Галла Пластидия

- Галлеге Э.*, совр. французский медиевист 21
- Ганнибал, карфагенский полководец (247—183 до н. э.) 288, 316
- Гейзерих, король вандалов (427—477) 110, 130, 151
- Гелений Сигизмунд (Грубый из Елены), чешский гуманист (XVI в.) 21
- Гелимер, король вандалов, возведен на престол в 530 г. 150, 151, 152, 183, 196, 241
- Генерид, магистр конницы Иллирика 96
- Генесий Иосиф, византийский историк, современник Константина Багрянородного 236
- Георгий, александрийский епископ (IV в.) 41
- Георгий Писиды, византийский поэт (VII в.) 297
- Гераклит Эфесский, древнегр. философ-материалист (р. ок. 544—540 до н. э.) 22, 25, 45, 322
- Герман, византийский полководец (ум. 550) 168
- Гермес Тризмегист, греч. обозначение египетского бога Тота 27
- Гермий, финикийнин философ-неоплатоник (VI в.) 213
- Геродиан из Александрии греческий историк (170—241) 26
- Геродот, древнегр. историк (V в. до н. э.) 22, 106, 140, 189, 196, 202, 203, 205, 246, 277, 307, 321, 326
- Геродот, брат историка Менандра Прогиктора 243
- Гесиод, древнегр. поэт (VIII—VII вв. до н. э.) 72, 214, 246, 274
- Гнацинт, евнух, посол принцессы Гонории к Аттиле (450) 111
- Гиббон Э.*, английский историк (1737—1794) 202
- Гилара, сенатор при Юстиниане I 176
- Гликерия, мученица 290
- Голенищев-Кутузов И. Н.*, советский филолог (1904—1969) 70
- Голиндуха, персиянка, принявшая христианство 290
- Гомер, древнегр. поэт 22, 27, 162, 196, 225, 274, 286, 288, 292
- Гонорий, римский император (395—423) 91, 92
- Гонория Юста Грата, дочь Галлы П्लाцидии и императора Констанция III, сестра императора Валентиниана III (род. ок. 418 г.) 110, 111, 112, 114
- Гонтарис, военачальник в Северной Африке, узурпатор (убит в 546) 154, 241
- Григорий, антиохийский патриарх (кон. VI в.) 277
- Григорий Турский, историк, агрограф, церк. деятель (VI в.) 229, 230
- Гуваз (Говаз), царь лавов (V в.) 104, 130, 217
- Гэртнер Х.*, немецкий историк 52
- Дамасий, римский папа (IV в.) 41
- Дамаский, греч. философ-неоплатоник (род. ок. 470) 213
- Дамохарис, византийский поэт (VI в.) 199
- Данте Алигьери, итальянский поэт (1265—1321) 8
- Дардан, предок Энея, легендарный родоначальник римлян 208
- Дарко Е.*, венгерский филолог (1880—1940) 297, 298
- Дексипп Афинянин, греческий историк (III в.) 84
- Демандт А.*, западногерманский историк 35, 39, 43, 59, 63, 71, 74
- Демокрит, древнегр. философ-материалист (ок. 460—370 до н. э.) 22, 25, 322
- Демосфен, древнегр. оратор и политический деятель (384—322 до н. э.) 22
- Демосфен, сенатор, современник Юстиниана I 176
- Дестунис Г. С.*, русский историк-византист (1818—1895) 104
- Дидим Халкентер, знаменитый греч. грамматик (род. в 63 до н. э.) 26
- Дизавул, хан I Тюркского каганата (VI в.) 267—272
- Диль Ш.*, французский историк-византист (1859—1944) 147, 247
- Дилльман Л.* совр. французский византист 25
- Диоген, финикийнин, философ-неоплатоник (VI в.) 213
- Диодор Сицилийский, древнегр. историк (ок. 80—29 до н. э.) 202, 206, 277
- Дион Кассий, римский сенатор, грекоязычный историк Рима (ок. 160—230) 7, 22, 202
- Дионисий из Либана, современник Юстиниана I 176
- Дометриан, епископ мелитенский, родственник императора Мауркия 289
- Донат Элий, римский грамматик и ритор (IV в.) 39

- Дэн А.**, французский историк (1896—1964) 295
- Евагрий Схоластик**, антиохийский юрист, автор «Церковной истории» (535/36 — кон. VI в.) 101, 104, 105, 106, 129, 147, 197, 209, 226, 277, 278, 298
- Евгений**, римский император (392—394) 22, 57, 96
- Евгений**, придворный равеннского двора (40—50-е гг. V в.) 110
- Евгения**, сестра историка Агафия Миринейского 220
- Евлакий** (Евлалий), философ-неоплатоник (VI в.) 213
- Евн** (антиох), вождь восставших рабов в Сицилии (ум. 132 до н. э.) 29
- Евнапий** из Сард, греческий историк и ритор, философ-неоплатоник (345—420) 24, 81, 83—89, 93, 94, 98, 291, 319, 320
- Еврипид**, древнегр. драматург (480—406 до н. э.) 289, 292
- Евсевий**, византийский дипломат, один из составителей византино-иранского мирного договора 561 г. 265
- Евстрафий Епифанийский**, византийский хронист (ум. 503) 105
- Евтропий**, римский историк (IV в.) 37
- Евфимий**, магистр оффиций при императоре Маркиане 103, 104
- Евфимия**, мученица 290
- Евтихиан**, секретарь императора Юстинна II 200
- Зазон**, брат короля вандалов Гелимера 150
- Застерова Б.**, чешская византинистка 298, 300, 303, 306
- Захария**, посол Византии к персам при императоре Тиверии 267
- Зейфарг В.**, немецкий историк-византинист 13, 14, 21, 31, 38, 57, 60
- Зеркон**, «шут» при дворе Аттилы 140
- Зимарх**, стратег городов Востока, византийский посол к тюркам (568) 247, 253, 267, 269—272
- Зинон** (Тарасикодисса), византийский император (474—475 и 476—491) 142, 143, 144, 245
- Зинон**, сенатор, внук императора Анфимия (VI в.) 176
- Зих Иесдегуснаф**, персидский дипломат, один из составителей византино-иранского мирного договора 561 г. 265, 266
- Зонара** см. Иоанн Зонара
- Зосим**, византийский историк (втор. пол. V в.) 24, 68, 81, 83, 92—99, 104, 118, 123, 134, 135, 144, 228, 276, 291, 319, 320, 326
- Иездигерд**, сын и преемник персидского шаха Хосрова I 267
- Ильдико**, последняя жена Аттилы 117
- Иоанн Антиохийский**, византийский хронист (VII в.) 101, 106, 111, 112
- Иоанн Варвукал**, византийский поэт (VI в.) 199
- Иоанн**, византийский офицер, победивший на поединке Стотазу (545) 154
- Иоанн**, полководец при Юстиниане I 156
- Иоанн Епифанийский**, византийский историк (VI в.) 147, 197, 277, 278
- Иоанн Зонара**, византийский хронист (конец XI—сер. XII) 203
- Иоанн** из Эдессы, современник Юстиниана I 176
- Иоанн Каппадокийский**, префект претория Востока при Юстиниане I 176, 186
- Иоанн Коментиол**, византийский дипломат, посол Юстина II к персам 249, 266
- Иоанн Лаврентий Лид**, византийский писатель (VI в.) 277
- Иоанн Малала**, византийский хронист (VI в.) 101, 106, 228
- Иоанн Никнуцкий**, византийский хронист (VII в.) 160, 298
- Иоанн IV Постник**, Константинопольский патриарх (582—595) 290
- Иоанн Филопон**, византийский ученый, философ (кон. VI в.) 214
- Иовиан**, римский император (363—364) 16, 79, 228
- Иордан**, готский историк (VI в.) 68, 101, 105, 106, 108, 109, 111, 113, 115—118, 123, 132, 133, 190, 192, 325
- Ипатий**, один из руководителей сенаторской оппозиции во время восстания Ника (532) 168, 174
- Иракий I**, византийский император (610—641) 276, 279, 284, 293, 294, 297, 300
- Ирмшер И.**, филолог, историк-византинист ГДР 209, 224, 236, 237
- Ирна**, младший сын Аттилы 116
- Исаозит**, перс, принявший христианство и распятый за это соотечественниками 260
- Исла**, гунн, посол Аттилы ко двору Феодосия II 126, 132

- Кандид Исавр. греч. историк (кон. V в.) 142, 143, 144
- Кассий Дион см. Дион Кассий
- Кассиодор Флавий Магн Аврелий Сенатор, политический деятель остготского королевства, писатель, историк (ум. 575) 105
- Клавдиан Клавдий, латинский поэт (кон. IV—нач. V в.) 37
- Клавдий II Марк Аврелий (Готский), римский император (268—270) 84
- Клеобул, адресат эпиграммы Агафия 221
- Клеомброт, ученик Сократа 248
- Константин Великий, Флавий Валерий, римский император (312—337) 11, 62, 94, 95, 97
- Константин VII Багрянородный, византийский император (913—959) 104, 105, 133, 244
- Константин, византийский полководец при Юстиниане I 156
- Константин Ларди, патрикий 283
- Константиол, латинянин, современный писателя Приска Панийского (сер. V в.) 116
- Констанца С.*, современный итальянский филолог 224
- Констанций II Флавий Юлиус, римский император (337—361) 10, 11, 13, 17, 41, 44, 51, 54, 55, 75, 77—79
- Констанций III Флавий Август, римский император (451) 92, 110
- Констанций, италиец, секретарь Атиллы 127, 128
- Коперник Николай, польский астроном (1473—1543) 277
- Корипп Флавий Кресконий, латинский поэт, автор сохранившейся панегирической поэмы, посвященной Юстину II (VI в.) 209
- Крека, главная жена Атиллы 113, 114, 116, 121, 125, 127, 138
- Крумбалер К.*, немецкий филолог античности и византист (1856—1909) 247, 297
- Ксенофонт, древнегр. историк (430—355 до н. э.) 202
- Ксеркс, персидский царь из династии Ахеменидов (486—465 до н. э.) 217
- Ктесий, древнегр. историк (V—IV вв. до н. э.) 202
- Курдиак, предводитель племени акациров (V в.) 131
- Кучма В. В.*, советский византист 300
- Кэмерон Ав.*, современная английская византистка 202, 204, 206, 208, 212, 218, 220, 224—226, 235, 236
- Кэмерон Ал.*, современный английский византист 24, 224
- Лактанций Луций Целий Фирмиан, филолог, богослов, историк (ок. 250—ок. 325) 37
- Ламма П.*, итальянский историк 236
- Лампадий, префект Рима (IV в.) 61
- лев I, византийский император (457—474) 124, 134, 143
- лев II, византийский император (474) 142
- Лев Диакон, византийский историк (род. ок. 950) 197, 207, 236
- Левтарис, один из командиров франкских и алеманнских воинов (сер. VI в.) 217, 232, 235
- Левченко М., В.*, советский историк-византист (1890—1955) 210, 236
- Леонид, спартанский царь (V в. до н. э.) 288
- Леонид Тарентский, древнегр. поэт (III в. до н. э.) 200
- Либерий, папа (IV в.) 41
- Ливаний (Либаний), греч. философ и ритор из Антиохии (IV в.) 19, 26, 61, 81, 93
- Ливий Тит, римский историк (59 до н. э.—17 н. э.) 7, 23, 321
- Лид см. Иоанн Лаврентий Лид
- Лонгин, ритор, критик, философ-неоплатоник (213—273) 93
- Лукиан из Самосаты, греч. писатель-сатирик (II в.) 202, 206
- Лукреций Кар Тит, римский поэт и философ (ок. 99—55 до н. э.) 23, 25
- Маврикий, византийский император (582—602) 202, 208, 243, 245, 248, 250, 253, 259, 273, 277, 279—281, 283, 284, 291, 292, 298—300
- Маккавелли Никколо, итальянский политический деятель, историк и писатель (1469—1527) 316
- Макробий Амвросий Феодосий, философ-неоплатоник, латинский писатель и грамматик (IV—нач. V в.) 39
- Максим из Эфеса, языческий философ, наставник Юлиана Отступника 46
- Максим Валерий, сенатор, префект Рима (361) 61
- Максимин Флавий, префект претория при Валентиниане I 57, 62

- Максимин, придворный императора Феодосия II, дипломат, глава посольства к Атилле 101, 103, 112—115, 126, 130, 131, 136—139
- Максенций Аврелий Валерий, римский император (307—312) 97
- Малала Иоанн см. Иоанн Малала
- Малх Филадельфиец, византийский историк, ритор, философ, софист (V в.) 39, 104, 142, 143, 144, 276
- Мама, его, (ее?) дети 126
- Маниах, посол турецкого хана Дизавула к императору Юстину II 268, 269, 271
- Марий Гай, римский полководец и государственный деятель (157—86 до н. э.) 27, 46
- Марий Максим, римский историк (III в.) 32
- Марк Аврелий Антонин, римский император, философ-стоик (161—180) 23, 49
- Маркиан, византийский император (450—457) 102, 103, 133, 138
- Марцелл, начальник дворцовой стражи при Юстиниане I 168
- Марциал Марк Валерий, римский поэт, мастер эпиграмматического жанра (I в. н. э.) 78
- Матасунта, жена короля остготов Витигиса, внучка Теодориха I 156
- Мебод, посол персов к Юстину II 249, 267
- Мезамир, посол антов (VI в.) 261
- Менандр Протиктор, византийский историк (втор. пол. VI в.) 108, 147, 197, 199, 202, 207, 208, 209, 220, 236, 243—274, 276—278, 282—287, 289—294, 313, 319, 320, 322—325
- Мемноний, ритор, отец историка Агафия Миринейского 198
- Меркурий Трисмегист (трижды могущественный) см. Гермес Трисмегист
- Мермерой, персидский военачальник 233
- Минойд Минас*, ученый грек, собиратель древних рукописей (1790—1860) 105
- Михаеску Х.*, румынский историк 295, 296, 298
- Момильяно А. Д.*, итальянский историк-медиевист 39, 224
- Моммзен Т.*, немецкий историк античности (1817—1903) 25, 105
- Моравчик Д.*, венгерский византист (1892—1972) 247
- Моро Ж.* французский историк (ум. 1961) 38
- Мунд, полководец Юстиниана I 186, 188
- Мундиух, отец Атиллы 132
- Мусоний, водчий, адресат эпиграммы Агафия Миринейского 220
- Мюллер К.*, немецкий историк (XIX в.) 105
- Нарсес, евнух, полководец Юстиниана I, наместник Италии 156, 159, 189, 208, 211, 231, 232, 233, 234, 241
- Нерва Марк Кокцей, римский император (96—98) 21
- Нибур Б. Г.*, немецкий историк античности (1776—1831) 202
- Никомах Флавиан Вирий, префект претория, историк (ум. 394) 37
- Никомахи, римский патрицианский род, связанный с оппозиционными языческими кругами (IV в.) 19, 57, 61
- Никострат, древнегр. философ 218
- Нин, сын легендарной царицы Семирамиды 231
- Ном, консул на Востоке (445), магистр оффиций при Феодосии II, посол к Атилле (449) 136, 138, 139
- Нонн Панопольский, византийский поэт, основатель школы поэтов — эпиков (род. 400) 200, 202, 223
- Норман А. Ф.*, английский историк 24, 108, 245
- Нума Помпилий, второй из легендарных римских царей 27
- Оварисий, дядя Атиллы по отцу 125
- Олимпий, сторонник римской партии при императоре Гонории 92
- Олимпиодор, греческий историк, писатель, поэт (V в.) 83, 89—92, 93, 98, 188, 291, 319, 320, 325
- Оносандр, греческий военный писатель (I в.) 296, 309
- Онигисий, сподвижник и советник Атиллы 113, 114, 115, 122, 125, 126, 133, 138
- Орест, выходец из Паннонии, приближенный Атиллы 127, 131, 139
- Орибасий (Оривасий), прославленный медик, придворный врач императора Юлиана 84
- Ориген, сенатор, участник восстания Ника, 175
- Орозий Павел, римский историк (ок. 380—ок. 420) 108
- Оссарес Ф.*, французский историк 298, 299
- Павел, нотариус 62
- Павел Орозий см. Орозий Павел
- Павел Силенциарий, византийский поэт (VI в.) 199, 202

- Пампрепий из Панополя, эпический поэт и философ-неоплатоник (втор. пол. V в.) 143
- Пасифил, греч. философ-язычник (IV в.) 45
- Перегрин Протей, римский философ-кивик (ум. 165 г.) 46
- Перикля, мать историка Агафия Миринейского 198
- Перриче Н.*, итальянский ученый 297
- Петр Барсима, префект претория при Юстиниане I 176
- Петр, наместник Египта, родственник историка Феофилакта Симокатты 276
- Петр Патрикий (Магистр), византийский историк и дипломат (род. ок. 500) 245—247, 254, 260, 264—266
- Петроний Гай, римский писатель-сатирик, приближенный императора Нерона (ум. 66 г. н. э.) 78
- Ниндар, древнегр. поэт (ок. 522—ок. 442 до н. э.) 202
- Пифагор, древнегр. философ и математик (ок. 580—500 до н. э.) 26, 27
- Плавт Тит Макций, римский комедиограф (ум. ок. 184 до н. э.) 23
- Платон, древнегр. философ-идеалист (ок. 427—ок. 347 до н. э.) 22, 23, 25, 120, 171, 206, 213, 216, 217, 218, 225, 231, 289, 292, 323
- Плиний Младший, римский писатель и оратор (ок. 62—ок. 114) 36
- Плотин, греч. философ, основатель неоплатонизма (ок. 203—ок. 269) 26, 27
- Полибий, древнегр. историк (ок. 200—ок. 120 до н. э.) 7, 22, 93, 94, 178, 196, 202, 206, 326
- Претекстат, префект Рима (367), язычник 37, 42, 61
- Примут, посол Валентиниана III к Атилле 109
- Приск Панийский, византийский историк, дипломат (род. между 410—420, ум. после 472) 82, 100—141, 142—144, 188, 192, 228, 232, 244, 245, 247, 267, 292, 294, 319, 325, 326
- Прискиан, философ-неоплатоник (VI в.) 213
- Проб Марк Аврелий, римский император (276—282) 94
- Проб, префект претория (IV в.) 61
- Прокопий Кесарийский, византийский историк (VI в.) 55, 57, 70, 81, 82, 106, 132—135, 140, 144, 145—196, 201—205, 207, 208, 210—212, 214—216, 218, 220, 221, 223, 225, 226, 228, 229, 231—235, 237—242, 245, 246, 253, 257, 259, 284, 285, 289—294, 313, 319—325
- Прокопий, племянник императора Юлиана, мятежник, узурпатор 56, 62, 65—68, 73, 76, 77, 79
- Проэрсий, греческий софист, философ-неоплатоник (IV в.) 84
- Псевдо-Маврикий, автор Стратегикона 262, 295—318
- Птоломей Клавдий, александрийский ученый, астроном и математик (II в.) 23
- Пульхерия, дочь Феодосия I, сестра Феодосия II (V в.) 87, 111
- Робинсон Р.*, американский филолог (1890—1950) 22
- Розен К.*, совр. западногерманский историк 34, 74, 80
- Розенталь Н. Н.*, советский историк-античник (ум. 1960) 61
- Рольф Дж.*, английский историк 21
- Роман, посол Валентиниана III к Атилле 109
- Ромул, глава посольства Валентиниана III к Атилле 109
- Роузэлл Г.*, американский историк 49, 72, 74
- Рубин Б.*, западногерманский историк 170, 171, 182, 208
- Рустикий, секретарь, переводчик и писец Атиллы 126, 127
- Рутилий Намацян Клавдий, латинский поэт (IV—V вв.) 37
- Руф, византийский полководец (VIII в.) 297
- Руфин, префект претория (ум. 395) 88
- Саллюстий Крисп Гай, римский историк (I в. до н. э.) 23, 37, 96
- Саллюстий, префект претория при Юлиане Отступнике 96
- Сапор см. Шапор
- Сасаниды, династия, правившая в Иране (226—651) 263
- Светоний Транквилл Гай, римский историк и писатель (ок. 70—ок. 123 н. э.) 55, 171, 322
- Себастиан, римский полководец, магистр конницы (IV в.) 13, 15
- Севастиан, префект претория Востока при Зиноне 142
- Секст Аврелий Виктор, римский историк (IV в.) 24
- Селем А.*, совр. итальянский историк 21, 41
- Семпрамида, легендарная царица Ассирии (кон. IX в. до н. э.) 231

- Сенатор Флавий, консул на Востоке (436) 136
- Сенека Луций Анней (Младший), римский философ, писатель, драматург (4 г. до н. э. — 65 н. э.) 35, 36, 217
- Сервий, римский философ-неоплатоник (IV в.) 39
- Сергий I, константинопольский патриарх (610—638) 277
- Сергий, переводчик, друг историка Агафия Миринейского 203
- Сесострис, египетский фараон 254, 286
- Спгизмунд Гелений см. Гелений Спгизмунд
- Сильван, ростовщик во времена императора Валентиниана III 109
- Сильван, франк, римский военачальник, солдатский император в 355 г. 12
- Симмах Квинт Аврелий (Старший), консул (391), глава языческой оппозиции в сенате, писатель-эпистолограф, оратор 37, 39, 57
- Симмах Квинт Аврелий Мемний (Младший), историк (ум. 525) 202
- Симмах Л. Аврелий Авиан, префект Рима (364—365) 42, 61
- Симмахи, римские патриции-язычники (IV в.) 19, 57, 61
- Симокатта Теофилакт, византийский историк (VII в.) 70, 81, 82, 132, 140, 147, 206, 228, 235, 236, 245, 254, 275—294, 298, 299, 304, 313, 319, 320, 322, 324—326
- Симонид, греческий языческий ученый, философ (IV в.) 45, 46
- Симпликий, греческий философ-неоплатоник (VI в.) 213, 218
- Синесий Киренский, философ-неоплатоник, оратор, поэт (ок. 370—ок. 413) 188
- Спнкелл Георгий, византийский хронист (кон. VIII—нач. IX в.) 203
- Сприае, греческий философ-неоплатоник (V в.) 93
- Скотта, гунн, приближенный Атилы 126, 127, 138
- Скржинская Е. Ч.*, советская византистка 106
- Соколов В. С.*, ученый-источниковед, специалист в области древних языков (1889—1967) 26
- Соколова Т. М.*, советский филолог-классик 198
- Соломон, евнух, наместник Африки (ум. 544) 153
- Солон, афинский законодатель (VI в. до н. э.) 26
- Сократ, древнегр. философ (469—399 до н. э.) 27, 32
- Софокл, древнегр. драматург (ок. 497—406 до н. э.) 289, 292
- Спартак, вождь восставших рабов в Италии в 74—71 гг. до н. э. 29
- Стесихор, древнегр. поэт, представитель хорической мелики (ум. ок. 556 до н. э.) 32
- Стефан Византийский, географ и грамматик (VI в.) 101, 106
- Стилюхон, вандал, римский полководец и государственный деятель (ок. 365—408) 91, 92, 98
- Стотза, вождь восставших солдат в Северной Африке (убит в 545) 153
- Суда, византийский лексикограф (X в.) 100, 101, 104, 105, 107, 108, 160, 197, 243, 244, 245, 250
- Сурина, персидский дипломат 265
- Сципион Африканский Старший, Публий Корнелий, римский полководец, победитель Ганнибала (234—183 до н. э.) 27, 288
- Сюзюмов М. Я.*, советский историк-византист 207
- Тагма, турецкий посол к византийцам (втор. пол. VI в.) 271
- Тарду, правитель турок (втор. пол. VI в.) 272
- Татиан, префект претория Востока, язычник 96
- Татиан, сенатор при Юстиниане I 176
- Тацит Корнелий, римский историк и писатель (ок. 55—120) 7, 8, 21, 22, 23, 35, 36—38, 69, 75, 79, 192, 229, 305, 321
- Теодорих I Великий, король остготов (493—526) 143, 156, 157, 241
- Тиверий I Константин, византийский император (578—582) 208, 248, 250, 262, 263, 266, 267, 272, 273, 279, 281, 282, 291
- Тит Флавий Веспасиан, римский император (79—81 н. э.) 152
- Томпсон Е., английский историк-медиевист 8
- Тотила (Бадуила), король остготов, полководец (541—552) 158, 159, 189, 241
- Траян Нерва Август, римский император (98—117) 152
- Туркасанф, один из предводителей турок, сын Дизавула 272, 273
- Тьерри Амедей*, французский историк (1797—1873) 108

- Урбийкий, полководец Анастасия I 295, 296, 298
- Урзицин, римский полководец, магистр конницы Востока (IV в.) 10—15, 17
- Урсиц, антипапа (IV в.) 41
- Фара, герул 188
- Фаустин, современник Аммиана Марцеллина 38
- Фей О., совр. западногерманский историк 147, 169, 171, 176, 185
- Фемистий, греческий ритор (IV в.) 192
- Феодор, дипломат, посол императора Тиверия к персам 266
- Феодор, нотариус (IV в.) 56, 62
- Феодора, жена Юстиниана I (ум. 548) 167—172, 174, 176—179, 182, 184, 186, 238, 241
- Феодосий I Великий, римский император (379—395) 39, 42, 58, 87, 88, 91, 95, 97
- Феодосий II, византийский император (408—450) 92, 101, 112, 131, 132, 139, 173, 207
- Феодосий, друг полководца Велисария 176
- Феофан Византиец, историк (VI в.) 247
- Феофан Исповедник, византийский хронист (ок. 758—817) 101, 197
- Фест, римский историк (IV в.) 24
- Фёрстер Р., немецкий филолог (1843—1922) 296
- Флавиан см. Никомакс Флавиан Вирий
- Флор, комит Египта 129
- Флор Луций Анней, римский историк (II в.) 35, 36
- Фогт Д., совр. немецкий историк 34, 80
- Фока, византийский император (602—610) 277, 279, 280, 283, 284, 291—294
- Фонтен Ж., французский историк 21
- Фотий, константинопольский патриарх, знаменитый книжник и эрудит (820—891) 86, 90, 91, 143, 144, 247, 293
- Фравитта, гот, служивший при дворе византийских императоров (кон. IV—нач. V в.) 96
- Франк Г., немецкий историк 203
- Франк Р., совр. американский историк 58
- Фукидид, древнегр. историк (ок. 460—395 до н. э.) 140, 189, 196, 202—204, 225, 289, 292, 321, 326
- Хелхал, наместник полководца-гота Аспара 134
- Хосров I Аношарван, шах Ирана (531—579) 157, 168, 179, 185, 196, 202, 231, 234, 245, 254, 255, 264, 266—268
- Хосров II Парвез, шах Ирана (590—628) 277, 289
- Хрисафий, евнух, временщик при Феодосии II 112, 126, 127, 131, 132, 133, 137
- Цанкова-Петкова Г.*, болгарская византистка 298, 299
- Цезарь Гай Юлий, государственный деятель, полководец и писатель древнего Рима (100—44 до н. э.) 50, 305
- Цезарь Галл см. Галл Цезарь
- Цеглин М. Н.*, советский филолог-классик 198
- Цинна Луций Корнелий, глава демократической партии в период гражданских войн при Сулле, убит в 84 г. до н. э. 46
- Цицерон Марк Туллий, писатель, оратор и политический деятель древнего Рима (106—43 до н. э.) 23, 25, 31, 33, 36, 45, 50, 60,
- Шапур I, шах Ирана (241—272) 235
- Шапур II шах Ирана (310—379) 13
- Шеффер И.*, немецкий ученый, первый издатель Стратегикона Псевдо-Маврикия (XVII в.) 298
- Штейн Э.*, немецкий историк (1891—1945) 297
- Эверт-Каннесова Г.*, польская византистка 171
- Эдикон, гунн, военачальник Аттилы 112, 123, 126, 127, 131, 134, 139
- Элиан, греческий военный писатель (I—II вв.) 296
- Энслих В.*, немецкий историк (1885—1965) 8, 57, 299
- Эпикур, древнегр. философ-материалист (341—270 до н. э.) 22, 25, 219, 225
- Эскама, предполагаемая дочь Аттилы 116
- Эфрата, отец историка Менаандра Протиктора 243
- Ювенал Децим Юний (I—II вв.), римский поэт-сатирик 32, 55, 78, 322

- Юлиан Отступник, Флавий Клавдий, римский император (361—363), философ-неоплатоник 7, 10, 11—17, 19, 26, 27, 31, 38—40, 43, 46, 47, 51, 52, 54, 55, 62, 63, 70, 75—77, 79, 83, 85, 86, 87, 93, 95—98, 228
- Юстин I, византийский император (518—527) 148, 173, 176
- Юстин II, византийский император (565—578) 200, 208, 211, 249, 250, 253, 261, 264, 266—269, 282, 284
- Юстиниан I, Флавий Петр Савватий, византийский император (527—565) 145, 147, 148, 152, 154, 156, 158, 160—181, 184—187, 190, 195, 196, 199, 201, 208—213, 215, 238—241, 248—250, 264, 273, 321
- Яков, подвижник 186

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Г л а в а I	
АММИАН МАРЦЕЛЛИН — ПОСЛЕДНИЙ РИМСКИЙ И ПЕРВЫЙ РАННЕ- ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК	7
Жизненный путь писателя и его исторический труд	9
Мировоззрение и философские взгляды	25
Историческая концепция	33
Отношение к христианству. Этические воззрения	37
Социально-политические взгляды и политическая теория	48
Критика римского общества и ее социальные корни	54
Отношение к народным массам и классовой борьбе в империи	63
Оценка Римской империи и варваров	70
«История» Аммиана как литературный памятник	74
Г л а в а II	
ИСТОРИКИ КРУГА АММИАНА—ЕВНАПИЙ, ОЛИМПИОДОР, ЗОСИМ	83
Г л а в а III	
ПРИИСК ПАНИЙСКИЙ	100
Биография и исторический кругозор писателя. Достоверность его труда	100
Известия о гуннах и Атилe	108
Характеристика общественного строя гуннов и Римской империи	118
Социально-политические и религиозно-философские взгляды	129
Сведения о дипломатии Византии и варваров	135
Литературные особенности сочинения Приска	140
Продолжатели Приска Малх Филадельфиец и Кандид Исавр	142
Г л а в а IV	
ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ—КРУПНЕЙШИЙ ИСТОРИК РАННЕЙ ВИЗАНТИИ	145
Прокопий — человек и писатель	146
Апология и разоблачение правления Юстиниана	161
Социально-политические воззрения	173
Философские и религиозные взгляды	180
Отношение к варварским народам	187

Глава V	
АГАФИЙ МИРИНЕЙСКИЙ — ИСТОРИК И ПОЭТ	197
Жизнь и творчество	197
Историческая концепция и социально-политические воззрения	204
Философские и этические взгляды	216
Отношение к христианству	223
Оценка Византии и варваров	228
Художественные особенности «Истории»	231
Агафий и Прокопий (Опыт сравнительной характеристики)	237
Глава VI	
ПРОДОЛЖАТЕЛЬ АГАФИЯ — МЕНАНДР ПРОТИКТОР	24 ³
Жизнь и творчество	243
Мировоззрение	248
Характеристика Византии и варварского мира	261
Глава VII	
ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА	275
Биография писателя и общая оценка его исторического труда	275
Социально-политические воззрения	281
Философско-религиозные взгляды	285
Художественные особенности «Истории»	291
Глава VIII	
СТРАТЕГИКОН ПСЕВДО-МАВРИКИЯ О БОРЬБЕ ДВУХ МИРОВ — РИМСКО- ВИЗАНТИЙСКОГО И ВАРВАРСКОГО	295
Кто был автором Стратегикона Псевдо-Маврикия?	295
Описание общественного строя и военного искусства варварских народов	301
Характеристика византийского военного искусства и образ идеального полководца	309
Политическое кредо и военная доктрина	316
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	319
ВИБЛИОГРАФИЯ	329
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	339
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	340

Зинаида Владимировна Удальцова

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ**

(по данным историков IV—VII вв.)

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории

Академии наук СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский

Художник М. В. Москвина

Художественный редактор Ю. П. Трапиков

Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 2/I 1974 г.

Подписано к печати 28/VI 1974 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 25,4.

Тираж 3300. Т-1221Ф. Тип. зак. № 6.

Цена 1 р. 76 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

4-я типография издательства «Наука».

630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
45	7 сл.	Jahbuch	Jahrbuch
162	20 сл.	от	он
163	13 сл.	Эпире	в Эпире
225	4 сл.	Zaehner	Zaechner
346	23 сл.	Ниндар	Пиндар
350	18 сл.	Прииск	Приск

З. В. Удальцова